

Очерки Гоголевскаго періода

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Сочиненія Николая Васильевича Гоголя. *Четыре тома. Изданіе второе.*
Москва 1855.

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. *Положенія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй (Пять глав).*
Москва 1855.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія замѣчанія.—Н. А. Полевой.

Въ древности, о которой сохраняются нынѣ лишь темныя, неправдоподобныя, но дивныя въ своей невѣроятности воспоминанія, какъ о времени мненческомъ, какъ объ «Астреѣ», по выраженію Гоголя,—въ этой глубокой древности былъ обычай начинать критическія статьи размышленіями о томъ, какъ быстро развивается русская литература. Подумайте (говорили намъ)—еще Жуковскій былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, какъ ужъ явился Пушкинъ; едва Пушкинъ совершилъ половину своего поэтическаго поприща, столь рано пресвѣннаго смертью, какъ явился Гоголь—и каждый изъ этихъ людей, столь быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, вводилъ русскую литературу въ новый періодъ развитія, несравненно высшаго, нежели все, что дано было предъидущимъ

Примѣчаніе издателя къ первому изданію «Очерковъ Гоголевскаго періода» 1892 г.: Издаваемые вышѣ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» печатались въ журналѣ «Современникъ» 1855—1856 гг. и въ свое время обратили на себя большое вниманіе, какъ первый опытъ обстоятельнаго историко-литературнаго объясненія отношеній «Гоголевскаго періода»; они были и первою оцѣнкою дѣятельности Бѣлинскаго: не названный въ первыхъ главахъ, по условіямъ того времени, онъ только въ концѣ книги является съ его собственнымъ именемъ. Въ такой живой, и нынѣ по ясной, формѣ картина литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не была въ другой рѣзъ воспроизведена и до сихъ поръ. Послѣдующіе историки нашей литературы цитировали «Очерки», какъ послѣдованіе, цѣнное и по фактическимъ указаніямъ, и по критической точности; новѣйшія детальныя изысканія о той эпохѣ не уменьшили значенія этого труда и, налагая обыкновенно подробности безъ общаго историческаго освѣщенія, могутъ быть, дѣлаютъ еще болѣе необходимымъ такой цѣльный обзоръ эпохи, какой въ свое время и предпринялъ авторъ «Очерковъ».

периодами. Только двадцать пять лѣтъ раздѣляютъ «Сельское кладбище» отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», «Свѣтлану» отъ «Ревизора»,—и въ этотъ краткій промежутокъ времени, русская литература имѣла три эпохи, русское общество сдѣлало три великіе шага впередъ по пути умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Такъ начинались критическія статьи въ древности.

Эта глубокая, едва памятная нынѣшнему поколѣнію древность была не слишкомъ давно, какъ можно предполагать изъ того, что въ преданіяхъ ея встрѣчаются имена Пушкина и Гоголя. Но—хотя мы отдѣлены отъ нея очень немногими годами,—она рѣшительно ^{устарѣла} для насъ. Въ томъ увѣряютъ насъ положительныя свидѣтельства почти всѣхъ людей, пишущихъ нынѣ о русской литературѣ—какъ очевидную истину, повторяютъ они, что мы уже далеко ушли впередъ отъ критическихъ, эстетическихъ и т. д. принциповъ и мнѣній той эпохи; что принципы ея оказались односторонними и неосновательными, мнѣнія—утрированными, несправедливыми; что мудрость той эпохи оказалась нынѣ суетовіемъ, и что истинные принципы критики, истинно мудрыя воззрѣнія на русскую литературу—о которыхъ не имѣли понятія люди той эпохи—найлены русскою критикою только съ того времени, какъ въ русскихъ журналахъ критическія статьи начали оставаться неразрѣзанными.

Въ справедливости этихъ увѣреній еще можно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что они высказываются рѣшительно безъ всякихъ доказательствъ; но то остается несомнѣннымъ, что въ самомъ дѣлѣ, наше время значительно разнится отъ незамысловатой древности, о которой мы говорили. Попробуйте, наприимѣръ, начать нынѣ критическую статью, какъ начинали ее тогда, соображеніями о быстромъ развитіи нашей литературы—и съ перваго же слова вы сами почувствуете, что дѣло не ладится. Сама собою представится вамъ мысль: правда, что за Жуковскимъ явился Пушкинъ, за Пушкинымъ Гоголь, и что каждый изъ этихъ людей вносилъ новый элементъ въ русскую литературу, расширялъ ея содержаніе, измѣнялъ ея направленіе; но что новаго внесено въ литературу послѣ Гоголя? И отвѣтомъ будетъ: Гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ сильнымъ и плодотворнымъ. Если и можно припоминать нѣсколько сносныхъ, даже два или три прекрасныхъ произведенія, которые не были проникнуты идеею, сродною идеѣ Гоголевыхъ созданій, то, несмотря на свои художественныя достоинства, они остались безъ вліянія на публику, почти безъ значенія въ исторіи литературы. Да, въ нашей литературѣ до сихъ поръ продолжается Гоголевскій періодъ—а вѣдь двадцать лѣтъ прошло со времени появленія «Ревизора», двадцать-пять лѣтъ съ появленія «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»:—прежде, въ такой промежутокъ смѣнялись два-три направленія. Нынѣ—господствуетъ одно и то же, и мы не знаемъ, скоро-ли мы будемъ въ состояніи сказать: «начался для русской литературы новый періодъ».

Изъ этого ясно видимъ, что въ настоящее время нельзя начинать критическихъ статей такъ, какъ начинали ихъ въ глубокой древности,—размышленіями о томъ, что едва мы успѣваемъ прѣзнуть къ имени писателя, дѣлающаго своими сочиненіями новую эпоху въ развитіи нашей литературы, какъ уже является другой, съ произведеніями, которыхъ содержаніе еще глубже,

которых форма еще самостоятельна и совершенна, — въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что настоящее не похоже на прошедшее.

Чему же надобно приписать такое различіе? Почему Гоголевскій періодъ продолжается такое число лѣтъ, какого въ прежнее время было достаточно для смѣны двухъ или трехъ періодовъ? Быть можетъ сфера Гоголевскихъ идей такъ глубока и обширна, что нужно слишкомъ много времени для полной разработки ихъ литературою, для усвѣенія ихъ обществомъ, — условія, отъ которыхъ, конечно, зависятъ дальнѣйшее литературное развитіе, потому что, только поглотивъ и переваривъ предложенную пищу, можно алкать новой, только совершенно обезпечивъ себѣ пользованіе тѣмъ, что уже прибрѣтено, должно искать новыхъ приобрѣтеній, — быть можетъ, наше самосознаніе еще исполнѣ занято разработкою Гоголевскаго содержанія, не предчувствуетъ ничего другаго, не стремится ни къ чему болѣе полному и глубокому? Или пора было бы явиться въ нашей литературѣ новому направленію, но оно не является вслѣдствіе какихъ нибудь постороннихъ обстоятельствъ? Предлагая послѣдній вопросъ, мы тѣмъ самымъ даемъ поводъ думать, что считаемъ справедливымъ отвѣчать на него утвердительно; а говоря: «да, пора было бы начаться новому періоду въ русской литературѣ», мы тѣмъ самымъ ставимъ себѣ два новые вопроса: въ чемъ же должны состоять отличительныя свойства новаго направленія, которое возникнетъ и отчасти, хотя еще слабо, нерѣшительно, уже возникаетъ изъ Гоголевскаго направленія? и какія обстоятельства задерживаютъ быстрое развитіе этого новаго направленія? Послѣдній вопросъ, если хотите, можно рѣшить коротко — хотя бы, напримѣръ, и сожалѣніемъ о томъ, что не является новый гениальный писатель. Но вѣдь опять можно спросить: почему же онъ не является такъ долго? Вѣдь прежде являлись же, да еще какъ быстро одинъ за другимъ — Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ, Гоголь... пять человѣкъ, почти въ одно и то же время — значить не принадлежать же они къ числу явленій, столь рѣдкихъ въ исторіи народовъ, какъ Ньютонъ или Шекспиръ, которыхъ ждетъ человѣчество по нѣсколькимъ столѣтіямъ. Пусть же теперь явился бы человѣкъ, равный хотя одному изъ этихъ пяти, онъ началъ бы своими твореніями новую эпоху въ развитіи нашего самосознанія. Почему же нѣтъ нынѣ такихъ людей? Или они есть, но мы ихъ не замѣчаемъ? Какъ хотите, а этого не слѣдуетъ оставлять безъ рассмотрѣнія. Дѣло очень казусное.

А иной читатель, прочитавъ послѣднія строки, скажетъ, качая головою: «не слишкомъ то мудрые вопросы; и гдѣ-то я читалъ совершенно подобные, да еще и съ отвѣтами, — гдѣ, дайте припомнить; ну, да, я читалъ ихъ у Гоголя, и именно въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ подневныхъ «Записокъ сумасшедшаго»:

Декабря 5. Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испанія. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, а что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наследника. (Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? На престолѣ долженъ быть король. «Да», говорить, «нѣтъ короля» — не можетъ статься, чтобъ не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ гдѣ нибудь скрывается въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія нибудь или фамилыныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи и другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть еяея нибудь другія причины.

Читатель будетъ совершенно правъ. Мы дѣйствительно пришли къ тому же самому положенію, въ какомъ былъ Аксентій Ивановичъ Поприщинъ. Дѣло только въ томъ, чтобы объяснить это положеніе на основанія фактовъ, представляемыхъ Гоголемъ и новѣйшими нашими писателями, и переложить выводы съ діалекта, который говоритъ въ Испаніи, на обыкновенный русскій языкъ.

Критика вообще развивается на основанія фактовъ, представляемыхъ литературою, произведенія которой служатъ необходимыми данными для выводовъ критики. Такъ, вслѣдъ за Пушкинымъ съ его поэмами въ Байроновскомъ духѣ и «Евгеніемъ Онѣгиннымъ», явилась критика «Телеграфа»; когда Гоголь приобрѣлъ господство надъ развитіемъ нашего самосознанія, явилась такъ называемая критика 1840-выхъ годовъ... Такимъ образомъ развитіе новыхъ критическихкихъ убѣжденій каждый разъ было слѣдствіемъ измѣненій въ господствующемъ характерѣ литературы. Понятно, что и наши критическія воззрѣнія не могутъ имѣть притязаній ни на особенную новизну, ни на удовлетворительную законченность. Они выведены изъ произведеній, представляющихъ только нѣкоторые предвѣстия, начатки новаго направленія въ русской литературѣ, но еще не выказывающихъ его въ полномъ развитіи, и не могутъ содержать болѣе того, что дано литературою. Она еще не далеко ушла отъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и наши статьи не могутъ много отличаться по своему существенному содержанію отъ критическихъ статей, явившихся на основаніи «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». По существенному содержанію, говоримъ мы, — достоинства развитія зависятъ исключительно отъ нравственныхъ силъ пишущаго и отъ обстоятельствъ; и если вообще должно сознаться, что наша литература въ послѣднее время измѣлчала, то естественно предполагать, что и наши статьи не могутъ не носить того же характера, по сравненію съ тѣми, что мы читали въ старину. Но какъ бы то ни было, не совершенно же безплодны были эти послѣдніе годы — наша литература приобрѣла нѣсколько новыхъ талантовъ, если и не создавшихъ еще ничего столь великаго, какъ «Евгеній Онѣгинъ» или «Горе отъ ума», «Герой нашего времени» или «Ревизоръ» и «Мертвыя Души», то все же успѣвшихъ уже дать намъ нѣсколько прекрасныхъ произведеній, замѣчательныхъ самостоятельными достоинствами въ художественномъ отношеніи и живымъ содержаніемъ, — произведеній, въ которыхъ нельзя не видѣть залоговъ будущаго развитія. И если въ нашихъ статьяхъ отразится хотя сколько нибудь начало движенія, выразившееся въ этихъ произведеніяхъ, онѣ будутъ не совершенно лишены предчувствія о болѣе полномъ и глубокомъ развитіи русской литературы. Удастся ли намъ это — рѣшатъ читатели. Но мы смѣло и положительно сами присудимъ своимъ статьямъ другое достоинство, очень важное: онѣ порождены глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ тому, что было благороднаго, справедливаго и полезнаго въ русской литературѣ, и критикъ той глубокой древности, о которой говорили мы въ началѣ, древности, которая, впрочемъ, только потому древность, что забыта отсутствіемъ убѣжденій или кичливостью и въ особенности мелочностью чувствъ и понатій, — намъ, кажется, что необходимо обратиться къ изученію высокихъ стремленій, одушевлявшихъ критику прежняго времени; безъ того, пока мы не вспомнимъ ихъ, не проникнемся ими, отъ нашей критики нельзя ожидать никакого вліянія на умствен-

ное движеніе общества, никакой пользы для публики и литературы; и не только не будетъ она приносить никакой пользы, но и не будетъ возбуждать никакого сочувствія, даже никакого интереса, какъ не возбуждаетъ его теперь. А критика должна играть важную роль въ литературѣ, пора ей вспомнить объ этомъ.

Читатели могутъ замѣтить въ нашихъ словахъ отголосокъ безсильной нерѣшительности, овладѣвшей русскою литературою въ послѣдніе годы. Они могутъ сказать: «вы хотите движенія впередъ, и откуда же предлагаете вы почерпнуть силы для этого движенія? Не въ настоящемъ, не въ живомъ, а въ прошедшемъ, въ мертвомъ. Неодобрительны тѣ воззванія къ новой дѣятельности, которыя ставятъ идеалы себѣ въ прошедшемъ, а не въ будущемъ. Только сила отрицанія отъ всего прошедшаго есть сила, создающая нѣчто новое и лучшее». Читатели отчасти будутъ правы. Но и мы не совершенно неправы. Падающему всякая опора хороша, лишь бы подняться на ноги; и что же дѣлать, если наше время не выказываетъ себя способнымъ держаться на ногахъ собственными силами? И что же дѣлать, если этотъ падающій можетъ опереться только на гробы? И надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежатъ въ этихъ гробахъ? Не живые ли люди похоронены въ нихъ? По крайней мѣрѣ, не гораздо ли болѣе жизни въ этихъ покойникахъ, нежели во многихъ людяхъ, называющихся живыми? Вѣдь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремленіемъ къ благотворному дѣйствію на умственную жизнь общества, это слово заключаетъ въ себѣ сѣмена жизни, оно никогда не будетъ мертво. И развѣ много лѣтъ прошло съ того времени, когда эти слова были высказаны? Нѣтъ; и въ нихъ еще столько свѣжести, они еще такъ хорошо приходятся къ потребностямъ настоящего времени, что кажутся сказанными только вчера. Источникъ не иссякаетъ оттого, что, лишившись людей, хранившихъ его въ чистотѣ, мы по небрежности, по легкомыслію, допустили завалить его хламомъ пустословія. Отбросимъ этотъ хламъ,—и мы увидимъ, что въ источникѣ еще живымъ ключемъ бьетъ струя правды, могущая, хотя отчасти, утолить нашу жажду. Или мы не чувствуемъ жажды? Намъ хочется сказать «чувствуемъ»,—но мы боимся, что придется прибавить: «чувствуемъ, только не слишкомъ сильно».

Читатели могли видѣть уже изъ того, что нами сказано, и увидятъ еще яснѣе изъ продолженія нашихъ статей, что мы не считаемъ сочиненія Гоголя безусловно удовлетворяющими всѣмъ современнымъ потребностямъ русской публики, что даже въ «Мертвыхъ Душахъ» ¹⁾ мы находимъ стороны слабыя, или, по

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь только о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», какъ и вездѣ, гдѣ не означено, что рѣчь идетъ о второмъ. Кстати, надобно сказать хотя нѣсколько словъ о второмъ томѣ, пока придетъ намъ очередь разбирать его подробно, при обзорѣ сочиненій Гоголя. Напечатанными нынѣ пять главъ второго тома «Мертвыхъ Душъ» уцѣлѣли только въ черновой рукописи, и безъ сомнѣнія въ окончательной редакціи нѣтъ совершенно не тотъ видъ, въ какомъ теперь мы читаемъ ихъ—извѣстно, что Гоголь работалъ туго, медленно, и только послѣ множества поправокъ и передѣлокъ, успѣвалъ придать истинную форму своимъ произведеніямъ. Это обстоятельство, значительно затрудняющее при рѣшеніи вопроса: «ниже или выше перваго тома «Мертвыхъ Душъ» въ художественномъ отношеніи было бы ихъ продолженіе, окончательно обра-

крайней мѣрѣ, недостаточно развитыя, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей мы видимъ залогъ болѣе полного и удовлетворительнаго развитія идей, которыя Гоголь обнималъ только съ одной стороны, не сознавая вполне ихъ сгѣпленія, ихъ причинъ и слѣдствій. И однако же мы осмѣлимся сказать, что самые безусловные поклонники всего, что написано Гоголемъ, преобладающе до небесъ каждое его произведение, каждую его строку, не сочувствуютъ такъ живо его произведеніямъ, какъ сочувствуемъ мы, не приписываютъ его дѣятельности столь громаднаго значенія въ русской литературѣ, какъ приписываемъ мы. Мы называемъ Гоголя безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей, по значенію. По нашему мнѣнію, онъ имѣлъ полное право сказать слова, безмѣрная гордость которыхъ смутила въ свое время самыхъ жаркихъ его поклонниковъ, и которыхъ неловкость понятна и намъ:

«Русь! Чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очу?»

ботанное авторомъ», не можетъ еще заставить насъ совершенно отказаться отъ сужденія о томъ, потерялъ или сохранилъ Гоголь всю громадность своего таланта въ эпоху новаго настроенія, выражающагося «Перепискою съ друзьями». Но общій приговоръ о всемъ черновомъ эскизѣ, сохранявшемся отъ втораго тома, дѣлается невозможнымъ потому, что этотъ отрывокъ самъ, въ свою очередь, есть собраніе множества отрывковъ, написанныхъ въ различное время, подъ вліяніемъ различныхъ настроеній мысли, и кажется, написанныхъ по различнымъ общимъ планамъ сочиненія, наскоро перечеркнутыхъ безъ пополненія вычеркнутыхъ мѣстъ,—отрывковъ, раздѣленныхъ проблемами, часто болѣе значительными, нежели самые отрывки, наконецъ потому, что многія изъ сохранившихся страницъ были, какъ видно, отброшены самимъ Гоголемъ, какъ неудачныя, и замѣнены другими, написанными совершенно вновь, изъ которыхъ нѣкоторыя—быть можетъ, въ свою очередь также отброшены—дошли до насъ, другія—и вѣроятно большее число—погибли. Все это заставляеть насъ разсматривать каждый отрывокъ порознь, ж произносить сужденіе не о «пяти главахъ Мертвыхъ Душъ», какъ цѣльномъ, хотя и черновомъ эскизѣ, а только о различной степени достоинствъ различныхъ страницъ, не связанныхъ ни единствомъ плана, ни единствомъ настроенія, ни одинаковостью довольства ими въ авторѣ, ни даже единствомъ эпохи ихъ сочиненія. Многіе изъ этихъ отрывковъ рѣшительно такъ же слабы и по исполненію и особенно по мысли, какъ слабѣйшія мѣста «Переписки съ друзьями»; таковы особенно отрывки, въ которыхъ изображаются идеалы самого автора, напимѣръ, дивный воспитель Тентетникова, многія страницы отрывка о Костанжогло, многія страницы отрывка о Муравовѣ; но это еще ничего не доказываетъ. Изображеніе идеаловъ было всегда слабѣйшею стороною въ сочиненіяхъ Гоголя, и вѣроятно не столько по односторонности таланта, которой многіе приписываютъ эту неудачность, сколько именно по силѣ его таланта, состоявшей въ необыкновенно тѣсномъ родствѣ съ дѣйствительностью: когда дѣйствительность представляла идеальныя лица, она превосходно выходила у Гоголя, какъ напимѣръ, въ «Тарасѣ Бульбѣ» или даже въ «Невскомъ Проспектѣ» (лицо художника Пискарева). Если же дѣйствительность не представляла идеальныхъ лицъ, или представляла въ положеніяхъ, недоступныхъ искусству—что оставалось дѣлать Гоголю? Выдумывать ихъ? Другіе, привыкшіе глгть, дѣлають это довольно искусно, но Гоголь никогда не умѣлъ выдумывать, онъ самъ говоритъ это въ своей «Исповѣди», и выдумки у него выходили всегда неудачны. Въ числѣ отрывковъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» много выдуманныхъ, и нельзя не видѣть, что они произошли отъ сознательнаго желанія Гоголя ввести въ свое произведение отрадный элементъ, о недостаткѣ котораго въ его прежнихъ сочиненіяхъ такъ многіе и такъ много и громко кричали, и жужжали ему въ уши. Но мы не знаемъ, суждено ли было бы этимъ отрывкамъ уцѣлѣть въ окончательной редакціи «Мертвыхъ Душъ»—художественный талантъ, котораго такъ много было у Гоголя, вѣрно сказалъ бы ему при просмотрѣ сочиненія, что эти мѣста слабы; и мы не имѣемъ права утверждать, что стремленіе развить отрадный колоритъ по сочиненію пересилило же тогда художническую критику въ авторѣ, который былъ и неутомимымъ къ себѣ и пронительнымъ критикомъ. Во многихъ случаяхъ эта фальшивая идеализація происходитъ, невидимому, чисто отъ произвола автора; но другіе отрывки обязаны происхожденіемъ искреннему, непроизвольному, хотя и несправедливому убѣжденію. Къ числу такихъ мѣстъ относится по преимуществу монолгъ Костанжогло, представляющіе смѣсь правды и фальши, вѣрныхъ замѣчаній и узкихъ фантастическихъ выдунокъ; эта смѣсь удивить своею странною пестротой каждаго, кто не знакомъ

Онъ имѣлъ полное право сказать это, потому что какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что ставится выше ея. Байронъ въ исторіи человѣчества лицо едва ли не болѣе важное, нежели Наполеонъ, а вліяніе Байрона на развитіе человѣчества еще далеко не такъ важно, какъ вліяніе многихъ другихъ писателей, и давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи.

Прежде всего скажемъ, что Гоголя должно считать отцомъ русской прозаической литературы, какъ Пушкина—отцомъ русской поэзіи. Спѣшимъ прибавить, что это мнѣніе не выдуманно нами, а только извлечено изъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ («Телескопъ», 1835 г., часть XXVI) и принадлежащей

коротко съ мнѣніями, которыя часто встрѣчались въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ и принадлежать людямъ, съ которыми Гоголь былъ въ короткихъ отношеніяхъ. Чтобы охарактеризовать эти мнѣнія какимъ нибудь именемъ, мы, держась правила: *nomina sunt officina*, назовемъ только покойнаго Загоскина,—многія страницы второго тома «Мертвыхъ Душъ» кажутся проникнуты его духомъ. Мы не думаемъ, чтобы именно Загоскинъ имѣлъ хотя малѣйшее вліяніе на Гоголя, и даже не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ они были между собою. Но мнѣнія, проникающія насквозь послѣдніе романы Загоскина и имѣющія лучшимъ изъ своихъ многочисленныхъ источниковъ простодушную и недальновидную любовь къ патриархальности, господствовали между многими ближайшими къ Гоголю людьми, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются большимъ умомъ, а другіе начитанностью или даже ученостью, которая могла обольщать Гоголя, справедливо жалующагося, что не получилъ образованія, соответственнаго его таланту, я, можно прибавить, великимъ силамъ его нравственнаго характера. Пхъ-то мнѣнія конечно подчинялся Гоголь, изображая своего Костанжого, или рисуя слѣдствія, происшедшія отъ слабости Тентетникова (стр. 24—26). Подобныя мѣста, встрѣчавшіяся въ «Перепискѣ съ друзьями», болѣе всего содѣйствовали осужденію, которому подвергся за нею Гоголь. Вслѣдствіе мы постараемся разсмотрѣть, до какой степени его слѣдуетъ осуждать за то, что онъ поддался этому вліянію, отъ котораго, съ одной стороны, долженъ былъ предохранять его пронзительный умъ, но противъ котораго, съ другой стороны не имѣлъ онъ достаточно твердой подпоры ни въ прочномъ современномъ образованіи, ни въ предостереженіяхъ со стороны людей, прямо смотрящихъ на вещи—потому что, къ сожалѣнію, судьба или гордость держала Гоголя всегда далеко отъ такихъ людей. Сдѣлавъ эти оговорки, вынужденныя не только глубокимъ уваженіемъ къ великому писателю, но еще болѣе чувствомъ справедливаго снисхожденія къ человѣку, окруженному неблагоприятными для его развитія отношеніями, мы не можемъ, однако же, не сказать прямо, что понятіи, внушившія Гоголю многія страницы второго тома «Мертвыхъ Душъ», не достойны ни его ума, ни его таланта, ни особенно его характера, въ которомъ, несмотря на все противорѣчія, до нинѣшнихъ оставшіяся загадочными, должно признать основу благородную и прекрасную. Мы должны сказать, что на многихъ страницахъ второго тома, въ противорѣчіе съ другими и лучшими страницами, Гоголь является адвокатомъ законности; впрочемъ, мы увѣрены, что онъ принималъ эту законность за что-то доброе, обольщаясь нѣкоторыми сторонами ея, съ односторонней точки зрѣнія могущими представляться въ поэтическомъ или кроткомъ видѣ и закрывать глубокія язвы, которыя такъ хорошо видѣть и добросовѣстно изобличать Гоголь въ другихъ сферахъ, болѣе ему извѣстныхъ, и которыхъ не различилъ въ сферѣ дѣйствій Костанжого, ему не столь хорошо знакомой. Въ самомъ дѣлѣ, второй томъ «Мертвыхъ Душъ» изображаетъ бытъ, котораго Гоголь почти не касался въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ. Прежде у него на первомъ планѣ постоянно были города и ихъ жители, преимущественно чиновники и ихъ отношенія; даже въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ является такъ много помѣщиковъ, они изображаются не въ своихъ деревенскихъ отношеніяхъ, а только какъ люди, входящіе въ составъ такъ называемаго образованнаго общества, или чисто съ психологической стороны. Коснутся ли вскользь сельскихъ отношеній Гоголь вздумалъ только во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», и новосты его на этомъ поприщѣ можетъ до нѣкоторой степени объяснить его заблужденіе. Бытъ можетъ, при ближайшемъ изученіи предмета, многія изъ набросанныхъ имъ картинъ совершенно измѣнили бы свой колоритъ въ окончательной редакціи. Такъ или нѣтъ, по во всякомъ случаѣ мы имѣемъ положительныя основанія утверждать, что каковы бы ни были нѣкоторые эпизоды во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», преобладающій характеръ въ этой книгѣ, когда бы она была окончена, остался бы все-таки тотъ же самый, какимъ отличается и ея первый томъ и все предъидущіе творенія великаго писателя. Въ этомъ речуся намъ первый же строки изданныхъ нинѣшнихъ главъ: «Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?—Что-жъ дѣлать, если уже

автору «Статей о Пушкинѣ». Онъ доказываетъ, что наша повѣсть, начавшаяся очень недавно, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, первымъ истиннымъ представителемъ своихъ имѣла Гоголя. Теперь, послѣ того какъ явились «Ревизоръ» и «Мертвыя Души», надобно прибавить, что точно также Гоголь былъ отцомъ нашего романа (въ прозѣ) и прозаическихъ произведеній въ драматической формѣ, то есть, вообще русской прозы (не надобно забывать, что мы говоримъ исключительно объ изящной литературѣ). Въ самомъ дѣлѣ, истиннымъ началомъ каждой стороны народной жизни надобно считать то время, когда эта сторона раскрывается замѣтнымъ образомъ, съ нѣкоторою энергіею, и прочнымъ образомъ утверждаетъ за собою мѣсто въ жизни,—всѣ предшествующія отрывочныя, исчезающія безъ слѣда, эпизодическія проявленія должны быть считаемы только порывами къ осуществленію себя, но еще не дѣйствительнымъ существованіемъ. Такъ, превосходныя комедіи Фонвизина, не имѣвшія вліянія на развитіе нашей литературы, составляютъ только блестящій эпизодъ, предвѣщающій появленіе русской прозы и русской комедіи. Повѣсти Карамзина

таковы свойства сочинителя, и заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенства вашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?...

Очевидно, что это мѣсто, служащее программой второму тому, написано уже тогда, какъ Гоголь былъ сильно занятъ толками о мнимой односторонности его произведеній; когда онъ, считая эти толки справедливыми, уже объяснилъ свою мнимую односторонность собственными нравственными слабостями,—однимъ словомъ, оно принадлежитъ эпохѣ «Переписки съ друзьями»; и однако же программой художника остается, какъ видимъ, прежняя программа «Ревизора» и перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Да, Гоголь—художникъ оставался всегда вѣренъ своему призванію, какъ бы ни должны мы были судить о перемѣнахъ, происшедшихъ съ нимъ въ другихъ откошеніяхъ. И дѣйствительно, каковы бы ни были его ошибки, когда онъ говоритъ о предметахъ для него новыхъ,—по нельзя не признаться, перечитывая удѣившія главы втораго тома «Мертвыхъ Душъ», что едва онъ переходитъ въ близко знакомую ему сферу отношеній, которыя изображалъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», какъ талантъ его валется въ прежнемъ своемъ благородствѣ, въ прежней своей силѣ и свѣжести. Въ удѣившихъ отрывкахъ есть очень много такихъ страницъ, которыя должны быть причислены къ лучшему, что когда либо давалъ намъ Гоголь, которыя приводятъ въ восторгъ своимъ художественнымъ достоинствомъ, и что еще важнѣе, правдивостью и силою благороднаго негодованія. Не перечисляемъ этихъ отрывковъ, потому что ихъ слишкомъ много; укажемъ только нѣкоторые: разговоръ Чичикова съ Бетрищевымъ о томъ, что всѣ требуютъ себѣ поощреній, даже воры, и алекдотъ, описаніе мудрыхъ учрежденій Кашкарева, судопроизводство надъ Чичиковымъ и геніальные поступки опытнаго юрисконсульта; наконецъ, дивное окончаніе отрывка—рѣчь генералъ-губернатора, ничего подобнаго которой мы не читали еще на русскомъ языкѣ, даже у Гоголя. Эти мѣста человѣка самаго предубѣжденнаго противъ автора «Переписки съ друзьями» убѣдятъ, что писатель, создавшій «Ревизора» и первый томъ «Мертвыхъ Душъ», до конца жизни остался вѣренъ себѣ, какъ художникъ, несмотря на то, что какъ мыслитель могъ заблуждаться;—убѣдятъ, что высокое благородство сердца, страстная любовь къ правдѣ и благу всегда горѣла въ душѣ его, что страстною ненавистью ко всему низкому и злему до конца жизни кипѣлъ онъ. Что же касается чисто юмористической стороны его таланта, каждая страница, даже наименѣе удачная, представляетъ доказательства, что въ этомъ отношеніи Гоголь всегда оставался прежнимъ великимъ Гоголемъ. Изъ большихъ отрывковъ, проникнутыхъ юморомъ, всѣми читателями втораго тома «Мертвыхъ Душъ» были замѣчены удивительные разговоры Чичикова съ Тентетниковымъ, съ генераломъ Бетрищевымъ, превосходно очерченные характеры Бетрищева, Петра Петровича Пѣтуха и его дѣтей, многія страницы изъ разговоровъ Чичикова съ Платоновыми, Костанжогомъ, Кашваревымъ и Хлобуевымъ, превосходные характеры Кашкарева и Хлобуева, прекрасный эпизодъ поѣздки Чичикова къ Лѣницыну и наконецъ множество эпизодовъ изъ послѣдней главы, гдѣ Чичиковъ попадаетъ подъ судъ. Однимъ словомъ, въ этомъ радѣ черновыхъ отрывковъ, которые намъ остались отъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ», есть слабыя, которые безъ сомнѣнія были бы переделаны или уничтожены авторомъ при окончательной отдѣлкѣ романа, но въ большей части отрывковъ, несмотря на ихъ неотдѣланность, великій талантъ Гоголя является съ прежнею своею силою, свѣжестію, съ благородствомъ направленія, врожденнымъ его высокой натурѣ.

имѣютъ значеніе только для исторіи языка, но не для исторіи оригинальной русской литературы, потому что русскаго въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ языка. Притомъ же, и онѣ скоро были подавлены наплывомъ стиховъ. При появленіи Пушкина, русская литература состояла изъ однихъ стиховъ, не знала прозы, и продолжала не знать ея до начала тридцатыхъ годовъ. Тутъ—двумя или тремя годами раньше «Вечеровъ на Хуторѣ», надѣлалъ шума «Юрій Милославскій»,—но надобно только прочесть разборъ этого романа, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», и мы осязательно убѣдимся, что если «Юрій Милославскій» нравился читателямъ, не слишкомъ требовательнымъ относительно художественныхъ достоинствъ, то для развитія литературы онъ и тогда не могъ считаться важнымъ явленіемъ,—и дѣйствительно, Загоскинъ имѣлъ только одного подражателя—себя самого. Романы Лажечникова имѣли болѣе достоинства,—но не столько, чтобъ утвердить право литературнаго гражданства за прозою. Затѣмъ остаются романы Нарѣжнаго, въ которыхъ нѣсколько эпизодовъ, имѣющихъ несомнѣнное достоинство, служатъ только къ тому, чтобы ярче выставить неуклюжесть разсказа и несообразность сюжетовъ съ русскою жизнью. Они, подобно Ягубу Скупалову, болѣе походятъ на лубочныя издѣлія, нежели на произведенія литературы, принадлежащей образованному обществу. Русская повѣсть въ прозѣ имѣла болѣе даровитыхъ дѣятелей,—между прочими Марлинскаго, Полеваго, Павлова. Но характеристику ихъ представляетъ статья, о которой мы говорили выше, и для насъ довольно будетъ сказать, что повѣсти Полеваго признавались самыми лучшими изъ всѣхъ, существовавшихъ до Гоголя,—кто забылъ ихъ и хочетъ составить себѣ понятіе о ихъ отличительныхъ качествахъ, тому советуемъ прочесть превосходную пародію, помѣщенную нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» (если не ошибаемся, 1843 г.)—«Необыкновенный Поединокъ»; а для тѣхъ, кому не случится имѣть ее подъ руками, помѣщая въ выноскѣ характеристику лучшаго изъ беллетристическихъ произведеній Полеваго—«Аббадонны». Если таково было лучшее изъ прозаическихъ произведеній, то можно себѣ вообразить, каково было достоинство всей прозаической отрасли тогдашней литературы ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, повѣсти были

¹⁾ «Г. Полевой хотѣлъ выразить въ своемъ романѣ идею противорѣчія поэзіи съ прозою жизни. Для этого онъ представилъ молодого поэта въ борьбѣ съ сухимъ, эгоистическимъ и прозаическимъ обществомъ. Но... во-первыхъ, его поэтъ, этотъ Рейхенбахъ, есть то, что нѣмцы называютъ «прекрасная душа» (schöne Seele). Слова «прекрасная душа» имѣли у нѣмцевъ то благородное значеніе, которое имѣютъ они до сихъ поръ у насъ. Но теперь она у нѣмцевъ употребляется какъ выраженіе чего то комическаго, смѣшнаго. Такъ точно, еще недавно слова «чувствительность» и «чувствительный» употреблялись у насъ для отличія людей съ чувствомъ в душю отъ людей грубыхъ, животныхъ, лишенныхъ души и чувства: а теперь употребляются для выраженія слабаго, расплывающагося, растѣннаго и приторнаго чувства. Выраженіе «прекрасная душа» получило теперь у нѣмцевъ значеніе чего-то добраго, теплаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, безцѣльнаго, фразерскаго и смѣшнаго. Рейхенбахъ г. Полеваго есть полный представитель такой «прекрасной души»,—и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбахъ есть что-то уродливое, смѣшное, не образъ и не фигура, а какан-то караулька, начерченная на сѣрой и толстой бумагѣ дурно очиненнымъ перомъ. Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго: онъ просто добрый малый,—и весьма недальній малый,—а между тѣмъ, авторъ поставилъ его на весьма высокую ходулю. Люди оскорбляютъ его не истинными своими недостатками, а тѣмъ, что не мечтаютъ, когда надо работать, и не восхищаются вечернею зарею, когда надо ужинаать. Авторъ даже и не намекнулъ на истинныя противорѣчія поэзіи съ прозою жизни, поэта съ толпою.

несравненно лучше романовъ, и если авторъ статьи, о которой мы упоминали, подробно обозрѣвъ всѣ существовавшіе до Гоголя повѣсти, приходитъ къ заключенію, что, собственно говоря, «у насъ еще не было повѣсти» до появленія «Вечеровъ на Хуторѣ» и «Миргорода», то еще несомнѣннѣе, что у насъ не существовало романа. Были только попытки, доказывавшія, что русская литература готовится имѣть романъ и повѣсть, обнаруживавшія въ ней стремленіе къ произведенію романа и повѣсти. Относительно драматическихъ произведеній нельзя сказать и этого: прозаическія пьесы, дававшіяся на театрѣ, были чужды всякихъ литературныхъ качествъ, какъ водевили, передѣлываемые нынѣ съ французскаго.

Такимъ образомъ, проза въ русской литературѣ занимала очень мало мѣста, имѣла очень мало значенія. Она стремилась существовать, но еще не существовала.

Въ строгомъ смыслѣ слова, литературная дѣятельность ограничивалась исключительно стихами. Гоголь былъ отцомъ русской прозы, и не только былъ

«Рейхенбахъ любить Генриетту, простую дѣвушку безъ образованія, безъ эстетическаго чувства, во хорошенькую, добренькую а молоденькую. Кто не былъ мальчикомъ и не влюблялся такимъ образомъ и въ кузину, и въ сосѣдку, и въ подругу по дѣтскимъ играмъ? Но у кого же такаа любовь и продолжалась за ту эпоху, когда воротнички à l'enfant мѣняются на галетухъ? Рейхенбахъ думаетъ объ этомъ иначе в, во чтобы то ни стало, хочеть обожать Генриетту до гробовой доски. Она тоже не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтическаго, невыговариваемаго авторомъ, но повятнаго для читателей. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поаалуяхъ со стороны поэта, и въ «ахъ, что вы это?» со стороны хорошенькой мѣщаночки. Вдругъ, Рейхенбаху предстаетъ Леонора. Это актриса,—femme étonnante нашего времени, жрица искусства и любви. Любовница министра, драхлаго, раавратнаго старичишки, она томится каждою любви глубокой и возвышенной. Въ Рейхенбахѣ находитъ она свой идеалъ. И вотъ, вы думаете, что она перерождается, какъ бандера Гёте,—ничего не бывало! Она только говоритъ о перерожденіи, о возстаніи, о пламени любви своей. Вы думаете, что Рейхенбахъ оставляетъ для этой сильной, пламенной и страстной души, столь обаятельной для юношей,—оставляетъ для нея свою ребяческую любовишку къ добренькой кухарочкѣ—ничего не бывало! Онъ только колеблется между тою и другою, и въ этомъ колебаніи выказывается вся слабость его слабенькой натуры. Наконецъ Генриетта рѣшительно побѣждаетъ, особенно потому, что Леонора впадаетъ въ бѣшенство в неистовствуетъ, какъ пьяная гетера, вмѣсто того, чтобы представлять изъ себя плачущую олегами любви и расклеванин падную перя. И чѣмъ же оканчивается любовь нашего великаго поэта? а вотъ чѣмъ, послушайте: «Генриетта ни на что не хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрилъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ писать стихи. На усиленные просьбы Генриетты не оставлять стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, «что готовъ писать, но—только колыбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Вильгельму важали ротъ маленькою ручкою, красили и не знали куда дѣваться, пока другіе себе-сѣдники смѣялись громко...» О, честное компанство добрыхъ мѣщанъ! О, великій поэтъ, вышедшій изъ маленькаго фантазіи! Видите ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится наконецъ съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфетныхъ страстишкахъ, каргофельныхъ мѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ?.. Это не то, что на человѣческомъ языкѣ называется «любить», а то, что на мѣщанскомъ языкѣ называется «амуриться»...

«Вообще, многое въ романѣ г. Полеваго можетъ быть прочтено не безъ удовольствія, а иное и съ удовольствіемъ, по цѣлое странно: теперь оно развѣ уснуть сладко, и ужъ никого не увлечетъ. Когда, рѣуя смѣшное, авторъ знаетъ, что онъ рисуетъ смѣшное,—картина можетъ быть великимъ созданіемъ; но когда авторъ изображаетъ намъ Донъ-Кихота, думая изображать Александра Македонскаго или Юлія Цезаря,—картина выйдетъ сужальская, любочная литографія съ изображеніемъ райской птицы и наивною надписью:

Райская птица Сирень,
Глясь ся въ пѣніи зѣло слепъ:
Когда Господа воспѣваетъ,
Сама себя позабываетъ...

Позсія, поэтъ, любовь, женщина, жизнь, ихъ взаимныя отношенія,—вес это въ «Аббадоннѣ» похоже на цвѣты, сдѣланные пѣ старыхъ трипокъ...

(Отеч. Зап. 1841 г., томъ XV, библіограф. хроника).

отцомъ ея, но быстро доставлялъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіею, перевѣсъ, сохраняемый ею до сихъ поръ. Онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Ему одному проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами.

«Какъ! не имѣлъ предшественниковъ или помощниковъ? Развѣ можно забывать о прозаическихъ произведеніяхъ Пушкина?»—Нельзя, но во-первыхъ, они далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами: «Капитанская дочка» и «Дубровскийъ»—повѣсти, въ полномъ смыслѣ слова превосходныя; но укажите, въ ченъ отразилось ихъ вліяніе? гдѣ школа писателей, которыхъ было бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? А литературныя произведенія бываютъ обогатѣны значеніемъ не только своему художественному достоинству, но также (или даже еще болѣе) своему вліянію на развитіе общества или, по крайней мѣрѣ, литературы. Но главное—Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаика. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина (если не считать незначительныхъ отрывковъ) были напечатаны «Повѣсти Бѣлкина»—въ 1831 г.; но всѣ согласятся, что эти повѣсти не имѣли большого художественнаго достоинства. Затѣмъ, до 1836 года, была напечатана только «Пиковая дама» (въ 1834 году)—никто не сомнѣвается въ томъ, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ, Гоголемъ были напечатаны «Вечера на хуторѣ» (1831—1832), «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (1833), «Миргородъ» (1835)—то есть, все, что въ послѣдствіи составило двѣ первыя части его Сочиненій; кромѣ того, въ «Арабескахъ» (1835)—«Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго». Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ «Капитанскую дочку»—но въ томъ же году явился «Ревизоръ», и кромѣ того, «Коляска», «Утро дѣловаго человѣка» и «Носъ». Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ «Ревизоръ», были уже извѣстны публикѣ, когда она знала еще только «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку» («Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохина», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» были напечатаны уже въ 1837 г., по смерти Пушкина, а «Дубровскийъ» только въ 1841)—публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ.

Въ общемъ теоретическомъ смыслѣ, мы не думаемъ отдавать предпочтенія прозаической формѣ надъ поэтической, или наоборотъ—у каждой изъ нихъ есть свои несомнѣнные преимущества; но что касается собственно русской литературы, то, смотря на нее съ исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что всѣ предыдущіе періоды, когда преобладала поэтическая форма, далеко уступаютъ въ значеніи и для искусства и для жизни послѣднему, Гоголевскому періоду, періоду господства прозы. Что принесетъ литературѣ будущее, мы не знаемъ; мы не имѣемъ основаній отказывать нашей поэзіи въ великой будущности; но должны сказать, что до настоящаго времени прозаическая форма была и продолжаетъ быть для насъ гораздо плодотворнѣе стихотворной, что Гоголь далъ существованіе этой важнѣйшей для насъ отрасли литературы, и единственно онъ доставлялъ ей тотъ рѣшительный перевѣсъ, который она сохраняетъ до настоящаго времени и по всей вѣроятности сохранить еще надолго.

Нельзя сказать, напротив, того, чтобы Гоголь не имѣлъ предшественниковъ въ томъ направленіи содержанія, которое называютъ сатирическимъ. Оно всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы. Не будемъ дѣлать распространеній на эту общепризнанную истину, не будемъ говорить о Кантемиръ, Сумароковъ, Фонвизинъ и Крыловъ, но должны упомянуть о Грибоѣдовъ. «Горе отъ ума» имѣетъ ^{интересъ} недостатокъ въ художественномъ отношеніи, но остается до сихъ поръ одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ, потому что представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Почти столь же важно было влияніе Пушкина, какъ сатирическаго писателя, какимъ онъ явился преимущественно въ «Онѣгинъ». И однако же, несмотря на высокія достоинства и огромный успѣхъ комедія Грибоѣдова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю ^{заслугу} прочную введеніи въ русскую изящную литературу сатирическаго—или, какъ справедливѣе будетъ называть его, критическаго направленія ¹⁾. Несмотря на вопросъ, возбужденный его комедіею, Грибоѣдовъ не имѣлъ послѣдователей, и «Горе отъ ума» осталось въ нашей литературѣ одинокимъ, отрывочнымъ явленіемъ, какъ прежде комедія Фонвизина и сатиры Кантемира, осталось безъ замѣтнаго вліянія на литературу, какъ басни Крылова ²⁾. Что было тому причиною? Конечно, господство Пушкина и плеяда поэтовъ, его окружавшей. «Горе отъ ума» было произведешемъ, настолько блестящимъ и живымъ, что не могло не возбудить общаго вниманія; но гений Грибоѣдова не былъ такъ великъ, чтобы однимъ произведеніемъ пріобрѣсть съ перваго же раза господство надъ литературою. Что же касается до сатирическаго направленія въ произведеніяхъ самого Пушкина, то оно заключало въ себѣ слишкомъ мало глубины и постоянства, чтобы производить замѣтное дѣйствіе на публику и литературу. Оно почти совершенно пропадало въ общемъ впечатлѣніи чистой художественности, чуждой опредѣленнаго направленія,—такое впечатлѣніе производит не только всѣ другія лучшія произведенія Пушкина—«Каменный гость», «Борисъ Годуновъ», «Русалка» и проч., но и самый «Онѣгинъ»:—у кого есть сильное предрасположеніе къ критическому взгляду на явленія жизни, только на того произведутъ вліяніе бѣглыя и легкія сатирическія замѣтки, попадающіяся въ этомъ романѣ;—читателями,

1) Въ новѣйшей наукѣ, критикою называется не только сужденіе о явленіяхъ одной отрасли народной жизни—искусства, литературы или науки, но вообще сужденіе о явленіяхъ жизни, произносимое на основаніи понятій, до которыхъ достигло человѣчество, и чувствъ, возбуждаемыхъ этими явленіями при сличеніи ихъ съ требованіями разума. Понимая слово «критика» въ этомъ обширнѣйшемъ смыслѣ, говорятъ: «Критическое направленіе въ изящной литературѣ, въ поэзій»—этимъ выраженіемъ обозначается направленіе до нѣкоторой степени сходное съ «аналитическимъ направленіемъ, анализомъ» въ литературѣ, о которомъ такъ много говорили у насъ. Но различіе состоитъ въ томъ, что «аналитическое направленіе» можетъ изучать подробности житейскихъ явленій и воспроизводить ихъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ стремленій, даже безъ всякаго стремленія, безъ мысли и смысла; а «критическое направленіе» при подробномъ изученіи и воспроизведеніи явленій жизни, проникнуто сознаніемъ о соотвѣстствіи или несоотвѣстствіи изученныхъ явленій съ нормою разума и благороднаго чувства. Потому «критическое направленіе» въ литературѣ есть одно изъ частныхъ видовъ анализеній «аналитическаго направленія» вообще. Сатирическое направленіе отличается отъ критическаго, какъ его крайность, не заботящаяся объ объективности картикъ и допускающая утрировку.

2) Мы говоримъ о направленіи литературы, о ея духѣ, стремленіяхъ, а не о развитіи литературнаго языка,—въ послѣднемъ отношеніи, какъ уже тысячу разъ было замѣчаемо въ нашихъ журналахъ, Крыловъ долженъ быть считаемъ однимъ изъ предшественниковъ Пушкина.

не предрасположенными къ нимъ, они не будутъ замѣчены, потому что дѣйствительно составляютъ только второстепенный элементъ въ содержаніи романа.

Такимъ образомъ, не смотря на пролески сатиры въ «Онѣгинѣ» и блестящіе филиппики «Горе отъ ума», критическій элементъ игралъ въ нашей литературѣ до Гоголя второстепенную роль. Да и не только критическаго, но и почти никакого другого опредѣленнаго элемента нельзя было отыскать въ ея содержаніи, если смотрѣть на общее впечатлѣніе, производимое всею массою сочиненій, считавшихся тогда хорошими или превосходными, а не останавливаться на немногихъ исключеніяхъ, которыя, являясь случайными, одиночными, не производили замѣтной перемѣны въ общемъ духѣ литературы. Ничего опредѣленнаго не было въ ея содержаніи,—сказали мы,—потому что въ ней почти вовсе не было содержанія. Перечитывая всѣхъ этихъ поэтовъ—Языкова, Козлова и проч., дивисься тому, что на столь бѣдныя темы, съ такимъ скуднымъ запасомъ чувствъ и мыслей, успѣли они написать столько страницъ,—хотя и страницъ написано ими очень немного—приходишь наконецъ къ тому, что спрашиваешь себя: да о чемъ же они писали? и писали ли они хотя о чемънибудь; или просто ни о чемъ? Многихъ не удовлетворяетъ содержаніе Пушкинской поэзіи,—но у Пушкина было во сто разъ больше содержанія, нежели у его сподвижниковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Форма была у нихъ почти все, подъ формою не найдете у нихъ почти ничего.

Такимъ образомъ за Гоголемъ остается заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое. Прибавимъ, что Гоголю обязана наша литература и самостоятельностью. За періодомъ чистыхъ подражаній и передѣлокъ, какими были почти всѣ произведенія нашей литературы до Пушкина, слѣдуетъ эпоха творчества, нѣсколько болѣе свободнаго. Но произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ или Байрона, или Шекспира, или Вальтера-Скотта. Не говоримъ уже о Байроновскихъ поэмахъ и «Онѣгинѣ», котораго несправедливо называли подражаніемъ «Чайльдъ-Гарольду», но который однако же дѣйствительно не существовалъ бы безъ этого Байроновскаго романа; но точно также «Борисъ Годуновъ» слишкомъ замѣтно подчиняется историческимъ драмамъ Шекспира, «Русалка»—прямо возникла изъ «Короля Лира» и «Сна въ лѣтнюю ночь», «Капитанская дочка»—изъ романовъ Вальтера-Скотта. Не говоримъ уже о другихъ писателяхъ той эпохи,—ихъ зависимость отъ того или другаго изъ европейскихъ поэтовъ слишкомъ ярко бросается въ глаза. То ли теперь?—повѣсти г. Гончарова, г. Григоровича, Л. Н. Т., г. Тургенева, комедіи г. Островскаго также мало наводятъ васъ на мысль о заимствованіи, также мало напоминаютъ вамъ что либо чужое, какъ романъ Диккенса, Теккерея, Жоржа-Санда. Мы не дунаемъ дѣлать сравненія между этими писателями по таланту или значенію въ литературѣ; но дѣло въ томъ, что г. Гончаровъ представляется вамъ только г. Гончаровымъ, только самимъ собою, г. Григоровичъ также, каждый другой даровитый нашъ писатель также,—ни чья литературная личность не представляется вамъ двойникомъ какогонибудь другаго писателя, ни у кого изъ нихъ не выглядывалъ изъ-за плечъ другой человѣкъ, подсказывающій ему—ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать «Сѣверный Диккенсъ», или «Русскій Жоржъ-Сандъ», или «Теккерей

сѣверной Пальмиры». Только Гоголю мы обязаны этою самостоятельностью, только его творенія своею высокою самобытностью подняли нашихъ даровитыхъ писателей на ту высоту, гдѣ начинается самобытность.

Впрочемъ, какъ ни много почетнаго и блестящаго въ титулѣ «основатель плодотворнѣйшаго направленія и самостоятельности въ литературѣ»—но этими словами еще не опредѣляется вся великость значенія Гоголя для нашего общества и литературы. Онъ пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ—вотъ его истинная заслуга, важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ. Разсмотрѣніе значенія Гоголя въ этомъ отношеніи должно быть главнымъ предметомъ нашихъ статей,—дѣло очень важное, которое, быть можетъ, признали бы мы превосходящимъ наши силы, если бы большая часть этой задачи не была уже исполнена, такъ что намъ, при разборѣ сочиненій самого Гоголя, остается почти только приводить въ систему и развивать мысли, уже высказанныя критикою, о которой мы говорили въ началѣ статьи;—дополненій, собственно намъ принадлежащихъ, будетъ немного, потому что, хотя мысли, нами развиваемыя, были высказываемы отрывочно, по различнымъ поводамъ, однако же если свести ихъ вмѣстѣ, то немного останется пробѣловъ, которые нужно дооправить, чтобы получить всестороннюю характеристику произведеній Гоголя. Но чрезвычайное значеніе Гоголя для русской литературы еще не совершенно опредѣляется оцѣнкою его собственныхъ твореній: Гоголь важенъ не только, какъ гениальный писатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ глава школы—единственной школы, которою можетъ гордиться русская литература,—потому что ни Грибоедовъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Кольцовъ не имѣли учениковъ, которыхъ имена были бы важны для исторіи русской литературы. Мы должны убѣдиться, что вся наша литература, на сколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю, и только тогда представится намъ въ полномъ размѣрѣ все его значеніе для русской литературы. Сдѣлавъ этотъ обзоръ всего содержанія нашей литературы въ ея настоящемъ развитіи, мы будемъ въ состояніи опредѣлить, что она уже сдѣлала и чего мы должны еще ожидать отъ нея,—какіе залоговѣ будущаго представляетъ она, и чего еще не достаетъ ей,—дѣло интересное, потому что состояніемъ литературы опредѣляется состояніе общества, отъ котораго всегда она зависитъ.

Какъ ни справедливы мысли о значеніи Гоголя, высказанныя здѣсь,—мы можемъ, нисколько не стѣняясь опасеніями самохвальства, называть ихъ совершенно справедливыми, потому что онѣ высказаны въ первый разъ не нами, и мы только усвоили ихъ, слѣдовательно самолюбіе наше не можетъ ими гордиться, оно остается совершенно въ сторонѣ,—какъ ни очевидна справедливость этихъ мыслей, но найдутся люди, которымъ покажется, что мы слишкомъ высоко ставимъ Гоголя. Это потому, что до сихъ поръ еще остается много людей, возстающихъ противъ Гоголя. Литературная судьба его въ этомъ отношеніи совершенно различна отъ судьбы Пушкина. Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, неоспоримо великимъ писателемъ; имя его—священный авторитетъ для каждаго русскаго читателя и даже нечитателя, какъ, напримѣръ, Вальтеръ Скоттъ авторитетъ для каждаго англичанина, Ламартинъ и Шатобрианъ для

француза, или, чтобы перейти въ болѣе высокую область, Гете для нѣмца. Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему, пониманіе его достоинствъ не обусловливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума. Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій. Въ отношеніи къ такимъ писателямъ, какъ напримѣръ, къ Жоржу Санду, Беранже, даже Диккенсу и отчасти Теккерю, публика раздѣляется на двѣ половины: одна, не сочувствующая ихъ стремленіямъ, негодуетъ на нихъ; но та, которая сочувствуетъ, до преданности любитъ ихъ, какъ представителей ея собственной нравственной жизни, какъ адвокатовъ ея собственныхъ горячихъ желаній и задушевнѣйшихъ мыслей. Отъ Гете никому не было ни тепло, ни холодно; онъ равно привѣтливъ и утонченно деликатенъ къ каждому—къ Гете можетъ являться каждый, каковы бы ни были его права на нравственное уваженіе—уступчивый, мягкій и въ сущности довольно равнодушный ко всему и ко всѣмъ, хозяинъ никого не оскорбитъ не только явною суровостью, даже ни однимъ щекотливымъ намекомъ. Но если рѣчи Диккенса или Жоржа Санда служить утѣшеніемъ или подкрѣпленіемъ для однихъ, то уши другихъ находятъ въ нихъ много жесткаго и въ высшей степени непріятнаго для себя. Эти люди живутъ только для друзей; они не держатъ открытаго стола для каждого встрѣчнаго и поперечнаго; иной, если сядетъ за ихъ столъ, будетъ давиться каждымъ кускомъ и смущаться отъ каждого слова; и убѣжавъ изъ этой тяжелой бесѣды, вѣчно будетъ онъ «поминать лихомъ» суроваго хозяина. Но если у нихъ есть враги, то есть и многочисленные друзья; и никогда «незловивый поэтъ» не можетъ имѣть такихъ страстныхъ почитателей, какъ тотъ, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «враждебнымъ словомъ отрицающа» противъ всего гнуснаго «проповѣдуетъ любовь» къ добру и правдѣ. Кто гладитъ по шерсти всѣхъ и все, тотъ, кромѣ себя, не любитъ никого и ничего; кѣмъ довольны всѣ, тотъ не дѣлаетъ ничего добраго, потому что добро невозможно безъ оскорбленія зла. Кого никто не ненавидитъ, тому никто ничѣмъ не обязанъ.

Гоголю многимъ обязаны тѣ, которые нуждаются въ защитѣ; онъ сталъ во главѣ тѣхъ, которые отрицаютъ злое и пошлое. Потому онъ имѣлъ славу возбудить во многихъ вражду къ себѣ. И только тогда будутъ всѣ единогласны въ похвалахъ ему, когда исчезнетъ все пошлое и низкое, противъ чего онъ боролся!

Мы сказали, что наши слова о значеніи произведеній самого Гоголя будутъ только въ немногихъ случаяхъ дополненіемъ, а по большей части только сводомъ и развитіемъ возрѣній, выраженныхъ критикою Гоголевскаго періода литературы, центромъ которой были «Отечественныя Записки», главнымъ дѣятелемъ тотъ критикъ, которому принадлежатъ «Статьи о Пушкинѣ». Такимъ образомъ, эта половина нашихъ статей будетъ имѣть по преимуществу историческій характеръ. Но исторію надобно начинать съ начала,—и прежде, нежели будемъ мы излагать мнѣнія, которыя принимаемъ, должны мы представить очеркъ

миѣній, высказанныхъ относительно Гоголя представителями прежнихъ литературныхъ партій. Это тѣмъ болѣе необходимо, что критика Гоголевскаго періода развивала свое вліяніе на публику и литературу въ постоянной борьбѣ съ этими партіями, что отголоски сужденій о Гоголѣ, высказанныхъ этими партіями, слышатся еще до сихъ поръ,—и наконецъ потому, что этими сужденіями отчасти объясняются «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»—этого столь замѣчательнаго, и повидимому, страннаго факта въ дѣятельности Гоголя. Мы должны будемъ касаться этихъ сужденій, и нужно знать ихъ происхожденіе, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить степень ихъ добросовѣстности и справедливости. Но, чтобы не слишкомъ растянуть нашъ обзоръ отношеній къ Гоголю людей, литературныя миѣнія которыхъ неудовлетворительны, мы ограничимся изложешемъ сужденій только трехъ журналовъ, бывшихъ представителями важнѣйшихъ изъ второстепенныхъ направленій въ литературѣ.

Сильнѣйшимъ и достойнѣйшимъ уваженія изъ людей, возстававшихъ противъ Гоголя, былъ Н. А. Полевой. Всѣ другіе, когда не повторяли его слова, нападая на Гоголя, выказывали въ себѣ только отсутствіе вкуса, и потому не заслуживаютъ большаго вниманія. Напротивъ того, если нападенія Полеваго и были рѣзки, если иногда переходили даже границы литературной критики и принимали, какъ тогда выражались, «юридическій характеръ»,—то всегда въ нихъ видѣнъ умъ, и, какъ намъ кажется, Н. А. Полевой, не будучи правъ, былъ однако же добросовѣстенъ, возставая противъ Гоголя не по низкиѣмъ расчетамъ, не по внушеніямъ самолюбія или личной вражды, какъ многіе другіе, а по искреннему убѣжденію.

Послѣдніе годы дѣятельности Н. А. Полеваго нуждаются въ оправданіи. Ему не суждено было счастье сойти въ могилу чистымъ отъ всякаго упрека, отъ всякихъ подозрѣній,—но многимъ ли изъ людей, долго принимавшихъ участіе въ умственныхъ или другихъ преніяхъ, достается на долю это счастье? Самъ Гоголь также нуждается въ оправданіяхъ, и намъ кажется, что Полевой можетъ быть оправданъ гораздо легче, нежели онъ.

Важнѣйшіиѣ пятномъ на памяти Н. А. Полеваго лежитъ то, что онъ, сначала столь бодро выступившій однимъ изъ предводителей въ литературной и умственномъ движеніи,—онъ, знаменитый редакторъ «Московского Телеграфа», столь сильно дѣйствовавшаго въ пользу просвѣщенія, разрушившаго столько литературныхъ и другихъ предубѣжденій, подъ конецъ жизни сталъ ратовать противъ всего, что было тогда здороваго и плодотворнаго въ русской литературѣ, занялъ съ своимъ «Русскимъ Вѣстникомъ» то самое положеніе въ литературѣ, которое нѣкогда занималъ «Вѣстникъ Европы», сдѣлался защитникомъ неподвижности, закоснѣлости, которую столь сильно поражалъ въ лучшую эпоху своей дѣятельности. Умственная жизнь у насъ началась еще такъ недавно, мы пережили еще такъ мало фазисовъ развитія, что подобныя перемѣны въ положеніи людей кажутся намъ загадочными; между тѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего страннаго,—напротивъ, очень естественно, что человѣкъ, сначала стоявшій во главѣ движенія, дѣлается отсталымъ и начинаетъ возставать противъ движенія, когда оно неудержимо продолжается далѣе границъ, которыя онъ предвидѣлъ, далѣе пѣли, къ которой онъ стремился. Не будемъ приводить примѣровъ изъ всеобщей исторіи, хотя они скорѣе всего могли бы пояснить дѣло.

И въ исторіи умственнаго движенія недавно былъ великій, поучительный примѣръ подобной слабости человѣка, отстающаго отъ движенія, главою котораго онъ былъ—этотъ прискорбный примѣръ мы видѣли на Шеллингѣ, котораго пня въ послѣднее время было въ Германіи символомъ обскурантизма, между тѣмъ какъ нѣкогда онъ придалъ могущественное движеніе философіи; но Гегель повелъ философію далѣе границъ, которыхъ не могла переступить система Шеллинга,—и предшественникъ, другъ, учитель и товарищ Гегеля сталъ его врагомъ. И если бы самъ Гегель прожилъ нѣсколько лѣтъ долѣе, онъ сдѣлался бы противникомъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ своихъ учениковъ,—и, быть можетъ, его имя сдѣлалось бы также символомъ обскурантизма.

Мы не безъ намѣренія упомянули о Шеллингѣ и Гегелѣ, потому что для объясненія перемѣны въ положеніи Н. А. Полеваго, надобно припомнить его отношеніе къ разнымъ системамъ философіи. Н. А. Полевой былъ послѣдователемъ Кузена, котораго считалъ разрѣшителемъ всѣхъ премудростей и вѣщайшимъ философомъ въ мірѣ. На самомъ же дѣлѣ, философіи Кузена была составлена изъ довольно произвольнаго смѣшенія научныхъ понятій, заимствованныхъ отчасти у Канта, еще болѣе у Шеллинга, отчасти у другихъ нѣмецкихъ философовъ, съ нѣкоторыми обрывками изъ Декарта, изъ Локка и другихъ мыслителей,—и весь этотъ разнородный наборъ былъ въ добавокъ передѣланъ и приглаженъ такъ, чтобы не смущать никакою смѣлою мыслью предразсудковъ французской публики. Эта каша, называвшаяся «эклетиическою философіею», не могла имѣть большаго научнаго достоинства, но она была хороша тѣмъ, что легко переваривалась людьми, еще не готовыми къ принятію строгихъ и рѣзкихъ системъ нѣмецкой философіи, и во всякомъ случаѣ была полезна, какъ приготовленіе къ переходу отъ прежней закоснѣлости и иезуитскаго обскурантизма къ болѣе здоровымъ воззрѣніямъ. Въ этомъ смыслѣ полезна была она и въ «Московскомъ Телеграфѣ». Но само собою разумѣется, что послѣдователь Кузена не могъ примириться съ Гегелевскою философіею, и когда Гегелевская философія проникла въ русскую литературу,—ученики Кузена оказались отсталыми людьми,—и ничего нравственно преступнаго съ ихъ стороны не было въ томъ, что они защищали свои убѣжденія и называли нелѣпнымъ то, что говорили люди, опередившіе ихъ въ умственномъ движеніи: нельзя обвинять человѣка за то, что другіе, одаренные болѣе свѣжими силами и большею рѣшительностью, опередили его,—они правы, потому что ближе къ истинѣ, но и онъ не виноватъ, онъ только ошибается.

Новая критика опиралась на идеяхъ, принадлежащихъ строгой и возвышенной системѣ Гегелевой философіи,—вотъ первая и едва ли не важнѣйшая причина того, что Н. А. Полевой не понималъ этой новой критики, и не могъ не возстать противъ нея, какъ человѣкъ, одаренный живымъ и горячимъ характеромъ. Что это несогласіе въ философскихъ воззрѣніяхъ было существеннымъ основаніемъ борьбы, видимъ изъ всего, что было писано и Н. А. Полевымъ и его молодымъ противникомъ,—мы могли бы привести сотни примѣровъ, но довольно будетъ и одного. Начиная свои критическія статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Н. А. Полевой предпосылаетъ имъ *profession de foi*, въ которомъ излагаетъ свои принципы и показываетъ, чѣмъ будетъ отличаться «Русскій

чѣмъ средніе вѣка отличались отъ новаго времени,—всему, что было въ нихъ туманнаго, противорѣчащаго ясному взгляду новой цивилизаціи,—поклоненіемъ во всемъ предразсудкамъ и нелѣпостямъ среднихъ вѣковъ. Этотъ романтизмъ представляетъ очень много сходства съ мифами, которыми одушевлены у насъ люди, видящіе идеалъ русскаго челоука въ Любимѣ Торцовѣ. Еще страннѣе сдѣлался романтизмъ, перешедши во Францію. Въ Германіи дѣло шло преимущественно о направленіи, духѣ литературы: нѣмцамъ было ненужно много хлопотать о ниспроверженіи условныхъ псевдоклассическихкихъ формъ, потому что Лессингъ уже давно показалъ ихъ нелѣпость, а Гёте и Шиллеръ представили образцы художественныхъ произведеній, въ которыхъ идея не втискивается насильно въ условную, чуждую ей форму, а сама изъ себя рождаетъ форму, ей свойственную. У французовъ этого еще не было,—ниъ еще нужно было освободиться отъ эпическихкихъ поэмъ съ воззваніями въ Музы, трагедій съ тремя единствами, торжественныхъ одъ, избавиться отъ холодности, чопорности, условной и отчасти пошлой гладкости въ слогѣ, однообразномъ и вяломъ,—однимъ словомъ, романтизмъ засталъ у нихъ почти то самое, что было у насъ до Жуковскаго и Пушкина. Потому борьба-обратилась преимущественно на вопросы о свободѣ формы; на самое содержаніе смотрѣли французскіе романтики съ формалистической точки зрѣнія, стараясь сдѣлать все наперекоръ прежнему: у псевдоклассиковъ лица раздѣлялись на героевъ и злодѣевъ,—противники ихъ рѣшили, что злодѣи не злодѣи, а истинные герои; страсти изображались у классиковъ съ жеманной, холодной сдержанностью,—романтическіе герои начали неистовствовать и руками, и особенно языкомъ, безпощадно кричать всякую гиль и чепуху; классики хлопотали о щеголеватости,—противники ихъ провозгласили, что всякая благовидность есть пошлость, а дикость, безобразіе—истинная художественность и т. д.; однимъ словомъ, романтики имѣли цѣлью не природу и челоука, а противорѣчіе классикамъ; планъ произведенія, характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ, и самый языкъ создавались у нихъ не по свободному вдохновенію, а сочинялись, придумывались по расчету, и по какому же мелочному расчету?—только для того, чтобы все это вышло рѣшительно противъ того, какъ было у классиковъ. Потому-то у нихъ все выходило такъ же искусственно и натянуто, какъ и у классиковъ, только искусственность и, натянутость эта была другаго рода: у классиковъ приглаженная и прилизанная, у романтиковъ—преднабренно растрепанная. Здравый смыслъ былъ идиоломъ классиковъ, незнавшихъ о существованіи фантазіи; романтики сдѣлались врагами здраваго смысла, и искусственно раздражали фантазію до болѣзненнаго напряженія. Послѣ этого очевидно, насколько у нихъ могло быть простоты, естественности, пониманія дѣйствительной жизни и художественности,—ровно никакихъ слѣдовъ. Таковы были произведенія Виктора Гюго, предводителя романтиковъ. Таковы же были у насъ произведенія Марлинскаго и Полеваго, для которыхъ, особенно для Полеваго, Викторъ Гюго былъ идеаломъ поэта и романиста. Кто давно не перечитывалъ ихъ повѣстей и романовъ и не имѣетъ охоты пересмотрѣть ихъ, тотъ можетъ составить себѣ достаточное понятіе о характерѣ романтическихкихъ созданій, пробѣжавъ разборъ «Аббадонны», приведенный нами выше. Откуда взялъ авторъ своего Рейхенбаха? развѣ одинъ изъ характеристическихкихъ типовъ нашего тогдашняго общества составляли пылкіе,

великіе поэты съ глубоко-страстными натурами?—вовсе нѣтъ, о такихъ людяхъ не было у насъ и слуху. Рейхенбахъ просто придуманъ авторомъ; и развѣ основная тема романа—борьба пламенной любви къ двумъ женщинамъ, дана нравами нашего общества? развѣ мы походимъ на итальянцевъ, какими они представляются въ кровавыхъ мелодрамахъ? нѣтъ, на Руси съ самаго призванія варяговъ до 1835 года вѣроятно не было ни одного случая, подобнаго тому, какой сочинялся съ Рейхенбахомъ; и что для насъ интереснаго, что для насъ важнаго въ изображеніи столкновеній, рѣшительно чуждыхъ нашей жизни?—Эти вопросы о близкомъ соотношеніи поэтическихъ созданій къ жизни общества не приходили и въ голову романтическимъ сочинителямъ,—они хлопотали только о томъ, чтобы изображать бурныя страсти и раздирательныя положенія неистово фразистымъ языкомъ.

Мы вовсе не въ укоръ романтизму припоминаемъ его характеристику, а только для вывода соображеній о томъ, могъ ли человекъ, пропитавшійся насъ сквозь подобными понятіями объ искусствѣ, понимать истинную художественность, могъ ли онъ восхищаться простотою, естественностью, вѣрнымъ ^{сладкимъ} изображеніемъ дѣйствительности. Мы не хотимъ смѣяться надъ романтиками,—напротивъ, помянемъ ихъ добрымъ словомъ: они у насъ были въ свое время очень полезны: они возстали противъ закоснѣлости, неподвижной заплесневѣлости; еслибъ имъ удалось повести литературу по дорогѣ, которая имъ нравилась, это было бы дурно, потому что дорога вела къ вертепамъ фантастическихъ злодѣевъ съ картонными книжами, жилищамъ фразеровъ, которые тщеславились выдуманными преступленіями и страстями; но это не случилось,—романтики успѣли только вывести литературу изъ неподвижнаго и прѣснаго болота, и она пошла своей дорогой, не слушаясь ихъ возгласовъ; слѣдовательно вреда ей они не успѣли сдѣлать, а пользу сдѣлали,—за что же бранить ихъ, и какъ же не помянуть добрымъ словомъ ихъ услуги?

Намъ нужно знать ихъ понятія не для того, чтобы смѣяться надъ ними,—это бесполезно, посмѣемся лучше надъ тѣмъ, что въ насъ остается еще нелѣпаго и дикаго,—а для того, чтобы понять искренность и добросовѣстность ихъ борьбы противъ тѣхъ, которые явились послѣ нихъ, которые были лучше ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли поклонникъ Виктора Гюго, авторъ «Аббадонны», понимать эстетическую теорію, которая, главными условіями художественнаго созданія ставила простоту и одушевленіе ^{и притомъ} вопросами дѣйствительной жизни? Нѣтъ, и его нельзя обвинять за то, что онъ не понималъ того, чего не понималъ; должно только сказать, что были правы его противники, защищавшіе ученіе болѣе высокое и справедливое, нежели понятія, которыхъ онъ держался.

Мы не думаемъ принимать сторону Н. А. Полеваго, какъ противника критики и литературы Гоголевскаго періода; напротивъ, онъ былъ совершенно неправъ, его противникъ совершенно правъ,—мы утверждаемъ только, что основнымъ побужденіемъ къ борьбѣ и у Н. А. Полеваго, какъ у его противника, было неподдѣльное, непритворное убѣжденіе.

Ворьба была жестока, и, естественнымъ образомъ, влекла за собою безчисленныя оскорбленія самолюбію партизановъ той или другой стороны,—въ особенности стороны отсталой и слабѣйшей, потому что побѣдитель можетъ

прощать обиды ослабѣвающему противнику, но самолюбіе побѣждаемаго бываетъ раздражительно и непримиримо. Потому очень можетъ быть, что желчность различныхъ выходокъ Н. А. Полеваго усиливалась горькимъ чувствомъ сознанія въ томъ, что другіе заняли мѣсто впереди его, лишили его (и его убѣжденія, потому что онъ дорожилъ своими убѣжденіями) первенства, господства въ критикѣ, что литература перестала признавать его своимъ верховнымъ судьей, сознанія, что онъ не побѣждаетъ, какъ прежде, а побѣжденъ,—и болѣзненными криками глубоко уязвляемаго самолюбія; но все это было только второстепеннымъ элементомъ, развившимся въ теченіе борьбы,—а истинными, главными причинами борьбы были убѣжденія, безкорыстныя и чуждыя низкихъ расчетовъ или мелочнаго тщеславія. Въ свое время, нельзя было не опровергать ошибочныхъ сужденій писателя, имѣвшаго столь сильный авторитетъ; но изъ-за ошибочнаго направленія его дѣятельности нельзя было забывать ни того, что въ сущности онъ всегда оставался человѣкомъ, достойнымъ уваженія по характеру, ни, въ особенности, того, что въ прежнее время онъ оказалъ много услугъ русской литературѣ и просвѣщенію. Это было съ обыкновенною прямою всегда признаваемо его противникомъ и съ жаромъ высказано въ брошюрѣ «Николай Алексѣевичъ Полевой».

Жестокія нападенія на Гоголя принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ ошибокъ Н. А. Полеваго; они были одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія, которое питала къ Полевому публика и лучшие писатели прошедшаго десятилѣтія. Но должно ^{попробовать} долько, ^{сравнить} сообразить, что онъ никогда не могъ выйти изъ круга понятій, разработанныхъ французскими романтиками, распространенныхъ у насъ его первымъ журналомъ, «Московскимъ Телеграфомъ», практически осуществившихся въ его повѣстяхъ и «Аббадоннѣ»,—и мы убѣдимся, что Полевой не могъ понимать Гоголя, не могъ понимать лучшей стороны его произведеній, важнѣйшаго ихъ значенія для литературы. Не могъ понимать—и слѣдовательно ему долженъ былъ казаться несправедливымъ восторгъ, возбужденный въ позднѣйшей критикѣ этими произведеніями; какъ человѣкъ, привыкшій горячо защищать свои мнѣнія, онъ не могъ не подать громкаго голоса въ дѣлѣ, котораго важность была столь сильно указываема и противникомъ Полеваго и жаркими толками въ публикѣ. Что это мнѣніе, основанное на эклектической философіи и романтической эстетикѣ, было въ высшей степени неблагоприятно Гоголю, нисколько не удивительно,—напротивъ, иначе и быть не могло. Въ самомъ дѣлѣ, эклектическая философія всегда останавливалась на серединѣ пути, старалась занять «золотую середину», говоря «нѣтъ», прибавлять и «да», признавая принципъ, не допускать его приложеній, отвергая принципъ, допускать его приложенія. «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» были рѣшительно противоположно этому правилу портить впечатлѣніе цѣлаго примѣсью ненужныхъ и несправедливыхъ оговорокъ—они, какъ произведенія художественныя, оставляютъ эффектъ цѣльный, полный, опредѣленный, неослабляемый посторонними и произвольными придѣлками, чуждыми основной идеѣ,—и потому для послѣдователя эклектической философіи они должны были казаться односторонними, утрированными, несправедливыми по содержанію. По формѣ они были совершенною противоположною любимымъ стремленіямъ французскихъ романиковъ и ихъ русскаго послѣдователя: «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» не

имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, за которыя Н. А. Полевой признавалъ великимъ созданиемъ искусства «Notre Dame de Paris» Виктора Гюго, и которыя старался онъ придать своимъ собственнымъ произведеніямъ: тамъ хитрая завязка, которую можно придумать только при высочайшей раздраженности фантазіи, характеры придуманные, небывалые въ свѣтѣ, положенія исключительныя, неправдоподобныя, и восторженный, горячечный тонъ; тутъ—завязка обиходный случай, извѣстный каждому, характеры—обыденные, встрѣчающіеся на каждомъ шагу, тонъ—также, обыденный. Это вяло, пошло, вульгарно, по понятіямъ людей, восхищающихся «Notre Dame de Paris». Н. А. Полевой поступалъ совершенно послѣдовательно, осуждая Гоголя и какъ мыслитель, и какъ эстетикъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тонъ осужденія былъ бы не такъ рѣзокъ, если бы другіе не хвалили такъ Гоголя, и еслибъ эти другіе не были противниками Н. А. Полеваго,—но сущность сужденія осталась бы та же; она зависѣла отъ философскихъ и эстетическихъ сужденій критика, а не отъ личныхъ его отношеній. И нельзя ставить ему въ вину рѣзости этого тона: когда хвалители говорить громко, и необходимо и справедливо, чтобы люди, несогласные съ ихъ мнѣніемъ, высказывали свои убѣжденія столь же громко,—на чьей бы сторонѣ ни была правда, она выиграетъ отъ того, что преніе ведется во всеуслышаніе: современники яснѣе будутъ понимать сущность вопроса, да и приверженцы праваго дѣла ревностнѣе будутъ защищать его, когда поставлены въ необходимость вести борьбу съ противниками, оспаривающими каждый шагъ смѣло и по возможности сильно. И когда

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,

исторія скажетъ, что если побѣдители были правы и честны, то и нѣкоторые изъ побѣжденныхъ были честны; она признаетъ даже за этими честными побѣжденными ту заслугу, что ихъ упорное сопротивленіе дало возможность вполне высказаться силѣ и правотѣ дѣла, противъ котораго они боролись. И если исторія будетъ считать достойнымъ памяти время, въ которое жили мы и наши отцы, она скажетъ, что Н. А. Полевой былъ честенъ въ дѣлѣ о Гоголѣ. Взглянемъ же ближе на его мнѣнія объ этомъ писателѣ.

Нѣкоторые люди, съ глазами болѣе свѣжими и проницательными, увидѣли въ «Вечерахъ на хуторѣ», «Миргородѣ» и повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ», начало новаго періода для русской литературы, въ авторѣ «Тараса Бульбы» и «Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»—преемника Пушкину. Авторъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», напечатанной въ 1835 г., когда еще не былъ извѣстенъ «Ревизоръ», заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами, которыя могли бы служить однимъ изъ блестящихъ доказательствъ его критической проницательности, еслибъ доказательства ея нужны были людямъ, хотя сколько нибудь слѣдившимъ за русскою литературою:

«Изъ современныхъ писателей никого не можно назвать поэтомъ, съ большей увѣренностью и нисколько незадумываясь, какъ г. Гоголя... Отличный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ: простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побуждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: г. Гоголь оозѣть.

поэтъ жизни дѣйствительной. Г. Гоголь ещо только началъ свое поприще; слѣдовательно ваше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о вадеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ.

Другіе тогдашніе критики не воображали этого. «Вечера на хуторѣ» понравились всѣмъ веселостью разсказа; въ авторѣ замѣтили даже нѣкоторую способность довольно живо изображать лица и сцены изъ простонароднаго малороссійскаго быта; болѣе въ нихъ ничего не замѣтили, и были правы. Но неправы были старыя критики въ томъ, что на Гоголя они до конца его дѣятельности смотрѣли, какъ на автора «Вечеровъ на хуторѣ», мѣряя всѣ слѣдующія его произведенія аршиномъ, который годенъ былъ только для этихъ первыхъ опытовъ, не понимая въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ» ничего такого, чего еще не было въ «Вечерахъ на хуторѣ», и видя признаки паденія таланта во всемъ, что въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Гоголя не было похоже на «Вечера».

Такъ было и съ Н. А. Полевымъ. Только первыя и слабѣйшія произведенія Гоголя остались для него понятны и хороши, потому что въ нихъ еще не преобладало новое начало, превышавшее уровень его понятій. Онъ всегда продолжалъ находить прекрасными «Вечера на хуторѣ», «Носъ», «Коляску»,—справедливо видя въ нихъ признаки большого дарованія, хотя, также справедливо, и не видя въ нихъ произведеній гешальныхъ, колоссальныхъ. Но вотъ явился «Ревизоръ»; люди, понявшіе это великое твореніе, провозгласили Гоголя гешальнымъ писателемъ; Н. А. Полевой, какъ и слѣдовало ожидать, не понялъ и осудилъ «Ревизора» за то, что онъ не похожъ на «исторію о носѣ». Это очень любопытно, и было бы странно, еслибъ мы не видѣли, что философско-эстетическія убѣжденія критика были слишкомъ нерѣшительны и фантастичны для ^{исполнителя} выѣщенія идей, выраженной «Ревизоромъ», и пониманія художественныхъ достоинствъ этого великаго произведенія. Вотъ какія мысли возбудилъ «Ревизоръ» въ Н. А. Полевомъ:

«Сочинитель «Ревизора» представлялъ намъ собою печальный примѣръ, какое зло могутъ причинить человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебныя вопли друзей, корыстныхъ прислужняковъ, и той безсмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Благодарить Бога надобно скорѣе за непріязнь, нежели за дружбу того народа, о которомъ говорилъ Пушкинъ:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!

«Никто не сомнѣвается въ дарованія г. Гоголя, и въ томъ, что у него есть свой безпорный участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ—добродушная шутка, малороссійскій «жанръ»; похожій нѣсколько на дарованіе г. Основыявки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. Въ пути своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей, г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе есоры Ивана Ивановича, его «Старосвѣтскіе помѣщики», его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ пѣста, гдѣ запорожцы являются героями и свѣщать каррикатурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, о продажѣ коляски!

«Такъ и «Ревизоръ» его—фарсъ, который правится именно тѣмъ, что въ немъ

нѣтъ ни драмы, ни пѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица—уродливые гротески, характеры—китайскіи тѣни, происшествіе—несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ леопонъ, какъ повѣсть о Дурвѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ,
А цыбуля съ чеснокомъ...

«Не подумайте, чтобы таня созданія было легко писать, чтобы всякой могъ писать нтъ. Для вихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нтъ, и притомъ еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

«Съ Ревизоромъ» обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ не ошибается; но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать «Ревизора» по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ и сравнивали его съ грязью. Другіе, напротивъ, мнимые друзья автора, увидѣли въ «Ревизорѣ» что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же исторія, какая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были притомъ побужденія въ неумѣренныхъ похваламъ. Но если они и были искренны, за то ошибочны; и посмотрите, какое зло онѣ причинили: видя осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неузнаннымъ гешемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того, чтобы не браться за то, что ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое пріобрѣло ему общее уваженіе и славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа,—
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,

началъ писать всторію, разсужденія о теоріи наящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, патетическіе предметы, точно такъ, какъ Лафонтенъ нѣкогда доказывалъ, что онъ беретъ образцы у древнихъ классиковъ. Разумѣется, авторъ проигралъ свою тяжбу. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша и сказано не наобумъ: прочтите приложенное при новонъ изданіи «Ревизора» письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту, и какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца. Развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ, и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ г. Гоголь говорить о характерѣ Хлестакова. И съ тѣмъ вмѣстѣ письмо это дышитъ такою добродушіею, поэтическою грустью.

«Но, скажутъ намъ, слѣдственно, чѣмъ же тутъ виноваты хвалители автора?—Тѣмъ, что не увлечи они самолюбія авторскаго въ ошибку, осужденія могли благодѣтельно подѣйствовать на автора и обратитъ его на прямой путь. Осужденія не погубить никогда, а восхваленія часто и почти всегда губить насъ. Таковъ чловѣкъ.

«И какъ не имѣть столько уваженія къ самимъ себѣ, что изъ мелкаго разсчета корысти не стыдиться показать себя надувателями мыльныхъ пузырей! Если же хваленія происходятъ отъ безотчетнаго увлеченія, какъ до такой степени не отдавать себѣ отчетовъ въ своихъ понітіяхъ, не научиться изъ опытовъ прошедшаго не повторять въ каждомъ повогвнн одну и ту же докучную сказку!»¹⁾

Возможно ли обвинять чловѣка за то, что онъ не можетъ видѣть въ «Ревизорѣ» «ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣ-

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1842 г., № 1.

ленных характеров?» Это все равно, что обвинять почитателя «Русской сказки о тяжбѣ ерша съ лещемъ» за то, что онъ не понимаетъ «Гамлета» и не восхищается «Каменнымъ гостемъ» Пушкина. Онъ не понимаетъ этихъ произведеній, и только; чтожь прикажете съ нимъ дѣлать! Такова степень его эстетическаго развитія. Можно и должно сказать, что онъ ошибается, если онъ сказалъ, что «Гамлетъ» пусть, а «Каменный гость» скученъ; можно прибавить, что онъ не судья этимъ произведеніямъ; но видѣть въ его сужденіяхъ преднамѣренное эстетическое преступленіе, желаніе ввести другихъ въ заблужденіе—невозможно: они слишкомъ наивны, слишкомъ компрометируютъ умъ произносящаго ихъ—ихъ можетъ произносить только тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ не видитъ достоинствъ осуждаемыхъ имъ произведеній. Еслибъ онъ понималъ хотя сколько нибудь, еслибъ хотѣлъ преднамѣренно вводить другихъ въ заблужденіе, повѣрьте, онъ не сказалъ бы такъ, повѣрьте, онъ придумалъ бы хитрость нѣсколько лучшую. Рецензія, нами выписанная, рѣзка до грубости,—но нельзя не видѣть, что собственно противъ Гоголя авторъ ея не имѣетъ враждебнаго расположенія. Напротивъ, сквозь тонъ, рѣзкій до оскорбительности, слышно доброжелательное стремленіе возратить талантливое заблудшее овца на путь истинный. Наставникъ ошибается,—тотъ, кого онъ считаетъ блуднымъ сыномъ, идетъ по прямому пути и не долженъ покидать его,—но вѣдь нельзя же осуждать человѣка, если онъ возвышаетъ голосъ, чтобъ онъ достигъ до слуха погибающаго юноши, оглушеннаго, по мнѣнію совѣтника, коварными лъстецами. Что эти люди не лъстецы, мы знаемъ; что они не имѣли—къ сожалѣнію—особеннаго вліянія на Гоголя, мы также знаемъ: иначе онъ не писалъ бы такихъ «писемъ къ друзьямъ», и не сжегъ бы втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Но вѣдь не называютъ же преступникомъ врача, который отсталъ отъ современнаго движенія науки, прописываетъ замысловатые рецепты, заставляющіе пожимать плечами отъ удивленія,—о немъ просто говорить, что онъ пересталъ быть хорошимъ врачомъ, и перестаютъ обращать вниманіе на его совѣты.—Но вотъ вышли «Мертвыя Души»—и возбудили восторгъ, какому не было примѣровъ на Руси, были восхвалены до небесъ, какъ колоссальнѣйшее созданіе русской литературы;—съ точки зрѣнія, къ которой приросъ Н. А. Полевой, это столь превозносимое произведеніе должно было показаться еще хуже «Ревизора», и надобно было еще взышать голосъ, чтобы онъ слышенъ былъ среди оглушительныхъ хвалебныхъ криковъ. И Полевой выразилъ свое сужденіе о новомъ произведеніи погибающаго талантливаго писателя обстоятельнѣе,—не голословно, какъ другіе, но съ доказательствами подробными, хорошо изложенными, касающимися не внѣшнихъ мелочей, но важныхъ сторонъ дѣла.

«Мы сказали мнѣніе наше о литературныхъ достоинствахъ г. Гоголя, оцѣняя въ немъ, что составляетъ его безспорное достоинство. Повторимъ слова наши (*выписана первая половина рецензій, приведенной выше*). Осмѣливаемся думать, что такого мнѣнія не назовутъ мнѣшенъ, которое внушило бы предубѣжденіе, пристрастіе, личностъ противъ автора. Тѣмъ откровеннѣе сважемъ мы, что «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», подтверждая наше мнѣше, показываютъ справедливость и того, что мы прибавили къ мнѣшію нашему о дарованіи г. Гоголя (*выписана другая половина рецензій*). Похожденія Чичикова также любопытная замѣтка для исторіи литературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой

дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, идя путемъ оревратнымъ. Съ чего началъ «Ревизоръ», то кончилъ «Чичиковъ»...

«Изъ всего, что пишетъ и что о самомъ себѣ говорить г. Гоголь, можно заключить, что онъ превратно смотритъ на свое дарованіе. Покупая создавія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ важнѣе-то философическо-гуморическія творенія, почитаетъ себя философомъ и дидактивомъ, составляетъ себѣ какую-то ложную теорію искусства, и очень понятно, что, почитая себя гениемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой, оригинальнымъ и самобытнымъ. Можетъ быть, такое мнѣніе о самомъ себѣ необходимо по природѣ его, во мы не перестанемъ однакожь думать, что, при совѣтахъ благоразумныхъ друзей, г. Гоголь могъ бы убѣдиться въ противномъ. Вопросъ: производилъ ли бы онъ тогда, или нѣтъ, свои прекрасныя созданія, можетъ быть рѣшенъ положительно и отрицательно ¹⁾».

«Легко могло бѣ быть, что г. Гоголь отвергъ бы тогда все, что вредило ему, и также легко могло бы случиться, что, разочарованный въ высоконъ мнѣніи о самомъ себѣ, онъ съ горестью бросилъ бы перо свое, какъ орудіе недостойной его величія шутки. Человѣкъ—загадка нудренная и сложная: во ны скорѣе склоняемся на первое изъ сихъ мнѣній,—сказать ли?—даже лучше желали бы, чтобъ г. Гоголь вовсе пересталъ писать, нежели, чтобы постепенно болѣе и болѣе онъ падалъ и заблуждался. По нашему мнѣнію, онъ уже и теперь далеко устранился отъ истиннаго пути, если сообразить всѣ сочиненія его, начиная съ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» до «Похожденій Чичикова». Все, что составляетъ прелесть его увѣреній, постепенно исчезаетъ у него. Все, что губить ихъ, постепенно усиливается».

«Гоголя захвалили,—говоритъ Полевой:—онъ возмечталъ, что призванъ писать высоко-философскія созданія, вообразилъ, что даже прекрасенъ языкъ, которымъ онъ пишетъ, когда вдается въ высокопарныя мечтанія, и посмотрите, къ чему это привело его—къ произведеніямъ, подобнымъ отрывку «Ринъ», недавно напечатанному. «Ринъ»—это «наборъ ложныхъ выводовъ, дѣтскихъ наблюденій, смѣшныхъ и ничтожныхъ замѣтокъ, не проникнутыхъ ни одною свѣтлою или глубокою мыслью, изложенныхъ языкомъ изломашнымъ, дикиимъ, нелѣпнымъ»—тутъ есть и «смола волосъ», и «сіяющій снѣгъ лица», и «призракъ пустоты, который видится во всемъ», и «женщины, которыя подобно здашамъ—или дворцы, или лачужки»,—однимъ словомъ, «Ринъ»—это «галиматія». Въ этомъ отрывѣ о «Ринѣ» есть своя доля правды, и доля значительная. Мы должны будемъ еще обратиться къ «Риму», говоря о постепенномъ развитіи идей Гоголя, и тогда замѣтимъ, что опустылъ изъ виду Полевой, называя безусловною галиматіею «Ринъ»—этотъ отрывокъ, дѣйствительно представляющій много дикаго, не лишенъ поэзіи. Не будемъ останавливаться и на замѣчаніяхъ относительно языка,—съ ними прійдется еще намъ имѣть дѣло. «Признаемся»,—продолжаетъ Полевой—«что, прочитавши «писъмо» при «Ревизорѣ» и «Ринѣ», мы уже немногаго ожидали отъ «Мертвыхъ Душъ», предвозвѣщенныхъ, какъ нѣчто великое и чудное. Подлинно чудное: «Мертвыя Души» превзошли всѣ наши ожиданія».

«Мы совсѣмъ не дунаемъ осуждать г. Гоголя за то, что онъ назвалъ «Мертвыя Души» поэмою. Разумѣется, что такое названіе—шутка. «Для чего запрещать шутку? Наше осужденіе «Мертвыхъ Душъ» коснется болѣе важнаго».

¹⁾ Изъ сравненія съ предыдущими выписками очевидно, что подъ «прекрасными» должно здѣсь понимать преимущественно: «Вечера на хуторѣ» и слабѣйшія, по мнѣнію нашему, изъ слѣдующихъ повѣстей.

«Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность! Не помнѣмъ, читали ли слышали мы, что кто то называлъ «Мертвыя Души» *старой погудкой на новый ладъ*. Дѣйствительно: «Мертвыя Души» сколокъ съ «Ревизора»—опять какой то мошенникъ ориѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боится преслѣдованія, уважаетъ тихонько, и—«конецъ поэмѣ!»—Надобно ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 475 страницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что «Мертвыя Души», составляя грубую каррикатуру, держатся на небывалыхъ и несбыточныхъ подробностяхъ; что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки,—всѣ до одного, повторяемъ; что подробности разсказа наполнены такими выраженіями, что иногда бросаешь книгу невольно; и наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ г. Гоголя въ «Римѣ» и «Ревизорѣ», можно назвать собравшемъ ошибокъ противъ логики и грамматики,—спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ упадокъ дарованія прекраснаго, и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умышленно и добровольно?—Каррикатура, конечно, иривнадежить къ области искусства, но каррикатура, неперешедшая за предѣлы изыщнаго. Русская повѣсть объ Еремушкѣ и повивальной бабушкѣ, какъ русская сказка о дьячкѣ Савушкѣ, романы Диккенса ¹⁾, неистовые романы новѣйшей французской словесности исключаются изъ области изящнаго ²⁾, если и допустимъ въ низшій отдѣлъ искусства грубые фарсы, италявшія буффонады, эпическія поэмы на *изнанку* (travesti), поэмы въ родѣ «Елисея» ³⁾. Можно ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г. Гоголя тратится на подобныя созданія!

«Искусству нечего дѣлать, не въ чемъ разсчитываться съ «Мертвыми Душами».

Видите ли, Полевой отказывается отъ нелочныхъ придиорокъ къ заглавію «Мертвыхъ Душъ»—ужъ за это одно онъ заслуживаетъ отличія отъ другихъ рецензентовъ, остроуміе которыхъ безконечно потѣшалось надъ тѣмъ, что «Похожденія Чичикова» названы поэмою. Бѣдность содержанія въ «Мертвыхъ Душахъ»—опять одно изъ тѣхъ сужденій, искренность которыхъ доказывается ихъ невообразимою наивностью, замѣчаній, которыя возбуждаютъ жалость къ сдѣлавшему ихъ и совершенно обезоруживаютъ несогласнаго съ нимъ читателя. Но замѣтите, однако же, что Полевой начинаетъ съ существенныхъ сторонъ вопроса и достигаетъ даже нѣкоторой мѣткости упрековъ, замѣчая, что «Мертвыя Души» сколокъ съ «Ревизора» — это не придетъ въ голову никому изъ понимающихъ разницу между существеннымъ содержаніемъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»: наосъ одного произведенія составляетъ взяточничество, различныя безпорядки и т. д., однимъ словомъ, преимущественно официальная сторона жизни, наосъ другаго — частная жизнь, психологическое изображеніе различныхъ типовъ пустоты или одичалости. Но Полевой, не замѣчая существеннаго различія, смотрѣлъ на сюжеты обоихъ произведеній съ той чисто внѣшней точки зрѣнія, съ которой можно находить, что «Горе отъ ума» есть повтореніе «Гамлета», потому что и здѣсь и тамъ главное лицо—

¹⁾ Романы Диккенса исключаются изъ области изящнаго.

²⁾ Здѣсь подразумеваются преимущественно романы Жоржъ-Санда—они исключаются изъ области изящнаго!

³⁾ И такъ романы Диккенса и Жоржъ-Санда ниже самыхъ грубыхъ фарсовъ и буффонадъ, ниже даже поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ», ниже «Энеиды», вывороченной на изнанку Н. Осиповымъ и А. Котельничкинымъ,—это все еще принадлежать хотя «низшему отдѣлу» искусства, а произведенія Диккенса и Жоржъ-Санда совершенно «исключаются изъ области изящнаго».

юноша съ умомъ и прекраснымъ сердцемъ, окруженный дурными людьми, остающийся чистъ среди ихъ, негодующій, говорящій много такого, что кажется нелѣпо его слушателямъ, признаваемый наконецъ человѣкомъ сумасшедшимъ, опаснымъ, и немогущій жениться на дѣвушкѣ, которую любитъ. Обляженіе сюжетовъ «Ревизора» съ «Мертвыми Душами» такъ же нелѣпо, какъ и сближеніе сюжетовъ «Гамлета» и «Горе отъ ума»; но Полевой умѣлъ выставить натянутыя черты мнимаго сходства довольно искуснымъ образомъ. Не придумано ли это сближеніе нарочно? нѣтъ, искренность его опять доказывается его наивною, — только отъ искренней души можетъ умный человѣкъ, каковъ безъ сомнѣнія былъ Н. А. Полевой, говорить такіе странныя вещи. Далѣе начинаются жалобы на утрировку характеровъ и положеній, на неправдоподобность ихъ и проч. Отложимъ разборъ этихъ обвиненій до того времени, когда будемъ разсматривать «Мертвыя Души», а теперь ограничимся замѣчаемъ, что отношеніи романтической эстетики къ новѣйшимъ произведеніямъ искусства, сбросившимъ растрепанную изысканность французскихъ романтиковъ, къ людямъ, выучившимся писать романы съ лицами и положеніями, непохожими на «исполнинскіе образы Виктора Гюго» въ его «Notre Dame de Paris», достаточно опредѣляются тѣмъ, что Н. А. Полевой исключаетъ романы Диккенса и Жоржа Санда изъ области искусства, ставитъ ихъ ниже самыхъ пошлыхъ фарсовъ, на одну степень съ «Сказкою о дурнѣ» — неужели противъ Диккенса и Жоржа Санда Н. А. Полевой имѣлъ какія нибудь личности? Неужели и ихъ осуждалъ онъ не по убѣжденію, а изъ какихъ нибудь постороннихъ видовъ? Кстати, о Лермонтовѣ онъ судитъ совершенно такъ же, какъ о Гоголѣ. Вотъ подлинныя его слова:

«Вы говорите, что ошибка прежняго искусства состояла именно въ томъ, что оно румянило природу и ставовило жизнь на ходули. Пусть такъ; но избирая изъ природы и жизни только темную сторону, выбирая изъ нихъ грязь, навозъ, развратъ и порокъ, но впадаете ли вы въ другую крайность, и изображаете ли вѣрно природу и жизнь? Природа и жизнь, такъ какъ онѣ есть, представляютъ намъ радомъ жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и тѣнь, небо и землю. Избирая въ картину свою только смерть, зло, тѣнь, землю, вѣрно ли списываете вы природу и жизнь? Вамъ скучны прежде герои искусства, — но покажите же вамъ человѣка и людей, да, человѣка, а не мерзавца, не чудовище, людей, а не толпу мошенняковъ и негодяевъ. Иначе лучше примемся мы за прежнихъ героевъ, которые иногда скучны, но не возмущаютъ, по крайней мѣрѣ, пашей души, не оскорбляютъ нашего чувства. Изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности изящною идеею искусства, постигшаго тайну жизни, — вотъ цѣль художника; но къ ней ли устроены *Герои нашего времени* и *Мертвыя Души*? Напрасно будете вы ссылаться на Шекспира, на Виктора Гюго, на Гёте. Кромѣ того, что худое у Шекспира худо. Шекспиръ не тѣмъ великъ, что Офелія поетъ у него неблагопристойную пѣсню, Фальстафъ ругается и нянька Юлія говоритъ двусмысленности, — но похожи ли ваши грязныя каррикатуры на созданія высокаго гумора Шекспирова, на исполненіе образы Виктора Гюго (мы говоримъ объ его *Notre Dame de Paris*), на многостороннія созданія Гёте?»

Зачѣмъ мы приводимъ буквально столько отрывковъ изъ грубыхъ рецензій Н. А. Полеваго? Затѣмъ, что онѣ имѣютъ одно несомнѣнное достоинство: связность, логичность, послѣдовательность въ образѣ сужденій. Надобно же намъ видѣть, съ какими понятіями объ искусствѣ необходимо связаны

упреки Гоголю въ односторонности направленія, — упреки, которые до сихъ поръ повторяются людьми, непонимающими ихъ значенія, непонимающими, что кто называетъ Гоголя одностороннимъ и сальнымъ, долженъ въ такой же степени одностороннимъ и сальнымъ называть и Лермонтова, находить, что «Герой нашего времени» произведеніе грязное и гадкое, что романы Диккенса и Жоржъ-Санда не только отвратительны, но и слабы въ художественномъ отношеніи, слабѣ послѣдняго нелѣпѣйшаго водевиля, уродливѣ послѣдняго фарса, — при этомъ необходимо ставить Виктора Гюго между Шекспиромъ и Гёте, нѣмного ниже перваго, гораздо выше послѣдняго. Кто такъ думаетъ о Викторѣ Гюго, Лермонтовѣ, Диккенсѣ и Жоржѣ-Сандѣ, тотъ долженъ упрекать Гоголя въ односторонности и сальности, — но заслуживаетъ ли опроверженій, заслуживаетъ ли вниманія мнѣніе такого цѣнителя? Важно иногда бы-^{ва}етъ знать происхожденіе мнѣнія и первобытный, подлинный видъ, въ которомъ оно выразилось, — часто этого бываетъ довольно, чтобы вполне оцѣнить годность этого мнѣнія для нашего времени, — часто оказывается, что оно принадлежитъ неразрывно къ системѣ понятій, невозможныхъ въ наше время. Самую жалкую фигуру представляютъ не тѣ люди, которые имѣютъ ошибочный образъ мыслей, а тѣ, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго, послѣдовательнаго образа мыслей, которыхъ мнѣнія — сборъ безсвязныхъ обрывковъ, неклеящихся между собою. Прочитавъ рецензію Полеваго, мы убѣждаемся, что всѣ упреки, дѣлаемые до сихъ поръ иными людьми Гоголю, заимствованы изъ этихъ рецензій, разница только въ томъ, что у Н. А. Полеваго упреки имѣли смыслъ, будучи логическимъ выводомъ изъ системы убѣжденій, хотя неудовлетворительной для нашего времени, но все-таки бывшей прекрасною и полезною въ свое время; между тѣмъ какъ въ устахъ людей, повторяющихъ нынѣ эти нападенія, они лишены всякаго основанія, всякаго смысла. Представивъ множество примѣровъ «тривиальнаго» и «неправдоподобнаго» въ «Мертвыхъ Душахъ», множество примѣровъ того, что Гоголь пишетъ неправильнымъ и низкимъ языкомъ (тутъ выставлено на видъ и то, что Чичиковъ не можетъ съ перваго раза дѣлать помѣщикамъ предложенія о продажѣ мертвыхъ душъ, и то, что Ноздревъ не можетъ на балѣ сѣсть на полъ и ловить танцующихъ за ноги, и Петрушка съ запахомъ жилой комнаты, и капля, падающая въ супъ Ѳемистоклюса и т. д., и «глупѣйшій рассказъ» о капитанѣ Копейкинѣ, и слова «тюрокъ», «взбутетенить» и пр., — однимъ словомъ, все, что только служило пищею для послѣдующихъ остроумныхъ шутокъ и благородныхъ негодований на Гоголя), Н. А. Полевой оканчиваетъ свою рецензію такъ:

Не будемъ болѣе говорить о слогѣ, объ образѣ выраженія, но скажемъ въ заключеніе: каково понятіе автора объ искусствѣ и цѣли его, если онъ думаетъ, что художникъ можетъ быть уголовнымъ судьей современнаго общества? Да если и положимъ, что такова дѣйствительно обязанность писателя, такъ развѣ выдумками на современное общество, развѣ небывальными каррикатами укажетъ онъ на зло и предупредить его? Беремъ на себя кажущееся смѣшнымъ автору названіе патріотовъ, даже «такъ называемыхъ патріотовъ», пусть назовутъ насъ Кифами Мокіевичами, — но мы спрашиваемъ его: почему въ самомъ дѣлѣ, современность представляется ему въ такомъ непріязненномъ видѣ, въ каконъ изображаетъ онъ ее въ своихъ «Мертвыхъ Душахъ», въ своемъ «Ревизорѣ», — и для чего не спросить: почему думаетъ онъ, что каждый русскій человѣкъ носить въ глубинѣ души своей зѣройшій Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ?

Предвидимъ негодованіе и оскорбленіе защитниковъ автора: они представать насъ поддѣльными патріотами, лицемѣрами, быть можетъ чѣмъ нибудь еще хуже—вѣдь за такими бездѣлками у многихъ дѣло не станетъ!.. Ихъ воля, но мы скажемъ прямо и утвердительно, что, приписывая предубѣжденіе автора добродушному пантѣрнію, нельзя не замѣтить какого то превратнаго взгляда его на многое. Вы скажете, что Чичиковъ и городъ, гдѣ онъ является, не изображенія цѣлой страны, но посмотрите на множество мѣстъ въ «Мертвыхъ Душахъ»: Чичиковъ, выѣхавши отъ Ноздрева, ругаетъ его *нехорошими словами*—«что дѣлать», прибавляетъ авторъ, «русскій чловѣкъ, да еще и въ сердцахъ!»—Пьяный кучеръ Чичикова съѣхался съ вострѣчнымъ экипажемъ и начинаетъ ругаться—«русскій чловѣкъ», прибавляетъ авторъ, «не любить сознаваться передъ другимъ, что онъ виноватъ!..» Изображается городъ; фризловая шинель (необходимая принадлежность города, по мнѣшю автора) плетется по улицѣ, «зная только одну (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ вародемъ дорогу!»—Капіе то купцы позвали на пирушку другихъ купцовъ—«пирушку на русскую ногу», и «пирушка (прибавляетъ авторъ), какъ водится, кончилась дракой»... Спрашиваемъ, такъ ли изображаютъ, такъ ли говорить о томъ, что мило и дорого сердцу? Квасной патріотизмъ!.. Милостивые государи, мы сами не терпимъ его, но позвольте сказать, что квасной патріотизмъ все же лучше космополитизма... какого бы?.. да мы понимаемъ другъ друга!

Не знаемъ, придется ли намъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого упрека, едва ли не самаго существеннаго изъ всего, что было говорено противъ Гоголя. А пока напомнимъ читателю, что самъ Гоголь превосходно разъяснилъ сущность вопроса анекдотомъ о Кифѣ Мокіевичѣ и слѣдующимъ мѣстомъ въ «Разъѣздѣ изъ Театра» послѣ представленія «Ревизора»:

Господинъ П. Помилуй, братецъ, ну что это такое? какже это въ самомъ дѣлѣ?

Господинъ Б. Что?

Господинъ П. Ну да какже вывести это?

Господинъ Б. Почему же нѣтъ?

Господинъ П. Ну да самъ посуди ты; ну какже, право? Все пороки, да пороки; ну какой примѣръ подается черезъ это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ В. Но позвольте однако же замѣтить, что все это, нѣкоторымъ образомъ, есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется.

Господинъ В. Чѣмъ выставить дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? Станный вопросъ: «зачѣмъ». Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшныя слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя надобно скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное надо скрывать, а не показывать. (*Господинъ Б. уходитъ; подходитъ князь N*). Послушай, князь!

Князь N. А что?

Господинъ П. Ну, однакожь скажи: какъ это представлять? На что это похоже?

Князь N. Печену-жь не представлять?

Господинъ П. Ну да посуди самъ, ну да какже это: вдругъ на сценѣ плутъ,—вѣдь это все наши раны.

Князь Н. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь Н. Возьми ихъ себѣ. Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь?

(Уходитъ).

Именно, такъ! именно, это «нѣкоторымъ образомъ наши раны!», именно «дурное у насъ надо скрывать, а не показывать!», именно это «оскорбленіе, которое распространяется!» Правъ, тысячу разъ правъ Господинъ П.! Но отчего же вы сами, гг. недовольные Гоголемъ, находите Господина П. смѣшнымъ и нелѣпымъ? Если онъ нелѣпъ, то и не повторяйте же его словъ. Они имѣютъ смыслъ только на его языкѣ.

Въ рецензіи «Ревизора» нельзя не замѣтить, что Н. А. Полевой еще не отчаявается въ исправленіи Гоголя, приписывая всю вину только его «лѣстцамъ»; еще не отказывается отъ Гоголя:— послѣ выхода «Мертвыхъ Душъ» онъ уже считаетъ его человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ для искусства, неисцѣлимо закоспѣлымъ въ своей сумасбродной гордости— писать такіе нелѣпыя вещи, изъ которыхъ первую былъ «Ревизоръ». Вотъ послѣдніи строки разбора «Мертвыхъ Душъ»:

«Если бы мы осмѣлились взять на себя отвѣтъ автору отъ имени Руса, мы сказали бы ему: милостивый государь! Вы слишкомъ много о себѣ думаете, ваше самолюбіе даже забавно, во ны сознаемъ, что у васъ есть дарованіе, и только та бѣда, что вы немножко «сблизисъ съ панталыку!» Оставьте въ повоѣ вашу «вѣюгу вдохобвенія», поучитесь русскому языку, да рассказывайте намъ прежнія ваши сказочки объ Иванѣ Ивановичѣ, о коляскѣ и носѣ, и не пишите, ни такой галиматіи, какъ вашъ «Римъ», ни такой чепухи, какъ ваши «Мертвыя Души»! Впрочемъ, воля ваша!»

Мы кончили наши выписки изъ сужденій Н. А. Полеваго о Гоголѣ. Къ нѣкоторымъ изъ мнѣній, высказанныхъ имъ въ первый разъ, мы еще должны будемъ возвратиться, говоря о мнѣніяхъ, высказываемыхъ иными еще и теперь. Другія можно оставить безъ разбора, потому что крайняя наивность ихъ дѣлаетъ излишнимъ всякое опроверженіе. Но здѣсь намъ остается сдѣлать два замѣчанія, вызываемыя приговорами Н. А. Полеваго.

Въ томъ, что Гоголь возмечталъ о себѣ не какъ о невинномъ шутникѣ, но какъ о великомъ писателѣ съ глубоко философскимъ направленіемъ, Полевой обвиняетъ «лѣстцовъ» Гоголя. Смѣшно было бы въ наше время думать, что произведенія, подобныя «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ чьему бы то ни было, постороннему вліянію,—созданія, столь глубоко прочувствованныя, бываютъ плодомъ только собственной глубокой натуры самого автора, а не постороннихъ наущеній. Кромѣ того, мы уже говорили, что люди, которые лучше другихъ понимали значеніе этихъ высокихъ созданій искусства, не имѣли вліянія на Гоголя. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ мало понимали «Мертвыя Души» другіе люди, которые, будучи поклонниками Гоголя, были въ то же время и его друзьями—эти мѣлкіе варягоруссы, если и были въ чемъ нибудь виноваты, то развѣ въ «Перепискѣ съ друзьями», притомъ же, они и не были знакомы съ Гоголемъ, и не играли въ литературѣ значительной роли въ 1834 г.,

когда ужъ былъ написанъ «Ревизоръ» ¹⁾. Пушкинъ зналъ Гоголя гораздо раньше, и нѣтъ нѣкоторое вліяніе на начинавшаго юношу и хвалилъ его произведенія, но невозможно, чтобы его считалъ Полевой «льстецомъ» Гоголя, — напротивъ, каждому извѣстно, что Жуковский и Пушкинъ были покровителями Гоголя, занимая въ литературѣ и въ обществѣ гораздо почетнѣйшее мѣсто, нежели онъ, безвѣстный юноша. А между тѣмъ, онъ, будучи еще совершенно безвѣстнымъ и ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ, уже печаталъ философскія и высокопарныя статейки, въ которыхъ видитъ Полевой уже слѣдствіе лестн, вскружившей ему голову. Нѣкоторыя изъ этихъ статей перепечатаны въ «Арабескахъ», нѣкоторыя другія исчислены г. Геннаді ²⁾. Вообще, надобно сказать, что въ развитіи своемъ, Гоголь былъ независимъ отъ постороннихъ вліяній, нежели какой либо другой изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Всѣмъ, что высказано прекраснаго въ его произведешяхъ, онъ обязанъ исключительно своей глубокой натурѣ. Это очевидно нынѣ для каждого, нечуждаго понятій о русской литературѣ. И если гордость Гоголя вовлекала его когда нибудь въ ошибки, то, во всякомъ случаѣ, надобно сказать, что источникомъ этой гордости было его собственное высокое понятіе о себѣ, а не чужія похвалы. Нѣкоторые люди питаютъ такое гордое и высокое понятіе о себѣ, что чужія похвалы не могутъ ужъ имѣть на нихъ особеннаго вліянія, — кто знавалъ подобныхъ людей, легко увидитъ изъ писемъ и авторской исповѣди Гоголя, что онъ являлся къ числу ихъ.

Другое наше замѣчаніе относится къ самому Н. А. Полевому. По двумъ послѣднимъ отрывкамъ изъ его рецензій на «Мертвыя Души», иные, быть можетъ, заключаютъ, что онъ, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», сдѣлалъ невѣренъ собственнымъ мнѣніемъ, которыя были съ такою энергіею выражаемы въ «Московскомъ Телеграфѣ»; это заключеніе было бы несправедливо. Мы не то хотимъ сказать, чтобы рѣшительно о каждомъ отдѣльномъ вопросѣ Н. А. Полевой былъ готовъ повторить въ 1842 году то самое, что сказалъ въ 1825. Мнѣнія человѣка мыслящаго не бываютъ никогда окаменѣlostями, — съ теченіемъ времени онъ можетъ во многихъ предметахъ замѣчать стороны, которыя опускалъ изъ виду прежде, потому что онѣ еще не были довольно раскрыты историческимъ движеніемъ. Но дѣло въ томъ, что человѣкъ съ самостоятельнымъ умомъ, достигнувъ умственной зрѣлости и выработавъ себѣ извѣстныя основныя убѣжденія, обыкновенно остается навсегда проникнуть ихъ существеннымъ содержаніемъ, и эта основа всѣхъ мнѣній остается у него уже навсегда одинаковою, какъ бы ни мѣнялись окружающіе его факты. И не надобно считать измѣною убѣжденіямъ, если, сообразно измѣненію окружающихъ фактовъ, такой человѣкъ, сначала заботившійся преимущественно о томъ, чтобы выставить на видъ одну ихъ сторону, впослѣдствіи считалъ необходимымъ сильнѣе выставлять другую. Онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ отста-

¹⁾ См. письмо Гоголя къ Максимовичу, отъ 14 августа 1834 г., въ «Опытѣ біографіи Гоголя». г. Николая М., помѣщенномъ въ «Современникѣ» 1854 г.

²⁾ См. Списокъ сочиненій Гоголя, составленный г. Геннаді, въ «Отеч. Зап.» 1858 г. Изъ этихъ статей большая часть, какъ, напримѣръ, «Скульптура, живопись и поэзія», «объ Архитектурѣ», «Жизнѣ», принадлежатъ еще 1831 году, а написаны, конечно, прежде, нежели фавиза Гоголя упоминалась печатнымъ образомъ.

лымъ, не переставая быть вѣренъ себѣ. Такъ было и съ Н. А. Полевымъ. Овъ ратовалъ противъ классиковъ,—но потомъ, когда классики были сбиты, во всѣхъ пунктахъ, онъ увидѣлъ новыхъ людей, которые, не обращая вниманія на классицизмъ, уже совершенно обезсилѣвший, борются противъ романтизма. Ихъ убѣжденія гораздо болѣе разнились отъ убѣжденій Н. А. Полеваго, нежели убѣжденія Н. А. Полеваго отъ убѣжденій классиковъ,—оба послѣдніе отгѣнка принадлежали одной и той же сферѣ понятій, только различнымъ образомъ измѣняемыхъ—новыя литературныя понятія раздѣлялись отъ нихъ цѣлою бездною. И Н. А. Полевой, нисколько не измѣняя своимъ романтическимъ убѣжденіямъ, могъ сказать: «ужъ лучше пштика Буало, нежели этетика Гегеля. Лучше классицизмъ, нежели произведенія новѣйшей литературы». И дѣйствительно. Жились ближе къ Виктору Гюго, нежели Диккенсъ или Жоржъ Сандъ, «Бѣдная Лиза» имѣетъ съ «Аббадонною» болѣе родства, нежели «Герой нашего времени» или Мертвыя Души». Жились и Викторъ Гюго, «Бѣдная Лиза» и «Аббадонна» сходны хотя въ томъ, что изображаютъ людей вовсе не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. А что у нихъ общаго съ романами новой литературы?

И этимъ то объясняется странный повидимому фактъ, что человѣкъ съ такимъ замѣчательнымъ умомъ, какъ Н. А. Полевой, не могъ понимать произведеній новой—не только русской, но и вообще всей европейской литературы, объясняется странная до невѣроятности смѣсь умныхъ и дѣльных критическихъ пріемовъ съ наивными и рѣшительно несправедливыми выводами въ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ, издававшихся имъ въ послѣднюю половину жизни. Онъ дѣлалъ правильные выводы изъ принциповъ, сдѣлавшихся съ теченіемъ времени неудовлетворительными,—и ни его умъ, ни его добросовѣстность ни мало не теряютъ въ глазахъ справедливаго судьи отъ нелѣпости выводовъ. Напротивъ, сильный умъ обнаруживается въ каждой строкѣ этихъ до чрезвычайности наивныхъ статей,—а что касается ихъ добросовѣстности,—мы въ ней ни мало не сомнѣваемся, и думаемъ, что каждый безпристрастный человѣкъ дойдетъ до того же убѣжденія, если вникнетъ въ сущность дѣла, краткій обзоръ котораго мы представили.

Послѣдняя половина литературной дѣятельности Н. А. Полеваго нуждается въ оправданіи, сказали мы въ началѣ этого обзора; и по нашему мнѣнію, она можетъ быть удовлетворительно оправдана,—пора снять пятно съ памяти человека, который, дѣйствуя въ послѣдніе годы ошибочно, могъ быть противникомъ литературнаго развитія, и подвергаться за то въ свое время справедливымъ укоризнамъ,—но теперь миновалась опасность, которую представляло тогда его вліяніе на литературу,—и потому теперь должно признаться: онъ справедливо говорилъ о себѣ, что всегда былъ человекомъ честнымъ и желавшимъ добра литературѣ, и что за нимъ остаются неотъемлемо важныя заслуги въ исторіи нашей литературы и развитія,—признаться, что онъ, издавая собраніе своихъ критическихъ статей, имѣлъ право сказать въ предисловіи:

«Кладу руку на сердце, и дерзаю сказать въ слухъ, что некогда не увлекался я ни злобою,—чувствомъ, для меня презрительнымъ, ни завистью—чувствомъ, котораго не понимаю,—никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разогласило съ моимъ убѣжде-

ніемъ, и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего; оно всегда сильно было для всего великаго, полезнаго и добраго. Слѣбу прибавить, что такое постоянное стремленіе доставляло мнѣ минуты прекрасныя, усладительныя, награждавшія меня за горести и страданія жизни моей. Сколько разъ слышалъ я искреннюю благодарность и привѣтъ юношей, говорившихъ, что мнѣ одолжены они нравственнымъ наслажденіемъ и вѣрою въ добро! Не скажешь обо мнѣ, кто приметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣмъ, что было мною писано,—не скажешь, чтобы я чѣмъ либо обезславилъ званіе, которое всегда высоко цѣню и цѣнилъ—званіе литератора. Мои слова не самохвальство, во искренній голосъ человѣка и литератора, который дорожить названіемъ честнаго. Между тѣмъ какъ человѣкъ, я платилъ горькую дань несовершенствамъ и слабостямъ человѣка... Пусть вержеть за то на меня камень тотъ, кто самъ не испыталъ обмана и разочарованія въ овружающемъ его и—что еще грустнѣе—въ самомъ себѣ! Если ты еще юнъ, собрать мой,—ты не судья мнѣ: дай пробиться сѣдинѣ на головѣ твоей, дай похолодѣть сердцу твоему, дай утомиться силанъ твоимъ отъ труда и времени, и тогда говори а суди меня!

«Я не судья самъ себѣ. Но никто не оспорить у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны,—скажутъ мнѣ—и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже переходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую... Самъ чувствую, перечитывая нынѣ. неполноту, несовершенство многаго... Многое обновляетъ для меня въ настоящемъ чувство утѣшительное, но еще больше внушаетъ чувство грустное, созваніе недостигнутой мечты, невыраженныхъ идеаловъ. Такое чувство, думаю, естественно каждому, кто жилъ сколько нибудь и мыслилъ. Только невѣжество, только глупость получали на сей землѣ (впрочемъ, не знаю, счастливую ли) участь самодовольства. Есть другая награда, болѣе драгоценная, которою благославляетъ насъ Провидѣніе: мысль, что если Богъ далъ вамъ что нибудь, сильно горѣвшее въ душѣ нашей, сильно тревожившее насъ въ дни нашей юности, еще безсознательныя, теплымъ ощущеніемъ, мы не погубили его потонъ въ суетѣ и бѣдствіяхъ жизни, не зарыли таланта въ землю... Пусть мы не достигли исконыхъ нами идеаловъ,—по крайней мѣрѣ, порадуемся, что не безплодно утраченная протекла жизнь наша...»

Сколько благородства въ этихъ словахъ, и какую правдою вѣетъ отъ нихъ! Кто такъ говоритъ, тотъ не лжетъ, и дѣйствительно, не безплодно протекла жизнь этого человѣка, и не съ осужденіемъ, а съ признательностью должны мы вспоминать его.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЕНКОВСКИЙ (БАРОНЪ БРАМБУСЪ).

Обозрѣвая мнѣнія, высказанныя о Гоголѣ представителями различныхъ направлений, существовавшихъ въ русской критикѣ, мы начали съ сужденій, произнесенныхъ Н. А. Полевымъ. Главною мыслью нашей было показать зависимость этихъ сужденій о частномъ вопросѣ, насъ теперь занимающемъ, отъ общаго характера той системы понятій, замѣчательнѣйшимъ послѣдователемъ которой у насъ былъ Н. А. Полевой. И если приговоры его произведеніямъ Гоголя, дѣйствительно, были только слѣдствіемъ его общихъ убѣжденій, то уже ясно, что не стоитъ заниматься подробнымъ опроверженіемъ этихъ одностороннихъ нападеній,—довольно было сказать: они—не болѣе и не менѣе, какъ логическій выводъ изъ ученій Виктора Гюго и Кузена. Нынѣ каждому очевидно, что ученія Гюго и Кузена неудовлетворительны; а кто отвергаетъ основанія, тотъ не можетъ согласиться и съ выводами.

Теперь мы должны говорить о мнѣніяхъ критиковъ, которые играли нѣкоторую роль въ литературѣ послѣдующихъ годовъ, до того времени, когда «Отечественныя Записки» приобрѣли рѣшительное господство. Критиковъ этихъ было два: писатель, называвшій себя иногда Тютюнджи-Оглу, чаще барономъ Брамбеусомъ, а подъ нѣкоторыми статьями подписавшій и свое настоящее имя—О. И. Сенковский ¹⁾, и г. Шевыревъ. Припоминая ихъ сужденія о Гоголѣ, мы будемъ держаться прежняго правила—стараться показывать отношеніе мнѣній того или другаго критика объ отдѣльномъ вопросѣ къ общему характеру его критической дѣятельности: этимъ чрезвычайно облегчается и уясняется дѣло. Едва ли нужно замѣчать, что въ воспоминаніяхъ о дѣятельности барона Брамбеуса и г. Шевырева въ настоящее время нельзя руководиться ничѣмъ инымъ, кромѣ чисто историческаго интереса. Хотя оба эти писателя не покинули лите-

¹⁾ О томъ, что баронъ Брамбеусъ и Тютюнджи-Оглу были псевдонимы г. Сенковского, есть много указаній. Мы приведемъ одно изъ статей Гоголя «О движеніи журнальной литературы» («Современникъ» 1836 г., № 1, стр. 197): «Г. Сенковский является въ своемъ журналѣ «какъ вритикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей «и проч., и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджи-Оглу, А. Вѣлвава, наконецъ въ собственномъ видѣ».

ратурнаго поприща, но ихъ вліяніе на литературу и на публику принадлежать времени, уже прошедшему, и литературныя отношенія настоящаго уже не должны имѣть вліянія на сужденія объ этихъ писателяхъ, потому что не имѣютъ никакого соприкосновенія ни съ важными статьями г. Шевырева, которыми нынѣ поучались лѣтъ пятнадцать, ни съ легкими статьями барона Брамбеуса, которыя въ извѣстномъ классѣ публики производили фуроръ лѣтъ двадцать тому назадъ. И самые журналы, бывшіе нѣкогда органами этихъ критиковъ, хотя существуютъ донинѣ, но уже совершенно измѣнили свое направленіе, и, какъ намъ кажется, къ лучшему. «Москвитянинъ» въ послѣдніе годы былъ органомъ г. А. Григорьева, который, по нашему мнѣнію, очень часто, или, чтобы говорить точнѣе, почти постоянно поддается страннымъ обобщеніямъ, но въ самыхъ странныхъ тирадахъ котораго виднѣтъ умъ живой, энергическій и искреннее, горячее увлеченіе тѣмъ, что представляется ему истиною. Въ нынѣшнемъ журналѣ «Библіотека для Чтенія» критическія статьи часто содержатъ мысли болѣе основательныя, нежели прежнія сужденія. Такимъ образомъ, то, что мы должны будемъ говорить о писателяхъ, нѣкогда господствовавшихъ въ критическихъ отдѣлахъ «Библіотеки для Чтенія» и «Москвитянина», нимало не относится и не можетъ быть примѣняемо къ характеру этихъ журналовъ въ настоящее время.

Послѣ этихъ оговорокъ, нужныхъ только для немногихъ изъ читателей, потому что почти всѣ и безъ объясненій пишущаго чувствуютъ, какъ далеки литературныя интересы настоящаго времени отъ всякаго соотношенія съ старинными статьями прежняго «Москвитянина» и прежней «Библіотеки для Чтенія»,—мы уже можемъ, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями, перейти къ характеристикѣ той роли, какую играли нѣкогда баронъ Брамбеусъ и г. Шевыревъ. Начинаемъ съ воспоминаній о баронѣ Брамбеусѣ, потому что блестящая эпоха его критики относится къ болѣе раннимъ годамъ, нежели окончательное развитіе возрѣній г. Шевырева.

Грустнымъ, но поучительнымъ примѣромъ можетъ служить для русскихъ писателей исторія литературной дѣятельности барона Брамбеуса: имѣть столько дарованій—и растратить ихъ совершенно понапрасну, безъ всякой пользы для литературы, между тѣмъ, какъ даже наименѣе даровитые писатели часто приносили у насъ нѣкоторую пользу, заслужили себѣ право на нѣкоторую признательность,—это грустно; имѣть столько силы—и не оказать рѣшительно никакого вліянія, между тѣмъ, какъ писатели съ самымъ незначительнымъ запасенъ силъ имѣли у насъ свою долю вліянія, утвердили за собою мѣсто въ исторіи литературы,—это грустно, это покажется почти невѣроятнo людямъ, которые не будутъ уже, подобно нашему поколѣнію, очевидцами явленія, столь ненатуральнаго.

Баронъ Брамбеусъ имѣлъ почти всѣ качества, нужныя для того, чтобъ играть важную и плодотворную роль въ литературѣ, особенно въ журналистикѣ.

Одна изъ главныхъ задачъ журналиста есть распространеніе положительныхъ знаній между своими читателями, ознакомленіе публики съ фактами науки. Въ нашей литературѣ, гдѣ еще такъ мало дѣльныхъ ученыхъ книгъ, да и тѣ находятся въ рукахъ самой ничтожной по числу части публики, исполнять эту обязанность журналистамъ еще необходимѣе, нежели въ другихъ литературахъ.

Публика наша хочет имѣть въ журналѣ не только журналъ, то есть органъ озвѣстнаго мнѣнія, но и ученый сборникъ. Писатель, извѣстный подъ именемъ барона Брамбеуса, имѣлъ средства удовлетворять этой потребности публики. Онъ обладалъ обширною начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія, а по многимъ и основательными познаніями. Мы не будемъ, для болѣе поразительнаго контраста между средствами и результатами, говорить о его учености въ преувеличенныхъ выраженіяхъ: намъ всегда казалось забавно мнѣніе нѣкоторыхъ простодушныхъ людей, будто бы свѣтъ никогда не производилъ такого энциклопедиста, какъ баронъ Брамбеусъ. Даже въ кружкѣ нашихъ литераторовъ, всегда столь малочисленныхъ, были около того времени, когда явился Брамбеусъ, люди, не уступавшіе ему обширностью познаній, напримѣръ Н. А. Полевой; были даже люди, далеко превосходившіе его, напримѣръ, г. Надеждяня. Но то справедливо, что, не будучи ни единственнымъ, ни лучшимъ нашимъ энциклопедистомъ, этотъ писатель обладалъ дѣйствительно замѣчательною начитанностью. Во многихъ случаяхъ его знанія оказывались почерпнутыми изъ устарѣлыхъ или плохихъ источниковъ, особенно по философіи, эстетикѣ, политической экономіи, нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи, наконецъ по индо-европейской филологіи. Но естественныя науки онъ любилъ и зналъ основательно; а что касается Востока, онъ былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ ориенталистовъ въ Европѣ.

Мы указали недостаточность его знаній по многимъ важнѣйшимъ наукамъ; но ему не было бы затруднительно восполнить этотъ недостатокъ: ему стоило только захотѣть, и онъ легко знакомился съ результатами какой угодно науки; мѣсяца ему достаточно на то, для чего челоѣку съ обыкновенными способностями нуженъ былъ годъ. Однимъ изъ примѣровъ этой способности былъ переводъ «Эймундовой Саги»; въ свое время поразившій многихъ: извѣстно было, что г. Сенковскій употребилъ только полтора или два мѣсяца для изученія исландскаго нарѣчія, которое было ему совершенно неизвѣстно. Изумительнаго въ этомъ фактѣ не было ничего: кто знаетъ по-нѣмецки и по-англійски, тому изучить третье видоизмѣненіе общаго германскаго семейства языковъ—исландское нарѣчіе, такъ же легко, какъ русскому, знающему по-малороссійски, выучиться переводить съ польскаго; для челоѣка съ хорошею памятью это дѣло нѣсколькихъ недѣль. Не надобно забывать и того, что г. Сенковскій, изучивъ уже много восточныхъ и европейскихъ языковъ, очень хорошо зналъ удобнѣйшія методы для практическаго изученія языковъ. Надобно прибавить, что латинскій переводъ, приложенный къ исландскому тексту, значительно помогалъ труду. Но, во всякомъ случаѣ, не будучи фактомъ необычайнымъ, переводъ «Эймундовой Саги» послѣ двухмѣсячныхъ занятій свидѣтельствуетъ объ острой памяти и быстрой способности соображенія въ переводчикѣ. Другой подобный примѣръ былъ менѣе замѣченъ тогдашними литераторами, но, безъ сомнѣнія, болѣе замѣчателенъ. Г. Сенковскій выучился очень хорошо писать на русскомъ языкѣ также въ очень непродолжительное время. Правда, литературные враги находили въ его языкѣ много ошибокъ; но эти придирки были почти всѣ несправедливы. Слогъ г. Сенковскаго могъ имѣть свои недостатки—это зависитъ отъ вкуса, а не отъ знаній въ языкѣ—но русскій языкъ г. Сенковскаго былъ съ самыхъ первыхъ его статей очень легокъ и чистъ. Челоѣку зрѣлыхъ лѣтъ въ годъ,

въ два года выучиться хорошо владѣть языкомъ, на которомъ не привыкъ онъ говорить съ младенчества,—вещь гораздо болѣе рѣдкая, нежели выучиться въ два мѣсяца понимать писанный на немъ книги.

Мы упомянули объ этихъ двухъ фактахъ для того, чтобы выставить ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Тотъ и другой часто принимаются превратно: изученіе исландскаго нарѣчія въ два мѣсяца считаютъ многіе дѣломъ необычайнымъ, обнаруживая тѣмъ только собственное незнакомство съ дѣломъ, другіе нападаютъ на русскій языкъ г. Сенковского, не понимая того, что даровитый человекъ можетъ владѣть нѣсколькими языками лучше, нежели бездарный однимъ своимъ собственнымъ, и смѣшивая недостатки слога съ неправильностями языка, которыхъ безпристрастный читатель не найдетъ у г. Сенковского. Но мы вовсе не думаемъ, чтобы эти случаи были единственными или лучшими доказательствами быстроты и силы ума, которымъ одаренъ этотъ писатель. Не всѣ его статьи удачны,—многія слабы, какъ у всякаго, кто пишетъ много и печатаетъ все, что пишетъ; но въ самыхъ неудачныхъ постоянно видны очень замѣчательныя проблески сильнаго ума, а въ лучшихъ этотъ умъ блеститъ на каждой страницѣ. Мы и здѣсь не хотимъ ничего преувеличивать, чтобы сдѣлать ярче противоположность между дарованіемъ и ихъ употребленіемъ: въ статьяхъ барона Брамбеуса нѣтъ такой силы ума, какая видна у лучшихъ тогдашнихъ журналистовъ: Марлинскаго, Н. А. Полеваго, г. Надеждина; но, во всякомъ случаѣ, писатель этотъ—человекъ замѣчательнаго ума.

Не должно смѣшивать умъ съ остроуміемъ. Объ этомъ послѣднемъ качествѣ, которымъ въ особенности славился баронъ Брамбеусъ, надобно сказать нѣсколько подробнѣе. Во время его славы, лучшіе тогдашніе литераторы, какъ Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Н. А. Полевой и проч., не были нимало ослѣплены насчетъ его остроумія... Но у нихъ остроуміе употреблялось въ дѣло только кстати, когда требовалъ того предметъ рѣчи, какъ и должно быть. подчиняясь другимъ, высшимъ чертамъ ихъ литературнаго характера. Напротивъ, баронъ Брамбеусъ избралъ остроумничанье своею спеціальностью, старался ни одного слова не сказать безъ украшенія остроуміемъ. Исключительность всегда рѣзче бросается въ глаза, нежели гармоническое равновѣсіе дарованій. Такъ, напримѣръ, втеченіе нѣкотораго времени Языковъ былъ болѣе извѣстенъ, какъ «пѣвецъ вина», а Козловъ какъ «пѣвецъ грусти», нежели Пушкинъ, хотя у Пушкина и эти стороны жизни выразились сильнѣе и полнѣе, нежели у Языкова и Козлова. Такъ въ наше время изображенія купеческаго быта у г. Островскаго многихъ занимаютъ болѣе, нежели сцены въ «Ревизорѣ» и «Женитьбѣ», изъ того же быта, хотя внимательное сравненіе покажетъ, что у г. Островскаго (мы говоримъ, конечно, о достоинствахъ, а не о недостаткахъ его комедій) очень немного прибавлено къ тону, что уже указано Гоголемъ. Совершенно подобнымъ образомъ для большинства читателей остроуміе у барона Брамбеуса было замѣтнѣе, нежели у Н. А. Полеваго или г. Надеждина, хотя у послѣднихъ его было гораздо больше. У нихъ вниманіе читателя, не останавливаясь на формѣ, остроуміи, обращалось къ сущности, мысли статей; у барона Брамбеуса читатель останавливался исключительно на остроуміи, потому что кромѣ замысловатыхъ фразъ не на чемъ было останавливаться. Эта мысль далеко не новая, какъ и все, что мы говорили до сихъ поръ, и потому едва ли нуждается

въ доказательствахъ; но кому вздумается остановиться на ней, того мы попросимъ сравнить выписки изъ рецензій барона Брамбеуса, которыя мы приведемъ ниже, съ отрывками изъ разборовъ Н. А. Полеваго въ предыдущей нашей статьѣ. Если остроуміе состоятъ въ новости, непринужденности, разнообразіи, неожиданности, мѣткости сближенія, въ живости, ѣдкости фразеологій, то не можетъ оставаться сомнѣнія въ огромномъ превосходствѣ на сторонѣ Н. А. Полеваго. Не знаемъ, скоро ли намъ представится случай говорить о «Телескопѣ» и г. Надеждиѣ, но каждый, кто помнитъ статьи «эксъ-студента Надоумко», скажетъ, что кромѣ Пушкина не кого изъ тогдашнихъ писателей сравнивать съ нимъ. Не говоримъ уже объ удивительномъ остроуміи самого Пушкина.

Почему же баронъ Брамбеусъ успѣлъ прославиться остроуміемъ, далеко уступая многимъ изъ тогдашнихъ журналистовъ въ этомъ отношеніи? Одну изъ причинъ мы уже видѣли—исключительное стремленіе его къ остроумію, мимо всякихъ другихъ цѣлей. Воейковъ, раздѣлявшій съ нимъ едва ли завидную выгоду заботиться преимущественно объ остроуміи, также легко достигъ въ свое время цѣли и считался едва ли не первымъ острякомъ, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ слояхъ литературнаго кружка. Но въ публикѣ онъ далеко не пользовался такою извѣстностью, какъ баронъ Брамбеусъ: это потому, что ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не былъ такъ распространенъ, какъ «Библіотека для Чтенія». Въ 1830—1838 годахъ едва ли хотя одинъ журналъ расходился въ тысячѣ экземпляровъ ¹⁾, а «Библіотека для Чтенія» въ первые годы расходилась въ числѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ экземпляровъ. Очень естественно, что она была единственною распространительницею извѣстности въ массѣ публики. Баронъ Брамбеусъ былъ главнымъ лицомъ въ этомъ журналѣ, онъ единовластно управлялъ его мѣткими, всѣ критическіи и библіографическіи статьи приписывались ему, и справедливо, потому что онъ передѣлывалъ и тѣ немногія, которыя были писаны не имъ; онъ самъ говорилъ о своихъ заслугахъ русской литературѣ, и до большинства публики не достигалъ ничей другой голосъ. Но, быть можетъ, не онъ обязанъ своею популярностью «Библіотекѣ для Чтенія», а самый этотъ журналъ обязанъ ею его управленію? Если такъ, распространеніе круга журнальныхъ читателей—столь важная услуга обществу, что надобно было бы барона Брамбеуса поставить на ряду съ Новиковымъ, Барамзинимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, какъ сильнаго двигателя нашего просвѣщенія. Но онъ самъ нигдѣ не приписываетъ себѣ этой заслуги, хотя не забываетъ часто объяснять читателямъ всѣ свои права на высокое значеніе въ литературѣ; очевидно, ему даже не приходило на мысль, что «Библіотека для Чтенія» расширила кругъ русской публики. Оно и дѣйствительно было такъ. Масса людей, не имѣвшихъ прежде привычки читать, была привлечена къ чтенію произведеніями Пушкина и его сподвижниковъ. Душою русской книжной торговли былъ почтенный А. Ф. Смирдинъ. Довѣрие

¹⁾ Пушкинъ, въ 1832 году, говорилъ даже только о 500. «Одна газета, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику. Журналы литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500,—слѣдовательно, голосъ ихъ вовсе не дѣйствителенъ». Сочин. Пушкинъ, изд. П. А. Анненкова, томъ 1-й, стр. 358.

къ имени Смирдина было такъ велико, литературныя и коммерческія связи его такъ обширны, что издаше, имъ предпринимаемое, всегда должно было имѣть несравненно большій успѣхъ, нежели подобное же предпріятіе какого нибудь другаго лица. Писатель, который сдѣлался душою «Библіотеки для Чтеніи», понялъ это и очень основательно поступилъ, внушивъ А. Ф. Смирдину мысль быть издателемъ журнала, имъ задуманнаго. Всѣ лучшіе русскіе литераторы были привлечены Смирдинымъ къ участию въ журналѣ. Такимъ образомъ, редакторъ «Библіотеки для Чтеніи» умѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Но кругъ русскихъ читателей былъ распространенъ Пушкинымъ и его сподвижниками, а не «Библіотекою для Чтеніи»; «Библіотека для Чтенія» была обязана своимъ успѣхомъ участию Пушкина и почти всѣхъ другихъ литературныхъ знаменитостей и положеніе своего издателя, Смирдина, въ книжной торговлѣ, а не редактору. Напротивъ, дѣйствія редактора были причиною паденія журнала. Все это вещи извѣстныя, и выписки изъ статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы за 1834 и 1835 годы», которыя будутъ намъ нужны для объясненія отношеній Брамбеуса къ Гоголю, представляютъ подробности послѣдняго факта.

Но если вліяніе барона Брамбеуса было вредно для журнала, то, ужъ конечно, не потому, чтобы редакторъ недостаточно заботился о сообщеніи журналу тѣхъ качествъ, которыя считалъ для него полезными. Трудно найти въ исторіи новой русской журналистики другаго редактора, который такъ неутомимо заботился бы о своемъ изданіи, употреблялъ бы на него столько трудовъ. Не говоримъ уже о томъ, что баронъ Брамбеусъ самъ писалъ чрезвычайно много, такъ что можетъ поспорить своимъ добровольнымъ трудолюбіемъ съ невольною неусыпностью самаго прилежнаго изъ такъ называемыхъ журнальныхъ чернорабочихъ. Но едва ли какой нибудь редакторъ такъ неутомимо и прилежно перерабатывалъ каждую статью своихъ сотрудниковъ: перечитывая первые годы «Библіотеки», вы рѣшительно во всѣхъ неподписанныхъ статьяхъ Критики, Литературной Лѣтописи, Смѣси находите совершенное единство слога, манеры, самыхъ мнѣній,—всѣ онѣ кажутся написаны одною рукою: такъ заботливо исправлены и передѣланы онѣ неутомимымъ редакторомъ. Въ этомъ отношеніи «Библіотека для Чтеніи» доведена была до совершенства почти идеальнаго, потому что единство въ характерѣ всѣхъ этихъ чисто журнальныхъ статей, безъ сомнѣнія, должно быть цѣлью каждаго журнала. Если нельзя похвалить «Библіотеку» старыхъ годовъ за ея характеръ, то нельзя не похвалить ее за точную выдержанность характера. На статьяхъ въ отдѣлѣ Иностранной Словесности очень часто замѣтны также слѣды неутомимой передѣлки: то же самое часто, или, лучше сказать, почти постоянно, замѣтно даже въ подписанныхъ именами авторовъ оригинальныхъ русскихъ повѣстяхъ, постоянно въ неподписанныхъ, а иногда и въ подписанныхъ своими авторами статьяхъ по отдѣлу Наукъ. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ писалъ, быть можетъ, по сту печатныхъ листовъ и внимательно переправлялъ до самыхъ мелочныхъ подробностей почти все, что писали другіе для его журнала, часто вставляя по нѣскольку страницъ въ чужія статьи. Невольно думаешь: какъ много полезнаго произвела бы такая неутомимая дѣятельность, если бы направлена была къ какой нибудь важной цѣли!

Нельзя забыть еще двухъ великихъ достоинствъ, которыми отличался баронъ Брамбеусъ: онъ былъ одаренъ способностью писать очень легко и популярно и завиднымъ искусствомъ излагать свои мысли о самыхъ щекотливыхъ предметахъ съ достаточною ясностью.

Способность писать легко и популярно доказываютъ не тѣ его многочисленныя статьи, въ которыхъ онъ пародируетъ истины науки, съ цѣлью быть забавнымъ и занимательнымъ—это искусство легкое, оно по плечу каждому—но тѣ страницы, на которыхъ онъ излагаетъ свои собственныя теоріи съ искреннимъ намѣреніемъ убѣдить читателя. Сюда относятся многія мѣста изъ его статей объ «Иліадѣ» и «Одиссее», о ниневійскихъ памятникахъ, о различныхъ вопросахъ изъ русской исторіи, напримѣръ о Несторовой Лѣтописи, о значеніи Литвы для русской народности, объ имени «славянинъ» и проч., о теоріи образованія словъ въ языкѣ и т. д. Эти мнѣнія до такой степени оригинальны, что многіе принимали ихъ за шутку. Но внимательное чтеніе всего, что написано было ихъ авторомъ, убѣждаетъ въ протѣивномъ: одну и ту же шутку, почти одними и тѣми же словами, нельзя продолжать двадцать лѣтъ. Во-первыхъ, нельзя вѣчно помнить ее; остроумный человѣкъ скоро забываетъ свои остроты, потому что прежнія безпрестанно вытѣсняются изъ его ума новыми; во-вторыхъ, такой умный человѣкъ, какъ ученый, о которомъ мы говоримъ, не сдѣлалъ бы этого, чтобы не наскучить своимъ читателямъ. И дѣйствительно, предметы своихъ шутокъ и пародій онъ безпрестанно намѣняетъ и, говоря объ одномъ, не остерегается противорѣчить мнѣніямъ, которыя высказывалъ полгода или мѣсяцъ назадъ, говоря о другомъ. Но въ этихъ случаяхъ онъ безпрестанно повторяетъ то, что сказалъ однажды, повторяетъ кстати и не кстати, и каждый разъ съ величайшими подробностями. Нѣтъ сомнѣнія, что это его душевныя, любимыя мысли, которыя онъ хочетъ внушить читателямъ. Нельзя хвалить основательность этихъ мыслей, но нельзя не хвалить той удобопонятности, съ какою изложены онѣ и ихъ доказательства, по большей части заимствованныя изъ самыхъ специальныхъ фактовъ науки, совершенно незнакомыхъ читателю: тонкости арабской филологіи, греческихъ діалектовъ излагаются ученымъ журналистомъ съ такою популярностью, что читатель, не затрудняясь, понимаетъ сущность и подробности вопроса, потому съ охотою пробѣгаетъ статью чрезвычайно специальную: благодаря искусству изложенія она кажется ему легкою и занимательною. Нѣтъ надобности говорить, какъ важно это достоинство въ журналистѣ,—и за это мы отдаемъ полную честь г. Сенковскому.

Нельзя не отдать справедливости ему и за то, что онъ гордо уклонялся отъ всякой полемики. На него отовсюду сыпались укоризны, часто несправедливыя, часто грубыя до оскорбительности. Онъ, при случаѣ, не щадилъ своихъ противниковъ, но никогда не принималъ вызововъ на перебранку, что было тогда въ большой модѣ. Онъ отзывался о своихъ противникахъ иногда очень жестко, но всегда такъ, что въ словахъ его слышался голосъ журналиста, высказывающаго свои мнѣнія, а не раздраженнаго человѣка. Это прекрасное, и нынѣ рѣдкое, а въ тѣ времена еще болѣе рѣдкое доказательство глубокаго сознанія собственнаго достоинства и силы.

Сколько залоговъ плодотворной дѣятельности! Ученость, проникательный и живой умъ, остроуміе, умѣнье вѣрно понять обстоятельства, подчинить ихъ

себѣ, приобрести огромныя средства для дѣйствій на публику, трудолюбіе, сознание собственнаго достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторшъ, напригѣръ, Н. А.—Полеваго и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими даровавшими имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатѣ, которая нынѣ зрѣетъ поемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень проста: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самимъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно пріною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей: онъ вѣдумалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которые таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешеваго можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ вліяніемъ разсудка и любви, избираетъ себѣ возвышенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мѣлка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать чловѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было душевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, в самомъ

Гоголя. Гоголь поставил цѣлью своего санолюбіи помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаваться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которомъ идетъ дѣло, способно я готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу тѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣніи о себѣ я невысокаго мнѣніи о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но мнѣ не говорить, чтобъ онъ гералъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы ставимъ на точку зрѣніи человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не дѣлался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою растратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было сообразно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя нѣ въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ аммеромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Люшара, съ Кюве и Шампольиономъ, но опять не передъ профанами, въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, напримѣръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ Journal des Savants. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ людей ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутовъ. замѣняемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его очки зрѣніи, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? шныхъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талантливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и д., и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали мы о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, е совершенно лишены хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ нимъ нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, гавить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться е къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

себя, приобрести огромныя средства для дѣйствія на публику, трудолюбіе, сознаніе собственнаго достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторымъ, напримѣръ, Н. А. Полевого и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими даровавшими имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень простая: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самимъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно пріною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей: онъ вздумалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любить лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которые таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешево можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ влияніемъ разсудка и любви, избираетъ себя возвыщенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мѣлка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было душевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и самъ

Гоголя. Гоголь поставилъ цѣлью своего самолюбія помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которонъ идетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; заодно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу тѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣнія о себѣ и невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но мнѣ не говорить, чтобы онъ терялъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы ставимъ на точку зрѣніи человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не дѣлался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою астратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было подобно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ амниромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, съ Кювье и Шампольономъ, но опять не передъ профанами, въ Фантастическихъ Путешествіяхъ, а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, апримѣръ, въ «Бюллетенихъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ original des Savants. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ дѣй ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутовъ. амнѣемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его точки зрѣніи, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? мыхъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талавтливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, совершенно лишенные хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, авить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

себѣ, приобрѣсть огромныя средства для дѣйствій на публику, трудолюбіе, сознаше собственного достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторымъ, напримѣръ, Н. А. Полевого и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими дарованіями имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатвѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень проста: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самымъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно привою и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей, онъ вздумалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которыми таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешево можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ влияніемъ разсудка и любви, избираетъ себѣ возвышенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это естественное высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мѣлка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было душевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и самъ

Гоголя. Гоголь поставил целью своего самолюбия помочь окружающим его людям возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбие, потому что только похвалы равных могут быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которомъ вдетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу тѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высоко-го мнѣнія о себѣ въ невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ ногъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но мнѣ не говорить, чтобы онъ терялъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами шли люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы остановились на точку зрѣнія человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не глѣбался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою астратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было подобно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ аммеромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» люшара, съ Кювье и Шампольйономъ, но опять не передъ профанами, въ Фантастическихъ Путешествіяхъ, а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, шрифтѣръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ *Journal des Savants*. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится рѣжба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ дей ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутовъ. Имѣяемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его чужимъ зрѣніемъ, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? Изъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называть талантливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. Фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д., и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, совершенно лишенные хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, говорить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

себѣ, приобрѣсть огромныя средства для дѣйствія на публику, трудолюбіе, сознаніе собственнаго достоинства—все въ высокой степени соединилось въ этомъ писателѣ. Мы не дуваемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторымъ нивиримѣръ, Н. А. Полеваго и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими дарованіями имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатвѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень простая: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самимъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно приною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей; онъ вздумалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которые таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешево можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ вліяніемъ разсудка и любви, изображаетъ себѣ возвыщенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мелка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было душевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и само

Гоголя. Гоголь поставил цѣлью своего самолюбія помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которомъ идетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу гѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣнія о себѣ и невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключение, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но инеъ не говоритъ, чтобъ онъ терялъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше инѣше довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы остановимся на точку зрѣнія человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не дѣлался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою астратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было сообразно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя въ въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ амперономъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Люшара, съ Кювье и Шампольономъ, но опять не передъ профанами, въ Фантастическихъ Путешествіяхъ, а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, апримѣръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ *original des Savants*. Тогда и мы, пигмен, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ людей ученаго міра.

Но лиллипутскіи забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутцовъ. Имѣнемъ слово «пигмен» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его точки зрѣнія, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? Ничего, кромѣ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талаятливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, совершенно лишеныя хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, ставить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

себѣ, приобрѣсть огромныя средства для дѣйствія на публику, трудолюбіе, сознаніе собственного достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣвоторигъ, напригѣвъ, Н. А. Полеваго и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими дарованіями имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень простая: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самимъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно пріною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей: онъ вдувалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которые таили на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешеваго можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ вліяніемъ разсудка и любви, избираетъ себѣ возвышенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мелка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было душевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и самъ

Гоголя. Гоголь поставилъ цѣлью своего самолюбія помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаваться ему, необходимо имѣть увѣреніе въ томъ, что общество, о которомъ идетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу тѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣнія о себѣ и невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и съ этимъ ему не было особенной славы; но мною не говорить, чтобы онъ ерзалъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы становимся на точку зрѣнія человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не дѣлался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою астратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было подобно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя въ въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ амисромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Люшара, съ Кювье и Шампольйономъ, но опять не передъ профанами, въ Фантастическихъ Путешествіяхъ, а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, априоръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ *Journal des Savants*. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ дѣй ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутовъ. Амбляемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его точки зрѣнія, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? Мелкихъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талаятливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д., и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, совершенно лишенные хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, ставить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

себѣ, приобрѣсть огромныя средства для дѣйствія на публику, трудолюбіе, сознаніе собственнаго достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторыхъ, напримѣръ, Н. А. Полеваго и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими дарованіями имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ, а баронъ Брамбеусъ, который, былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатвѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень простая: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самымъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно пральною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей; онъ вдувалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которыя таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествахъ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешеваго можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ вліяніемъ разсудка и любви, избираетъ себѣ возвышенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы бесполезно для другихъ, бесполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывести, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почестъ себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мелка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожь оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было задушевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и самого

Гоголя. Гоголь поставилъ цѣлью своего самолюбія помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвадами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которомъ идетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу гѣхъ, кого не любить.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣнія о себѣ и невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но мнѣ не говорить, чтобы онъ терялъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы становимся на точку зрѣнія человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не сдѣлался ли бы ничтожнымъ самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою растратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было сообразно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя онъ въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ Гаммеромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, съ Кюве и Шампольономъ, но опять не передъ профанами, въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, впримѣръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ Journal des Savants. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похвадамъ великихъ судей ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили ^{семерыхъ} барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многими выше лиллипутовъ. Замѣняемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его точки зрѣнія, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? самыхъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талантливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д., и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали мы о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, не совершенно лишеныя хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, ставить г. Тимоеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться не къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятно же всего,

надобно объяснять загадочную роль Брамбеуса слѣдующимъ образомъ: отъ природы онъ получилъ довольно сильную наклонность блестящаго остроуміемъ и нѣкоторую склонность къ парадоксамъ, что почти нераздѣльно одно съ другимъ,—кромя того, большую увѣренность въ собственныхъ силахъ. Увѣренность эта и счастливыя обстоятельства, въ которыя онъ унѣлъ себя поставить, такъ что наконецъ сдѣлался полнымъ распорядителемъ единственнаго сильнаго журнала, внушили ему мысль, что онъ можетъ вертѣть этою литературою и этою публикою, какъ ему вздумается. Онъ вздумалъ, что, такъ какъ наша исторія еще мало разработана, наша литература еще мало развита, съ иностранными литературами мы еще мало знакомы, литературныя мнѣнія еще шатки въ большинствѣ публики, которая мало еще знакома и вообще съ наукою, то онъ можетъ сдѣлаться первымъ нашимъ беллетристомъ,—недостатокъ повѣствовательнаго таланта можно замѣнить заимствованиями у иностранныхъ писателей,—этого не откроютъ читатели, очень мало съ ними знакомые; можетъ передѣлать всю нашу исторію блестящими гипотезами—вѣдь она мало разработана: кто же докажетъ неосновательность этихъ предположеній?—можетъ увѣрять публику во всемъ, что ему вздумается, вѣдь ея литературныя мнѣнія шатки, а знанія слабы. И онъ началъ писать повѣсти, передѣливая и переводя Бальзака, Жюль Жанена, Марриета, Вольтера, Лесажа, Фильдинга, Рабле, и т. д., и т. д. ¹⁾ Онъ рѣшился доказывать, что языкъ Нестеровой Лѣтописи—польскій, что литовцы—коренные русскіе славяне, что «славянишъ» значитъ «человѣкъ», а «славяне»—«человѣки», что китайскій языкъ отличается отъ еврейскаго только интонаціею, что «Иліада» и «Одиссея» писаны на бѣлорусскомъ нарѣчій, что Киръ и его персы говорили нарѣчіемъ, очень близкимъ къ бѣлорусскому, такъ что персепольскія гвоздеобразныя надписи скорѣе всего можно прочесть на бѣлорусскомъ нарѣчій, и т. д., и т. д. Но оказалось, что наша публика не такъ легковѣрна, а литераторы и ученые наши не такіе невѣжды, какими надлежало имъ быть для успѣха въ столь смѣлыхъ предпріятіяхъ: заимствованія были открыты, неосновательность гипотезъ обнаружилась, и тогда самолюбіе заставило барона Брамбеуса систематически и преднамѣренно продолжать то, что было начато, быть можетъ, только необдуманно, отчасти по излишней увѣренности въ собственныхъ дарованіяхъ, отчасти по неосновательности знаній въ тѣхъ наукахъ, которыя онъ вздумалъ пересоздавать. Кого не удовлетворяетъ это объясненіе, тотъ можетъ прочесть другое, болѣе простое, въ статьѣ «Менцель» (Отечественныя Записки, томъ VIII, Науки, на страницахъ 27—29).

Мы самымъ краткимъ образомъ говорили о повѣствовательной и ученой дѣятельности барона Брамбеуса, но должны сказать нѣсколько подробнѣе о характерѣ его критическихъ статей и рецензій, съ одной стороны потому, что на нихъ преимущественно опиралось мнѣніе о немъ, какъ объ остроумнѣйшемъ изъ русскихъ писателей, нѣкоторое время господствовавшее въ извѣстномъ классѣ публики, съ другой потому, что критическая его дѣятельность ближай-

¹⁾ Предѣлы статьи заставляютъ насъ ограничиться только указаніемъ на статью «Брамбеусъ и юная словенность», помѣщенную въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1835 г., томъ 2. Тамъ приведены доказательства.

шимъ образомъ относится къ нашему предмету. Признаемся, мы прочитывали эти статьи со скукою, потому что остроуміе ихъ очень однообразно и вложено въ нихъ почти всегда чисто механическимъ способомъ, который по плечу каждому рецензенту, даже наименѣе остроумному. Все искусство состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы ловить неправильныя фразы въ разбираемой книгѣ и потомъ повторять ихъ нѣсколько разъ; если заглавіе книги не совсѣмъ удачно, то посмѣяться и надъ заглавіемъ; если же можно, то прибрать какія нибудь подобнозвучныя или подобнозначашія слова заглавію или фамиліи автора и, повторяя ихъ нѣсколько разъ, перемѣшивать, напримѣръ «Московского Наблюдателя» называть то «Московскимъ Надзирателемъ», то «Московскимъ Надирателемъ», то «Московскимъ Соглядатаемъ», то «Московскимъ Подзирателемъ». Разбирая книжку, на которой авторъ, конечно какой нибудь Протопоповъ, выставилъ свою фамилію такъ: Пр. т. п. п. въ (невинная скромность, употребительная въ тѣ блаженныя времена), разъ двадцать повторить: «говорить г. П. п. п. въ», «говорить г. П. р. р. р. въ», «говорить г. П. п. п. р. р. р. въ», и т. д. Однимъ словомъ, по этому очень незамысловатому рецепту остроумный разборъ «Мертвыхъ Душъ» могъ бы быть написанъ слѣдующимъ образомъ. Выписавъ заглавіе книги: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», начинать прямо такъ: «Прохлажденія Чхи! чхи! кова—не подумайте, читатель, что я чихнулъ, я только произношу вамъ заглавіе новой поэмы г. Гоголя, который пишетъ такъ, что его можетъ понять только одинъ Гегель... Я отдохнулъ и продолжаю: Чхи... Это грузинецъ: у грузинцевъ ни одна фамилія не обходится безъ Чхи! чхи!.. Итакъ, «Прегражденія Чичикова, или Мертвыя Туши... Не знаемъ, о тушинцахъ ли, сосѣдахъ грузинъ, говоритъ авторъ, или о Тушинскомъ Ворѣ, или о бурой коровѣ, или о своихъ любимыхъ животныхъ, которыхъ такъ часто описываетъ съ достойнымъ ихъ искусствомъ», и т. д., и т. д. Лѣтъ двадцать тому назадъ находились читатели, которымъ это казалось остроуміемъ. Тогда могли найтись даже читатели, которые поняли бы тонкій каллибуръ, скрытый въ словахъ «прохлажденія... пригвозденія? прегражденія Чхичикова», и сказали: «ай-да молодецъ! раскритиковалъ! Ужъ подлинно, такъ прохладилъ да пригвоздилъ, что преградить писаніе такихъ нелѣпостей. Вѣрно не разъ чихнетъ авторъ отъ этой критики!» И читатель былъ доволенъ собою, слѣдовательно восхищенъ ловкимъ критиканомъ, доставившимъ ему случай не только разсмѣяться, но и самому сказать остроуту! О, благословенныя времена! Какъ легко было прослыть тогда остроумцемъ въ извѣстномъ кругу читателей, объ одномъ изъ которыхъ упоминаетъ несравненный лейтенантъ Жевакинъ: «У насъ въ эскадрѣ капитана «Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—«вдругъ засмѣется, ей Богу! и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, «и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь наконецъ, и самъ, точно, смѣешься» (Сочин. Гоголя, 4 часть, 308 стр. новаго изданія). Мало уже нынѣ Пѣтуховыхъ, Антоновъ Ивановичей! Воля ваша, скажешь Гоголемъ: «скучно на свѣтѣ, господа!», особенно скучно, когда по необходимости перечитываешь то, надъ чѣмъ такъ смѣялись Антони Ивановичи, лѣтъ за двадцать.

Это объ остроуміи; что же касается содержанія и смысла рецензій и

критикъ барона Брамбеуса, мы находимъ у Гоголя совершенно справедливый отзывъ (О движеніи журнальной литературы, «Современникъ» 1836 г., № 1):

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковский никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства; критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнялъ и, если не выполнялъ, навѣ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковский занимался разборомъ разнаго литературнаго бора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ: надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ; наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ, «сей» и «онъ», которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскій языкъ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны были нѣ цѣлыя трактаты, и статьи его, разсуждавшія о канонѣ бы то ни было предметъ, всегда оканчивались тѣмъ, что нѣстоименія «сей» и «онъ» совершенно неприличны. Это напомнило старый процеесъ Тредьяковского за букву ижицу и десятиричное і: книга, въ которой встрѣчались эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Къ этимъ совершенно справедливымъ словамъ надобно прибавить замѣчаніе о томъ, откуда взять былъ тонъ и слогъ этихъ статей,—изъ литературныхъ фельетоновъ Жюль Жанена, который тогда былъ въ цвѣтѣ молодости и на вершинѣ своей славы. И вотъ мы пришли къ необходимости вникнуть въ предполагаемыя нѣкоторыми ^{искусств} заслуги барона Брамбеуса передъ русскою литературою. Никто не скажетъ теперь, чтобы его повѣсти были особенно хорошимъ приобрѣтеніемъ для нашей беллетристики, никто не скажетъ, чтобы отъ его ученыхъ статей хотя сколько нибудь выиграла или наука, или публика; но въ старые годы Антонъ Ивановичъ Пѣтуховъ получилъ обыкновеніе повторять его слова, что онъ ввелъ въ русскую литературу легкій прозаическій слогъ, первый началъ писать у насъ живымъ и свѣтскимъ языкомъ. Чтобы говорить это, надобно не имѣть понятія о нашихъ журналахъ 1825—1833 годовъ. Полевой и его сотрудники писали, когда то было сообразно съ предметомъ, самымъ легкимъ языкомъ. Не говоримъ уже о томъ, что для присужденія барону Брамбеусу заслугъ относительно языка надобно думать, что онъ былъ учителемъ Пушкина и его сподвижниковъ. «Телеграфъ», «Молва» и почти всѣ другіе журналы показываютъ, что около 1825—1830 года искусство писать легкимъ языкомъ не было даже принадлежностью одной пушкинской школы, а рѣшительно всѣхъ грамотныхъ и небездарныхъ прозаиковъ. Странная ошибка, въ которую впалъ баронъ Брамбеусъ, приписывая себѣ заслугу введенія у насъ легкой прозы; что уже было сдѣлано задолго до него, происходитъ оттого, что ему самому единственнымъ превосходнѣйшимъ прозаическимъ языкомъ казалась жюль-жаненовская манера, которую, дѣйствительно, ввелъ онъ у насъ, какъ нѣкогда иные вводили фонтенелевскую манеру, другіе стерновскую, третьи юнгштилльнговскую или эккартсгаузенговскую манеру. Дѣло просто въ томъ, что каждый подражатель поддѣлывался подъ слогъ своего образца. Баронъ Брамбеусъ смѣшалъ понятія «языкъ», который бываетъ въ данную эпоху почти одинаковъ у всѣхъ грамотныхъ писателей, и «слогъ», то есть особенную манеру

каждаго писателя. Онъ былъ у насъ первый подражательнъ Жюль Жанена и, дѣйствительно, первый изъ литераторовъ, игравш^и замѣтную роль, началъ поддѣлываться подъ его слогъ; считая этотъ слогъ идеаломъ совершенства и не зная различіи между языкомъ и слогомъ, онъ, по нашему мнѣнію, совершенно добродушно, пришелъ къ заключенію, что онъ первый у насъ началъ писать превосходнымъ прозаическимъ языкомъ, о чемъ для человѣка, хотя немного понимающаго дѣло и читавшаго хотя нѣсколько страницъ пушкинской прозы, не могло быть и рѣчи въ 1834 или 1833 году. Но можетъ быть рѣчь о томъ, хороша ли манера Жюль Жанена и не должно ли считать заслугою барона Брамбеуса хотя то, что онъ, подражая Жюлю Жанену, писалъ хорошимъ слогомъ, хотя хорошій слогъ тогда уже не былъ новостью. Вотъ до чего мы дошли! Неужели вадобно серьезно говорить о такомъ писателѣ, какъ Жюль Жаненъ? Ужели надобно доказывать, что слогъ его растянуть, вычуренъ, приторенъ, что ни естественности, ни жизни, ничего, чѣмъ отличается слогъ хорошихъ писателей, въ немъ нѣтъ? Одинъ фельетонъ пишетъ онъ, заключая каждую фразу восклицательнымъ знакомъ,—замѣйте, буквально каждую фразу, не пропуская ни одной; другой—послѣ каждыхъ двухъ-трехъ словъ ставя нѣсколько точекъ; третій—начиная каждую фразу словами oh! quo j'aime; четвертый—словомъ hélas! и т. д., и т. д., но повсюду остается онъ вѣренъ двумъ правиламъ: говорить какъ можно меньше о дѣлѣ и какъ можно больше о пустякахъ, и растягивать фразы до безконечности наборомъ десяти, пятнадцати синонимовъ, безконечнаго ряда прилагательныхъ или глаголовъ, такимъ образомъ: «юный, свѣжій, розовый, цвѣтущій, весенній, ароматный румянецъ ея щекъ прельщалъ насъ такъ недавно, и—hélas!—она увяла, поблекла, поблѣднѣла, уснула, покинула насъ... не хочу сказать: уперла—умереть значить пережить себя, быть забытымъ, и т. д., и т. д. А такое чудное, дивное, упоительное, восхитительное, очаровательное и т. д. существо можетъ ли быть когда нибудь забыто? Oh, поп, ты всегда будешь лучшимъ, прекраснѣйшимъ и т. д. воспоминаніемъ», и т. д., и т. д. на пятнадцать столбцовъ,—и замѣйте, что это говорится о смерти какой нибудь сорокалѣтней, неуклюжей танцовщицы, и замѣйте, что она вовсе не думала умирать, а краснорѣчивый плачъ написанъ для того, чтобы завтра публика, увидѣвъ ея имя на афишѣ, толпою бросилась въ театръ рукоплескать воскресшему «юному, дивному, прелестному, очаровательному и т. д. существу». Или перемѣнимъ тему; надобно сказать: «я изумленъ и обрадованъ». Жюльжаненовскимъ слогомъ говорится это такъ: «я пыхчу, я задыхаюсь, я волнуюсь, я потѣю, я холодѣю, я трепещу отъ восторга, отъ удивленія, отъ изумленія, и т. д., и т. д.». Писать самому такимъ слогомъ и рекомендовать его другимъ не составляетъ особенной заслуги.

Повѣсти барона Брамбеуса, его критическія статьи и рецензіи постоянно писаны въ манерѣ Жюль Жанена. О повѣстяхъ мы не будемъ говорить; но въ критическихъ статьяхъ есть значительная разница между этими двумя рецензентами: несмотря на всю реторику, всю натянutosть изложенія и постоянныя усилія выдать дурное за хорошее и наоборотъ, у Жюль Жанена очень часто замѣтенъ эстетическій вкусъ,—слишкомъ утонченный, изысканный, но все-таки тонкій; кромѣ того, его фельетоны, несмотря на всю свою пустоту, болѣе или

менте проникнуты одною идеею, — тою самой, лучшимъ представителемъ которой служить его газета, *Journal des Débats*. Эта идея очень мелка, но все-таки она даетъ нѣкоторый смыслъ, нѣкоторую внутреннюю цѣнность болтовнѣ Жюль Жанена: лучше что нибудь, нежели ничего. У барона Брамбеуса вмѣсто этихъ качествъ замѣтно болѣе учености, нежели у поверхностнаго Жюль Жанена; но вы рѣшительно не видите, чего хотятъ его рецензиръ, и доходите до убѣжденія, что рецензентъ лишень вкуса. Вы постоянно видите, что для него не замѣтно различіи между дурнымъ и хорошимъ въ художественномъ отношеніи. Для него самого незамѣтно — сказали мы — потому что недостаточно объяснять его ошибки предвѣренностью, желаніемъ посмѣяться, ввести въ заблужденіе читателей или автора: всему есть свои предѣлы; — напримѣръ, называть Тимоеева Пушкинымъ можно только тогда, когда самъ не замѣчаешь различіи между этими двумя писателями. Мы могли бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ, но довольно будетъ и двухъ: одинъ, самый извѣстный, изумившій многихъ въ свое время, есть разборъ драматической фантазіи г. Кукольника, «Торквато Тассо»; этою статьею дебютировала критика «Библиотеки для Чтенія» (1834 г. № 1); другой примѣръ — отзывъ о поэмѣ г. В. Зотова, «Послѣдній Хеакъ».

Разборъ «Торквато Тассо» начинается тѣмъ, что драматическая фантазія г. Кукольника признается явленіемъ столь же высокаго достоинства, какъ «Послѣдній день Помпеи». Поводомъ къ сравненію было то обстоятельство, что оба эти произведенія сдѣлались извѣстными публикѣ въ одинъ и тотъ же годъ.

Но — продолжаетъ критикъ, подписавшійся именемъ Тютюнджи-Оглу — публика наша, къ сожалѣнію, встрѣтила «Торквато Тассо» очень холодно. Впрочемъ, это ничего не доказываетъ: «первыя творенія музы Байрона встрѣтили точно такую же холодность въ англійской публикѣ», лордъ Брумъ, знаменитый въ свое время цѣнитель литературныхъ явленій, «совѣтовалъ даже ему никогда не писать стиховъ», и только Вальтеръ Скоттъ объяснилъ англичанамъ величіе новаго поэтического гения. «Я желалъ бы, чтобы Вальтеръ Скоттъ воскресъ изъ могилы и оказалъ другую подобную услугу намъ, русскимъ: по скромной недовѣрчивости къ собственнымъ нашимъ силамъ, мы не смѣемъ подумать, чтобы между нами возникъ необыкновенный поэтическій талантъ — «молодой Кукольникъ». Разсказавъ содержаніе поэмы и выписавъ изъ нея два или три «превосходные отрывка», критикъ доходитъ до видѣнія больнаго Тассо въ домѣ сумасшедшихъ, этой «чудесной, единственной сцены, достойной величайшаго поэтического гения, истинной, высшей поэзіи ужаса». Для тѣхъ, кто позабылъ этотъ удивительный отрывокъ, красоты котораго столь вѣрно воспроизведены во второмъ отрывкѣ, «Домевикино Фети», драматической фантазіи Новаго Поэта, скажемъ, что въ этой сценѣ «Торквато Тассо» безпрестанно сверкаетъ молнія, при блескахъ которой возникаетъ «Черный духъ съ крыльями», Тассо бросается обнимать его, «но упавшая за самымъ окномъ съ ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько моментовъ ярко освѣщаетъ комнату», духъ исчезаетъ, Тассо «обнимаетъ воздухъ», «неволью падаетъ на колѣни» и начинаетъ изъяснять свое отчаяніе высокопарными словами, потомъ «подъ-емлетъ голову, но, увидѣвъ надъ собою золотой вѣнецъ въ сіяніи, падаетъ

«ницъ». Представивъ читателямъ это нескладное, напыщенное подражаніе первымъ сценамъ «Фауста», критикъ говорить: «Если это не поэзія, не самая высокая драматическая поэзія, то во мнѣ нѣтъ души. Этой сцены нельзя читать безъ трепета. Одинъ Тальма былъ бы въ соеюшіи представлять ее: въ его рукахъ ова произвела бы такой же ужасный и гораздо высшій эффектъ, какъ прославленная сцена лунатизма въ Макбетъ». Почти также прекрасно драматизирована, на взглядъ критика, смерть Лукреція, приключившаяся такимъ манеромъ:

«Тассъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати, на колѣни. Лукреція хватается за сердце.

Луврвція.

Ахъ, сердце, сердце!
(Съ пронзительнымъ крикомъ)
Га! разорвалось! (Умираетъ).

Всѣ эти удивительно поэтическія мѣста «приносятъ (по словамъ критика) величайшую честь поэтическимъ дарованіямъ юнаго нашего Гёте», и «я также громко воеклицаю (говоритъ онъ): *великій Кукольникъ!* передъ его видѣніемъ Тасеа и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю: *великій Байронъ!* передъ многими мѣстами твореній Байрона».

Обыкновенно принимали этотъ разборъ за насмѣшку надъ публикою и авторомъ. Смыслъ этой статьи можетъ быть только таковъ: собственно говоря, «Манфредъ» Байрона такъ же плохъ или хорошъ, какъ «Тассо» г. Кукольника, и я рѣшительно не знаю, хорошъ или дуренъ «Манфредъ» — вы, публика, думаете, что онъ хорошъ — такъ вотъ вамъ другое произведеніе, которое не хуже его. — Вотъ отзывъ того же критика о «Послѣднемъ Хеакѣ»:

«Не должно судить о дарованіи г. Зотова по этой поэмѣ: она его первая поэма, а первая поэма бываетъ всегда слаба, хотя бы, напримѣръ, «Хаджи Абрекъ» Лермонтова. «Мы уговаривали даровитаго Лермонтова не печатать «своей первой поэмы», увѣряя его, что онъ будетъ писать хорошо впослѣдствіи времени, а первая поэма его слаба; но «юный поэтъ не отставалъ», и «чтобы удовлетворить эту невинную мечту неопытности», мы «напечатали «Хаджи Абрека» въ сокращеніи, съ выпускомъ главнѣйшихъ длиннотъ и страшнѣйшихъ картинъ». — «Между Абрекомъ и Послѣднимъ Хеакомъ мы видимъ большое сходство. Здѣсь также встрѣчаются очень скучныя длинноты, но, такъ же, какъ и въ «Абрекѣ», есть мѣста, предвѣщающія рѣшительный талантъ». Рецензентъ доказываетъ это длинными отрывками изъ «Хеака», — отрывками, достоинство которыхъ читатели могутъ вообразить себѣ и безъ нашихъ объясненій. «Послѣ этихъ выписокъ (заключаетъ рецензентъ) намъ остается только пожелать, чтобы невольное сближеніе послѣдняго Хеака съ Абрекомъ принесло счастье юному поэту, и чтобы г. В. Зотовъ, уже товарищъ Лермонтову по первому поэтическому грѣху, точно также загладилъ свою поэму истинными успѣхами въ искусствѣ и явился современемъ товарищемъ ему по таланту и славѣ».

Здѣсь опять то же самое: вы, публика, говорите, что «Хаджи Абрекъ» въ цѣлонъ слабъ, но имѣетъ мѣста, предвѣщающія рѣшительное дарованіе.

Вы говорите, что Лермонтовъ великій поэтъ. Не знаю, такъ ли это; но «Послѣдній Хеакъ», на мой взглядъ, ничѣмъ не отличается отъ «Хаджи Абрека»; потому надобно предрекать, что современемъ вы, публика, будете находить, что г. В. Зотовъ «товарищъ Лермонтову по таланту и славѣ». Можно морочить публику относительно Кювье и Шампольйона, потону что публика не читала и не будетъ читать ихъ; но Лермонтова она прочла, Байрона также знаетъ довольно хорошо, и говорить о нихъ такія странныя вещи можно только проговариваясь.

Невольнымъ сознаніемъ передъ собою въ своей неспособности оцѣнивать достоинства и недостатки литературныхъ произведеній надобно объяснять постоянное правило барона Брамбеуса: съ одной стороны, о замѣчательныхъ явленіяхъ наименьшей словесности упоминать только вскользь, отдѣливаясь отъ нихъ нѣсколькими общими фразами, одною или двумя страничками, почти всегда повторяя только то, что уже было сказано другими, но, чтобы придать оригинальность заимствованнымъ сужденіямъ, повторяя ихъ въ утрированной формѣ; и, съ другой стороны распространяться о сѣробумажныхъ книжкахъ, въ которыхъ главное дѣло не художественные недостатки—къ эстетикѣ не имѣютъ онѣ никакого отношенія—а просто бессмысленность и безграмотность. Для того, чтобы умѣть осудить ихъ, не впадая въ промахи, довольно быть человѣкомъ грамотнымъ и неглупымъ. Въ началѣ баронъ Брамбеусъ попробовалъ писать большія статьи о романахъ и драмахъ, которыя хотѣлъ расхвалить или побранить: такъ, въ первыхъ нумерахъ «Библіотеки» помѣщены были обширные критическіе разборы «Торквато Тассо» и нѣкоторыхъ другихъ произведеній г. Кукольника, «Мазепы» г. Булгарина, «Черной Женщины» г. Греча. Но скоро онъ пересталъ пускаться въ подобныя предпріятія, вѣроятно, самъ, какъ человѣкъ умный, замѣтивъ, что они не въ характерѣ его способностей. Критическій отдѣлъ «Библіотеки для Чтенія» сталъ наполняться почти исключительно разборами ученыхъ сочиненій, а Литературная Лѣтопись—длинными рецензіями о пустыхъ, не заслуживающихъ вниманія книжкахъ. Вотъ, напримеръ, заглавія литературныхъ произведеній, которыя удостоены очень длинныхъ рецензій въ послѣднихъ нумерахъ «Библіотеки для Чтенія» 1842 г.

«Сенсація и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею, данъ л'этранже», «Княжна Хабиба», повѣсть въ стихахъ Александры Фуксъ, «Мечты и звуки поэзія Іосифа Ірузинова», «Завѣтныя думы, Осенніе цвѣты и Вечерніе досуги», стихотворенія М. Демидова, «Послѣдній Хеакъ», поэма В. Зотова, «Мать и дочь», романъ, сочиненіе Михайла Чернявскаго, «Сердце женщины», романъ М. Воскресенскаго, «*Étincelles et Condros, poésies par mademoiselle E. Oulybychoff*». Moscon. 1842, «Любовь музыканта», романъ А. Ярославцева, «Повѣсти для добрыхъ москвитянъ», сочиненіе Эммануила Люмина.

О каждой изъ этихъ книгъ говорится подробно, объ иныхъ на 15, объ иныхъ на 20 страницахъ. Зато въ старыхъ годахъ «Библіотеки», начиная съ 1838 г. (въ 1836 и 1837 гг. разборы для этого журнала доставлялъ Н. А. Полевой), напрасно стали бы вы искать хотя такихъ статей, какъ разборы «Торквато Тассо» и «Черной Женщины». А между тѣмъ, журналъ проникнуть былъ сильною потребностью хвалить романистовъ и поэтовъ, къ

которымъ благоволилъ. Онъ и хвалилъ ихъ безпрестанно, но только общими фразами, чувствуя, что подробные разборы даже поередственныхъ произведеній ему не по силамъ.

Теперь нѣтъ надобности намъ распространяться о томъ, могъ ли баронъ Брамбеусъ сказать о Гоголѣ что нибудь въ самомъ дѣлѣ замѣчательное. Кто не сказалъ ни о комъ ничего, тотъ, конечно, ничего особеннаго не сказалъ и о Гоголѣ. Сначала «Библиотека для Чтенія» вѣрно держалась своего правила: о «Миргородѣ» и «Арабескахъ» она сказала только по нѣсколькимъ словъ, довольно благосклонныхъ, потому что всѣ другіе журналы отзывались объ этихъ книгахъ выгодно. О «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» было сказано («Библиотека для Чтенія» 1834 г., № 5), что «у автора есть большое дарованіе», и съ обычною мѣткостью эстетическихъ сужденій барона Брамбеуса было прибавлено, что «у него нѣтъ чувства», между тѣмъ, какъ на каждого читателя, не лишеннаго вкуса, сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ «Вечера на Хуторѣ» именно своею задушевностью и теплотой. О «Миргородѣ», въ 3-мъ номерѣ «Библиотеки» 1836 года, было сказано:

Впродолженіе двухъ томовъ вы только в видите, что малороссійскіе мужиковъ, казаковъ, дьячковъ, мастеровыхъ. Публика г. Гоголя «утираетъ ясъ полоку своего балахона» а жестоко пахнетъ дегтемъ, и всѣ его повѣсти, или, правильнѣе, сказки, имѣютъ одинаковую физіоношію. Литература эта, конечно, невысока, эта публика еще одной степенью ниже знаменитой публики поль-де-кововой; однакожъ, книга читается съ большимъ удовольствіемъ, потому что она писана слогомъ плавнымъ, пріятнымъ, исполненнымъ непренужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматическія ошибки. Самое замѣчательное качество манеры г. Гоголя—когда г. Гоголь не вдается въ сужденія объ ученыхъ предметахъ—есть то особенное малороссійское забавничанье, та простодушная украинская насмѣшка, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени и которая столько же различна съ англійскимъ юморомъ, сколько съ французскими тюрлопинадами, или съ тѣмъ, что во Франціи называютъ *goguenardise*. Что это отнюдь не *esprit*, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; а тѣмъ, которые принимали манеру автора «Вечеровъ на Хуторѣ» за *humour*, имѣемъ честь доложить, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ къ ихъ проникательности, что они, повидимому, не имѣютъ яснаго понятія объ юморѣ. Мы настаиваемъ на эти различія, которые не каждому дано чувствовать въ равной степени, и хотя, слава Богу, не смѣшиваешь малороссійской потѣхи съ юморомъ Стерна, Лема или Гогга, желали-бы, однакожъ, двухъ вещей: чтобы г. Гоголь не оставлялъ своей манеры, потому что она оригинальна, забавна и носитъ неподдѣльный отпечатокъ народности ума, и чтобы другіе не подражали его манерѣ, если они не родились въ Малороссію, потому что она такъ же неподражаема я самобытна, какъ *esprit* и какъ юморъ. Дѣйствующія лица этихъ сказокъ принадлежать къ самымъ низкимъ еословіямъ я говорить языкомъ, пріличнымъ своему званію: при всемъ томъ языкъ этотъ не поражаетъ читателя ни пошлыми оборотами бесѣды въ присядку, ни грубостью, слишкомъ вѣрною черной природѣ. Какъ не полюбить этихъ молодыхъ казачекъ, съ такими круглыми бровами, съ такимъ свѣжимъ я румянымъ лицомъ? Какъ не находить удовольствія въ картинѣ этихъ правовъ, добродушныхъ, простыхъ, забавныхъ? Самая милая сказка—«Ночь передъ Рождествомъ»; она очень весела, очень *drôle*... вѣрнѣе мы не умѣемъ выразить ея свойства. Здѣсь часто попадаетъ я остроуміе, я вообще вы читаете ее съ наслажденіемъ я любопытствомъ съ начала до конца. «Иванъ Федоровичъ Шпонька» есть единственная въ цѣломъ сочиненіи повѣсть, въ которой нѣтъ мужиковъ я казаковъ, я она именно столько занимательна, сколько нужно, чтобы пожалѣть о томъ, что она не кончена.

Самый недовѣрчивый читатель согласится, что эта рецензія написана въ

благосклонномъ тояѣ. Но не дальше, какъ черезъ два мѣсяца, въ 5 номерѣ «Библиотеки» того же года, былъ помѣщенъ разборъ «Ревизора» совершенно въ другомъ родѣ. Мы возвратимся къ нѣкоторымъ нѣстамъ этой рецензіи, а теперь замѣтимъ только, что Н. А. Полевой, не слишкомъ церемонившійся съ Гоголемъ, называетъ ее «бранью» и считаетъ нужнымъ отклонить отъ себя подозрѣніе, что она писана имъ. Послѣ того «Библиотека», втеченіе семнадцати или восемнадцати лѣтъ, постоянно нападала на Гоголя. Было бы слишкомъ долго припоминать всѣ ея выходы противъ этого писателя; да это и не представляетъ особеннаго интереса, потому что онѣ слишкомъ однообразны: три-четыре колкости, показавшіяся рецензенту остроумными, повторяются безконечное число разъ; иная отправляетъ службу безсмысленно цѣлый годъ, иная и нѣсколько лѣтъ. Особенно долговѣчны были каламбуры съ словомъ «ноеъ», какъ-то: «лучшее средство достигъ до безсмертія есть писать о носѣ», «хорошо описать носъ есть верхъ остроумія», и т. д. Оставляя въ сторонѣ всѣ эти безчисленные нападенія, статьи и статейки по поводу разныхъ повѣстей Гоголя и особенно «Переписки съ Друзьями», по поводу упоминаній о Гоголѣ въ другихъ журналахъ и проч., мы приведемъ только нѣкоторые факты остроумія, порожденные первымъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ» только въ двухъ номерахъ «Библиотеки» 1842 года: достаточно будетъ и этихъ примѣровъ, чтобы судить о степени мѣткости и остроты въ нападеніяхъ на Гоголя, составлявшихъ едва ли не единственную живую сторону Литературной Лѣтописи «Библиотеки» до послѣдняго времени.

Литературная лѣтопись того номера «Библиотеки для Чтенія», въ которомъ помѣщенъ разборъ «Мертвыхъ Душъ», начинается статейкою о трехъ стихотворныхъ брошюркахъ Алипанова, стихи котораго своими качествами соответствовали прозѣ Федота Кузмичева, А. А. Орлова, Сигова и прочихъ. Выписывая заглавія этихъ книжонокъ, рецензентъ вездѣ прибавляетъ слово «поэма» 1) Теофилъ, «поэма» Б. Алипанова. Спб. 1842. 2) Военныя пѣсни. «Поэмы» Е. Алипанова. Спб. 1842. 3) Досуги для дѣтей. «Поэмы» Е. Алипанова. Спб. 1842. Вдоволь потѣшившись надъ нелѣпыми его виршами, выписавъ изъ нихъ множество отрывковъ такого рода:

Какъ лѣтня настали
Прекрасны деньки,
Въ лѣсу выросали
Младые грибки,

и т. д., рецензентъ говоритъ, что Алипановъ сочиняетъ чудесныя поэмы. «Я не смѣю (продолжаетъ онъ) провозглашать Алипанова величайшимъ изъ современныхъ поэтовъ, потому что въ нашей литературѣ есть уже другой величайшій изъ современныхъ поэтовъ; но, по моему мнѣнію, смѣло можно автору «Досуговъ для дѣтей» и проч. дать первое мѣсто послѣ величайшаго.— «Самая поэтическая поэма», въ «Досугахъ для дѣтей»—посланіе къ шестилѣтнему мальчику о томъ, какъ хорошо сдѣлалъ «крестьянинъ, другъ людей», подавъ милостыню нищему. «Въ нынѣшнемъ положеніи поэтическихъ дѣлъ и при настоящихъ понятіяхъ о поэзіи нельзя и желать прекраснѣйшей поэмы. Но вѣкъ нашъ обилень чудесами. Я вокругъ себя вижу однихъ только поэмы,

<одна плѣнительнѣе другой. Что значить эта поэма (о крестьянинѣ, другѣ <людей) въ сравненіи съ тою, о которой я сейчасъ буду имѣть честь вамъ <представить! Вотъ она <Похорожденія Чичикова>, или <Мертвыя Души>. Поэма <Н. Гоголя>.

«Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще никогда не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія: объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма! Да еще какая поэма! Одиссея, Неистовый Орландъ, Чайльд-Гарольдъ, Фаустъ, Олѣгинъ, съ позволенія сказать *брани* въ сравненіи съ этой поэмой. Поэтъ! Да еще какой поэтъ! поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, лордъ Байронъ в Гѣте, съ позволенія сказать, то, чѣмъ Ноздревъ называетъ Чичикова ¹⁾. Это, можетъ быть, превосходить всѣ силы вашего соображенія, но это дѣйствительно такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда еще гешіи человѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой не въ шутку. Поэтъ провозглашенъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, *уѣбрую* васъ, серьезно, в очень серьезно. Можно съ ума сойти отъ радости, если хоть немножко любишь искусство, русскій языкъ и честь своей литературы».

Потомъ рецензентъ начинаетъ разговоръ съ читателемъ. Читатель спрашиваетъ, возможно ли поэмы писать прозою, а не стихами: рецензентъ отвѣчаетъ, что вещи <необъятныя, какъ грезы тщеславіи въ бреду>, выше <всякаго понятія, всякой похвалы, всякаго порицанія>, что невозможно и разбирать ихъ, а можно только знакомить съ ними читателей посредствомъ выписокъ. Начинаются выписки. Читатель безпрестанно прерываетъ текстъ <Мертвыхъ Душъ>, замѣчаніями о неправильности выраженій, жесткости слога, неприличіи многихъ словъ въ литературномъ языкѣ. Замѣчанія большею частію такого достоинства: вѣтеръ и дымъ имѣютъ въ родительномъ падежѣ вѣтру, дыму, а не вѣтра, дыма; сказать <хотя... но>, неправильно; надобно говорить: <хотя... однако>; нельзя сказать <совершенно никакого>, должно говорить просто <никакого>; <слуги *возились* около экипажа>, <слуга рассказывалъ ему *всякій* *ездоръ*> — выраженія низкія, грязныя. Рецензентъ отвѣчаетъ, что въ этихъ выраженіяхъ именно и заключается истинная поэзія, высочайшее остроуміе; восклицаетъ, что онъ <отъ восторга становится на колѣни передъ первымъ современнымъ поэтомъ>. Наконецъ читатель останавливаетъ его и говоритъ, что <Мертвыя Души> то же самое, что романы Поль-де-Кока, съ тою только разницею, что у Гоголя менѣе хорошаго и болѣе грязнаго, нежели у Поль-де-Кока.

Послѣ того всѣ остальные книги, разбираемыя въ Литературной Лѣтописи, называются <поэмами>: <Холодная вода, какъ всегдашнее лекарство>, сочиненіе доктора медицины Вайгерстейма. <Эта удивительная поэма описываетъ <насморки. Холодной водой докторъ Вайгерстеймъ вылечиваетъ всѣхъ людей <отъ всѣхъ болѣзней, въ томъ числѣ и посредственныхъ романистовъ отъ <гордости и тщеславія>. — <Общая анатомія>, сочиненіе доктора медицины <Ивана Быстрова, и <О распознаваніи и леченіи аневризмовъ>, сочиненіе <И. Гильдебранда — <двѣ очень любопытныя и полезныя поэмы>. — <Практическія упражненія въ физикѣ, переводъ съ французскаго> — <поэма бесполез-

¹⁾ Далѣе написано, что Ноздревъ называетъ Чичикова овинтусомъ.

«ная и нелюбопытная». «Древняя флора, или описаніе растущихъ въ Россій-скомъ государствѣ деревъ и кустарниковъ» — «поэма, изданная книгопродавцемъ, «для извѣстной ему цѣли».

Изъ многихъ продолженій этого остроумія по поводу «Мертвыхъ Душъ» выбираемъ только одинъ примѣръ — остроуміе, поводъ къ которому подала брошюра г. К. Аксакова, написанная въ восторженномъ тонѣ. Вотъ рецензія на эту книжку:

Нѣсколько словъ о поэмѣ «Похожденія Чичикова или Мертвые Души», сочиненіе Константина Аксакова. Москва. 1842. Эта брошюра кнѣтъ цѣлью доказать, что авторъ поэмы «Похожденія Чичикова» — Гомеръ, а сама поэма «Похожденія Чичикова» — Иліада; что въ «Иліадѣ» является Греція съ своимъ міромъ, а въ *эпическомъ созерцаніи* автора поэмы «Похожденіи Чичикова» является *чортъ знаетъ что*, во тоже съ своимъ міромъ; что это эпическое его созерцаеіе я есть чистый древній эпосъ, *совершенно то же, что у Гомера*, что это — «чудное, чудное явленіе!» и прочая, и прочая. Это плохо! Когда люди недаютъ, на свои деньги, такіа похвальные брошюры, это очень плохо! Это показываетъ то, что *поэма* нехороша! (Слова, напечатанныя курсивомъ, такъ напечатаны въ самой «Библіотекѣ для Чтенія»).

И, не давая испариться букету остроуміа, рецензентъ тотчасъ же переноситъ его въ отзывъ о романѣ Поль-де-Кока, поставленный въ слѣдъ за отзывомъ о брошюрѣ г. К. Аксакова:

Парижская красавица. Романъ Поль-де-Кока. Спб. 1842. Въ подлинникѣ эта поэма называется *La jolie fille du faubourg*. Всѣ поэмы Поль-де-Кока переводятся на русскій языкъ. Это единственный изъ современныхъ писателей, котораго «созадашія» (курсивъ и азвительныя «—») сохранены, какъ поставлены въ «Библіотекѣ для Чтенія») удостоиваются у насъ такой чести. Мы не пропускаемъ въ одного его созданія. Можно ли, послѣ этого, сомнѣваться въ нашемъ рѣшительномъ вкусѣ къ *поль-де-коковскимъ поэмамъ*? «Парижская красавица» довольно скучное «созадаше». Переводъ довольно плохъ. Но это не удержитъ читателей. Мы такъ любимъ Поль-де-Кока, что между его родомъ и Одиссеей уже не дѣлаемъ никакого различія, утѣраемъ, что это — *совершенно одно и то же*, и всякаго, кто творитъ подобные романы, нѣкоторые называютъ *Гомеромъ*, не страшась нисколько, что если Европа услышитъ это, то она подумаетъ, что они — въ бѣлой горячкѣ.

Здѣсь для насъ непонятно только одно: какимъ образомъ можно было сказать, по поводу панегирика, написаннаго г. К. Аксаковымъ: «Когда люди издають на свои деньги такіа похвальные брошюры, это очень плохо! Это показываетъ, что поэма плоха!» Смыслъ этихъ выраженій ясенъ: Гоголь заказалъ г. К. Аксакову похвальную брошюру и напечаталъ ее на свой счетъ. Можно не соглашаться съ г. К. Аксаковымъ, нѣтъ преступленія и остритъ надъ нимъ, если угодно; но между русскими писателями едва ли былъ тогда, или есть теперь, хотя одинъ, столь мало знакомый съ общественнымъ положеніемъ и личнымъ характеромъ г. К. Аксакова, чтобы незнаніе давало ему право дѣлать предположенія, будто бы г. К. Аксаковъ можетъ писать панегирики по заказу и печатать ихъ на чужой счетъ. Велика должна была быть досада рецензента, если доводила его до столь несообразныхъ намековъ. Довольно остро въ уже мы выписали. Если Гоголь еще не убитъ ими во мнѣніи читателей, то всѣ остальные уже не нанесли бы ему новыхъ ранъ, потому что онѣ

только вариаций на малочисленные темы, которые достаточно истощены и выписанными у нас отрывками. Пора поговорить о томъ, отчего эти убийственные нападения были такъ многочисленны.

Помѣщая длинные статьи о Гоголѣ, баронъ Брамбеусъ нарушалъ свое неизмѣнное во всѣхъ другихъ случаяхъ правило уклоняться отъ подробныхъ разборовъ замѣчательныхъ явленій нашей словесности. Это одно заставляетъ предполагать особенныя причины для объясненія его исключительнаго вниманія къ Гоголю: кто не считалъ нужнымъ говорить съ своими читателями о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, не сталъ бы распространяться и о Гоголѣ, еслибъ не имѣлъ на то своихъ частныхъ побужденій. Притомъ же мы замѣтили, что тонъ его отзывовъ слишкомъ рѣшительно измѣнился втеченіе короткаго времени, отдѣлявшаго третій номеръ «Библиотеки для Чтенія» 1836 года отъ пятой книжки того же года: въ первыхъ числахъ марта онъ говорилъ о Гоголѣ благоуважительно, въ первыхъ числахъ мая отзывался о немъ уже такъ, что самому Н. А. Полевому разборъ этотъ казался неприличною «бранью». Эта быстрая и рѣзкая перемена совершенно объясняется тѣмъ, что въ первыхъ числахъ апрѣля вышелъ первый томъ пушкинскаго «Современника», заключавшій въ себѣ статью «О движеніи журнальной литературы», одну выписку изъ которой привели мы выше. Вотъ другой отрывокъ, объясняющій исторію возникновенія пушкинскаго журнала и отношеній его издателя и сотрудниковъ въ барону Брамбеусу. Сказавъ, что въ 1833 году всѣ прежніе журналы наши «имѣли постыгн видъ» и тѣсный кругъ читателей, авторъ статьи продолжаетъ:

«Въ это время кавгопродавецъ Симиринъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностью и добросовѣстностью, рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ихъ ни есть въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковский, взялся быть редакторомъ журнала. Къ нему былъ присоединенъ редакторъ г. Греть. Никто тогда не заботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, яля быть складочнымъ мѣстоиъ всѣхъ мнѣній и толковъ? Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности—общаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуютъ тонъ, мнѣніи и мысли одного, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листа, взяты были только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ. Главнымъ дѣтелемъ и движущою пружиною всего журнала былъ г. Сенковский. Имя г. Греча выставлено было только для формы. Но какая была цѣль редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь мы поневолѣ должны задуматься, что, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковский о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ для себя цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взмошелъ незамѣтно въ первый номеръ, а въ концѣ его развернулся какъ полный хозяинъ. Но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ которыхъ человекъ дѣлается безхарактернымъ, которыя опредѣляютъ его фзіономію? Прочитавъ все помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человека? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій».

Авторъ обзора пересматриваетъ ученыя статьи, критическія статьи и повѣсти этого писателя и отзывался о нихъ справедливо, но вовсе не съ

похвалою, замѣчая, какъ главный недостатокъ, что во всѣхъ этихъ повѣстяхъ и статьяхъ нѣтъ единства мысли, определенныхъ убѣждений, нѣтъ никакой цѣльн. Мы выписали уже сужденіе автора обзора о содержаніи рецензій барона Брамбеуса. Нѣсколькими строками раньше, еще точнѣе опредѣляется общій характеръ его разборовъ: «Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго миѣнія; *«въ его рецензіяхъ нѣтъ ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, «вообще никакого. (Подчеркнуто въ подлинникѣ).* То, что ему нравится сегодня, «завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ; у него рецензія не есть дѣло «убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. «Онъ никогда не заботится о томъ, что говорить, и въ слѣдующей статьѣ «уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей». Выборъ статей для отдѣла оригинальной и переводной словесности «показывалъ очень мало вкуса».

«Въ «Библіотекѣ для Чтенія» случилось еще одно дотошъ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя. Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало. Многие писатели начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалялось, что на другой годъ издателя уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая какихъ. Статьи замѣтно начиная быть хуже. «Библіотеку» уже менѣе читали въ столицахъ».

Другіе журналы (продолжаетъ авторъ) были слабы по объему и по числу подписчиковъ по сравненію съ «Библіотекою для Чтенія». Что же было дѣлать литераторамъ, которые увидѣли себя въ необходимости отказаться отъ участія въ «Библіотекѣ для Чтенія»? ¹⁾ Нѣкоторые московскіе литераторы рѣшились

¹⁾ Чтобы представить читателямъ хотя одинъ примѣръ того, каковыя образомъ передѣлывались въ «Библіотекѣ для Чтенія» статьи самыхъ вѣстныхъ литераторовъ, приведемъ объясненіе Н. А. Полевого изъ «предисловія» къ его «Очеркамъ русской литературы». Тутъ мы видимъ замѣчательный примѣръ того, каковыя образомъ всѣ литераторы, отъ участія которыхъ зависѣла догониство и успѣхъ журнала, была привлечены къ «Библіотекѣ для Чтенія» почтеннымъ А. Ф. Смирдинымъ, и каковыя образомъ распорядитель «Библіотеки» лишилъ этотъ журналъ ихъ полезнаго содѣйствія. Мы еще помянемъ, какъ, перчитывая въ старыя годы «Библіотеку», мы были поражены чрезвычайно рѣзкими улучшеніемъ ея критической части въ 1836 г.: тотъ статей оставался почти всегда прежній, но онъ подробно говорилъ о важнѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ, чего не было прежде; содержаніе разборовъ было неоравненно дѣльное, а развитіе мыслей гораздо основательнѣе и остроумнѣе прежняго. Черезъ нѣсколько времени попались намъ въ руки «Очерки литературы», и дѣло объяснилось.

«Не здѣсь кѣсто (говоритъ Н. А. Полевой) излагать мое миѣніе о ней (Библіотекѣ для Чтенія) или рассказывать о моихъ отношеніяхъ въ ея почтенному редактору. Скажу одно, что съ самаго начала сего журнала я былъ рѣшительно не согласенъ съ его дѣланъ, планомъ, возразивъ и оторкался отъ всякаго постояннаго въ немъ участія, хотя неоднократно былъ убѣдительно приглашаемъ въ тому. Въ 1836 году, когда давно уже прекратился журналъ, мною навававшійся, я прѣлажалъ въ Петербургъ, в—для чего скрывать? о подобныхъ Постуокахъ надобно говорить во всеуслышаніе—добрымъ, благороднымъ издателю «Библіотеки для Чтенія». А. Ф. Смирдинъ, овазалъ мнѣ тогда бевворимую и важную услугу въ моихъ тогдашнихъ отѣсненныхъ обстоятельствахъ,—услугу, когда люди, навывавшіеся моимъ друзьямъ,—люди, которыми я имѣлъ, быть можетъ, нѣкогда случай быть полезнымъ, отвергла меня, показали мнѣ себя въ самой темной явствѣ бсочувственнаго эгоизма... Богъ съ ними, я давно простилъ имъ! тѣмъ съ большею правдательностью вспоминаю о немногихъ, тѣмъ благодарнѣе былъ и всегда буду я доброду, благородному А. Ф. Смирдину, который за услугу свою требовалъ участія моего въ «Библіотекѣ для Чтенія». Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора, я взялъ на себя отдѣленія критики и библіографія в началѣ доставлять въ Москву статьи по обоимъ отдѣламъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ. Но мое было дѣло отвѣчать за статьи самого редактора в другіхъ сотрудниковъ; но, къ наумленію моему, редакторъ наложилъ право вестерпимаго ценсорства на всѣ моя статьи, передѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ

основать новый журнал: «онъ былъ нуженъ 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо «Библіотека для Чтенія» не была никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Оенковский началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемые въ «Библіотеку для Чтенія». Такимъ образомъ явился «Московский Наблюдатель». Черезъ нѣсколько времени, по тѣмъ же самымъ причинамъ и побужденіямъ, основанъ былъ Пушкинъ «Современникъ». — Опять понятно, съ какими чувствами «Библіотека для Чтенія» и ея «распорядитель» встрѣтили оба эти журнала. О враждѣ противъ «Московского Наблюдателя» не будемъ говорить; но вотъ какія слова вырвались у распорядителя «Библіотеки для Чтенія», когда онъ узналъ о намѣреніи Пушкина издавать журналъ и прочиталъ программу этого изданія:

«Африканскій король Алянтиевъ, говоритъ, объявилъ войну Англіи и уже открылъ кампанію. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ исходѣ войны, тоже вступаетъ на поле брани: онъ хочетъ издавать альманахъ или журналъ «Современникъ». Этотъ журналъ или альманахъ учреждается нарочно противъ «Библіотеки для Чтенія», съ явнымъ и открытымъ намѣреніемъ при помощи Божіей уничтожить ее въ прахъ!» «О вы, которые читаете разные русскіе журналы, скажите намъ по милости, который это уже журналъ возникаетъ

ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что, читая «Библіотеку для Чтенія», ввсегда вовсе и не могъ отличить, что такое хотѣлъ и сказать въ той или другой статьѣ... Возраженія мои были тщетны, и, несмотря на всѣ желанія мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ «Библіотекѣ для Чтенія»... До какой степени мысли мои были измѣнены, повѣрить трудно. Приведу три или четыре примѣра. Я послалъ редактору статью о комедіи М. Н. Загоокина «Недовольные», гдѣ говорилъ о комедіи Грибоѣдова, изъясняя безпристрастно мнѣніе мое и отдавая справедливость и прекрасному произведенію М. Н. Загоокина, и превосходному произведенію Грибоѣдова. Редакторъ прибавилъ брань на «Ревизора», комедію г. Гоголя, и придалъ словамъ моимъ о Грибоѣдовѣ такой смыслъ, что имъ оскорблялъ всѣхъ почитателей памяти Грибоѣдова и прежде всѣхъ — перваго меня... (Слѣдуютъ примѣры искаженія трехъ другихъ статей). Но всего забавнѣе было приключеніе съ отащею о стихотвореніяхъ г. Соколовскаго, «Мірозданіе» и «Хеверь». Желая показать, что поэтъ совершенно превратно омотрилъ на предметъ оной, я написалъ статью, гдѣ подробно изложилъ свои мысли о поэзіи духовной в сочиненіяхъ г. Соколовскаго. Редакторъ «Библіотеки для Чтенія», какимъ-то непоостыженнымъ для меня образомъ, уиѣлъ вырѣзать изъ статьи нѣкоторыя частицы и помѣстилъ ихъ въ «Библіографію», а остальному далъ названіе «О духовной поэзіи» и въ видѣ статьи отдѣльной напечаталъ въ отдѣленіи «Прозы», съ моимъ именемъ. Въ второй статьѣ столько нашелъ я прибавокъ, урѣзковъ, измѣненій, что вовсе не понималъ и теперь не понимаю, о чемъ идетъ въ ней рѣчь. Статья начинается, напримѣръ, необычнымъ анекдотомъ, будто Пушкинъ разговаривалъ нѣкогда съ Батюшковымъ о русскихъ стихахъ. Но Батюшкова съ 1817 года не было уже въ Петербургѣ, когда Пушкинъ былъ еще ученикомъ въ Лицѣ, писалъ дѣтскіе стихи и не могъ разсуждать о поэзіи русской съ однимъ изъ корифеевъ тогдашней русской поэзіи. По крайней мѣрѣ, я ввсегда подобнаго не слыхивалъ отъ Пушкина и ничего не писалъ о разговорѣ его съ Батюшковымъ. Радуюсь, что теперь, печатая «Очерки», могу освободить себя отъ непринadleжащаго мнѣ и непризнаваемого мною. беру изъ «Библіотеки для Чтенія» тѣ только мои статьи, которымъ (не имѣя у себя прежнихъ оригиналовъ) могъ я памятю возвратити, по возможности, настоящій смыслъ ихъ. Отъ всего остальнаго, что писано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 в 1837 годовъ, в рѣшительно отрекаюсь в ничего, тамъ похвщеннаго, прошу не почитать моихъ: оно ни мое, ни редакторова, а Богъ знаетъ чье, в что оно такое, я первый менѣ всѣхъ понимаю».

Намъ понадобится это объясненіе Н. А. Полеваго, когда мы возвратимся въ разборъ «Ревизора», помѣщенному въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 года и содержащему такое внезапное объявленіе непримиримой войны Гоголю.

«съ этия бланитъ намѣреніемъ? Четвертый, кажется? или пятый?» «Библиотека для Чтенія» поставила себя правиломъ не вступать въ поленику съ другими журналами; она только позволяеть себя увѣдомить публику о программѣ новаго журнала». «Но съ появленія первой его книжки водворяется глубокое и «краснорѣчивое молчаніе: ни слова объ этомъ журналѣ, особенно, если онъ «плохъ и смѣетъ еще браниться!» Журналъ Пушкина будетъ содержать въ себя обзорѣнія русской журналистики. Этого не дѣлають англійскіе *Rowiews* и французскіе *Reuiew*,—слѣдовательно журналъ Пушкина самъ объявляетъ, что будетъ принадлежать къ «журнальной черни», которая одна занимается литературною полемикою. «Какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда геній, «каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, рожденный вѣтъ безсмертныя вѣтки «на вершинѣ зеленого Геликона, нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, «бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы «Віоеяизъ, которая общаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! «Берегитесь, неосторожный геній! Послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго «подножія Геликона лежитъ Михонское болото,—бездонное болото, наполнен- «ное черною грязью! Эта грязь—журнальная полемика, самый низкій и отвра- «тительный родъ прозы, послѣ риемованныхъ пасквилей». Быть можетъ, Александръ Сергѣевичъ надѣется придать своему журналу болѣе занимательности войною съ «Библиотекою для Чтенія», «но онъ ошибается въ расчетѣ: «Библиотека «для Чтенія» никогда не унижится до отвѣта другимъ журналамъ. И зачѣмъ «вамъ отвѣчать, друзья? Не лучший ли вамъ отвѣтъ—молчаніе? Вообще, не «безполезно знать, что презрѣнія у насъ достанетъ для всѣхъ нападокъ, отъ «кого бы онѣ ни происходили». (Библиотека для Чтенія. 1836 г., апрѣльская книжка).

Въ тонѣ этихъ словъ столько гнѣва и вражды, что они, безъ всякаго сомнѣнія, диктованы чувствомъ оскорбленнаго самолюбія. Того, что Пушкинъ общалъ въ своемъ журналѣ помѣщать обзорѣнія журнальной литературы, было бы недостаточно для столь сильнаго раздраженія рецензента «Библиотеки»; но ему, безъ сомнѣнія, уже за нѣсколько дней до появленія первой книжки пушкинскаго журнала, въ то время, какъ писалъ онъ эту филиппику, было извѣстно, въ какой степени неблагоприятны для барона Брамбеуса будутъ отзывы новаго журнала; да и могло ли это быть неизвѣстно? Двадцать лѣтъ тому назадъ, литературныхъ слуховъ и толковъ въ пишущемъ кружкѣ было гораздо болѣе, нежели теперь; а еще и нынѣ о каждомъ замѣчательномъ литературномъ явленіи каждому нечуждому литературнаго кружка приходится волею или неволею слышать задолго до выхода книги въ свѣтъ. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что баронъ Брамбеусъ зналъ впередъ, какова будетъ въ новомъ изданіи первая статья о журналистикѣ, и что рѣзкія выходки «Библиотеки» писаны подъ вліяніемъ этихъ слуховъ. Когда явился первый томъ новаго изданія съ статьею, отрывки изъ которой мы привели, писатель, противъ котораго она была направлена, также не могъ волею или неволею не услышать, кто такой былъ авторомъ этой статьи. Люди чуждые литературному кружку, могли приписывать статью самому Пушкину; но въ литературномъ кружкѣ не могло быть тайною, что писалъ ее Гоголь; и скоро Пушкинъ печатнымъ образомъ объявилъ, что статья «О движеніи журнальной литературы» принадле-

жить не ему. Для людей, знающих нашу литературу, всё подобныя объясненія совершенно излишни: они знаютъ, что въ нашей литературѣ тайны невозможны, и теперь у насъ пишущихъ людей такъ мало, что всё псевдонимы и анонимы—пустая игрушка, прозрачный флёръ, ничего не прикрывающій. Хотя бы даже вовсе того не желалъ онъ, литератору нѣтъ возможности не знать истиннаго автора каждой анонимной статьи, возбуждающей нѣкоторое вниманіе.

Такимъ образомъ, баронъ Брамбеусъ имѣлъ двѣ основательныя причины измѣнить тонъ своихъ сужденій о Гоголѣ. Во первыхъ, Гоголь явился однимъ изъ главныхъ участниковъ пушкинскаго журнала: въ первой же книжкѣ «Современника» были помѣщены два произведенія, подписанныя его именемъ: «Коляска» и «Утро дѣловаго человѣка»; въ одной изъ слѣдующихъ—«Носъ». Во вторыхъ, что еще важнѣе, Гоголь былъ авторъ неблагопріятной ему статьи «О движеніи журнальной литературы». Самъ баронъ Брамбеусъ обнаружилъ третью причину своего нерасположенія къ автору «Ревизора»: онъ считалъ его, какъ юмористическаго писателя, своимъ соперникомъ. Вотъ предварительныя замѣчанія изъ «брани на Ревизора», вставленной распорядителемъ «Библіотеки для Чтенія» въ статью Н. А. Полеваго о «Горѣ отъ Ума» и «Недовольныхъ» Загоскина, какъ мы видѣли изъ свидѣтельства самого Полеваго. Очевидно, что въ этомъ отрывкѣ остались нѣкоторыя выраженія, написанныя Полевымъ. Но читатель легко отличить фразы, которыя могъ написать только баронъ Брамбеусъ:

«Перейдемъ къ «Ревизору». Здѣсь прежде всего надобно привѣтствовать иъ его авторѣ новаго вомвческаго писателя, съ которымъ можно поздравить русскую словесность. Первый опытъ г. Гоголя (*т. е. первый опытъ въ комедіи*) вдругъ обнаружилъ въ немъ необыкновенный даръ комики, и еще такой комики, которая обѣщаетъ представить его между отличѣйшими въ этомъ родѣ писателями. Мы съ удовольствіемъ предаемся этой пріятной надеждѣ, хотя одинъ весьма умный человѣкъ сказалъ намъ въ отвѣтъ на подобное предсказаніе: «Ничего не будетъ! его захвалятъ!» Въ самомъ дѣлѣ, опасность, кажется, угрожаетъ автору съ этой стороны, и если у него есть самолюбіе, онъ не можетъ употребить его съ большею пользою для себя и для литературы, какъ поручивъ ему оберегать себя отъ яда необдуманнхъ похвалъ. Кажется, что одна изъ хотерій, которая чрезвычайно нуждается въ примѣчательномъ талантѣ, для того, чтобы противопоставить его барову Брамбеусу, избрала его своимъ героемъ и условилась превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, скрывая отъ него и отъ публики ихъ несовершенства. Еслии это правда, то нельзя не предостеречь г. Гоголя, что онъ стоитъ на пропасти, прикрытой цвѣтами, и можетъ упасть въ нее со всею своею будущею славой. Что касается до васъ, то мы никогда не были въ состояніи усмотрѣть малѣйшаго сходства между талантомъ г. Гоголя и таинственнаго барона и не понимаемъ, какимъ образомъ литературная досада могла ослѣпить хотерію до того, чтобъ она вздумала сдѣлать изъ автора «Вечеровъ на хуторѣ» и «Миргорода» соперника автору «Фантастическхъ лутешествій» и «Похожденій одной ревнижской души». Если г. Гоголь примѣтитъ это во время, то его личное самолюбіе поможетъ ему воспользоваться замѣчаніями тѣхъ, которые ничего столько не желаютъ, какъ полнаго развитія его таланта, не довѣрятъ умышленнымъ павегирикамъ и усовершенствовать свое дарованіе».

«Хотерія, нуждающаяся въ примѣчательномъ талантѣ, для того, чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избравшая Гоголя своимъ героемъ и условившаяся превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, чтобы сдѣлать его

соперникомъ таинственнаго барона», по смыслу словъ и по тогдашнѣи отно-
шеніямъ, могла означать только Пушкина и его сподвижниковъ. Но гдѣ жъ
баронъ Брамбеусъ нашелъ доказательство этого намѣренія? Въ то время былъ
изданъ только одинъ томъ пушкинскаго журнала, а единственнымъ мѣстомъ,
относившимся въ этомъ томѣ къ Гоголю, была небольшая рецензія втораго
изданія «Вечеровъ на хуторѣ», которую мы вполнѣ приводимъ въ примѣ-
чаніи ¹⁾.

Читатели видятъ, что несовершенства произведеній Гоголя вовсе не скры-
ваются этою рецензіею, и она не заключаетъ ни самаго отдаленнѣйшаго намека
на противопоставленіе Гоголя таинственному барону, если не видѣть этого на-
мека въ подчеркнутомъ нами выраженіи «мы, не смѣявшіеся со временъ фонъ-
Визина». Надобно принимать одно изъ двухъ: или слова барона написаны по
дошедшимъ до него слухамъ, что Пушкинъ въ разговорахъ ставитъ Гоголя
выше барона Брамбеуса—и это служило бы новымъ подтвержденіемъ нашему
прежнему объясненію рѣзкой выходки противъ Пушкина—или слова барона
Брамбеуса вызваны неудовольствіемъ на то, что Гоголь поставленъ прямымъ
наслѣдникомъ фонъ-Визина, безъ оговорки, что юмористическія статьи барона
Брамбеуса также превосходны, —и это послужило бы новымъ подтвержденіемъ
мнѣнія о его щекотливости.

Какъ бы то ни было, но факты, нами сведенные, не оставляютъ сомнѣній,
что въ отзывѣхъ барона Брамбеуса о Гоголѣ участвовало оскорбленное само-
любіе. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе должно было становиться
это побужденіе, потому что удивленіе барону Брамбеусу, какъ «отличнѣйшему
юмористу», сначала очень сильное въ извѣстномъ кружкѣ читателей, съ каж-
дымъ годомъ быстро ослабѣвало, а слава Гоголя быстро увеличивалась. Только
этимъ лучшимъ отношеніемъ—мыслью барона Брамбеуса видѣть въ Гоголѣ
своего противника—можно объяснить фактъ, что баронъ въ отзывѣхъ о Гоголѣ
отступалъ отъ постоянного правила своей критической дѣятельности: какъ можно
менѣе говорить о замѣчательныхъ явленіяхъ словесности, чтобы избѣжать про-
маховъ въ дѣлѣ, для котораго нуженъ вкусъ. Еще разительнѣе его отступленіе
отъ постоянной тактики въ томъ, что онъ неизмѣнно продолжалъ говорить о
Гоголѣ лѣтъ, пятнадцать то же самое, что сказалъ въ 1836 году. Обыкновенно,
онъ поступалъ иначе: какъ скоро замѣчалъ онъ, что восхваленный имъ
писатель уничтоженъ критикою другихъ журналовъ, онъ тотчасъ же начиналъ
повторять мнѣнія, высказанныя критикомъ-побѣдителемъ, не заботясь о проти-

¹⁾ «Читатели ваши, впрочемъ, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ
«Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались атому живому описанію племени поющаго и пляшущаго,
этимъ свѣжимъ картинамъ налороссійской природы, этой веселости, простодушности и въостъ
духовой. Какъ заумили мы русской книгѣ, которая заставила насъ смѣяться,—мы, не смѣ-
явшіеся со временъ фонъ-Визина! Мы были такъ благодарны молодому автору, что охотно
простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе
нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ
такое енисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ
надалъ «Арабески», гдѣ находится его «Невскій проспектъ», самое полное изъ его произведеній.
Всѣмъ затѣмъ явился «Миргородъ», гдѣ съ жадностью всѣ прочли жъ «Старосибіртскихъ помѣ-
щиковъ», эту шутиливую, трогательную идиллію, которая вставляетъ насъ смѣяться сквозь слезы
грусти и умиленія, и «Тараса Вульбу», коего начало достойно Вальтера Скотта. Г. Гоголь идетъ
еще впередъ. Желаемъ въ надѣею имѣть часто случаи говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.—
Надняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія «Ревизоръ».

ворѣнія этихъ мнѣній съ его прежними высренними похвалами; и наоборотъ, когда слава писателя утверждалась, онъ начиналъ также хвалить его, вслѣдъ за другими журналами. Примѣры послѣдняго ^{surpassants} налицо: всѣ наши талантливые писатели довольно долго сначала не обращали на себя никакого вниманія барона Брамбеуса, какъ люди, не обнаруживающіе дарованій, или даже были имъ осмѣиваемы, не по злему умыслу, а просто по неумѣнью его отличить, дѣйствительно ли они талантливы; а потомъ всѣхъ ихъ онъ хвалѣлъ, когда другими критиками были объяснены ему ихъ достоинства. Что же касается примѣровъ того, какъ онъ покидалъ своихъ прежнихъ кліентовъ, когда слава ихъ была разрушена другими, расскажемъ одинъ случай. Мы привели отрывки изъ разбора «Торквато Тассо», гдѣ это произведеніе было превознесено до небесъ; черезъ два-три мѣсяца съ автора были сняты чинъ Байрона и санъ «великаго», объявлено было даже, что баронъ Брамбеусъ, хваля его, только забавлялся: критику вздумалось, говорила «Библіотека для Чтенія», съѣсть у окна и бросить вѣнокъ славы на голову первому прохожему, прохожій, т. е. г. Кукольникъ, не въ мѣру возгордился, и надобно снять съ него вѣнокъ, данный по капризу, а не по заслугѣ. Это объясненіе, повидимому столь откровенное, возмутило многихъ и надѣлало въ свое время большого шума: «какъ! раздавать и снимать вѣнки байроновской славы по одному капризу!» говорили всѣ съ негодованіемъ. Но, разобравъ дѣло ближе, мы увидимъ, что негодовать на барона было почти не за что: онъ, кажется, говорилъ о капризѣ только для оправданія своей перемѣнчивости въ обращенія съ г. Кукольниковъ, а на самомъ дѣлѣ поступалъ по своему искреннему убѣжденію и крайнему разумѣнію. Исторія возвышенія и низложенія г. Кукольника въ «Библіотекѣ для Чтенія» произошла слѣдующимъ образомъ. Н. А. Полевой помѣстилъ въ «Телеграфъ» краткій отзывъ о «Торквато Тассо», въ томъ смыслѣ, что «юный авторъ подаетъ надежды и уже выказалъ большое дарованіе». — Изъ этого отзыва и выросла восторженная статья барона Брамбеуса. Потомъ Полевой помѣстилъ въ «Телеграфъ» подробный разборъ «Торквато Тассо», гдѣ, какъ обыкновенно бываетъ при подробномъ разборѣ, рядомъ съ достоинствами указалъ и недостатки драматической фантазіи г. Кукольника, кстати и мимоходомъ замѣтивъ, что «Библіотека для Чтенія» уже слишкомъ далеко зашла въ похвалахъ этому произведенію, и что странно видѣть въ г. Кукольникѣ Байрона. Вслѣдъ за этимъ и «Библіотека» перестала безусловно восхищаться г. Кукольниковъ, даже почла за нужное унижить его. Видите ли, какъ просто было дѣло! Если капризъ и участвовалъ въ увѣнчаніи и развѣнчаніи русскаго юнаго Байрона, то участвовалъ очень мало; и мы готовы даже хвалить барона Брамбеуса за то, что онъ, взявъ слишкомъ высокую ноту съ чужаго голоса, съ такимъ послушаніемъ понизилъ ее, какъ скоро наставникъ замѣтилъ ему его промахъ. То же самое было съ его сужденіями о Марлинскомъ, Загоскинѣ и проч. Такъ бывало постоянно. Пока никто еще не хвалилъ и не бранилъ писателя, баронъ Брамбеусъ хвалилъ или бранилъ его на удачу. Какъ скоро сильнѣйшіе голоса въ критикѣ произносили свое сужденіе, онъ повторялъ ихъ слова.

Относительно одного Гоголя не могъ онъ, увлеченный личнымъ чувствомъ, пересилить себя и до конца повторять свои первые отзывы, сдѣланные съ голоса

Н. А. Полеваго, хотя и видѣлъ, что сильнѣйшіе голоса говорятъ противное. Не будемъ осуждать этой ошибки: надобно же уступать человѣку нѣкоторую свободу въ чувствахъ, не всегда же можно требовать отъ человѣка, чтобъ онъ дѣйствовалъ только по внушенію благоразумнаго разсчета и холоднаго разсудка. Ужели вы изгоняете изъ міра поэзію? вѣдь увлеченіе чувствомъ вѣсть поэзіи.

Такимъ-то образомъ, увлеченный до поэзіи чувствомъ своимъ, баронъ Брамбеусъ семнадцать лѣтъ повторялъ то, что было когда-то сказано о Гоголѣ Н. А. Полевымъ. Дѣйствительно, сливъ статьи того и другаго критика, мы увидимъ, что всѣ, рѣшительно всѣ сужденія о Гоголѣ заимствованы барономъ Брамбеусомъ у Н. А. Полеваго,—даже знаменитое сравненіе Гоголя съ Польде-Кокомъ, даже замѣчанія относительно разныхъ мелочей. Одно остается у него свое—остроумныя насмѣшки надъ тѣмъ, что «Мертвыя Души», сочиненіе написанное въ прозѣ, названо поэмою. Какого вниманія онѣ заслуживаютъ, предоставляемъ судить читателю. Мы знаемъ только то, что на отзывы барона Брамбеуса о Гоголѣ публика обращала несравненно менѣе вниманія, нежели наши журналы; говоря по всей справедливости, надобно даже сказать, что сужденія барона Брамбеуса о Гоголѣ не произвели на публику ровно никакого вліянія.

И не только ѣдкіе отзывы барона Брамбеуса о Гоголѣ, но и вся его продолжительная, многосторонняя, неутомимая журнальная дѣятельность едва ли произвела хотя малѣйшее дѣйствіе на публику, или имѣла хотя слабое вліяніе на развитіе литературы, въ полезномъ или вредномъ смыслѣ. Потому и исторія литературы, если мало будетъ говорить о его заслугахъ, то мало скажетъ и въ осужденіе ему. Она только пожалѣетъ, какъ жалѣемъ и мы, что этотъ человѣкъ растратилъ свои дарованія отчасти на предпріятія, несвойственныя его таланту и знаніямъ,—напримѣръ, на поверхностныя гипотезы въ наукахъ, чуждыхъ его специальности, на усилія пріобрѣсти славу романиста и быть законодателемъ въ области нязящой словесности, при недостаткѣ эстетическаго вкуса,—отчасти на мелочи, которыми также надѣялся онъ пріобрѣсти славу. Къ этимъ мелочамъ относимъ мы желаніе отличиться оригинальностью слога, приведшее его къ вычурности; стремленіе выдавать себя за преобразователя русской прозы, которая не нуждалась въ преобразованіяхъ, по крайней мѣрѣ, подобныхъ тѣмъ мелочнымъ нововведеніямъ, какія онъ считалъ нужными и важными; стремленіе прослыть остроумнѣйшимъ изъ русскихъ писателей. Всю эту напрасную растрату силъ надобно будетъ приписать тому, что онъ, вслѣдствіе ли своей натуры, или вслѣдствіе своего фальшиваго положенія въ нашей литературѣ, не имѣлъ въ своей дѣятельности ни одной изъ тѣхъ возвышенныхъ цѣлей, безъ стремленія къ которымъ нельзя писателю достигнуть истинной славы. Но, съ другой стороны, исторія литературы скажетъ, что, не будучи ни гениемъ, ни даже даровитѣйшимъ или ученѣйшимъ изъ современныхъ ему русскихъ журналистовъ, онъ обладалъ замѣчательными силами: и знаніями, и проныцательнымъ умомъ, и остроуміемъ, и неутомимою жаждою славы и дѣятельности. Она прибавитъ также, что если самолюбіе вовлекало его въ ошибки, то, по нравственному характеру, его невозможно сравнивать съ людьми, которые достойны «презрѣнія» (чтобы выразиться его терминомъ): у него было много

истинной гордости,—силы, исключительно и неотъемлемо принадлежащей личностям благородных по всей натурѣ, каковы бы ни были обстоятельства их дѣятельности. И если мы захотимъ вникнуть въ отношеніи и интриги нѣкоторыхъ литературныхъ котерій (чтобы опять употребить его терминъ) того времени, когда онъ успѣлъ прочно занять столь важное для литературы мѣсто распорядителя единственнаго журнала, бывшаго тогда сильнымъ, то мы должны будемъ сказать, что умѣнье его поставить себя на это видное мѣсто было, хотя отрицательнымъ образомъ, очень полезно для русской литературы: не займи онъ этого мѣста, еще Богъ знаетъ, кто захватилъ бы этотъ столь важный постъ, и, по всей вѣроятности, захватилъ бы его тотъ или другой изъ людей, съ которыми, какъ мы выразились, невозможно его смѣшивать. Онъ не хотѣлъ дѣлать ничего дурнаго, не сдѣлалъ ничего вреднаго; нѣкоторые другіе на его мѣстѣ хотѣли бы дурнаго и успѣли бы сдѣлать много вреднаго. И наконецъ, чтобы назвать положительную заслугу его, скажемъ, что, дѣйствительно, ему принадлежитъ честь изгнанія изъ русскаго литературнаго языка, въ самомъ дѣлѣ вредныхъ его легкости, мѣстоименій «сей» и «оный».

Внимательный читатель замѣтитъ, что вся настоящая статья есть только развитіе относящихся въ барону Брамбеусу эпизодовъ изъ статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы», а во многихъ мѣстахъ должна быть названа только парафразомъ словъ Гоголя. И если изъ нашей характеристики слѣдуетъ, что баронъ Брамбеусъ гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ многіе, писалъ съ намѣреніемъ подшутить надъ публикою и гораздо чаще, нежели думаютъ, писалъ серьезно, не дурача никого, а излагая свои настоящіи инѣнія, только въ формѣ нѣсколько манерной, то это опять мысль Гоголя и мысль совершенно справедливая. И если она представляетъ лучшее оправданіе для литературной дѣятельности барона Брамбеуса, то намъ опять пріятно сказать, что именно съ такимъ сознаніемъ и выражается она у Гоголя, который, осуждая многія изъ дѣйствій своего противника, постоянно прибавляетъ, что нравственный характеръ этого писателя выше подозрѣній и что онъ все дѣлалъ не съ другою какою-нибудь цѣлью, но именно съ тою, чтобы сдѣлать, какъ ему казалось, лучше. Это, кажется, совершенно справедливо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Погодинъ.—Кирьковский.—Шевыревъ.—Кн. Вяземскій.—Плгннквъ.

Представивъ характеристику критической дѣятельности и отношеній къ Гоголю Н. А. Полеваго и г. Сенковского, мы перейдемъ прямо къ журналамъ и журналистамъ, бывшимъ на сторонѣ Гоголя, не упоминая ни однимъ словомъ о нѣкоторыхъ другихъ журналистахъ, бранившихъ автора «Мертвыхъ Душъ». Не считаемъ также, съ другой стороны, нужнымъ беспокоить нѣкоторыхъ невинныхъ журналистовъ припоинаніями о ихъ простодушныхъ сомвѣніяхъ къ Гоголю: добрые люди давно простили имъ грѣхъ невѣдѣніи, въ которомъ они находились, а иные изъ нихъ, быть можетъ, еще и по сю пору находятся, повторяя разныя обвиненія, вычитанныя изъ статей Н. А. Полеваго. Такимъ образомъ, мы можемъ, оставивъ въ сторонѣ различныхъ мелкихъ воителей, усиливавшихся подвизаться противъ Гоголя, перейти къ изложенію критической дѣятельности и мнѣній о Гоголѣ тѣхъ журналистовъ, которые считали Гоголя великимъ писателемъ.

Еслибъ кто, придерживаясь исключительно строгаго хронологическаго порядка, рѣшился разрывать тѣсно связанныя между собою факты, при изложеніи различныхъ мнѣній о Гоголѣ, ему пришлось бы начать свой обзоръ свидѣтельствомъ Пушкина о достоинствахъ «Вечеровъ на хуторѣ», потому что Пушкинъ не только первый похвалилъ Гоголя, но и вообще былъ первымъ изъ всѣхъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ заговорившимъ нашей публикѣ о Гоголѣ. Поставивъ себѣ цѣлью дать не безсвязный хронологическій перечень статей о Гоголѣ, а изложенію распространенія въ литературномъ мірѣ и въ публикѣ понятій о значеніи Гоголя, мы должны были соединять въ одну цѣльную характеристику все, что было говорено о Гоголѣ съ той или другой точки зрѣнія, соблюдая порядокъ, въ какомъ одно направленіе приобрѣло первенство надъ другимъ въ литературѣ. Такимъ образомъ, надобно было начать нашъ обзоръ сужденіями журналистовъ, бывшихъ представителями направленій, господствовавшихъ въ нашей критикѣ до того времени, когда приобрѣли рѣшительное преобладаніе «Отечественныя Записки», которымъ, въ числѣ другихъ заслугъ, принадлежитъ и честь прочнаго утвержденія въ публикѣ справедливыхъ понятій о Гоголѣ. Слѣдуя этому плану, намъ должно, прежде нежели

мы займемся изложеніемъ этихъ нынѣ господствующихъ и совершенно раздѣляемыхъ нами мнѣній, представить обзоръ литературныхъ воззрѣній «Москвитянина», который, въ продолженіе первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ своего существованія, имѣлъ нѣкоторую долю вліянія на публику и литературу, пока, отчасти по причинамъ, лежавшимъ въ ^{in the main} сущности его собственнаго характера, отчасти по неустойчивому ^{неудержимо} возрастающему вліянію «Отечественныхъ Записокъ», совершенно ослабѣлъ. Это рѣшительно обозначилось въ 1844, если еще не въ 1843 году. Послѣ того существованіе «Москвитянина» было едва замѣтно въ литературѣ до 1849 или 1850 года, когда «молодая редакція» (терминъ, употребленный самимъ издателемъ) обновила его силы. Мы здѣсь говоримъ о мнѣніяхъ, которыя существовали въ русской литературѣ до приобрѣтенія «Отечественными Записками» совершеннаго преобладанія; потому исключительно говоримъ о «Москвитянинѣ» первой редакціи, — «Огаромъ Москвитянинѣ», если можно такъ выразиться, и (повторяемъ слова, сказанныя въ началѣ предыдущей статьи) выводы наши нисколько не относятся къ обновленному, или «новому» «Москвитянину». Но кромѣ этой краткой оговорки необходима другая, требующая болѣе обстоятельнаго развитія.⁴

Старый «Москвитянинъ» иногда называли журналомъ славянофильскимъ. Поводомъ къ этому мнѣнію было то, что изъ всѣхъ существовавшихъ до нынѣшняго года журналовъ онъ по преимуществу, или даже онъ одинъ, высказывалъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ понятія, довольно, повидимому, близкія къ славянофильскимъ. Но только въ «нѣкоторыхъ вопросахъ» и только «повидимому»; въ сущности же старый «Москвитянинъ» былъ органомъ г. Погодина и г. Шевырева, какъ новый «Москвитянинъ» — органомъ г. Погодина и г. А. Григорьева. Иногда помѣщались въ этомъ журналѣ и чисто славянофильскія статьи; однажды (въ 1845 г.) завѣдывалъ имъ одинъ изъ славянофиловъ, но только три или четыре нумера журнала въ этомъ году были замѣчательны, остальные не представляли ничего интереснаго; а отдѣльныя статьи, являвшіяся изрѣдка въ другіе годы, не имѣли вліянія на общій характеръ журнала.

Мы не знаемъ, много или мало соотвѣтствія съ своимъ образомъ мыслей находятъ славянофилы въ мнѣніяхъ г. Погодина; но, во всякомъ случаѣ, это мнѣнія отдѣльнаго человѣка, а не цѣлой школы. Что же касается мнѣній г. Шевырева, не подлежитъ сомнѣнію, что гг. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ не считаютъ г. Шевырева своимъ. Изъ этихъ словъ очевидно, что мы не находимъ особенной близости въ характерѣ понятій гг. Шевырева и Погодина, а еще менѣе возможнымъ считаемъ присоединять г. Шевырева къ славянофиламъ, и что изъ нашей характеристики образа понятій г. Шевырева не должно выводить никакихъ сужденій ни о г. Погодинѣ, ни тѣмъ болѣе о славянофилахъ.

Но этого отрицательнаго указанія было бы недостаточно. У многихъ понятія о г. Шевырѣвѣ, о г. Погодинѣ, о славянофильствѣ такъ тѣсно связаны, что для предупрежденія ошибочныхъ заключеній, необходимо точнѣе опредѣлить различіе въ литературномъ характерѣ двухъ редакторовъ стараго «Москвитянина» и высказать опредѣлительное мнѣніе о славянофильствѣ.

Г. Погодинъ не принималъ на себя роли критика художественныхъ произведеній, потому о немъ здѣсь мы можемъ упомянуть только эпизодически: его дѣятельность, какъ журналиста, ограничивавшаяся статьями или чисто ученаго, или публицистическаго содержанія, не входитъ въ границы нашихъ очерковъ; содержаніе его статей не касается нашего предмета. Мы обратимъ вниманіе читателя только на ихъ изложеніе. Слогъ г. Погодина богатъ странностями, которыя подавали даже поводъ къ забавнымъ пародіямъ. Но невозможно не признаться, что точность, ^{ясность и сила} ~~мѣткость~~, оригинальность, непринужденность, ~~сжатость~~ ^{энергія}, совершенная естественность составляютъ неотъемлемыя его качества. Нельзя также не прибавить, что наблюдательность, ^{проницательность} ~~проницательность~~, отсутствіе всякаго педантизма, строгая логика въ развитіи мыслей и вообще замѣчательная сила здраваго смысла—неизмѣнныя достоинства всего, что было написано господиномъ Погодинымъ. Мы не принадлежимъ къ числу его поклонниковъ,—но справедливость требуетъ назвать его ученымъ основательнымъ; и самые противники его согласятся, что онъ оказалъ своей специальной наукѣ—русской исторіи—значительныя услуги. ^{Тѣ же справедливость требуетъ сказать,} что въ его любви къ наукѣ нѣтъ ни жеманства, ни притворства, что онъ защитникъ ^{просвѣщенія} ~~просвѣщенія~~, и что какъ бы ни казались намъ странны нѣкоторыя его мнѣнія, но никто не можетъ и подумать назвать его обскурантомъ. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждаго здравомыслящаго человѣка сочувствіе къ нему во многихъ случаяхъ и во всякомъ случаѣ обезпечить ему право на уваженіе.

Мы никогда не раздѣляли и не чувствуемъ ни малѣйшаго влеченія раздѣлять мнѣнія славянофиловъ ¹⁾, но по всей справедливости должны сказать, что если понятіи ихъ и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать имъ, какъ людямъ, проiakнутымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію. Отчасти въ увлеченіи жаромъ полемики, еще болѣе потому, что смѣшивали истинныхъ славянофиловъ съ людьми, которые пустоту и кичливость своихъ мнѣній прикрываютъ напыщенными родомонтадами на отрывочныя и непонятныя мысли, заимствованныя на прокатъ у славянофиловъ, эту школу обвиняли во враждѣ къ наукѣ, въ обскурантизмѣ, въ стремленіи возвратить Россію «ко днѣмъ Кошпхина» и т. д. Упреки эти дѣлались не по слѣпой ненависти, не по желанію взвести на противниковъ предосудительную небывальщину, а по искреннему убѣжденію въ ихъ справедливости; но они несправедливы,—по крайней мѣрѣ, относительно такихъ людей, какъ гг. Аксаковы, Кошелевъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, рѣшительно несправедливы. Горячая ревность къ основному началу всякаго блага, просвѣщенію, одушевляетъ ихъ. Нѣтъ нужды лично знать ихъ, чтобы быть твердо убѣжденному, что они принадлежатъ къ числу образованнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ русскомъ обществѣ; а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность

¹⁾ Мы употребляемъ это имя, какъ наиболѣе всѣмъ извѣстное; но намъ кажется, что, будучи придумано въ то время, когда мнѣнія лучшихъ послѣдователей школы были еще мало извѣстны, оно не имѣетъ въ настоящее время никакого внутренняго смысла. Мы готовы съ удовольствіемъ замѣнить его другимъ, какое будетъ намъ указано самими послѣдователями мнѣній, о которыхъ идетъ рѣчь.

ихъ намѣреній. Считаемо излишнимъ прибавлять, что личный характеръ каждаго изъ этихъ людей выше всякой укоризны. Кто знакомъ съ славянофилами только по полемикѣ, которую нѣкогда вели петербургскіе журналы противъ стараго «Москвитянина», тотъ ихъ не знаетъ. Мы не возьмемъ на себя смѣлости отъ своего лица излагать передъ читателями полную систему ихъ убѣжденій, какъ мы ихъ понимаемъ: система эта представляется намъ не во всѣхъ пунктахъ достаточно ясною, и мы не хотимъ подвергаться опасности ввести читателей въ заблужденіе; вѣрнѣе будетъ, если мы представимъ извлеченіе изъ статьи г. И. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» ¹⁾. Она пока остается едва ли не лучшимъ выраженіемъ славянофильства. Мы будемъ совершенно строго держаться собственныхъ словъ автора.

«Еще не очень давно то время, когда вопросъ объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному былъ почти невозможенъ, или разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. Тому тридцать лѣтъ, едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другаго просвѣщенія, хромѣ завмствованнаго отъ западной Европы. Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степени, а не въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается только съ той минуты, какъ мы начали учиться у Европы. Оттого, тамъ учителя, мы—ученики».

«Но съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи западномъ и въ просвѣщеніи русскомъ произошла перемѣна. Европейское просвѣщеніе достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное начало выразилось съ очевидною ясностью. Результатомъ этой полноты развитія, ясности итоговъ было общее чувство недовольства. Правда, науки процвѣтали, высшая жизнь устранилась благопріятно. Но жизнь лишена была своего существеннаго смысла, ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Анализъ разрушилъ всѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе съ самаго начала своего развитія. И съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ анализъ, эта логическая дѣятельность, этотъ отвлеченный разумъ дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности. Онъ убѣдился, что высшія истины ума, его существенныя убѣжденія лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса. Этотъ результатъ европейской образованности выраженъ передовыми мыслителями Запада. Теперь западному человѣку остается или ограничиться равнодушіемъ во всему, что выше чувственныхъ интересовъ,—во это неестественно и унижительно, или возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума,—но эти убѣжденія уже разрушены. Потому-то почти каждый, чтобъ избѣгнуть этой мучительной пустоты, началъ изобрѣтать въ своей головѣ для всего міра новыя общія начала жизни и истины, мѣшая старое съ новымъ, возможное съ невозможнымъ».

«У насъ большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями европейской жизни, убѣдившись послѣ этого въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, не опфненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.—Эти основныя начала, которыхъ мы не замѣчали прежде, по пристрастію къ западной образованности и безотчетному предубѣжденію противъ своей старины, представлявшейся варварскою, совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе европейскихъ народовъ».

¹⁾ «Московский Сборникъ» 1852 г., стр. 1—68.

«Основными элементами въ развитіи западной Европы были: римская церковь, древне-римская образованность и государственность (общественное устройство), возникшая посредствомъ завоеванія и изъ борьбы побѣжденныхъ съ побѣдителями. Всѣ эти три элемента были совершенно чужды древней Россіи. Она приняла христіанство изъ Византіи, древне-языческая образованность переходила къ ней уже сквозь ученіе христіанское, русское государство основалось и утвердилось самобытно, не испытавъ завоеванія».

«Развитіе элементовъ западной образованности обнаружило ихъ неудовлетворительность и односторонность. Потому намъ нужно прилѣпиться къ своимъ основнымъ элементамъ образованности, исчисленнымъ выше, гораздо полезнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ. Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, вапа намъ предлагаетъ просвѣщеніе европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ разпѣтающее. Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщать образованность западная».

«Однако же, говоря: «направленіе», я не излишнимъ почтаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда-нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ выѣшалась въ настоящую жизнь вашу, то это видѣше не обрадовало бы меня. Напротивъ, оно испугало бы меня. Ибо такое переѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другаго устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я... чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе».

Изъ читателей, которые не принадлежать къ числу записныхъ послѣдователей славянофильства, очень немногимъ понравятся эти выписанныя нами мѣста, если только они потрутся внимательнѣе всмотрѣться въ смыслъ основныхъ мыслей и подумать о выводахъ, до которыхъ могутъ и должны привести эти основанія, будучи логически развиты. А тѣмъ, которые читали самую статью г. И. Кирѣвскаго, она, безъ сомнѣнія, понравилась еще гораздо менѣе, нежели наше извлеченіе: въ ней слишкомъ ярко выставлены на первый планъ иные слишкомъ сомнительные тезисы, которые мы почли удобнѣйшимъ сдѣлать едва замѣтными въ нашемъ изложеніи, потому что у другихъ славянофиловъ они дѣйствительно не играютъ особенно важной роли; мы старались извлечь изъ статьи г. Кирѣвскаго общія всей школѣ положенія, а не принадлежащія лично автору преувеличенія тѣхъ или другихъ мнѣній школы. Другіе, можетъ быть, сообщали бы этимъ тезисамъ развитіе болѣе обильное, и самъ г. И. Кирѣвскій въ другихъ случаяхъ говоритъ гораздо завлекательнѣе. Чтобы дать примѣръ этого, укажемъ на его статью «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности». Специальный смыслъ ея, по нашему мнѣнію, также существенно несправедливъ, и многіе факты также приведены или поняты ошибочно, — да иначе и быть не могло, иначе она была бы помѣщена не въ «Москвитинѣ» 1845 года, иначе не явился бы и «Московский Сборникъ» съ статьею И. Кирѣвскаго; но дѣло не въ томъ: мы указываемъ на «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности» съ цѣлью выставить на видъ, что въ этой статьѣ очень много¹ есть мыслей вѣрныхъ и прекрасныхъ. Въ введеніе, представляемое нами въ выносѣ,

увы, увѣ!> Нѣтъ,—Западъ юноша, и юноша еще очень молодой и свѣжій, который (устаи своихъ «передовыхъ мыслителей») говорить: «кое-что (и довольно много) я знаю; но очень многому мнѣ еще остается учиться, и еще горю жаждою большаго знанія и учусь довольно успѣшно. Я не совершенно неопытенъ; но мнѣ еще нужно пріобрѣсть гораздо болѣе опытности. Моя карьера только что еще начинается, я едва еще только начинаю отгадывать, что такое жизнь и какъ устроится моя жизнь. Мнѣ еще остается много трудиться, чтобы обезпечить себѣ прочное, безбѣдное существованіе; но трудиться я готовъ: силы у меня довольно, и, пожалуйста, не отчаивайтесь за мою будущность: я уже имѣю нѣкоторые вѣрные залоговъ того, что моя будущность мало по малу устроится довольно хорошо».—Вотъ что говорить Западъ устаи своихъ «передовыхъ мыслителей». Возьмите французскаго, нѣмецкаго, англискаго ученаго, все равно, лишь бы только онъ былъ человѣкъ умный и дѣльный: каждый изъ нихъ скажетъ вамъ то же самое.

Откуда же взялась у насъ (да и у нѣкоторой части западной публики) мысль, или, лучше сказать, не мысль, а мелодраматическая фраза, о томъ, что Западъ дряхлый старецъ, который извлекъ изъ жизни уже все, что могъ извлечь, который истощился жизнью, и т. д.? Да все изъ разныхъ западныхъ же пустынькихъ или тупоуменькихъ книжонокъ и статей, потону что, нечего грѣха таить, и на Западѣ много сочиняется пустыхъ книжекъ и статей, по крайней мѣрѣ, по десяти на одну дѣльную, все равно, какъ и у насъ, на одну умную статью г. И. Кирѣевскаго приходится по крайней мѣрѣ десятковъ

слабыхъ происходить не изъ одного этого равочета. По большей части это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслию о человечествѣ,—это стремленіе любви, а не выгоды. Онъ хочетъ знать, что дѣлается въ мірѣ, въ оудѣбѣ ему подобныхъ, часто безъ малѣйшаго отношенія въ себѣ. Онъ хочетъ знать, чтобы только участвовать мыслию въ общей жизни, сочувствовать ей извнутри оного ограниченнаго круга.

Несмотря на то, однако, кажется, не безъ основаній, жалуются многіе на это излишнее уваженіе въ минутѣ, на этотъ всепоглощающій интересъ къ событіямъ дня, къ внѣшней, дѣловой сторонѣ жизни. Такое направленіе, думаютъ они, не обънимаетъ жизни, но касается только ея наружной стороны, ея несущественной поверхности. Скорлупа, конечно, необходима, но только для сохраненія зерна, безъ котораго ова овищъ. Можетъ быть, это состояніе умовъ понятно, какъ состояніе переходное; но бессмыслица, какъ состояніе высшаго разряда. Крыльцо къ дому хорошо, какъ крыльцо; но если вы расположились на немъ жить, какъ будто оно несъ домъ, тогдаhalb оттого можетъ быть вѣчно х холодно.

Впрочемъ, замѣтить, что вопросы собственно политическіе, правительственные, которые такъ долго волновали умы на Западѣ, теперь уже начинаютъ удалаться на второй планъ умственныхъ движеній, и хотя при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто они еще въ прежней силѣ, потому что по прежнему еще занимаютъ большинство голосовъ, но это большинство уже отсталое; ова уже не составляетъ выраженія нѣка; передовые мыслители рѣшительно переступили въ другую сферу—въ область вопросовъ общественныхъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ уже не внѣшняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, въ ея дѣйствительныхъ, существенныхъ отношеніяхъ.

Умственнымъ движеніямъ на Западѣ совершаются теперь съ немалымъ шумомъ в блестящемъ, но очевидно живѣтъ болѣе глубины и общности. Вмѣсто ограниченной сферы событий дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ оаному источнику всего внѣшняго—къ человѣку, какъ онъ есть, и въ его жизни, какъ ова должна быть. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной работѣ своей стараются перейти отъ явленія въ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ в минутныхъ событіяхъ дня, в вѣчныхъ условіяхъ жизни, в политикѣ, в философіи, в наука, в ремесло, в промышленность, в сама реляція, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, слышатся въ одну необозримую задачу: усовершенствованіе человѣка в его жизненнымъ отношеніяхъ.—Москвичанинъ 1855 г. № 1.

жалкихъ статей, написанныхъ на ту же, повидимому, тему, но написанныхъ педантами или людьми ограниченными. По преимуществу эти унылыя книжки и статейки пишутся на французскомъ діалектѣ; главныя богадѣльни для этихъ беззубыхъ воздыханій — различные *Revue des deux Mondes*; *Revue Contemporaine*, *Revue de Paris* и газеты съ фельетонами. Пишутся они отчасти французскими Маниловыми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что, опять нечего грѣха таить, во Франціи, какъ и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы, отчасти людьми плутоватыми, отчасти добродушными, но вообще людьми отсталыми. Основаніе для вздоховъ и оховъ о бѣдной европейской цивилизаціи, о погибающей Европѣ — то, что они, по поверхностному простодушію, не могутъ или по расчету не хотѣтъ понять строгихъ, но благихъ идей современной науки, выраженныхъ «передовыми мыслителями». Для низшихъ слоевъ публики, упивающихся переводами дюмазовскихъ романовъ, эти книжки и статейки въ огромномъ количествѣ переводятся и на нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, и нѣмецкіе Маниловы фабрикують подобныя книжки и статейки въ изрядномъ количествѣ и качествѣ, потому что Германія, довольно скудная Чичиковыми, преизобилуетъ Маниловыми. Переводятся и передѣлываются онѣ также и въ Англіи, но въ меньшемъ количествѣ, потому что англичане мало расположены къ машловщинѣ, какъ народъ сухой, а Чичиковы тамъ заняты биржевыми и фабричными продѣлками. Читая воздыханія людей, поневолѣ впадаешь въ тоску объ участи европейской литературы, науки, цивилизаціи и т. д., — все равно, какъ, перечитывая въ старомъ «Москвитинѣ» статьи г. М. Дмитриева, г. А. Студитскаго, г. Шевырева и т. д., мы впадали въ совершенную тоску объ участи русской науки, литературы и т. д. Но мы извиняемся, по крайней мѣрѣ, необходимостью пересмотрѣть старый «Москвитинѣ» для дѣла, которымъ теперь занимаемся; а кому какая необходимость читать произведенія Сентъ-Бева, Филарета Шаля, Сентъ-Рене-Тальяндые, Луи Ребо, Мишеля Шевалье и т. д. и т. д.? Тутъ ужъ совершается чисто произвольный грѣхъ. Зато и наказаніе за этотъ грѣхъ посылается тяжкое: оплакивать скоропостыжную дряхлость и безнадежную гибель цѣлой части свѣта! Чтобы составить себѣ справедливое понятіе о современномъ состояніи европейской науки и цивилизаціи, надобно, дѣйствительно, изучать его въ произведеніяхъ «передовыхъ мыслителей» Запада. И кто пойметъ значеніе ихъ трудовъ, тому общій вопросъ о Европѣ и объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ представится столь же простымъ, какъ представлялся, по мнѣнію автора, тридцать лѣтъ тому назадъ. А въ частности онъ будетъ думать о старинной Руси точно такъ же, какъ думалъ о ней Петръ Великій, который очень близко, кажется, зналъ ее по собственному опыту. Относительно понятій о различіи основныхъ элементовъ старинной русской жизни отъ элементовъ жизни западной онъ также будетъ еудить очень скромно, потому что современная европейская наука хотя и не занималась специально разработкою русской старины, но достаточно уяснила вопросы объ исторической жизни многихъ другихъ народовъ, которые находились или находятся въ положеніи, очень похожемъ на состояніе до-петровской Руси, или имѣли на старинную нашу жизнь вліяніе. Результаты изслѣдовавій нашихъ собственныхъ ученыхъ о нашей старинѣ совершенно подтверждають справедливость общихъ понятій современной науки о тѣхъ специальныхъ элементахъ,

присутствіе которыхъ въ старинной Руси кажется автору столь важнымъ и оригинальнымъ. Кстати, невозможно сомнѣваться въ томъ, что славянофилы говорятъ объ этихъ элементахъ безъ непосредственного анакомства съ объясненіями и взглядами лучшихъ специалистовъ нашихъ и европейскихъ. По всему очевидно, что они представляютъ себѣ эти элементы не въ томъ яstinномъ видѣ, какъ они излагаются въ специальныхъ сочиненіяхъ, а сообразно своимъ личнымъ понятіямъ, — понятіямъ дилетантовъ, не углублявшимся въ тяжелыя специальные сочиненія, а узнавшихъ о еодержаніи этихъ сочиненій изъ рецензій, писанныхъ людьми отсталыми.

Кромѣ главной мысли объ односторонности западной цивилизаціи и неспособности ея къ дальнѣйшему развитію — мысли, навѣянной журналами въ родѣ *Revue des deux Mondes*, есть еще другая основная мысль въ системѣ славянофилловъ — одностороннее пристрастіе къ своему. Чувство любви къ своему хорошо: но оно должно быть повѣряемо анализомъ фактовъ. Мы долго придумывали, какъ бы объяснить это удовлетворительнымъ образомъ, но вспомнили, что очень удовлетворительно объясненъ этотъ вопросъ въ стихотвореніи г. Хомякова («Московский Сборникъ» 1852 г. стр. 141):

«Мы родъ набранный», говорили
Сюна дѣти въ старину,
«Нанъ божья громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дынь и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.

«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождали манной небеса,
«Для насъ законъ, у насъ пророки,
«Въ насъ Божьей силы чудеса».

Не терпитъ Богъ людской гордыня;
Не съ тѣмъ онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святыни,
«Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!»!

Не съ тѣмъ Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душею мертвъ в спитъ умомъ.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не радилъ... и т. д.

Вообще должно сказать, что славянофильство навѣяно къ намъ съ Запада: нѣтъ ни одной существенной мысли въ немъ (рѣшительно ни одной), которая не была бы заимствована изъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, преимущественно изъ писателей, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ различныя отсталыя понятія или наивныя ожиданія не подтвер-

ждаются наукою. Но известно, что многое уже ненужное въ одной странѣ еще можетъ приносить нѣкоторую пользу въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Многія понятія, сдѣлавшіяся въ своемъ отечествѣ уже совершенно отсталыми, нисколько не основательными, въ другихъ странахъ еще могутъ получить достоинство относительной свѣжести и основательности, потому что противопоставляются мыслямъ, еще болѣе отсталымъ, еще менѣе основательнымъ, могутъ имѣть интересъ живости и новости, и въ этомъ качествѣ возбуждать дѣятельность ума, направлять его къ дальнѣйшимъ успѣхамъ,—однимъ словомъ, приносить пользу. Объяснимся примѣромъ. Для Германіи уже устарѣли системы Канта и Шеллинга, когда Кузенъ передѣлалъ ихъ для Франціи; но во Франціи онѣ были еще новостью и, несмотря на то, что искажены были въ передѣлкѣ, принесли довольно значительную пользу. И наоборотъ, многіе сочиненія, уже устарѣлыя для Франціи, приносили свою пользу въ Германіи, будучи переводимы или передѣлываемы на нѣмецкій языкъ. Такъ надобно смотрѣть и на наше славянофильство. Оно основано на заимствованіи мыслей, устарѣвшихъ на ихъ родинѣ; но у насъ эти мысли могутъ еще для очень многихъ имѣть новизну, возбуждать дѣятельность ума, приносить пользу. Не говоримъ уже о томъ, что онѣ живительно дѣйствуютъ на развитіе въ нашей литературѣ дѣйствительно современныхъ мыслей, вызывая противодѣйствіе.

Но мало сказать въ оправданіе славянофильства, что оно приносить отрицательную, или отрицательную пользу. Есть въ немъ нѣкоторыя стороны и безусловно хорошія. Посредственные французскіе или нѣмецкіе писатели, которыми оно навѣяно, конечно, сами не могли бы придумать ничего особенно хорошаго; зато они мало и придумали своего: почти все у нихъ взято изъ писателей дѣйствительно хорошихъ. Правда, многія изъ книгъ, откуда они почерпали, слишкомъ заплесневѣли отъ ветхости; но кое-что, и даже довольно многое (преимущественно критика всѣхъ пережитыхъ современною наукою и жизнью ступеней развитія), заимствовано изъ современныхъ гениальныхъ писателей. Правда, они иногда порядочно искажаютъ заимствуемыя гениальныя мысли, но все-таки все живое стерли съ нихъ. Правда, эти свѣжія мысли вплетены въ систему, сущность которой довольно ветха; но новыя заплаты на ветхомъ платьѣ тѣмъ ярче блещутъ свѣжестью своихъ красокъ,—онѣ безобразятъ самое платье, но сами по себѣ еще больше выигрываютъ отъ его безобразія. Если бы въ посредственную повѣсть какого-нибудь дюжиннаго беллетриста была вставлена глава изъ «Мертвыхъ Душъ», повѣсть въ цѣломъ стала бы вдвое безобразнѣе, но прелесть отрывка изъ «Мертвыхъ Душъ» была бы—хотя бы онъ былъ даже отчасти передѣланъ къ худшему—вдвое поразительнѣе въ этой повѣсти, нежели въ самыхъ «Мертвыхъ Душахъ». И скажите, развѣ было бы бесполезно прочесть эту повѣсть человеку, который еще не имѣлъ (я, быть можетъ, долго не будетъ имѣть) случая прочесть «Мертвыя Души»? И не бойтесь продолжительности его заблужденія: такъ или иначе, но онъ услышитъ, что отрывокъ, ему понравившійся, заимствованъ изъ Гоголя, и тогда никто его не удержитъ отъ чтенія самого Гоголя. Есть люди требовательные, неуступчивые, которые говорятъ: «все или ничего, клочки и обрывки никуда не годятся»; но иногда самый требовательный человекъ видитъ себя въ необходимости съ благоразумною уступчивостью говорить: «лучше хлѣбъ съ мякиной, нежели совершенно ничего».

Это о положительномъ содержаніи славянофильства. Что же касается его стремленій, нельзя не отдать ему полной справедливости. Въ извлеченіи статьи г. И. Кирѣвскаго: «О характерѣ просвѣщенія Европы», послѣднія строки, отмѣченныя у насъ вносными знаками, выписаны нами безъ всякихъ перемѣнъ и составляютъ заключеніе въ самомъ подлинникѣ: истязуйте эти строки, какъ хотите, но вы не можете найти въ нихъ вражды къ просвѣщенію; напротивъ, онѣ внушены горячею ревностью къ просвѣщенію и къ улучшенію русской жизни. Можно и должно не соглашаться съ почтеннымъ авторомъ въ средствахъ къ достиженію, но нельзя не признаться: цѣль его—цѣль всѣхъ благомыслящихъ людей.

Можно отыскать и много другихъ хорошихъ сторонъ въ славянофильствѣ: но мы боимся, что уже утомили читателей слишкомъ длиннымъ отступленіемъ. Потому скажемъ только, что для развитія той части русской публики, которая имъ увлекается, эти убѣжденія гораздо болѣе полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью отъ умственной дремоты, отъ индифферентизма или даже вражды противъ просвѣщенія къ совершенно современному взгляду на вещи, къ совершенному разрыву съ нашей старинной бездѣйственностью и холодностью въ дѣлѣ общемъ. Потому-то люди, которыхъ въ насмѣшку называли «западниками», и славянофилы, несмотря на жаркіе споры между собою, были сподвижники въ одномъ общемъ стремленіи, которое тѣмъ и другимъ было въ сущности дороже всего остальнаго, что ихъ раздѣляло. Что же касается этихъ нуяктовъ несогласія, мы изложили о нихъ мнѣніе, которое кажется намъ справедливо, и можемъ прибавить только, что довольно было бы выставить на видъ основныя мысли, напримѣръ, изъ приведеннаго нами въ выноскѣ начала статьи самого г. И. Кирѣвскаго «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности»,—и эти его собственные понятія обличили бы несправедливость его выводовъ относительно дряхлости западной цивилизаціи. Но къ чему это? лучше будетъ окончить нашъ эпизодъ о славянофилахъ превосходнымъ заключеніемъ, которое далъ г. Кирѣвскій своей статьѣ о современномъ состояніи словесности:

Мы думаемъ, что всѣ споры о превосходствѣ Запада или Россіи, о достоинствѣ исторіи европейской или нашей и тону подобныя разсужденія принадлежать къ числу самыхъ бесполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать празднoлюбiе мыслящаго чeлoвѣка. И что, въ самомъ дѣлѣ, за польза намъ отвергать или порочить то, что было или есть добраго въ жизни Запада? Не есть ли ова, напротивъ, выраженіе нашего же начала, если ваше начало истинное? Вслѣдствіе его господства надъ вами (*то есть господства этого истиннаго начала*) все прекрасное, благородное, по необходимости намъ свое, хотя бы оно было европейское, хотя бы африканское. Голосъ истины не слабѣетъ, но усиливается своимъ созвучіемъ со всѣмъ, что является истиннаго, гдѣ бы то ни было. («Москвитянинъ» 1845, № 2).

Теперь, хотя въ общихъ чертахъ опредѣливъ наше понятіе о славянофилахъ, мы можемъ перейти къ характеристикѣ критической дѣятельности г. Шевырева. Г. Шевыревъ многими былъ считаемъ за славянофила, и онъ самъ отчасти подавалъ къ тому поводъ, очень часто, или, лучше сказать, постоянно, въ каждой статьѣ своей, развивая три или четыре темы, повидимому, сходныя съ мыслями славянофиловъ. Различіе было, повидимому, только въ томъ, что г. Шевыревъ выражалъ эти нѣнія гораздо краснорѣчивѣе, и такъ

какъ краснорѣчіе состоитъ въ употребленіи различныхъ фигуръ, какъ-то: усугубленія, нагроможденія, напряженія и тону подобныхъ, то, по необходимости, мысли эти выражались у него гораздо сильнѣе, нежели у г. Аксакова, г. Кирѣевского или г. Хомякова. Мы сказали бы даже: выраженіе этихъ мыслей было у него отчасти доведено до излишней утрировки, если бы могло быть излишество въ столь пріятной вещи, какъ краснорѣчіе. Изъ этихъ трехъ, четырехъ темъ самою любимую было такъ называемое на языкѣ г. Шевырева «гніеніе Запада». Самые ревностные славянофилы не выражались объ этомъ предметѣ и въ десятую долю такъ сильно и картинно, какъ г. Шевыревъ. Приводимъ одинъ только примѣръ:

«Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ алой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства—и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхъ пара будущаго трупца,» которымъ онъ уже пахнетъ. Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности; онъ возитъ насъ на своихъ окрѣпленныхъ пароходахъ, катаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, угождаетъ безъ нашего труда всѣмъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ къ такому богатому хозяину. Мы упоены, намъ весело такъ дешево вкушать то, что такъ дорого стояло. Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таятся сокъ, котораго не вынесетъ сибѣжая природа наша; мы не предвидимъ, что пресыщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пѣра, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной («Москвитининъ» 1841. № 1, стр. 247—8. «Взглядъ русскаго на образованію Европы»).

Ужасная картина! Вообразите только: «мы дѣлимъ ^{дѣлимъ} трапезу мысли и пьемъ чашу чувства съ трупомъ!» Если мы не ошибаемся, истинные славянофилы назовутъ эти выраженія болѣе поэтическими, нежели точными; вѣроятно, прибавитъ даже, что отъ подобнаго взгляда на западную цивилизацію они столь же далеки, какъ и отъ безусловнаго поклоненія Западу. Впрочемъ, если мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, какъ думаютъ славянофилы о мнѣніяхъ г. Шевырева, зато г. Шевыревъ достаточно опредѣлилъ свои понятія о славянофилахъ,—напримѣръ, хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ, заимствованныхъ изъ его статьи объ «Одиссее», переведенной Жуковскимъ. Въ поясненіе этого отрывка предварительно замѣтимъ, что понятіе о преобладаніи «міра», общины надъ отдѣльною личностію въ древней Руси—одно изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій для славянофиловъ, и подчиненіе личнаго произвола въ отдѣльномъ человѣкѣ общественной волѣ—едва ли не существеннѣйшая черта ихъ идеала въ будущемъ. Мы не подозреваемъ себя въ пристрастіи славянофильскому образу мыслей, но должны сказать, что ученіе объ отношеніи личности въ обществу—здоровая часть ихъ системы и вообще достойно всякаго уваженія по своей справедливости. Г. Шевыревъ выразился объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ, разсуждая о циклопахъ:

Главный источникъ ихъ дикости (*т. е. дикости циклоповъ*) — отсутствіе вѣры въ боговъ. Когда Одиссей вздумалъ убѣждать циклопа именемъ Зевса, бога гостеприимства и заступника странниковъ, тотъ отвѣчалъ ему:

Водно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ, првшелецъ,
Если ногъ вадумать, что я побююсь иль уважу безсмертныхъ.
Намъ, циклопамъ, нтъ нужды ни въ богъ Зевесъ, ни въ прочиѣхъ
Вашиѣхъ блаженныѣхъ богатъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй.
Страѣхъ громовержца Зсвеса разгѣввать меня не принудить
Ваоъ пощадить; поступлю я, какъ маѣ самому то угодно.

Такое безвѣріе соединено въ циклопѣ съ отсутствіемъ всякаго понятія о личности человѣческой. Человѣкъ ему ни почемъ. Онъ считаетъ его наравнѣ съ бараномъ. Такое безуміе объясняетъ намъ, почему циклопъ, правда, пьяный, повѣрилъ тому, что человѣкъ можетъ называться *Никто* я не имѣть никакого личваго имени. Разумная хитрость Одиссея здѣсь вполнѣ торжествуетъ надъ грубою дикостью людоеда, не признающаго личности человѣческой. При этомъ встати нельзя не вспомнить, что нѣкоторые мнимые мыслители наши, увлекшись нѣмецкою философіею, вадумали было навязать тавія циклопическія понятія объ личности человѣческой народу древней Руси, иные умышленно, съ неуваженіемъ къ ея значенію, другіе же съ добродушнымъ отсутствіемъ всякаго умысла, а принося отъ чистой русской души безсознательную жертву русскою же непонятою ими народностію въ пользу германскаго любомудрія.

(Москвитиниѣ 1849. № 3. Критика, стр. 109).

Послѣ этого, конечно, никто не будетъ смѣшивать г. Шевырева съ славянофилами; а внимательное разсмотрѣніе статей ученаго автора приведетъ каждаго къ рѣшительному убѣжденію, что если г. Шевыревъ находитъ нѣкоторые отдѣльныя ихъ мысли полезными, но слншкомъ недостаточно развитыми и слншкомъ слабо выраженными у самихъ славянофиловъ, и потому старается повторять эти мысли какъ можно чаще, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, сообщая имъ самое всеобъемлющее значеніе, прилагая ихъ ко всякому данному предмету,—если, говоримъ мы, онъ дѣлаетъ это, то дѣлаетъ какъ мыслитель своеобразный. Опредѣлить его образъ мыслей было бы очень затруднительно, потому мы и не беремся за это, предоставляя каждому читателю выводить изъ фактовъ, представляемыхъ нами на слѣдующихъ страницахъ этой статьи, такіа заключенія, канія ему покажутся естественными. Мы можемъ сказать только одно: г. Шевыревъ мыслитель своеобразный. Считаенъ также не бесполезнымъ замѣтить, что писатели, вступавшіе въ учено-литературныя пренія съ г. Шевыревымъ, конечно, напрасно жаловались, будто онъ, въ возраженіяхъ своимъ противникамъ, переступалъ иногда границы чисто ученаго или литературнаго пренія, въвлекая въ сферу спора предметы и понятія, которыхъ у насъ ни въ какой полемикѣ не должно касаться; что несправедливо утверждали также, будто бы иногда онъ увлекался даже въ нѣкоторые опасенія противъ просвѣщенія. Несправедливость всѣхъ этиѣхъ упрековъ до очевидности изобличается тѣмъ, что, разбирая сочиненіе князя Вяземскаго «Фонъ-Визинъ», ученый критикъ выписываетъ изъ этой книги слѣдующія благородныа и прекрасныа строки:

«Немного такихъ истинъ носомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныа, случайныа и независимыа отъ воли людей. Но, посвящаяъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ой вѣрнымъ безъ изыатія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: *Vive le Roi quand teme!* Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почв-

там его единымъ, прочнымъ основаніемъ благовостванія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простиительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по вѣсповѣдимымъ законамъ Провидѣвія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ви есть на землѣ? Писатель, который, по званію своему, обязавъ быть проповѣдякомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ довосчникомъ на него, подобаетъ врачу, который, призванъ будучи въ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныи ошибку врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно я безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ.

И не только выпиcываетъ г. Шевыревъ эти строки, но и положительно называетъ «прекрасными». (Москвитинъ, 1848 г. № 7, стр. 18).

Будучи извѣстенъ, какъ одинъ изъ нашихъ почетнѣйшихъ критиковъ, г. Шевыревъ столько же извѣстенъ, какъ поэтъ, и знаменитъ, какъ ученый. Здѣсь насъ занимаетъ исключительно его критическая дѣятельность; поэтическихъ и ученыхъ его произведеній мы должны коснуться только мимоходомъ, на сколько то нужно для дополненія общаго понятія объ ученонъ критикѣ.

«Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» до сихъ поръ остается изъ ученыхъ сочиненій г. Шевырева лучшимъ въ научномъ отношеніи. Это—полезная компиляція, въ которой своеобразная мыслительность автора еще едва проглядываетъ, но достаточно—и не во вредъ компиляціи—обнаруживается порядочная начитанность. «Исторія поэзіи у всѣхъ народовъ» началась и окончилась первымъ томонъ, «содержащимъ (какъ сказано въ заглавіи) исторію поэзіи ивдѣйцевъ и евреевъ, съ присовокупленіемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ западной Европы».—Этотъ единственный изъ многихъ предполагавшихся томовъ былъ поводомъ къ полемикѣ, знаменитой въ лѣтописяхъ нашей журналистики. Нѣкоторые эпизоды ея могли бы быть занимательны, но отвлекали бы насъ отъ предмета. Лѣтъ черезъ десять послѣ того явились первыя двѣ части «Исторіи русской словесности, преимущественно древней». Это самое ученое и самое важное сочиненіе г. Шевырева. Хорошую сторону его составляетъ то, что факты, относящіеся къ исторіи литературы, собраны довольно полно: слабая сторона—то, что они переплетены съ гипотезами и мечтами, не выдерживающими самой снисходительной критики. Это было бы еще не очень вредно для книги, если бы авторъ дѣлалъ хотя какое нибудь разлечіе между положительными фактами и создавшимъ своего поэтического воображенія: почему же и не пофантазировать? Но ученое достоинство сочиненія теряетъ оттого, что всѣ эти гипотезы и фантазіи высказаны догматически, что ничѣмъ не отличены онѣ отъ достовѣрныхъ фактовъ: авторъ совершенно рдинаковымъ товомъ говоритъ и о томъ, что Владиміръ Мономахъ написалъ поученіе своимъ дѣтямъ, и о томъ, что гегелева философія возникла изъ мыслей, изложенныхъ въ посланіи Никифора къ Мономаху; и о томъ, что «Слово о Полку Игоревѣ» проникнуто грустью о междоусобицахъ, и о томъ, что Москва возвысилась благодаря не другому кому, какъ именно Даніилу Паломнику. Какая связь между Гегелсмъ и Никифоромъ, Даніиломъ Паломникомъ и Москвою, этого ужъ мы не беремся объяснить: надобно было бы выписывать подлинныя слова; а у насъ и безъ

того слишком много выписокъ. О мелкихъ ошибкахъ въ изложеніи фактовъ мы не говоримъ,—не говоримъ и о томъ, справедливо ли воззрѣніе г. Шевырева на исторію русской литературы: невольную ошибку легко извинить; но произвольность фантазій, два примѣра которыхъ мы представили, должна быть очевидна каждому, каковы бы ни были его понятія о старинной русской литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что все эти пылкія мечты должно объяснять желаніемъ ученаго автора сообщить своему сочиненію художественныя достоинства: извѣстно, что въ художественномъ созданіи форма, т. е. краснорѣчіе, важна не менѣе содержанія. Авторъ очень успѣшно достигъ этой цѣли. Его сочиненіе отличается вдохновеннымъ краснорѣчіемъ; но, какъ ученымъ пособіемъ, пользоваться имъ затруднительно. «Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» имѣетъ въ двухъ томахъ двѣ интересныя страницы: одна изъ нихъ представляетъ не лишнюю цѣнну для науки выписку изъ «Пансіевского Сборника» о языческихъ суевѣріяхъ; другая страница содержитъ знаменитое размышленіе о томъ, что «не жадеетъ русскій человѣкъ, не завистливъ: летаетъ вокругъ его птица—онъ не бьетъ ея, плаваетъ рыба—онъ не ловитъ ея, и довольствуется скудною и неудобоваримою пищею», зная, что пища и питье—суета, заботясь только о неземныхъ благахъ. Все остальное въ «Повѣдкѣ» не имѣетъ особенной важности.

Переходя къ чисто-поэтическимъ созданіямъ г. Шевырева, мы не будемъ произносить сужденія о ихъ достоинствахъ: достоинства эти очевидны. Немногіе изъ знаменитыхъ критиковъ писали стихи; но если кто изъ нихъ писалъ, то стихи всегда бывали такого рода, что доставляли ему славу лучшаго поэта своей эпохи. Иначе и быть не могло: критикъ долженъ быть одаренъ тонкимъ вкусомъ и плохихъ стиховъ не почитетъ достойными печати, хотя бы они были его собственные. Вспомнимъ Буало, Попе: будучи хорошими критиками, они были и лучшими поэтами своего времени. То же и у насъ—вспомнимъ Карамзина и Мерзлякова: судите, какъ хотите о ихъ поэтическомъ талантѣ, плохихъ стиховъ вы у нихъ не найдете. Изъ всего этого очевидно, что стихи г. Шевырева должны также быть хороши. Это мнѣніе нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться довольно смѣло. Но мы докажемъ его фактами. Жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ украсить этихъ страницъ гармоническими октавами ученаго поэта; ограничимся двумя другими, небольшими отрывками. По случаю начала постройки Московской желѣзной дороги г. Шевыревъ написалъ стихотвореніе, изъ котораго мы приводимъ только одну строфу:

«Что-то будетъ?»—православный
Думу думаетъ народъ:
«Аль Москвѣ перводержавной
Позабыть свои семьсотъ?
Загудѣвъ колоколами
Золотой своей главы,
Двинуть всѣми сороками,
Да итти на брегъ Невы?»

Этотъ энергическій порывъ мысли къ дивнымъ картинамъ не есть въ его

талантъ черта временная или случайная: до послѣдняго времени она сохранилась во всей живости. Такъ, напримѣръ, одно изъ стихотвореній, писанныхъ г. Шевыревымъ въ 1853 г., начинается слѣдующимъ образомъ:

Пушьянъ! встань, проснись азъ гробу!
Гдѣ твой голосъ и языкъ?
Поражай враговъ и влобу,
Зачинай побѣдный крикъ:
Но ты спишь; умолкъ Жуковский!
Миръ вашъ нѣмъ, какъ стѣхшій громъ,
Будто колоколь кремлевскій
Съ отлетѣвшимъ языкомъ.
Если вѣстники къ вамъ въ гости
Прилетаютъ съ нашихъ странъ,—
О! твои играютъ кости,
Словно радостный органъ!.. и т. д.

Самые завистники поэта согласятся, что въ этихъ сжѣлхъ образахъ выразилась титаническая сила фантазій.—Мы упоминали о стихахъ г. Шевырева собственно потому, что увѣрены въ ихъ достоинствахъ: хорошій критикъ можетъ писать плохіе стихи, но не будетъ печатать ихъ,—по крайней мѣрѣ, не будетъ печатать ихъ въ продолженіе тридцати лѣтъ.

Мы уже отказались отъ слишкомъ трудной задачи положительнымъ образомъ опредѣлять мнѣнія г. Шевырева. Приступая теперь къ изложенію его критической дѣятельности, сообразно своему рѣшенію, мы не будемъ отыскивать принциповъ его критики, вовсе даже не будемъ касаться ихъ. Пусть они будутъ справедливы,—тѣмъ лучше; пусть они будутъ неудовлетворительны,—это не помѣшаетъ намъ отдать полную честь вѣрности его сужденій объ отдѣльных фактахъ, тонкости и проницательности его вкуса. Въ теоретическіе принципы Буало, Лагарпа, Попе, Карамзина, Мералякова были неудовлетворительны въ научномъ отношеніи, а между тѣмъ, эти критики, благодаря своему уму и вкусу, объ отдѣльных произведеніяхъ литературы судили очень здраво, хорошими называли дѣйствительно лучшихъ писателей своего времени, восхищались именно тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго. Возьмемъ примѣры еще ближе: Пушкинъ не былъ отличнымъ теоретикомъ, а его сужденія объ отдѣльных писателяхъ и произведеніяхъ литературы удивительно вѣрны и мѣткі. Гоголь былъ абсолютно плохимъ теоретикомъ, а судилъ о литературныхъ произведеніяхъ тоже съ изумительною вѣрностью и проницательностью. Иначе и быть не могло, потому что у этихъ людей не было недостатка ни въ здоровомъ умѣ, ни въ эстетическомъ вкусѣ. Чтобы вѣрно дѣлать общіе выводы, или вѣрно прилагать къ фактамъ общіе принципы, нужны и особенная привычка и специальная способность къ тому. Но чтобы отличить г. Бенедиктова отъ Лермонтова, или Гоголя отъ Аріоста, вовсе не требуется быть мыслителемъ.

Г. Шевыревъ приобрѣлъ извѣстность, какъ критикъ, задолго до основанія «Москвитянина». Не говоря ужъ о «Московскомъ Вѣстникѣ» и «Телескопѣ» съ «Молвою», въ которыхъ онъ еще не игралъ первой роли, упомянемъ только, что при основаніи «Московского Наблюдателя» онъ явился главнымъ

лицомъ въ этомъ журналѣ, первая книжка котораго начиналась статьею г. Шевырева «Словесность и торговля»,—статьею, которая въ свое время подала поводъ ко многимъ насмѣшкамъ,—потому мы оставимъ ее въ покоѣ; замѣтимъ только, что Гоголь (въ статьѣ о движеніи журнальной литературы) справедливо удивляется тому, какъ автору удалось, заговоривъ объ отношеніяхъ (денежныя отношенія литераторовъ), представляющихъ столь много сторонъ, достойныхъ порицанія, выбрать для своихъ нападеній какъ будто нарочно единственную хорошую сторону этихъ отношеній (именно то, что литературный трудъ началъ у насъ въ Россіи хотя нѣсколько вознаграждаться, какъ и всякій другой трудъ, въ томъ числѣ и ученый). Не будемъ припоминать и другихъ его статей въ «Московсконъ Наблюдатель», даже знаменитаго въ свое время разбора стихотвореній г. Бенедиктова, въ которомъ было доказано, что г. Бенедиктовъ есть «поэтъ мысли», и съ нимъ въ первый разъ является въ русской литературѣ мысль,—оставимъ все это въ покоѣ: въ то время г. Шевыревъ только еще начиналъ развивать своеобразность своихъ понятій, и участіе въ «Московсконъ Наблюдатель» еще не было блестящею эпохою его дѣятельности. Мы хотимъ ограничиться изученіемъ его критики во времена политическаго ея развитія: прочную извѣстность г. Шевыревъ, какъ критикъ, приобрѣлъ только уже тогда, когда «Москвитининъ» сдѣлался его органомъ. Займемся же изученіемъ этихъ статей.

Общій взглядъ свой на всю русскую словесность г. Шевыревъ выразилъ, или общалъ выразить, въ статьяхъ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на современное направленіе русской литературы». Изъ нихъ первая, «Темная сторона», явилась въ первой книжкѣ «Москвитинина» за 1842 годъ. Она очень замѣчательна, и мы должны дать подробный отчетъ въ ея содержаніи.

Статья начинается размышленіемъ объ огромности пространства, занимаемаго Россіею, и о томъ, что все въ ней имѣетъ громадныя размѣры.—Въ разсужденіи объ этомъ авторъ доходитъ до поэтическаго предположенія, которое въ свое время поразило ужасомъ бѣдныхъ итальянцевъ:

«Разгульно текутъ многоводныя ваши рѣки; невольно подумаешь, что, если бы Волгу, Двѣррь да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію, куда бы дѣлась отъ нихъ итальянцы? развѣ спаслись бы на высотахъ аппенинскихъ».

И не только итальянцы, даже русскіе были смущены этимъ ужаснымъ и новымъ предположеніемъ, этимъ неслыханнымъ бѣдственіемъ, угрожающимъ цѣлой странѣ. До 1842 года только однажды было высказано столь роковое опасеніе ¹⁾. Но, не останавливаясь на участіи итальянцевъ, авторъ удивляется особенно тому, что въ Россіи двѣ столицы ²⁾, и подробно описываетъ одну изъ нихъ, Петербургъ. О вѣрности этого описанія можно судить изъ того, что авторъ хвалитъ чистоту здѣшнихъ каналовъ. «Каналы, какъ чистыя рѣки,

¹⁾ «Меня чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: асела садеть на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій хинникъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощущаю сердечное безпокойство, когда воображаю себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны...» (Соч. Гоголя, ч. 3, стр. 348).

²⁾ Но вѣдь въ Японіи тоже двѣ: Ісидо и Міако; въ Великобританіи съ Ирландіею даже три: Лондонъ, Эдинбургъ, Дублинъ.

голубыми лентами переплели городъ». Эта черта замѣчена была до 1842 года опять только однимъ Гоголемъ, въ описаніи Невскаго проспекта. Рано поутру, говоритъ Гоголь, на Невекомъ видны только рабочіе люди, напримѣръ, «русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ нввѣстью, <которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи <былъ бы обмыть>. Послеъ того авторъ совѣтуетъ читателю <посмотрѣть на чудо-городъ>—то есть Петербургъ—съ вершины Александровской колонны, вѣроятно, предполагая, что внутри ея существуетъ витая лѣстница, какъ въ траановой колоннѣ—смѣшеніе неувидительное, потому что г. Шевыревъ очень хорошо знаетъ Италію. Когда вы взберетесь на вершину Александровской колонны и посмотрите внизъ, то отгадайте, что представится вашимъ глазамъ? Вѣроятно, величественныя зданія, окружающія площадь, гдѣ поставлена колонна? Нѣтъ! «необыкновенная, безобразная куча, въ родѣ муравьиной», въ которой «безыменныя насѣкомыя работаютъ надъ ничтожною кучею бесполезнаго сора». Эта куча—петербургская журнальная литература. «Какъ могла появиться эта безобразная куча на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно работалъ плотникъ и зодчій исторія государства російскаго», то есть Карамзинъ? Въ отвѣтъ на это излагается вся исторія нашей литературы, и результатъ обзора—важная истина, что труды Ломоносова, Карамзина и Пушкина пробудили у насъ охоту къ чтенію, и петербургскіе журналы удовлетворяютъ этой пробужденной потребности. Повидимому, тутъ нѣтъ ничего ужаснаго. По авторъ приходитъ въ негодованіе, которое изливается слѣдующею аллегоріею:

«Весело стоять на полѣ и тяжелымъ колосомъ гнется книзу поспѣлая нива: честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой: благосклонное небо ее поливало и грѣло; осталось одно легкое, послѣднее дѣло—снять и потребить ее. Но вотъ—смотрите—что это тамъ за сѣрая туча на небосклонѣ? Какъ будто язь мелкихъ точеръ вся соткана и летитъ быстро, жадно ва чужой плодъ. Это саранча—настоящій потребитель приготовленной жатвы. Нагло предоставляетъ она себѣ послѣднее, легкое дѣло, бросается на ниву и ѣсть ее».

По прямому смыслу аллегоріи должно бы казаться, что саранчю, потребляющею жатву, г. Шевыревъ называетъ читателей; но онъ объясняетъ самъ, что хочетъ разумѣть не читателей, а тогдашнихъ (1842) журналистовъ. Въ такомъ случаѣ, аллегорія составлена неправильно. Читатели извинять насъ, если мы подвергнемъ «мертвящему анализу разеудочной науки» поэтически-живую филиппику ученаго и почтеннаго автора по правиламъ, предписываемымъ для аллегорій теоріями краснорѣчія и піитики. Ученость необходимо разбирать ученымъ образомъ. Итакъ, первое правило аллегорія, по ученію піитикъ: каждый избранный символъ долженъ сохранять одно и то же значеніе во все продолженіе аллегоріи. Примѣнявъ это правило къ филиппикѣ ученаго автора. Въ началѣ приведенной нами тирады «спѣлая жатва» означаетъ плоды наукъ, просвѣщеніе; «пожать эту жатву», значить посредствомъ чтенія сдѣлаться просвѣщеннымъ человѣкомъ; люди, для которыхъ она зрѣетъ—читатели; сообразно тому—«саранча пожрала жатву», должно значить «неразборчивые читатели или злонамѣренные читатели поглотили, съ жадностью прочли все»; но г. Шевыревъ хочетъ выразить этою фразою: «нынѣшніе (1842) журналисты пользу-

ются тѣмъ, что приготовили Карамзинъ и Пуякинъ, и портить вкусъ публики»—воли ваша, аллегоріи составлена неправильно. Понять ее въ смыслѣ ученаго автора, значить погрѣшить противъ реторики. Но согласимся понимать ее, какъ то угодно г. Шевыреву. Что же слѣдуетъ изъ нея и въ этомъ случаѣ? Въ чемъ обвинялъ г. Шевыревъ петербургскихъ журналистовъ? По смыслу его собственной рѣчи, въ томъ, что въ 1842 году въ петербургскихъ журналахъ не помѣщали своихъ статей ни Ломоносовъ, ни Карамзинъ, ни Пушкинъ,—но что же дѣлать, если эти великіе писатели не дожили до 1842 года? Ни журналисты, ни г. Шевыревъ не виноваты въ этомъ. Второе правило аллегорій: выбирать символы, дѣйствительно соответствующіе по своему значенію тѣмъ понятіямъ, о которыхъ должны напоминать. Если литература, просвѣщеніе—жатва, то саранча, истребляющая жатву, никакъ не можетъ обозначать какихъ бы то ни было читателей или литераторовъ, хотя бы самыхъ плохихъ: саранча въ этомъ случаѣ можетъ означать только враговъ литературы и просвѣщенія, обскурантовъ. Воля ваша, а аллегоріи составлена не по правиламъ шиттики и реторики. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ восхищаться ея высоко-лирическимъ пареніемъ.

Кстати, замѣтимъ, что правила, предписываемыя риторикой для аллегорій, никогда не соблюдаются ученымъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, въ другой своей капитальной статьѣ о положеніи нашей словесности: «Очерки современной русской литературы» («Москвитининъ», 1848 г. № 1), онъ даетъ слѣдующій—конечно, прекрасный—совѣтъ нашимъ (тогдашнимъ) молодымъ беллетристамъ, особенно гг. Гончарову, Григоровичу и Тургеневу:

«Наши писатели должны бы были помнить мнѣ объ Антѣ. Когда онъ боролся съ Геркулесомъ, то земля придавала ему силы, лишь только овъ касался сл. Чтобы обезсилить его, Геркулесъ долженъ былъ отвлечь его отъ земли и задуть на воздухъ. Таковъ я поэтъ и писатель вообще. Большая же часть нашихъ писателей современныхъ, развивающихъ свою личность въ кькой-то отвлеченной сферѣ, чуждой основнымъ началамъ народной жизни, положи на Антея, но въ ту самую минуту, когда овъ поднять былъ Геркулесомъ ногами ва воздухъ и тамъ въ отвлеченной пустотѣ дрыгалъ ими, отчаявшись въ возможности коснуться родной земли, которая даетъ силу» (стр. 42).

Совѣтъ прекрасенъ; но аллегорическая одежда для него счита не по правиламъ. Припомнимъ, что символы должны соответствовать предметамъ, символами которыхъ служатъ. Вѣдь Антей былъ гигантъ; а г. Шевыревъ, во все продолженіе своей статьи, доказываетъ, что вышепоименованные молодые писатели, которымъ онъ даетъ совѣтъ, очень мелкій народъ,—какъ же послѣ этого начинать аллегорію объ Антѣ? И притомъ, каждый символъ долженъ въ аллегоріи имѣть опредѣленное значеніе. Спрашивается теперь, кто же этотъ Геркулесъ, который отрываетъ Антея (то есть ничтожныхъ писателей, каковы гг. Гончаровъ, Григоровичъ, Тургеневъ) отъ матери-земли? Рѣшительно, не придумаемъ; кажется, никто никогда не думалъ совѣтовать имъ писать повѣсти не изъ русскаго быта. И хотя на одной страницѣ какой бы то ни было своей повѣсти отрывался ли хотя одинъ изъ нихъ отъ изображеній роднаго быта? Какимъ же образомъ и когда они «дрыгали ногами въ отвлеченной пустотѣ»? Воля ваша, ничего нельзя понять. А не оттого непонятно, чтобы совѣтъ былъ

хорошъ: нѣтъ! просто оттого, что выраженъ онъ неудачно; да развѣ еще оттого, что нѣмало не прилагается къ данному случаю: вѣдь согласитесь, что г. Гончарову, Григоровичу и Тургеневу совершенно излишне читать назиданія, чтобы они вѣрно изображали русскій бытъ: другаго ничего никогда и не дѣлали они. Намъ очень занимаютъ вопросы о риторическихъ красотахъ чужаго автора потому, что краснорѣчье есть существеннѣйшее достоинство его чужихъ и критическихъ произведеній. Но возвратимся къ статьѣ о темной горнѣ русской литературы.

Послѣ притчи о жатвѣ и саранчѣ, г. Шевыревъ довольно подробными ертами и самыми темными красками рисуетъ портреты петербургскихъ журна-вистовъ и рецензентовъ, людей, возбуждающихъ его неудовольствіе,—въ этихъ картинахъ опять восхитителенъ нѣматическій колоритъ; но опять насъ приводитъ въ недоумѣнію невыдержанность характеровъ; смѣшеніе нѣсколькихъ фizioномій въ одинъ портретъ, раздробленіе одного лица на нѣсколько портретовъ, такъ го въ цѣломъ галлерей портретовъ представляетъ страшный и смутный хаосъ. тры, направленный противъ одного, напримѣръ, противъ «Русскаго Вѣст-ка», летятъ въ другаго, кажутся направленными, напримѣръ, противъ «Би-потечи», «Сына Отечества» или «Эконома» и не попадаютъ ни въ кого. едно, что авторъ руководился болѣе паоосомъ, нежели наблюдательностью. ключеніе остается за однимъ портретомъ, который обработанъ съ особенною дробностью: это «рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго громадными кривыми кривыми написано «убѣжденіе». Тутъ уже нѣтъ смѣшенія: всѣ собранныя горомъ черты должны, по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, относиться къ тому же чело-вѣку, писавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ». Нельзя претен-овать на чрезвычайную жесткость выраженій въ этомъ очеркѣ: если въ по-шкѣ сохраняется прямота, она всегда жестка, и, во всякомъ случаѣ, прямота чше косвенныхъ намековъ; дурно только то, когда жесткость формы сопро-ждается разными намеками. Но странно то, какъ неудачно выбранъ г. Ше-превымъ пунктъ нападенія. Вообразите, какой существенный поро-къ изобли-есть онъ въ «рыцарѣ безъ имени»?—перемѣнчивость и отсутствіе убѣжденій. о рѣшительно невѣроятно, этого никакъ невозможно было бы ожидать. Но ть слова ученаго автора:

«Всякое странное мнѣніе, всякая нелѣпность, сказанная рѣшительно и громко, прорываются всегда щитомъ и яркимъ его движеніемъ, который бросается въ глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлекающейся благороднымъ значеніемъ самаго слова. Но если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно, — будь оно убѣжденіемъ и младенца или соннаго человѣка, — еще можно было бы его уважать. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется и падаетъ ввсегда на предметы, совершенно того достойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣчія покрываетъ однимъ в тѣмъ же щитомъ своимъ, то подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски, на которую употреблено чувство совѣсти, чувство внутренняго священнаго».

Rem асп tetigisti, какъ разъ попали вы въ цѣль! Только этою ученою азю и можно выразить удивленіе, возбуждаемое столь удачнымъ выборомъ бой стороны въ противникѣ. Обвинять его за измѣчивость и отсутствіе ѣдений то же самое, что обвинять Пушкина за недостатокъ поэтического

элемента въ его стихахъ или г. Шевырева за недостатокъ ученыхъ цитатъ въ его ученыхъ статьяхъ. «Но», восклицаетъ съ негодованіемъ г. Шевыревъ, «мимо этихъ дразгъ, отъ которыхъ отвращаемъ глаза съ чувствомъ стѣснен- нымъ!» Взглянемъ на свѣтлую сторону русской литературы, противоположную характеру петербургской журналистики. Тутъ опять овладѣваетъ авторомъ наоость:

«Но что же случилось съ тѣми писателями, которые не могутъ сочувствовать направленію современному? Гдѣ они? гдѣ наши таланты? Ужели ими оскудѣла Россія? О, нѣтъ! они есть! Но, смотрите, они тамъ, укрылись въ тѣни. Чувствуя свое истин- ное врзваніе и пытая уваженіе къ дѣлу литературы, они отошли въ сторону отъ торжища, по невольному движенію благороднаго стыда и приличій. Не создала въ себѣ достаточныхъ силъ, чтобы противодействовать толпѣ, которая врнчить, зажмура глаза, зная, что наглость дѣятельна, они не выходятъ на сцену. Вадъ прежняго ихъ поприща, занятаго теперь рынокомъ, наводитъ даже какое-то оцѣпененіе на ихъ про- изводительность, которая прежде была живѣе. Словно боятся они имени литератора. опасаются, чтобы не смѣшали ихъ съ тѣми, которыхъ не презирать они не могутъ. Взгляните на ять почти ояѣмѣлыя группы!...

«Между тѣмъ, капиталъ русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, вваній, языка находится въ рукѣ талантовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, расточая въ нихъ по мелочи игру живыхъ способ- ностей, болѣе и болѣе отвыкая отъ труда и частыми отказами отъучая отъ себя вдохновеніе, они почти не пускаютъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всева- родный.

«Грустно, грустно дойти до такого заключенія»...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ грустно!

— «Гдѣ наши таланты?

— «Смотрите, они тамъ (гдѣ же это «тамъ?»), укрылись въ тѣни!»

Прискорбный разговоръ! Но если бы фразы г. Шевырева были справе- дливы, не слишкомъ выгодное заключеніе надобно бы вывести о силѣ дарованій въ ихъ талантливыхъ людяхъ, «которые не чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ», чтобы «выйти на сцену прежняго своего поприща», и въ «бесилія стоятъ (гдѣ-то «тамъ») въ тѣни оцѣпенѣлыми, почти онѣмѣлыми группами». Г. Шевыревъ неостороженъ въ выборѣ выраженій: онъ болѣе заботится о ихъ силѣ или картинности, нежели о томъ, къ какимъ заключеніямъ поддаются они поводъ. Но дѣло въ томъ, что изъ его словъ не надобно выводить никакихъ заключеній: цѣль всѣхъ этихъ картинныхъ изображеній—въ нихъ самихъ; они—прекраснымъ поэтическимъ украшеніемъ рѣчи, имѣющіи своимъ назначеніемъ не вы- раженіе фактовъ дѣйствительности, а осуществленіе идеальныхъ воззрѣній твор- ческой фантазіи поэта. Въ самомъ дѣлѣ, ужели около 1841—1842 годовъ тѣ писатели, которыхъ г. Шевыревъ, подобно другимъ журналистамъ, призна- валъ лучшими наними талантами, стояли «вдали отъ торжища литературы онѣ- мѣлыми группами?» Вовсе нѣтъ: Жуковский трудился надъ переводомъ «Одиссея», переводилъ «Рустема и Зораба», Гоголь печаталъ «Римъ», приготовлялъ къ изданію первый томъ «Мертвыхъ Душъ» и четыре части своихъ сочиненій,— все это было извѣстно г. Шевыреву; г. Вельтманъ быстро издавалъ одинъ романъ за другимъ; Загоскинъ тоже, и въ той самой книжкѣ «Москвитянина», гдѣ выражена эта жалоба, помѣщенъ отрывокъ изъ его «Мирошева»; г. Хо- мяковъ писалъ новыхъ стихотвореній, правда, немного, по не менѣе, нежели

когданибудь; г-жа Павлова писала ботѣ, нежели когданибудь; г-жа Ростопчина тоже; казакъ Луганскій тоже. А ихъ г. Шевыревъ признавалъ во второй своей статьѣ хорошими писателями. О петербургскихъ молодыхъ писателяхъ, которыхъ не признавалъ г. Шевыревъ, мы не говоримъ. Неумолимо писали и г. М. Дмитріевъ, и дѣвица Эражевская, въ которыхъ ученый критикъ спеціально признавалъ талантъ. Вся патетическая тирада, которою заключается первая его статья, скорѣе принадлежитъ области поэзіи, нежели прозы.

Однимъ словомъ, сожалѣніе о томъ, что въ 1841—1842 годахъ наши лучшіе таланты ничего не писали, и скорбь о печальномъ положеніи нашей литературы не могутъ быть, по своей основательности, сравнены ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ слѣдующею элегіею г. М. Дмитріева о груетномъ положеніи русскихъ дѣвицъ въ томъ же 1842 году. Кстати, эта элегія съ эпиграфомъ изъ Кольриджа:

O, my brethren! I have told
Most bitter, truth, but without bitterness ¹⁾

напечатана тотчасъ вслѣдъ за статьею г. Шевырева, какъ бы составляя продолженіе ея. Потому считаемъ необходимою выписать первые куплеты:

ЖАЛЬ МНѢ ВАСЪ.

Жаль мнѣ васъ, младыя дѣвы,
Что родились вы въ нашъ вѣкъ,
Какъ молчатъ любви напѣвы
И туманенъ человѣкъ!

Ваши матери весною
Дней безоблачныхъ своихъ
Для любви пѣли красною
И для пѣсенъ золотыхъ.

Вы цвѣтете безъ привѣта;
Въ вашихъ сныскахъ—скука слѣдъ;
На любовь вамъ нѣтъ отвѣта,
На красу вамъ пѣсенъ нѣтъ! в т. д.

Вотъ удивительное было время! Вообразите себѣ: въ 1842 году по Р. Х. молодые люди не влюблялись въ дѣвицъ, даже не писали имъ сладкихъ стиховъ («на красу вамъ пѣсенъ нѣтъ»), даже не говорили имъ комплиментовъ («вы цвѣтете безъ привѣта»); а дѣвицы съ своей стороны не пѣли романсовъ («молчатъ любви напѣвы») и скучали танцами, не любили танцевать («въ вашихъ пляскахъ скука слѣдъ»). Странное было время въ 1842 году, по словамъ Шевырева и М. Дмитріева.

¹⁾ О, братья мои! горячайшую правду, но безъ горечи сваявалъ я.

Начало второй статьи г. Шевырева («Свѣтлая сторона», «Моск.», 1842 г. № 2) патетичностью тона соотвѣтствуетъ окончанію первой:

«Прочь, прочь, несносная плѣсень, которая подѣ обманчивою личиною веселеньей велени скрывала отъ насъ ясный потокъ современной русской литературы! Прочь, прочь ея тяжкій наплывъ! Сметемъ, счистимъ его въ нашемъ воображеніи! Удалимъ прежнее непріятное впечатлѣніе и, освѣжившись очами, взглянемъ теперь на свѣтлую, желанную сторону нашего предмета».

Свѣтлую, желанную сторону предмета ученый авторъ предполагалъ обобрѣть съ нѣсколькихъ различныхъ точекъ зрѣніи и описать, сообразно тому, въ нѣсколькихъ статьяхъ: въ первой онъ хотѣлъ «изобразить современное состояніе русскаго языка и слога»; во второй—«дѣятельность нашихъ стихотворцевъ», въ третьей—«картину нашихъ прозаиковъ», въ четвертой—«вліяніе иностранныхъ литературъ на нашу отечественную», въ пятой наконецъ—«общую картину образованія русскаго, развитія науки въ нашемъ отечествѣ и въ особенности познанія Россіи».—Исполненіе этой «трудной задачи, которую онъ задавалъ себѣ», казалось ему «необходимымъ и полезнымъ» дѣломъ, казалось даже «нравственнымъ подвигомъ». Однако же, это «необходимое дѣло» не было совершенно, этотъ «нравственный подвигъ» не былъ исполненъ,—потому ли, что охота совершать нравственные подвиги можетъ охлаждаться, или потому, что иногда, поразмысливъ, перестаешь считать полезнымъ то, что показалось на первый взглядъ необходимымъ. Почему бы то ни было, но изъ обобщенныхъ многочисленныхъ «картинъ» была напечатана ученымъ авторомъ только одна, изображающая состояніе языка и слога; ни «дѣятельность нашихъ стихотворцевъ», ни «картина нашихъ прозаиковъ», ни всѣ дальнѣйшіе интересные предметы не были обсуждены ученымъ авторомъ. Какая причина лишила русскую литературу этихъ интересныхъ разсужденій, неизвѣстно намъ, въ чемъ мы ужъ и признались; можно поручиться только ва одно: виною остановки не было сомнѣніе почтеннаго автора въ собственныхъ силахъ,—этого сомнѣнія никогда не обнаруживалъ г. Шевыревъ. Впрочемъ, вообще мы должны замѣтить, что ученый занятія, какъ увѣдомляетъ во многихъ нѣстахъ «Москвитянина» самъ почтенный авторъ, часто отрывали его отъ журнальной работы. Этому скорѣе всего надобно приписать то, что вообще онъ не сдѣлалъ для «Москвитянина» многого изъ того, что первоначально предполагалъ сдѣлать. Напримѣръ, въ одномъ 2 номерѣ «Москвитянина» за первый годъ изданія (1841) мы находимъ два подобныя предположенія. Въ своей статьѣ «Вмѣсто введенія», служащей предисловіемъ къ его критикѣ, г. Шевыревъ обобщалъ «предлагать читателямъ теоретическія статьи по эстетикѣ». Исполненіемъ этого намѣренія можно считать только небольшое разсужденіе «О смѣшномъ», явившееся черевъ двѣнадцать лѣтъ (въ 1853 г.). На страницѣ 538-й той же 2-й книжки онъ говоритъ, что «далъ обѣщаніе г. издателю «Москвитянина» заниматься въ его журналѣ разборомъ замѣчательныхъ произведеній литературы отечественной и иностранной»—ни одного разбора замѣчательныхъ твореній «иностранной литературы» ученый авторъ, кажется, не помѣстилъ въ «Москвитянинѣ».—Отчасти уже и теперь могутъ судить читатели, незнакомые съ старымъ «Москвитяниномъ», а еще точнѣе увидать изъ всего продолженія

нашей характеристики, до какой степени оправдалось исполненіемъ предположеніе ученаго критика, выраженное въ слѣдующихъ строкахъ его «Вмѣсто введенія»:

«Мы вмѣстимъ себѣ въ особенную обязанность подмѣчать движеніе общественной жизни въ нашей словесности, мы употребимъ всѣ усилія, необходимыя для разрѣшенія вопроса жизненнаго: въ какой степени словесность наша отражаетъ жизнь нашего общества? Что беретъ она у жизни и что отдаетъ ей? какими вопросами съ нею связана?—Разрѣшеніе всего этого можетъ привести насъ въ нѣкоторому сознанію настоящей минуты нашего отечественнаго быта, можетъ указать намъ на наши недостатки и достоинства, можетъ опредѣлить наше положеніе въ настоящемъ и надежды на будущее». (Стр. 509).

Въ свое время петербургскіе журналы чрезвычайно огорчались тѣмъ, что судьба не даетъ осуществиться въ надлежащемъ размѣрѣ ни одному изъ интересныхъ обѣщаній автора, и каждый изъ его трактатовъ, обѣщавшихъ разъяснить очень важныя и, по мнѣнію г. Шевырева, худо понимаемые другими журналами вопросы, всегда останавливается на введеніи, которое содержитъ только нѣкоторыя обличенія петербургскимъ журналамъ да нѣсколько замѣчаній о слогѣ, каррарскомъ мраморѣ и галлерей Доріа, съ которыми мы скоро встрѣтимся. Мы упоминаемъ объ этомъ потому, что раздѣляемъ огорченіе тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ; но «горемъ дѣлу не поможешь», и мы должны тѣмъ внимательнѣе изучать ехогішп'ы, которые одни дано намъ читать. Возвратимся же къ продолженію неоконченныхъ статей ученаго автора.

Вмѣсто любопытной характеристики русской литературы по ея духу и художественнымъ достоинствамъ, господинъ Шевыревъ далъ своимъ читателямъ только трактатъ изъ реторики—«О языкѣ и слогѣ». Впрочемъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, повидимому, исчерпанномъ и потерявшемъ интересъ послѣ трактата почтеннаго Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ», ученый авторъ высказалъ столько поразительно вѣрныхъ сужденій, что, при самомъ высокомъ понятіи объ оригинальности воображенія и взглядовъ глубокомысленнаго критика, трудно рѣшить, могли ли бы его статьи о содержаніи и художественной формѣ въ нашей литературѣ быть интереснѣе его статьи о языкѣ и слогѣ. Перечисляя писателей, которые отличаются хорошимъ слогомъ, авторъ сначала хвалитъ Карамзина, Жуковского, князя Вяземскаго, Пушкина, Лермонтова и нѣкоторыхъ другихъ. Тутъ нѣтъ еще ничего особеннаго; должно только сказать, что онъ поступилъ справедливо, начавъ свой перечень ихъ именами; но въ продолженіи списка лучшихъ литераторовъ встрѣчаются сужденія болѣе интересныя. Такъ, напримѣръ, о г. Θ. Глинкѣ ученый авторъ говоритъ, что «слогъ его осыпается яркими искрами», и желаетъ, чтобы онъ больше писалъ «своимъ пылкимъ перомъ»; слогъ г. Греча прежде былъ очень хорошъ, но «испортился» отъ подражанія слогу барона Брамбеуса. Къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы, вмѣстѣ съ господиномъ Θ. Глинкою, принадлежатъ господа Шишкина и дѣвица Зражевская: первая «придала особенную прелесть вкуса простонародному слогу, какой онъ не имѣлъ до нея», а «рѣзвое перо г-жи Зражевской отличается непринужденной разговорчивостью». Къ замѣчательнѣйшимъ писателямъ принадлежатъ, между прочимъ, гг. Масальскій и Каменскій: слогъ перваго «отличается какою-то благородною чистотою», а въ послѣднемъ главная

черта—«пылкая живость».—Это все ввину лучшие писатели; ихъ произведеніи составляютъ свѣтлую сторону нашей литературы. Напротивъ того, Полевой баронъ Брамбеусъ и г. Кукольникъ очень плохо владѣютъ русскимъ языкомъ они подвергаются подробнымъ выговорамъ за то, что не умѣютъ писать такъ хорошо, какъ г-жа Пушкина и двѣица Эражевская, какъ гг. Масальскій и Каменскій. Но всѣ эти частности незначительны въ сравненіи съ главною общемою мыслью всей статьи: г. Шевыревъ доказываетъ, что всѣ хорошіе прозаики по 1842 годъ включительно писали «слогомъ Карамзина»; даже Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь не сообщили своей прозаической рѣчи оригинальнаго характера: всѣ они писали «слогомъ Карамзина». Ученый авторъ, вѣроятно, не признавалъ справедливымъ, что у каждаго хорошаго писателя бываетъ свой собственный слогъ, или, быть можетъ, это какая нибудь аллегорія.

Отъ этихъ своеобразныхъ взглядовъ на темную и свѣтлую стороны нашей литературы перейдемъ къ другой капитальной статьѣ о русской литературѣ вообще, именно къ «Очеркамъ современной русской словесности», помѣщеннымъ въ I книжкѣ «Москвитянина» за 1848 годъ. Существенное содержаніе этихъ «очерковъ»—объясненіе того, что всѣ молодые (т. е. бывшіе тогда молодыми) беллетристы, которыхъ петербургскіе журналы, въ особенности «Отеч. Записки» и «Современникъ», навываютъ талантливыми людьми, пишутъ очень плохо. Положимъ на минуту, что это мнѣніе справедливо: вѣдь мы уже сказали, что не будемъ спорить съ г. Шевыревымъ относительно того, что худо, что хорошо, а будемъ только изучать своеобразный способъ развитія его воззрѣній и оригинальную методу его доказывать справедливость своихъ понятій. Положимъ, что всѣ эти беллетристы писали дурно; но какимъ же способомъ доказываетъ это ученый авторъ? Слѣдующимъ: всѣ лучшие петербургскіе молодые беллетристы составляютъ одну школу, которая тогда была называема натуральною; глава этой школы—г. Никитенко. Докажемъ же, что г. Никитенко ошибается въ своихъ теоріяхъ,—и дѣло будетъ рѣшено. Вслѣдствіе этого, большая половина «очерковъ» посвящена изобличенію ошибочной теоріи г. Никитенко. Что сказать объ этомъ умозаключеніи? Никому не запрещается искать ошибокъ у г. Никитенко, какъ и у всякаго другаго писателя; но какое дѣло г. Никитенко до всей петербургской беллетристики? Когда онъ объявлялъ себя или какой поводъ подавалъ онъ считать себя ея представителемъ? Вѣдь каждому извѣстно, что г. Никитенко всегда стоялъ внѣ всякихъ партій и школъ, въ журнальных пренія не пускался и никогда не имѣлъ мысли образовать вокругъ себя какую бы то ни было школу. Съ другой стороны, какое дѣло беллетристамъ натуральной школы до справедливости или несправедливости теорій г. Никитенко? Развѣ они объявляли себя, или кто нибудь считалъ ихъ учениками г. Никитенко? Вѣдь каждому, кто имѣлъ въ рукахъ хотя одну книжку «Отеч. Зап.» или «Современника», было въ то время извѣстно, что теорія г. Никитенко и натуральная школа—предметы, нимало другъ отъ друга независимые. Какимъ же образомъ можно было вообразить, что, опровергая теорію г. Никитенко, можно поразить натуральную школу, а для пораженія натуральной школы необходимо нападать на теорію г. Никитенко? «Да, много такого пишется на землѣ, другъ Горацио, чего не понять мудрецамъ», невольно ска-

жестъ, примѣняя къ этому непостижимому случаю слова Гамлета. Но вотъ, за длинными опроверженіями теоріи г. Никитенко, слѣдуютъ въ самомъ концѣ статьи краткіе выговоры, уже прямо обращенные къ натуральной школѣ: она уничтожена критикою теоріи г. Никитенко, слѣдовательно много толковать съ нею не для чего.—Дѣло рѣшено: искусство въ Россіи погибаетъ отъ теоріи г. Никитенко. Остается только указать признаки упадка. Признаки эти, отысканные преимущественно у г. Григоровича и г. Тургенева, слѣдующіе:

«Укажемъ на явные признаки этого паденія искусства въ школѣ, которая всѣхъ дѣятельнѣе участвуетъ въ современной словесности. Первый признакъ—отсутствіе художественной совѣсти въ большей части ея произведеній. Рѣдко замѣтите вы свободу личнаго чувства, которое совершенно увлекалось бы искусствомъ и служило бы ему по призванію. Рѣдко коснется васъ творчество вдохновившій, рѣдко повѣсть свѣжестію дара; все болѣею частью сочиненія дѣланы, прошедшія иногда черезъ скуку усилій, которая отзывается даже и въ лучшихъ произведеніяхъ школы.

«Второй признакъ—эфемерность рождающихся талантовъ. Прежде у насъ было море дарованій. Какой-то таинственный рокъ ихъ преслѣдовалъ,—и мы оплакивали преждевременную ихъ кончину. Теперь таланты умираютъ жалко. Первая повѣсть пробудитъ въ васъ надежду, вторая ослабитъ ее, третья приведетъ въ отчаяніе, а четвертой вы уже и не читаете.

«Третій признакъ—какое-то совершенное отрицаніе коренныхъ началъ народной жизни, той основной сущности, той живой истины, которая глубоко лежитъ въ народѣ... Всего болѣе выпадаютъ на низшіе слои народа и влекутъ на его дѣйствительность въ дурную сторону. Народъ нашъ, главными свойствами своего большинства, конечно, не заслужить такихъ вѣтговъ со стороны литературы отечественной... Какую же цѣль имѣетъ наша литература, возбуждая въ образованномъ обществѣ почти отвращеніе къ народу своими литературными доносами? Иные, читая все это, пожалуй, подумаютъ, что народъ нашъ едва ли достоинъ какого нибудь улучшенія своей участи. Мы рѣшительно не понимаемъ здѣсь цѣли нашихъ писателей».

(«Москвитининъ» 1848, № 1, стр. 49).

Мы опять говоримъ: насъ занимаетъ не то, хвалить или осуждаетъ г. Шевыревъ, а то, какъ и за что хвалить или осуждаетъ онъ. Почему не искать недостатковъ и у лучшихъ тогдашнихъ (и нынѣшнихъ) беллетристовъ? Но странно находить, что у нихъ недостаетъ именно того, чѣмъ они особенно богаты. Какъ понять первый признакъ упадка, мы не придумаемъ: кто жетавлялъ или что заставляло г. Григоровича и г. Тургенева насиловать дарованіе? Ужели теорія г. Никитенко? По ходу рѣчи, должно быть или онъ, или, скорѣе, тотъ загадочный Геркулесъ, который, какъ мы выше видѣли, подымалъ ихъ въ отвлеченную пустоту, гдѣ они дрягали ногами? Должно быть, онъ, потому что онъ выведенъ на сцену именно въ этой статьѣ. Но кто онъ? Этого не разрѣшили бы ни Конфуцій, ни Лао-дзы. Какъ блистательно оправдывается второй признакъ—эфемерность талантовъ, мы постоянно видимъ, было очень хорошо видно и въ то время. Дѣйствительно, г. Григоровичъ послѣ своей «Деревни», а г. Тургеневъ послѣ перваго изъ «Разсказовъ Охотника»—«Хоръ и Калинычъ»—не написали уже ничего сноснаго, и въ настоящее время имена ихъ уже давно забыты публикою. Мы готовы держать пари, что изъ тысячи читателей едва ли одинъ припомнитъ теперь, что существовали когда-то г. Григоровичъ и г. Тургеневъ. Но удачнѣе всего выбрать третій признакъ. Можно говорить противъ писателей, нами названныхъ, что угодно; но упрекать

ихъ въ недостаткѣ любви къ народу, упрекать въ томъ, что ихъ произведенія возбуждаютъ отвращеніе къ народу,—да вѣдь это все равно, что упрекать огонь въ холодности, Говарда въ эгоизмѣ, Вильберфорса въ жестокости.

Крѣпѣ всѣхъ нечисленныхъ причинъ, погибелъ русской литературѣ предстояла въ наискорѣйшемъ времени отъ порчи языка въ петербургскихъ журналахъ неправильными и чудовищными выраженіями. Г. Шевыревъ былъ такъ возмущенъ этой страшной опасностью, что рѣшился для спасенія русскаго языка составлять и печатать въ «Москвитянинѣ» словарь «барбаризмовъ, солецизмовъ и прочихъ измовъ». Необходимость и пользу его онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ нѣкоторыхъ поръ русскій языкъ до того началъ страдать отъ нововведеній, что становится и больно и страшно за родное слово всякому, кто его любитъ и уважаетъ». Для противодѣйствія этой погибели роднаго слова, онъ обѣщается «постоянно выдавать словарь всѣхъ чудовищныхъ выраженій, которыми такъ особенно богата наша періодическая словесность». Этотъ словарь принесетъ пользу литературѣ, «производя въ публикѣ тотъ комическій хохоть, который будетъ весьма спасителенъ для русскаго слова».—Объщаніе «выдавать постоянно» столь полезный трудъ, конечно, не состоялось: за первымъ, довольно большимъ, отрывкомъ явился въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина» второй, гораздо меньшій отрывокъ словаря. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но интересно познакомить читателя съ нѣкоторыми образцами тѣхъ «чудовищныхъ выраженій», которыя угрожали погибелю родному слову и которыя, по мнѣнію почтеннаго автора, должны были «произвести въ публикѣ комическій хохоть». Вотъ какого рода эти «чудовищныя выраженія»:

«Изъ-подъ салфетки, покрывавшей столъ, высовывалась голова лягавой собаки.—Онъ началъ подымать взоры.—Толстый, рослый мужчина, который послѣ прорпзыванія зубовъ, ни разу не былъ боленъ.—Миньятюрная старушка, съ повисшими бровями и тоненькими блѣдными губами.—Люди тилые, разбитые параличемъ», и т. д. в т. д.

«Комическій хохоть» должны возбуждать преимущественно слова, напечатанныя курсивомъ.

• Читатели, быть можетъ, еще помнятъ, что въ этомъ благомъ дѣлѣ ученый составитель словаря имѣлъ столь же искуснаго, но болѣе неутомимаго преемника—г. И. Повровскаго, который, года два или три тому назадъ, постоянно обогащалъ каждую книжку «Москвитянина» своимъ превосходнымъ «Памятнымъ листкомъ ошибокъ противъ русскаго языка». Пріятно намъ замѣтить, что г. Шевыревъ имѣлъ и достойнаго предшественника, именно извѣстнаго нашего журналиста князя Шаликова, который украсилъ одну изъ книжекъ «Москвитянина» за 1841 годъ небольшою, но очень полезною статью подъ заглавіемъ, столь же остроумнымъ, какъ заглавіе, данное ученымъ авторомъ своему словарю,—именно статью «О литературномъ размежеваніи». Вотъ небольшой отрывокъ изъ этого прекраснаго труда, послужившаго образцомъ для г. Шевырева:

«Подражать въ прозѣ Карамзину, а въ стихахъ Пушкину значить избрать лучшіе образцы. Повиноваться же номоеетамъ бездарнымъ единственно потому, что разнужилось яхъ число—смѣшная и жалкая слабость, которая наконецъ можетъ проникнуть

во есть суставы вашей литературы, нынѣ, вѣжета, болѣе нежали когда нибудь положей на энееву ладю, не управляемую руломъ усерднаго, ревностнаго Палинура, низвергнутаго воварнымъ *Морфеамъ* въ морскія бѣдны, и бросаемую во всѣ стороны мятежными волнами, не подчиненными въ *заливатъ* нашей литературы спасительному трезубцу Нептуна, за неимѣніемъ сего божества. — Кто, напримѣръ, оспорить насъ, если сважемъ видимую истину, что къ вамъ изъ младенчества русской словесности возвратились самые грубые галлицизмы, солецизмы, барбаризмы, изгнанные великимъ ея законодателемъ? И кому же ова обязана сею пагубною амнистіею? Тѣмъ *первокласснымъ* (какъ очевидно они думаютъ о себѣ) современнымъ писателямъ, которые замѣнили предлогъ о предлогомъ *про* и пишутъ про Римъ, про балъ, про родину, — нисколько вмѣсто нисколько, разъ вм. однажды, надо вн. надобно, да вмѣсто такъ... 0, времена! *Князь Шаликовъ*».

(«Москвитиния» 1841 г., № VII, стр. 236—238).

Замѣтимъ, однако, что въ одномъ пунктѣ (только въ одномъ) мнѣнія князя Шаликова и г. Шевырева расходились. Издатель «Дамскаго Журнала» былъ, какъ извѣстно, ревностнымъ послѣдователемъ Карамзина, а г. Шевыревъ блистательнымъ образомъ защищалъ понятія Шишкова. Ученый адмиралъ и ученый профессоръ одинаково утверждали, что славянскія слова чрезвычайно возвышаютъ и украшаютъ русскую рѣчь. Оба они были непреклонны въ борьбѣ противъ людей, думавшихъ, что по русски надобно писать на русскомъ, а не на славянскомъ языкѣ, и приводили въ примѣръ нашимъ поэтамъ выраженіе:

Соблещетъ молнія мечу ¹⁾.

Но г. Шевыревъ шелъ гораздо далѣе Шишкова, который хотѣлъ только, чтобы въ слогѣ подражали Ломоносову, между тѣмъ какъ для г. Шевырева учителемъ русскаго современнаго языка былъ Кириллъ Туровскій, жившій за 600 лѣтъ до Ломоносова и совершенно чистый отъ галлицизмовъ. Г. Шевыревъ совѣтовалъ нашимъ поэтамъ возстановить употребленіе мѣстоименій *иже, яже, еже* и дательнаго самостоятельнаго падежа, именно писать такимъ образомъ: «волнующемуся морю (то есть *при морскомъ волненіи, отъ морскаго волненія*) корабль, иже входилъ въ гавань, подвергался опасности, а лодкѣ, яже была послана къ нему на встрѣчу, потонувшей (*когда лодка, посланная къ нему на встрѣчу, потонула*), гибель стала неизбежна». Желашіе могутъ видѣть примѣры и доказательства красоты такого слога въ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева и въ его отвѣтѣ на разборъ этой книги, помѣщенный въ «Сынѣ Отечества». Шишковъ, кажется, не предполагалъ возможности возстановить дательный самостоятельный.

Кстати о слогѣ самого г. Шевырева. Ученый критикъ писалъ, безъ сомнѣнія, очень прѣстисто и патетично; но, къ сожалѣнію, слогъ его вообще растянутъ и напыщенъ, а языкъ неточенъ и неправиленъ. Никто изъ русскихъ журналистовъ, со времени Свиньина, прославившагося дивнымъ слогомъ своего романа «Якубъ Скупаловъ», не владѣлъ языкомъ такъ дурно, какъ г. Шевыревъ. Мы, конечно, не упомянули бы объ этомъ дѣлѣ, если бы самъ г. Шевыревъ не толковалъ такъ много о языкѣ и слогѣ. Ошибки противъ языка

¹⁾ Москвитиния 1854 г., № 7, статья г. Шевырева о фонъ-Визинѣ.

или логики рѣжутъ глаза почти въ каждой его фразѣ, потону и не нужно приводить примѣровъ: желающій найдетъ ихъ десятки въ каждой нашей выпискѣ изъ статей г. Шевырева. На всякій случай, разберемъ хотя первую фразу въ первомъ изъ помѣщенныхъ у насъ сужденій его о Гоголѣ. Оно принадлежитъ еще 1835 году; впоследствии г. Шевыревъ писалъ гораздо хуже, и мы нарочно указываемъ лучшую по слогу изъ его статей. «Авторъ «Вечеровъ Диканьки» (то есть *Вечерокъ на Диканькѣ, или на хуторѣ близъ Диканьки*) имѣетъ отъ природы чудный даръ схватывать безсмыслицу въ жизни человѣческой и обращать ее (*жизнь или безсмыслицу?*) въ неизъясняемую (то есть *неизъяснимую*) поэзію смѣха». На двухъ строкахъ двѣ ошибки противъ языка и одна неточность. Такъ писалъ г. Шевыревъ въ «Московский Наблюдатель». Въ «Москвитининѣ» онъ писалъ еще неправильноѣ. О напыщенности и натынутости слога мы ужъ и не говоримъ.

Читатели, быть можетъ, думаютъ, что достаточно познакомились съ критическими статьями г. Шевырева? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въдѣ опредѣлительнѣ всего характеризуетъ человѣкъ нравственную или умственную сторону своей личности сужденіями объ отдѣльныхъ фактахъ: общія сужденія, какъ бы ни были ярки, всегда бываютъ безцвѣтны въ сравненіи съ приговорами объ индивидуальныхъ явленіяхъ. Оважемъ, напримѣръ: вообще литература вздоръ, побасенки,—это будетъ мысль удивительная, но если мы въ частности скажемъ: Шекспиръ писалъ вздоръ, блескъ этого сужденія будетъ уже превышать всякую мѣру изумительности. Возьмемъ другой примѣръ: «Гоголь есть Гомеръ»—мысль довольно поразительная; но скажите: «Чичиковъ есть Ахиллесъ»—и мысль сдѣлается еще въ тысячу разъ поразительнѣе. Все это мы говоримъ только къ примѣру, что способность каждаго критика съ наибольшимъ блескомъ высказывается именно въ сужденіяхъ его объ отдѣльныхъ писателяхъ и объ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы.

Перейдемъ же къ статьямъ г. Шевырева объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ. Посмотримъ, напримѣръ, какія мысли высказаны имъ въ критическомъ разборѣ сочиненій Пушкина («Москвитининъ» 1841, № IX).

Прежде всего и болѣе всего занимаетъ ученаго критика вопросъ о томъ, не ошибочно ли поступалъ Пушкинъ въ тонъ, что одни произведенія напнеалъ прозою, а другія стихами. Отвѣтъ: онъ поступилъ хорошо. Удовлетворительно разрѣшивъ эту важнѣйшую задачу, онъ уже совершенно исполнилъ все, что въ правѣ ожидать читатель отъ критической оцѣнки Пушкина. Остается только сказать по нѣскольку словъ о разныхъ мелочахъ—отношенія Пушкина къ предшествовавшимъ ему поэтамъ и о значенія его произведеній. Первое обстоятельство излагается такъ: до Пушкина были двѣ школы въ нашей поэзіи—пластическая и музыкальная; главою пластической былъ Державинъ,—у него не доставало мелодичности; корифеями музыкальной—Батюшковъ и Жуковский; у нихъ мало было пластики. Пушкинъ соединилъ оба эти направленія. Какъ же могло случиться, что въ стихѣ Батюшкова оказалось мало пластичности? Въдѣ каждому извѣстно, что онъ въ особенности знаменитъ этимъ качествомъ. Но къ чему наши вопросы? Лучше послушаемъ, что составляетъ существенную черту въ поэзіи Пушкина, что такое вообще произведенія Пушкина. «Главная черта Пушкина—эскизность». Въ «Москвитининѣ» это опредѣленіе поэзіи

Пушкина указано только краткимъ намекомъ, потому что прежде уже было подробно развито въ «Московсконъ Наблюдателѣ» (часть XII, стр. 316). «Пушкинъ, столько прилежный и рачительный въ исполненіи, почти всегда довольствовался однимъ эскизомъ въ изобрѣтеніи. Эскизъ былъ стихіею неудержнаго Пушкина» и т. п. Прислѣдомъ этому служить «Мѣдный Всадникъ», продолжаетъ статья «Москвитинина». Если взглянуть «мыслящимъ взоромъ» внутрь этого произведенія, то мы найдемъ, что сюжетъ «Мѣднаго Всадника»... вы думаете, знаменитое наводненіе, вы думаете, апотеозъ Петра Великаго, какъ творца Петербурга? Нѣтъ, «соотвѣтствие между хаосомъ природы и между хаосомъ ума, пораженного утратою. Здѣсь, по нашему мнѣнію, главная мысль, зерно и единство художественнаго созданія. Жаль только, что этотъ основной мотивъ не довольно развитъ»; но его неразвитостію именно и доказывается, что основная черта поэзіи Пушкина—эскизность. Прекрасно! Теперь мы узнали существенную черту поэзіи Пушкина. Интересно узнать, что такое «произведеніи Пушкина, разсматриваемыя въ ихъ совокупности». Этотъ вопросъ предложенъ въ самомъ концѣ статьи, и на него данъ очень удовлетворительный отвѣтъ строками, исполненными высокой картинности:

«Произведенія Пушкина, разсматриваемыя въ ихъ совокупности—чудныя массы, готовые колонны, или стоящія на мѣстѣ, или ждущія руки воздвигающей, доконченные архитравы, выдѣланныя рѣзцомъ украшенія и при этомъ богатый запасъ готоваго давняго матеріала. Да, да, вся поэзія Пушкина представляеть чудный, богатый эскизъ вѣдовершеннаго зданія, которое русскому народу и многимъ вѣкамъ его жизни предназначено долго, еще долго строить и славно докончить».

Точка. Конечъ. Мы нарочно напечатали эти слова мелкимъ шрифтомъ, чтобы читатели видѣли, что мы не прибавили и не убавили въ нихъ ни одной буквы. Кромѣ этой прекрасной, въ живописномъ отношеніи, тирады, вы ничего не найдете въ статьѣ г. Шевырева о содержаніи поэзіи Пушкина, ея значеніи въ нашей литературѣ, ея отношеніяхъ къ обществу. Зато очень много говорится объ Италіи. Напримѣръ, скажетъ ли г. Шевыревъ, что у Пушкина былъ «русскій глазъ», тотчасъ же прибавить: «подъ именемъ русскаго глаза «мы разумѣемъ тотъ вѣрный глазъ, который подиѣчаетъ точно и подробно «всѣ образы внѣшняго міра. Онъ имѣетъ много сходства съ итальянскимъ». Говорить ли онъ, что трудно писать такіе прекрасные стихи, какіе писалъ Пушкинъ, тотчасъ же пояснить дѣло: «Въ Италіи есть поговорка о Рафаэлѣ, «что онъ унесъ съ собою въ могилу тайну своихъ красокъ. У насъ то же «самое можно сказать о Пушкинѣ, что онъ взялъ съ собою тайну своего «стиха». Черезъ нѣсколько страшитъ еще больше разъяненъ вопросъ о рѣзцѣ Пушкина: «Это рѣзецъ Кановы или Тенерани, покорившій себя до конца всю «звонкую твердость нашего мрамора. Мы желали бы расположить сочиненія «Пушкина по эпохамъ стиля, какъ располагають стиль Рафаэля или Гвидо-Рени». Что такое «нашъ звонкій мраморъ», доскажетъ г. Шевыревъ черезъ нѣсколько страницъ. Вообще «русскій языкъ—каррарскій мраморъ лучшаго сорта», а «русскій стихъ у Пушкина достигъ до прозрачности алебаstra восточнаго, воздѣлываемаго рѣзцомъ фидеивымъ». Какъ «расположенъ стиль Рафаэля», онъ намъ разъяснить въ другомъ мѣстѣ: «въ Перуджѣ есть зала, которую

«можно назвать пеленки и колыбель живописца Рафаэля», и т. д. Но объ Италии довольно. Много другого интереснаго могли бы мы заимствовать изъ разбора сочиненій Пушкина; но пора перейти къ миѣншмъ г. Шевырева о Лермонтовѣ: они еще интереснѣе. Замѣтимъ только, что ученый критикъ, справедливо находя, что изданіе Пушкина 1835—1841 годовъ наполнено опечатками, очень удачно поправляетъ ихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ лицейскихъ стихотвореній есть выраженіе:

Бранной забавы
Любить нельзя.

Пушкинъ-лиценстъ не могъ такъ написать, по миѣнію г. Шевырева. Г. Шевыревъ не знаетъ, какъ именно была написана эта фраза въ автографѣ Пушкина; но онъ «увѣренъ», что ее надлежитъ возстановить слѣдующимъ образомъ:

Бранной забавы
Любить не я.

Не подумайте, что у насъ вкралась опечатка. Нѣтъ, именно такъ: «Любить не я». «Этой поправки хвалить не я», и потому скорѣе «переходить мы» къ разбору «Героя Нашего Времени» и «Стихотвореній Лермонтова». Кстати прибавимъ: неудивительно, если критикъ, столь проницательно отгадывающій ошибки и столь вѣрно понимающій условія грамматической правильности, находить, что языкъ Лермонтова неправиленъ, и что этотъ поэтъ «вообще не умѣлъ совладѣть съ грамматическимъ смысломъ», хотя каждому извѣстно, что рѣшительно ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ до 1841 года включительно (когда была написана эта статья) не писалъ стиховъ такимъ безукоривненнымъ языкомъ, какъ Лермонтовъ; у самого Пушкина неправильныхъ и натянутыхъ оборотовъ болѣе, нежели у Лермонтова. Лермонтовъ вообще не пользовался особенною благосклонностью со стороны г. Шевырева, утверждавшаго, что онъ только подавалъ хорошія надежды, но еще не оправдалъ ихъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ: насъ интересуетъ не сущность миѣній г. Шевырева, а ихъ развитіе. Итакъ что же говорить г. Шевыревъ, напримѣръ, о характерахъ, изображенныхъ въ «Героѣ Нашего Времени»? Во первыхъ, онъ желалъ бы, чтобъ Лермонтовъ сдѣлалъ изъ княжны Мери и Балы одно лицо: тогда это была бы хорошая женщина или дѣвица. «Если бы можно было слить Балы и Мери въ одно лицо, вотъ былъ бы идеалъ женщины!» Впрочемъ, характеръ княжны Мери заимствованъ у какого-то русскаго повѣствователя,—у какого, мы не можемъ придумать. На всякій случай, вотъ подлинныя слова ученаго критика: «Въ княжнѣ Мери есть черты, взятія съ другой княжны» — не отгадаетъ ли кто этой загадки? Вѣра, характеръ которой очерченъ Лермонтовымъ съ такою нѣжною любовью,—«Вѣра есть лицо непривлекательное ничѣмъ». Въ характерѣ Печорина есть двѣ важныя ошибки: во-первыхъ, такой человѣкъ не можетъ любить природу. Ученому критику было легко рѣшить это, потому что ему неизвѣстно, что люди, утомленные жизнью, скучающіе съ людьми, съ двойною силою привязываются въ природѣ. Во-вторыхъ, г. Шевыревъ «никакъ не думаетъ, чтобы прошедшее сильно дѣйствовало на Печорина», и потому неправдоподобно, чтобы онъ велъ дневникъ. Да вѣдь онъ скучаетъ:

почему-жъ отъ скуки не вести ему дневника? Настоящее наводитъ на него тоску; будущее безотраднo: какже ему не возвращаться мыслямъ къ прошедшему? И вѣдь эгоизмъ силенъ въ Печоринѣ; а чѣмъ болѣе развитъ эгоизмъ въ человѣкѣ, тѣмъ больше думаетъ онъ о своей личности и о всемъ, что до нея касается. Кажется, это очень просто; да притомъ и самъ Печоринъ объясняетъ это. Но главный недостатокъ въ характерѣ Печорина: «онъ не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго относительно къ чисто русской жизни, которая изъ своего прошедшаго не могла извергнуть такого характера»; потому онъ «призракъ». Послѣ этого не нужно говорить, до какой степени понятенъ для г. Шевырева и до какой степени нравится ему «Герой Нашего Времени». Но интересно замѣтить, чѣмъ болѣе всего занимается онъ въ своей статьѣ объ этомъ романѣ—никакъ не угадаете... защитою Москвы. Да гдѣ же Лермонтовъ нападаетъ на Москву въ своемъ романѣ? Кажется, нигдѣ. Какъ нигдѣ? Вы забыли, что княгиня Литовская, которая любитъ поговорить, какъ и всѣ почти пожилыя женщины въ Россіи и во Франціи, въ Китаѣ и въ Каффаріи, жила нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ: вѣдь это кровная, по мнѣнію г. Шевырева, обида Москвѣ. И на нѣсколькихъ страницахъ онъ доказываетъ, что напрасно Лермонтовъ взвелъ такую клевету на Москву. Вотъ это именно и значить, по выраженію Гоголя, «какъ разъ смекнуть, въ чемъ дѣло». Замѣтимъ также, что по поводу Кавказа опять является на сценѣ Италія. Еще любопытнѣе разборъ «Стихотвореній» Лермонтова. Знаете ли, какое отличительное свойство въ талантѣ Лермонтова? «Протензизмъ», безхарактерность, отсутствіе определенной фizioноміи. Помилуйте! можно было бы назвать стихотворенія Лермонтова монотонными, однообразными; но какже говорить, что они не имѣютъ одного оригинальнаго характера, рѣзко обозначившагося въ каждомъ—мало того, стихотворенія—на каждомъ стихѣ! Скорѣе можно было назвать «протеемъ» кого угодно изъ нашихъ поэтовъ, только—воля ваша—никто, кромѣ г. Шевырева, не могъ бы замѣтить у Лермонтова безхарактерности или протензма. Но вы еще не знаете, что «въ галлсрсахъ живописи отгадываютъ безъ каталога, чья картина», а стихотворенія Лермонтова не носятъ на себѣ такихъ характерныхъ примѣтъ; г. Шевыревъ, не видѣвъ подписи имени на пьесѣ, отгадываетъ стихъ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, кн. Вяземскаго, г. О. Глинки, а не можетъ сказать этого о стихѣ Лермонтова. Публика, скажете вы, говорить, что именно стихъ Лермонтова угадать легче всего; но это она говоритъ только по незнанію важнаго обстоятельства: Лермонтовъ былъ не болѣе, какъ подражатель Пушкина и Жуковскаго, и не только этихъ двухъ великихъ поэтовъ, но также г. Бенедиктова. «Когда вы внимательно прислушиваетесь къ звукамъ «новой лиры, вамъ слышатся попеременно звуки то Жуковскаго, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова, иногда мелькаютъ обороты Баратынскаго, «Дениса Давыдова». Удивительно тонкій слухъ, изумительно зоркій глазъ! Каждому извѣстно, что нѣкоторые изъ наименѣ зрѣлыхъ стихотвореній Лермонтова по внѣшней формѣ—подражанія пьесамъ Пушкина, но только по формѣ, а не по мысли; потому что идея и въ нихъ чисто-лермонтовская, самобытная, выходящая изъ круга пушкинскихъ идей. Но вѣдь такихъ пьесъ у Лермонтова немного: онъ очень скоро совершенно освободился отъ внѣшняго подчиненія Пушкину и сдѣлался оригинальнѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ у насъ

до него поэтовъ, не исключая и Пушкина. Вѣдь это извѣстно каждому. Но дѣло не въ томъ, подражатель онъ, или самобытный поэтъ: интересно знать, какъ развивается г. Шевыревъ свою мысль. Въ какихъ пьесахъ, напримѣръ, видно вліяніе Жуковского? Вы, быть можетъ, ожидаете, что ученый критикъ укажетъ на единственное изъ всѣхъ стихотвореній Лермонтова, хотя самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающее Жуковского, укажетъ на пьесу «Вѣтка Палестины», въ которой можно видѣть нѣкоторое сходство съ пьесой Жуковского:

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ Обѣтованной...

хотя, собственно говоря, и «Вѣтка Палестины» подражаніе не Жуковскому, а Пушкину («Цвѣтокъ засохшій, безуханный»). Нѣтъ, не то, вы недогадливы: Лермонтовъ подражалъ Жуковскому въ «Русалкѣ» (!); «Мцыри» тоже подражаніе Жуковскому (!); «Три Пальмы» тоже, хотя каждому извѣстно, что это чрезвычайно близкое подражаніе стихотворенію Пушкина, «И путникъ усталый на Бога ропталъ», откуда не только размѣръ, но едва ли не половина стиховъ почти цѣликомъ заимствованы Лермонтовымъ. Нужды нѣтъ, пусть будутъ «Три Пальмы» подражаніемъ Жуковскому, у котораго нѣтъ ничего похожего: вѣдь заимствовалъ же у него Лермонтовъ «Мцыри». Но гдѣ подражанія Бенедиктову? Ужели вы не знаете? — «Молитва» (Я, Матерь Божіи, нынѣ съ молитвою) и «Тучи» дотога отзываются звуками, оборотами, выраженіемъ лиры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены въ собраніе его стихотвореній.— Читая эти стихи, кто не припомнитъ *Полярную Звѣзду* и *Незабвенную* Бенедиктова? Далѣе ужѣ не такъ интересно. «Бородино» — подражаніе Денису Давыдову (!); «Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!» и «Печально я гляжу на наше поколѣніе» — подражаніе Баратынскому (!); «Демонъ» — подражаніе Марлинскому; «Казачья Колыбельная Пѣсня» — подражаніе Вальтеру Скотту. Мы отъ себя можемъ прибавить только, что стихи:

Есть рѣчи, значенье
Темно мль ничтожно...

должны быть подражаніемъ г. Шевыреву: только авторская скромность помѣшала ему это замѣтить. Но довольно о частностяхъ. Бросимъ вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ еще разъ общій взглядъ на Лермонтова. Хороши ли грустные стихотворенія Лермонтова? И какъ вы думаете, былъ ли грустный тонъ этихъ пьесъ (т. е. рѣшительно всѣхъ пьесъ, потому что пьесъ другаго тона нѣтъ у него) существенной чертой поэзіи Лермонтова? Нѣтъ, не былъ, по мнѣнію г. Шевырева: грустные стихотворенія у Лермонтова «только мгновенные плоды какой-то мрачной хандры, посѣщающей повременавъ поэта», и не просто плохи они: они не заслуживали бы чести быть напечатанными — «лучше было бы таить ихъ про себя и не повѣрять взыскательному свѣту». Правда. Правда. Правда.

Но вѣдь Лермонтовъ, хотя и писалъ очень плохо, все же заслуживалъ нѣкотораго сочувствія, по своей, правда, жалкой страсти къ стихоплетенію.

Г. Шевыревъ совѣтуетъ Лермонтову писать не такъ, какъ онъ писалъ прежде; вотъ заключеніе его статьи:

«Поэты русской лиры! если вы сознаете въ себѣ высокое призваніе, прозрѣвайте же отъ Бога даннымъ вамъ предчувствіемъ въ великое будущее Россіи; передавайте намъ видѣнія ваши и создайте міръ русской мечты изъ всего того, что есть свѣтлаго и прекраснаго въ небѣ и природѣ, святаго, великаго и благороднаго въ душѣ чело-вѣческой!»

Ну, теперь вздохнемъ свободнѣе: исторіи о нѣкоемъ стихокропателѣ Лермонтовѣ, который напрасно печаталъ свои стихотворенія, кончилась. А тяжело намъ было присутствовать при его истязаніи, тяжело было видѣть, какъ одно за другимъ обрываютъ чужія перья съ этой нарядившейся въ павлиньи перья вороны, то есть съ Лермонтова. Видишь, что строгій критикъ справедливъ; но по челоуѣчеству жаль, по челоуѣчеству! Кончилась исторія!.. Какъ бы не такъ! По разсѣянности—проклятая разсѣянность!—мы едва не забыли чрезвычайно тонкаго замѣчанія о характерѣ таланта Лермонтова. «Нѣтъ ли въ немъ—замѣчаетъ ученый критикъ—признаковъ того, что Жанъ-Поль въ своей эстетикѣ такъ прекрасно называлъ женственными геніемъ»? Это предположеніе, впрочемъ, едва ли принадлежитъ самому г. Шевыреву. Такъ мы думаемъ, основываясь на словахъ Пигасова (въ повѣсти г. Тургенева: «Рудинъ»): «Мужчина можетъ ошибаться. Но, знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напри-мѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною, а женщина скажетъ, что дважды-два—стеариновая свѣчка». Поэтому мы думаемъ, что г. Шевыревъ заимствовалъ иногда свои критическія замѣчанія изъ разгово-ровъ съ дамами.

Много другихъ замѣчательныхъ сужденій о г. Каменскомъ, г. Вельтманѣ, Кольцовѣ (пѣсни котораго далеко хуже русскихъ пѣсенъ Дельвига), Баратын-скомъ (котораго губило отсутствіе мысли), г. Павловѣ (который выдвинулъ всѣ ящики въ бюро женскаго сердца и котораго г. Шевыревъ долго предпо-читалъ Гоголю), Языковѣ, г. Хомяковѣ, г. Майковѣ и вообще почти о каждомъ изъ русскихъ писателей могли бы мы привести изъ критическихъ статей г. Ше-вырева; но если, какъ онъ самъ выразился,

Что въ морѣ купаться, что Давта читать,

то хотѣтъ исчерпать все замѣчательное въ критическихъ статьяхъ ученаго ав-тора—все равно, что хотѣтъ вычерпать море: трудъ рѣшительно невозможный; потому мы не возьмемся за дѣло, столь необозримо-великое.

Мы затруднялись и теперь затрудняемся высказать наше мнѣніе о г. Ше-выревѣ, какъ критикѣ, но не можемъ не сказать, что чтеніе его статей должно доставить высокое наслажденіе каждому, кто способенъ слѣдить за смѣлыми полетами мысли глубокомысленнаго критика. Неожиданность выводовъ и замѣ-чаній превышаетъ въ нихъ самыя смѣлыя надежды. Впечатлѣніе, которое про-изводитъ онѣ, когда перечитываешь ихъ подъ-рядъ, можно сравнить только съ тѣмъ, какъ если бы смотрѣть картины нѣсколько расшатавшейся въ пружинахъ

народной нашей панорамы, то есть такъ называемаго въ просторѣчїи «райка». Приложишь глазъ къ стеклу—видна широкая рѣка, на берегу стоятъ пирамиды—«видъ итальянскаго города Неаполя», поясняетъ народный нашъ чичероне; повертывается ручка—являются Тюильри, Лувръ, вдали Notre-Dame de Paris—«Морская викторія при Гангутѣ, одержанная Петромъ Великимъ надъ шведами»; поясняетъ народный чичероне; опять повертывается ручка—является храмъ св. Петра въ Римѣ—«вотъ это самая и есть Москва златоглавая», поясняетъ чичероне, и т. д., и т. д. Вы недоумѣваете, но не можете оторваться отъ панорамы съ интересными поясненіями чичероне. А онъ стоитъ, серьезно поглаживая бороду, и думаетъ: «погоди, еще не такія штуки покажемъ».

Мы сказали, что отказываемся выражать свое мнѣніе о томъ, ошибочны ли справедливы мнѣніи г. Шевырева, но видѣли, что ученый авторъ не долженъ быть причисляемъ къ славянофиламъ. Теперь, познакомя читателя съ нѣкоторыми фактами его учено-критической дѣятельности, мы полагаемъ дѣломъ, не подлежащимъ спору, что г. Шевыревъ долженъ быть считаемъ, какъ мыслитель въ высочайшей степени своеобразный, главою особенной школы въ нашей литературѣ. Важнѣйшими изъ второстепенныхъ писателей этой школы надобно считать г. М. Дмитріева, г. А. Стурдзу, г. Н. Иванчина-Писарева, г. А. Студитскаго. Первыхъ трехъ читатели, безъ сомнѣнія, знаютъ; но необходимо имъ познакомиться съ г. А. Студитскимъ, котораго они, вѣроятно, не знаютъ и который былъ дѣятельнѣйшимъ сподвижникомъ г. Шевырева въ старомъ «Москвитинѣ». Его осужденія также отличались диктаторскимъ тономъ; онъ, подобно г. Шевыреву, обо всемъ мыслить совершенно своеобразно и, о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ, ни въ чемъ не раздѣлялъ мнѣній суеумудствующаго Запада. Онъ показалъ ничтожность санскритскаго языка, опровергъ Боппа и Гримма, не говоря уже о всѣхъ нашихъ филологахъ отъ г. Востокова до г. Буслаева, и положилъ новыя основанія филологіи; онъ опровергъ Кеплера и Ньютона—уступкою съ его стороны должно считать, что онъ принималъ систему Коперника, и то, конечно, только въ уваженіе его славянскаго происхожденія—и положилъ новыя основанія астрономіи (понимайте все это буквально, безъ малѣйшаго преувеличенія); онъ опровергъ всѣхъ философовъ отъ Канта до Гегеля и положилъ новыя основанія психологіи, метафизики и проч.; опровергъ Либиха, Кювье, Гумбольдта и Араго и положилъ новыя основанія фізіологіи, геологіи, метеорологіи, химіи,—дѣйствительно, положилъ, потому что это былъ умъ по преимуществу творческій, не ограничивавшійся критикою, но занимавшійся и возсозданіемъ разрушеннаго. Девизъ его былъ, подобно девизу г. Шевырева, «*Destruam et aedificabo*»—«раззорю и созижду». Для убѣжденія читателей въ томъ, что мы ничего не преувеличиваемъ, приводимъ въ выноскѣ небольшой отрывокъ изъ его критики на гипотезу Гумбольдта объ аэролитахъ ¹⁾. Какая смѣлость, оригинальность и твердость мысли! Все это мы

¹⁾ Главная мысль Гумбольдта состоятъ въ томъ, что авролиты—обломки малыхъ небесныхъ тѣлъ, блуждающихъ въ пространствѣ и случайно попадающихъ въ предѣлы нашей атмосферы. Съ перваго взгляда на эту мысль, видно, что она обязана своимъ происхожденіемъ не ученому сознанію, а недостатку ученаго сознанія.—«Въ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ничего, плаваютъ малыя

говоримъ, желая показать, что у г. Шевырева были достойные сподвижники, и что его надобно считать главою совершенно особенной школы, которая принадлежала исключительно Москвѣ, но мнѣшя которой имѣли большое родство съ учешіями петербургскаго журнала «Маякъ».

Послѣ всѣхъ фактовъ, приведенныхъ выше, естественно родиться недоумѣшю: какимъ же образомъ г. Шевыревъ, столь своеобразно мыслившій и о Лермонтовѣ, и о писателяхъ, бывшихъ учениками Гоголя,—г. Шевыревъ, отвергавшій всякій грустный тонъ въ литературѣ, совѣтовавшій писателямъ заниматься исключительно возведеніемъ къ улыбающемуся идеалу свѣтлыхъ сторонъ жизни,—какимъ образомъ могъ онъ почувствовать «Мертвымъ Душамъ»? Какимъ образомъ онъ могъ быть поклонникомъ Гоголя, и какъ онъ могъ понимать его,—онъ, столь глубоко понимавшій содержаніе и столь занимавшійся жизненными вопросами въ произведеніяхъ каждого изъ нашихъ писателей? А вѣдь существуетъ у многихъ воспоминаніе, что г. Шевыревъ былъ поклонникомъ Гоголя и понималъ его. Изученіе статей его о Гоголѣ разрушить всѣ недоумѣнія.

Вотъ существенныя мѣста изъ его статьи о «Миргородѣ». Мы оставили въ сторонѣ только колонны, фронтисписы, архитравы, рѣзцы и картинныя галлерей, но не опустили ни одной фразы, относящейся къ дѣлу. Правда, отъ этого изъ довольно большой статьи вышло въ нашей выпискѣ менѣе одной страницы, но, повторяемъ, остальные страницы разбора наполнены архитравами.

«Авторъ Вечеровъ Диканьки имѣеть отъ природы чудный даръ схватывать безсмыслицу въ жизни человѣческой и обращать ее въ неизъяснимую поэзію смѣха. Въ этомъ дарѣ его мы видимъ зародышъ истиннаго вомическаго таланта. Во желательно бы было, чтобъ онъ обращалъ свой наблюдательный взоръ и мѣткую кисть на общество, насъ окружающее. До сихъ поръ, за этимъ смѣхомъ онъ водилъ насъ или въ Миргородъ, или въ лавку жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера, или въ скупшесдшій домъ. Мы охотно за нимъ слѣдовали всюду, потому что вездѣ и надъ всѣмъ пріятно посмѣяться. Но столица уже довольно сбѣялась надъ провинціею и деревенщиною, хотя вѣкъ такъ въ смѣшилъ ими, какъ авторъ «Миргорода»: высшій и образованный классъ общества всегда смѣется надъ низшимъ: потому и неумудрено разсѣшшить и жестяныхъ дѣлъ масторомъ. Но какъ бы хотѣлось, чтобы авторъ, который, кажется, какимъ-то магнитомъ притягиваетъ къ себѣ все смѣшное, разсмѣшилъ насъ наравъ же самими, чтобы онъ открылъ эту безсмыслицу въ нашей собственной жизни, въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраговъ и галетуховъ, подъ модными головными уборами. Вотъ что ожидаетъ его кисти! Какъ ни рисуйте намъ вѣрно провинцію; все она покажется каррикатурой, потому что она не въ нашихъ нравахъ. Я увѣренъ, что Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ суще-

тѣла.—не правда ли, это очень замысловато?—«Эти тѣла, заблудившись, попадаютъ въ предѣлы земной атмосферы»—еще замысловатѣе.—«Самыя эти тѣла не падаютъ, а падаютъ только ихъ обломки»—еще замысловатѣе.—Вообще говоря, мы не находимъ, чтобы:

1) Были достаточныя причины для построения такой гипотезы.

2) Было достаточное оправданіе ей въ наблюденіяхъ.

3) Не было возможности объяснить ее иначе и гораздо проще.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неорганическая химія въ нашемъ столѣтіи сдѣлала огромныя успѣхи; но чтобы она рѣшила все, что ей должно рѣшать, въ этомъ мы не повѣримъ ни Дави, ни Берцеліусу, ни Гумбольдту, и т. д.

существовалъ. Такъ они живо написаны. Но общество наше не можетъ повѣрить въ ихъ существованіе. Для него это или прошлое столѣтіе, или смѣшная мечта автора. Конечно, авторъ началъ свой дебютъ въ комическомъ съ того, что ярче нарізалось въ его память—съ своихъ малороссійскихъ преданій; но должно надѣяться, что онъ соберетъ намъ впечатлѣнія я съ той общественной жизни, въ которой живетъ теперь, и разовьетъ блистательно свой комическій талантъ въ томъ высшемъ кругу, который есть средоточіе русской образованности».

(«Московскій Наблюдатель», томъ I).

Кажется въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ», въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» есть нѣчто, кромѣ смѣшнаго и веселаго; кажется, что каждая изъ этихъ повѣстей, въ своемъ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе нисколько не водевильное: «Тарасъ Бульба»—чисто трагическое, остальные—глубоко-грустное. Ученый критикъ нисколько не замѣтилъ этого. Гоголь въ «Миргородѣ»—беззаботный весельчакъ, который для столичныхъ свѣтскихъ людей рисуетъ преуморительныя каррикатуры провинціи, не имѣющей понятія о модныхъ галстукахъ. Очень удовлетворительное понятіе. Еще лучше мнѣніе, что лица, изображенныя Гоголемъ, едва ли существуютъ въ дѣйствительности. Оно хорошо и тѣмъ, что критикъ откровенно высказываетъ, что вовсе не знаетъ провинціальной жизни. Но всего лучше совѣтъ—перестать о провинціи и описывать высшее свѣтское общество: этотъ совѣтъ восхитителенъ. Вотъ, если бы Гоголь послушался—нечего сказать, одолжилъ бы насъ, людей въ модныхъ галстукахъ! Съ тою же мѣткостью, которая помогла критику открыть у Лермонтова заимствованія изъ Марлинскаго и Бенедиктова, онъ замѣчаетъ, что Гоголь—подражатель Тика и Гофмана:

«Нельзя не замѣтить, что въ новыхъ повѣстяхъ, которыя мы читаемъ въ «Арабескахъ», этотъ юморъ малороссійскій не устоялъ противъ западныхъ искушеній и покорился въ своихъ фантастическихъ созданіяхъ вліянію Гофмана и Тика. И мнѣ это досадно. Ужасно ничто оригинально русское не можетъ устоять противъ нѣмецкаго? Можетъ быть, это есть вліяніе Петербурга на автора».

Да вѣдь нужно было бы спросить, слыхивалъ ли Гоголь въ 1835 году о Гофманѣ и Тикѣ? о Гофманѣ—безъ сомнѣнія, потому что въ «Невскомъ Проспектѣ» сапожникъ, помогавшій своему пріятелю Шиллеру въ совершеніи неучтиваго поступка надъ поручикомъ Пироговымъ, называется Гофманомъ; и писатель Гофманъ былъ тогда уже нѣсколько извѣстенъ русской публикѣ. Но какимъ бы образомъ Гоголь могъ подчиняться вліянію Тика, котораго едва ли хоть сколько нибудь зналъ? Считаю ненужнымъ замѣчать, что съ Гофманомъ у Гоголя нѣтъ ни малѣйшаго сходства: одинъ самъ придумываетъ, самостоятельно изобрѣтаетъ фантастическія похождения изъ чисто нѣмецкой жизни, другой буквально пересказываетъ малорусскія преданія («Вій») или общезвѣстныя анекдоты («Носъ»): какое же тутъ сходство? Ужъ послѣ этого «Пѣсня о Калашниковѣ» не есть ли подражаніе «Гену фонъ-Берлихингену»? вѣдь у Гете тоже изображено владычество «кулачнаго права», Faustrecht. Съ Тикомъ, этимъ празднымъ фантазеромъ, у Гоголя еще меньше сходства. Но довольно для г. Шевырева заглавія «фантастическая повѣсть»—и дѣло рѣшено, подражаніе «Гену фонъ-Берлихингену»!

Замѣтимъ еще, что критикъ и у Гоголя, какъ у Пушкина, главною чертою всѣхъ произведеній нашелъ эскизность. Видите ли, слогъ Гоголя нехорошъ, какъ и слѣдовало ожидать: «Виною этому, кажется, скорпись, которою увлекается повѣствователь. Онъ слишкомъ эскизуетъ свои прекрасныя созданія. Даже самый «Тарасъ Бульба» отзывается скоростью эскиза». — «Миргородъ», какъ мы видѣли, собраніе водевильныхъ повѣстей; но проницательный критикъ замѣтилъ въ немъ одинъ эпизодъ грустный — только одинъ небольшой эпизодъ, — именно въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» теплое, страстное размышленіе о силѣ привычки (въ новомъ изданіи, стр. 35—36). Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ, самыхъ глубоко-прочувствованныхъ страницъ, когда либо написанныхъ Гоголемъ; г. Шевыревъ ужасно имъ недоволенъ и хочетъ вычеркнуть его, какъ совѣтовалъ Лермонтову «скрывать отъ взыскательнаго свѣта» свои стихотворенія: «Мнѣ не нравится тутъ (въ «Старосв. Помѣщ.») одна только мысль, — убійственная мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушаетъ нравственное впечатлѣніе цѣлой картины. Я бы вымаралъ эти строки». Прекрасно! «Разрушаетъ впечатлѣніе цѣлой картины». А въ этихъ строкахъ и высказанъ существенный мотивъ всего разсказа.

Отъ «Миргорода» перейдемъ прямо къ «Мертвымъ Душамъ», минуя «Ревизора»: мнѣніе г. Шевырева объ этой комедіи увидимъ послѣ. Критическая статья о «Мертвыхъ Душахъ» помѣщена г. Шевыревымъ въ VII и VIII книжкахъ «Москвитянина» за 1842 годъ.

Въ разборѣ «Миргорода» г. Шевыревъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, что можно считать Гоголя великимъ писателемъ; онъ кажется ему не болѣе какъ хорошимъ беллетристомъ шутиватаго характера. Мы видѣли, что за «Миргородъ» и «Арабески» нѣкоторый другой критикъ уже называлъ Гоголя главою русскихъ писателей, преемникомъ Пушкина. Г. Шевыревъ не только не видитъ, но и не предчувствуетъ этого: для него многіе изъ тогдашнихъ, нынѣ полузабытыхъ, беллетристовъ продолжаютъ стоять выше Гоголя. Въ «Тарасѣ Вульбѣ», «Невскомъ Проспектѣ», «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», какъ мы видѣли, г. Шевыревъ находилъ еще только «зародышъ таланта». Возвысился ли Гоголь въ глазахъ его издашемъ «Ревизора», увидимъ послѣ; но еще въ «Москвитянинѣ» 1841 года мы могли бы найти доказательства, что г. Шевыревъ продолжалъ ставить Гоголя ниже нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ тогдашнихъ писателей. Но «Мертвыя Души» онъ уже разбираетъ какъ высоко-художественное произведеніе; о значеніи Гоголя въ русской литературѣ онъ говоритъ, правда, очень уклончиво, о значеніи его для развитія общества, о смыслѣ «Мертвыхъ Душъ» не говоритъ ровно ничего, но все-таки осмѣливается отчасти обнаруживать, что ставитъ Гоголя очень высоко, хотя не дерзаетъ рѣшительно поставить на ряду съ Жуковскимъ или Пушкинымъ и вообще смотреть на него еще свысока, не оставляя его благими поученіями. Все-таки похвально ужъ и то, что онъ считаетъ «Мертвыя Души» высокимъ художественнымъ произведеніемъ. Разборъ написанъ съ точки зрѣнія исключительно художественной. Мысль, руководящая критикомъ, та, что въ художественномъ произведеніи все развитіе плана и всѣ подробности необходимо вытекаютъ изъ общей идеи созданія. Правда, какъ ни высоки художественныя достоинства «Мертвыхъ Душъ», но видѣтъ въ Гоголѣ только худо-

жественныя достоинства значить вовсе не понимать Гоголя; но не будемъ по-дражать «взыскательному евѣту», будемъ рады и тому, что хотя художественная сторона, если не содержаніе «Мертвыхъ Душъ», кажется ученому критику достойною похвалы. И прежде всего намъ очень пріятно замѣтить слѣдующее справедливое объясненіе закона прогрессивности, по которому расположены различныя главы «Мертвыхъ Душъ»:

«Взгляните на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ? Сначала вы смѣтаетесь надъ Маниловымъ, смѣтаетесь надъ Коробочкою, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича. но увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка.

«А герой поэмы? Много смѣшить онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ в заводи всю эту кутерьму между помѣщиками в въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, не правда ли, что вы глубоко задумались?

«Наконецъ представимъ себѣ весь городъ Н. Здѣсь, кажется, ужъ донельзя разыгрался комическій юморъ поэта, какъ будто къ концу тома сосредоточивъ всѣ свои силы... Но в тутъ даже, гдѣ смѣшное достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ авторъ, увлеченный своимъ юморомъ, отрѣшилъ мѣстами фантазію отъ существенной жизни и нарушилъ тѣмъ ея характеръ,—и здѣсь смѣхъ при концѣ смѣняется задумчивостью, когда, среди втой праздной суматохи, внезапно умираетъ прокуроръ и всю тревогу заключаютъ похороны. Невольно припоминаются слова автора о томъ, какъ въ жизни веселое мигомъ обращается въ печальное».

Чтобы выставить на первый планъ все хорошее въ статьѣ г. Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», приведемъ здѣсь и замѣчаніи его о томъ, что въ двухъ или трехъ мѣстахъ авторъ едва ли не нарушаетъ строгой объективности своихъ лицъ, заставляя ихъ говорить вещи, которыя удобнѣе могъ бы сказать прямо отъ себя:

«Комическій демонъ шутки иногда увлекаетъ дотого фавтавію поэта, что характеры иногда выходятъ изъ границъ своей истины, правда, что это бываетъ очень рѣдко. Такъ, напримѣръ, неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхвалявать свои мертвыя души, и пустился въ такую фантазію. Даже самое краснорѣчіе, этотъ даръ слова, который онъ внезапно по какому-то особенному навітю обваружилъ въ своемъ панегирикѣ каретнику Михееву, плотнику Прокѣ и другимъ мертвымъ душамъ, кажутся противны его обыкновенному слову, которое кратко и все рубитъ топоромъ, какъ его самого обрубилъ природа. Авторъ самъ это чувствовалъ и оговорился словами: «откуда вылился рысь я даръ слова въ Собакевичѣ».—То же самое можно замѣтить о Чичиковѣ: прекрасны его думы о мертвыхъ душахъ, имъ купленные, но напрасно приписаны онѣ самому Чичикову, которому, какъ человѣку положительному, едва ли могли бы прійти въ голову такіа чудныя поэтическія были о Степанѣ Прокѣ, о Максимѣ Телятниковѣ — сапожникѣ, и особенно о грамотѣѣ Поповѣ безпашпортномъ, да объ Ѳыровѣ Абавумѣ, гудящемъ съ бурлаками. Мы не понимаемъ, почему всѣ эти размышленія поэтъ не предлагалъ отъ себя. Неестественно также намъ показалось, чтобы Чичиковъ ужъ дотого напился пьявъ, что Селифану велѣлъ сдѣлать всѣмъ мертвымъ душамъ поголовную переключку. Чичиковъ человѣкъ солидный и едва ли напьется дотого, чтобы впасть въ подобное мечтаніе».

Быть можетъ, этимъ не нарушается объективность характера ни Чичикова, который любилъ пофантазировать въ чувствительномъ родѣ, какъ всѣ

положительные и плутоватые люди, и которыхъ, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ поэмы фантазируетъ (напримѣръ, при встрѣчѣ на дорогѣ съ губернаторскою дочкою), ни Собакевича, который не любитъ говорить попусту, а для своихъ выгодъ не поспушитъ на слова—удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ самые холодные, дубовые люди оживляются и дѣлаются краснорѣчивы при продажѣ и покупкѣ,—однако же, справедливо или несправедливо замѣчаніе г. Шевырева объ этихъ случаяхъ, все-таки оно не заключаегъ въ себѣ ничего нелѣпаго, скорѣе даже можетъ быть названо остроумнымъ; но, къ сожалѣнію, только и можетъ быть найдено хорошаго въ его статьяхъ. Вообще говоря, критикъ слишкомъ далеко заходитъ; желая рѣшительно о каждой мелочи доказать, что она рѣшительно необходима именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помѣщена Гоголемъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что, выражаясь ученымъ образомъ, «необходимость» облачается въ искусствѣ формою случайности», то есть, напримѣръ, Чичиковъ могъ бы встрѣтить на дорогѣ къ Манилову не одного, а двухъ или трехъ мужиковъ, деревня Манилова могла бы лежать налѣво, а не направо отъ большой дороги, Собакевичъ могъ бы назвать единственнымъ порядочнымъ человѣкомъ въ городѣ не прокурора, а предсѣдателя гражданской палаты или вице-губернатора, и такъ далѣе, и художественное достоинство «Мертвыхъ Душъ» нимало не потеряло бы и не выиграло бы отъ этого. А г. Шевыреву кажется, что все это рѣшительно такъ же существенно неизмѣнимо, такъ же вытекаетъ изъ идеи «Мертвыхъ Душъ», какъ, напримѣръ, характеръ Чичикова или общая фязіономіа губернскаго города N, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы. Ограничимся однимъ примѣромъ: излагая главу о Коробочкѣ, критикъ говоритъ:

«Вся птица, какъ замѣтно, ужъ такъ приучена заботливою хозяйкою, составляетъ съ нею какъ будто одно семейство и близко подходитъ къ окнамъ ея дома: вотъ отчего у Коробочки только могла произойти но совсѣмъ учтивая встрѣча между индѣйскимъ пѣтухомъ и Чичиковымъ... Вы замѣтили, что мужики Коробочки отличаются отъ другихъ помѣщичьихъ мужиковъ все какими-то необыкновенными прозвищами: знаете ли, почему это? Коробочка себѣ на умѣ: ужъ у ней что ея, то крѣпко ея, и мужики такъ же помѣчены особыми именами, какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала. Вотъ почему такъ трудно было Чичикову уладить съ нею дѣло: она хотъ и любить продать и продаетъ всякій продуктъ хозяйственный, но зато я ва мертвыя души смотреть такъ же, какъ на свиное сало, на пеньку или па медъ, полагая, что и онѣ въ хозяйствѣ могутъ сгодобиться».

Ужели Коробочка не продаетъ мертвыхъ душъ по расчетливости? напротивъ, просто по глупости: тупоумная старуха никакъ не можетъ понять предложеній Чичикова. И почему у нея именно крестьяне имѣютъ длинныя прозвища? Почему не имѣютъ этихъ прозвищъ крестьяне Собакевича, который занимается хозяйствомъ лучше Коробочки? Просто, Гоголю нужно было дать чѣмъ нибудь крестьянамъ длинныя прозвища, какія встрѣчаются въ иныхъ околоткахъ; а чѣмъ именно крестьянъ окрестить длинными именами, было рѣшительно все равно. И почему индюкъ могъ закудаhtать только подъ окномъ у Коробочки, а не у Собакевича или Ноздрева, или не подъ окномъ городской гостинницы? Критикъ думаетъ, что только Коробочка, кормившая птицу изъ своихъ рукъ, могла приучить птицу бродить подъ окнами; но вѣдь домовитыя хозяйки бро-

саютъ кормъ птицы, не сидя подъ окномъ, а съ крыльца. Изъ окна, чувствительно и романически, могли скорѣе кормить птицу Маниловы. Сору и крошекъ изъ оконъ выбрасывалось въ гостинницѣ больше, нежели у Коробочки, и птица чаще, нежели гдѣ нибудь, бродила подъ окнами гостиницы. Однимъ словомъ, той необходимости, которую видитъ критикъ, нѣтъ въ незначительныхъ мелочахъ «Мертвыхъ Душъ», какъ и вообще не бываетъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Объ этомъ подробно и основательно говорится, напримѣръ, въ эстетикѣ Гегеля, (чтобы и намъ блеснуть ученостью). Но критикъ механически, а не по внушенію собственнаго вкуса, развивая заимствованную и не вполне понятую мысль о необходимости выводить подробности художественнаго произведенія изъ его идеи, подробно излагаетъ все содержаніе «Мертвыхъ Душъ», при каждой фразѣ безъ всякаго разбора повторяя «такъ! иначе и не могло быть!» Это изложеніе занимаетъ большую половину его критики. Частію держится онъ въ немъ словъ самого Гоголя и тутъ, конечно, рисуетъ характеры и событія безъ особенныхъ промаховъ; но иногда дополняетъ слова автора собственными соображеніями, и тутъ-то надобно подивиться своеобразности его взгляда! Приведемъ одинъ примѣръ—понятіе критика о главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Чичиковѣ:

«Изъ всѣхъ пріобрѣтателей, Чичиковъ отличился необыкновеннымъ поэтическимъ даромъ въ вымыслѣ средства къ пріобрѣтенію. Не правда ли, что въ этомъ замыслѣ (покупать мертвыя души) есть какая-то гениальная бойкость, какая-то удаля плутовства, фантазія и иронія, соединенныя вмѣстѣ! Чичиковъ, въ самомъ дѣлѣ, герой между мошенниками, поэтъ своего дѣла: посмотрите, затѣвая свой подвигъ, какою мыслью онъ увлекается: «А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ—никто не повѣритъ». Онъ веселится своему необычному изобрѣтенію, радуется будущему изумленію міра, который до него не могъ выдумать такого дѣла, в почти ве заботится о послѣдствіяхъ, въ порывѣ своей предпримчивости. Самопожертвованіе мошенничества доведено въ немъ до крайней степени: онъ закаленъ въ него, какъ Ахиллъ въ свое безсмертіе».

Изумительно! Да вѣдь, кажется, ясно, что Чичиковъ восхищается необыкновенностью задуманнаго плутовства потому, что легко будетъ его исполнить: никто не догадается, не повѣритъ. Онъ восхищенъ тѣмъ, что впередъ увѣренъ въ удачѣ. Чичиковъ—Ахиллъ саможертвованія! изумительно!

Но, конечно, не изумить читателей, что въ разборѣ «Мертвыхъ Душъ» Италія не сходитъ со сцены. Говоритъ ли критикъ о Плюшкинѣ, онъ объясняетъ: «Плюшкинъ такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлерей Дорія»; описываетъ ли Гоголь сѣроватыми красками русскую дорогу—это оттого, видите ли, что «пышная Италія дивами своего искусства и природы затмила все, что и могло бы на однообразной дорогѣ русской сказаться сердцу поэта»; случится ли Гоголю поэтически очерчивать различіе русскаго языка отъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго,—опять-таки «замѣчательно, что поэтъ въ числѣ языковъ не отмѣтилъ рѣзкимъ карандашомъ своимъ итальянскаго слова, хотя, конечно, имѣлъ всѣ данныя передъ собою, чтобы судить о немъ: это не потому ли, что русскій народъ въ мѣткости и живучести слова сходится съ художникомъ-итальянцемъ, такъ, какъ и во многомъ другомъ, несмотря на то, что жаръ и морозъ раздѣлили оба народа?»

Вы скажете: да какимъ же образомъ и зачѣмъ тутъ Италіи? а я скажу: да развѣ можно объяснить, почему припоминаешь то или другое? Иногда это бываетъ и совершенно безъ причины. Напримѣръ, осудите ли вы меня, если мнѣ совершенно не кстатъ припоминаются слова Гоголя о начальникѣ Чичикова: «Начальникъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая нибудь мысль, то она была тамъ все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеревить». («Мертвыя Души», 3 изд., стр. 445). Осудите ли вы меня, если мнѣ вздумается даже замѣнить тутъ слова: «котораго водили за носъ», словами: «который подъ носомъ у себя ничего не видѣлъ?» вѣдь это моя фантазія, а въ фантазіяхъ всякій воленъ.

Все это, какъ мы сказали, не покажется читателю удивительно; но удивительно покажется то, что на «Мертвыхъ Душахъ», по мнѣнію критика, ярко отразились итальянскія краски, что талантъ Гоголя воспитанъ не русскою жизнью, а итальянскою природою и картинами Рафаэля, не бесѣдою съ русскими людьми, а обращеніемъ съ итальянскими живописцами. Читайте и убѣждайтесь:

«Только близорукій не замѣтитъ, что вебо Италіи, прозрачный ея воздухъ, ясность каждаго оттѣнка и каждаго очерка въ предметѣ, картинныя галлерей, мастерскія художниковъ и частое обращеніе съ ними, наконецъ поэзія Италіи воспитали въ Гоголѣ фантазію тою стороною, которою обращена она ко всему внѣшнему міру, и дали ей такое живописное направленіе, такую полноту и оковченность.—Говоря объ этомъ, нельзя не обратить вниманія на симпатію Гоголя въ Италіи, на душевное влеченіе его къ странѣ язящнаго. Откуда объяснить это? Изъ того только, что овъ истинный художникъ, что искусство—его призваніе. Если такъ, то какая же другая сфера могла удовлетворить ему кромѣ Италіи, и въ самой Италіи какой городъ могъ онъ избрать, если не Римъ, гдѣ минувшее величіе, природа и искусство сочетались въ одно и образовали для всякаго современнаго художника чудный пріютъ, волшебное окруженіе?—Яркій отпечатокъ природы, живописи, поэзіи наящнаго полуудія Европы лежать на колоритѣ «Мертвыхъ Душъ» и на всемъ, что составляетъ внѣшнюю сторону изображаемаго въ нигъ міра. Содержаніе, разумѣется, дано Россіи, и поэтъ всегда ему вѣренъ; во ясновидѣніе в сила фавтазіи, съ какими возсоздаетъ онъ далѣйшій міръ отчизны, воспитаны въ Гоголѣ итадыанскимъ окруженіемъ. Въ одномъ мѣстѣ видно даже, что Италія невольно бросила нѣсколько жаркихъ красокъ на самое содержаніе картины, а именно въ описаніи сада Плюшкина, гдѣ зеленая облава и трепетолнствыя куполы деревьевъ, лежащихъ на исбесномъ горизонтѣ, напоминаютъ ландшафты юга.—Говоря объ этой полуденной стихіи въ поэмѣ Гоголя, какъ забыть чудныя сравненія, встрѣчающіяся нѣрѣдко въ «Мертвыхъ Душахъ»? Изъ полную художественную красоту можетъ постигнуть только тотъ, кто изучалъ сравненія Гомера и итальянскихъ эпиковъ, Аріоста и особенно Данта».

1

Тутъ слѣдуетъ очень подробное поясненіе послѣдней мысли,—именно, что сравненія у Гоголя заимствованы изъ Гомера, Аріоста и Данта. Эта счастливая мысль критика была въ свое время по достоинству превознесена петербургскими журналами, потому оставляемъ ее безъ объясненій; да и вообще объясненія на статьи г. Шевырева писать гораздо труднѣе, нежели комментарія на самого Данта. Читайте далѣе:

«Все, къ чему ни прикасается волшебная кисть Гоголя, все живетъ въ его яркихъ словѣхъ, в каждый предметъ сквозитъ изъ него и выдается своимъ видомъ и

цвѣтомъ. И это свойство своей фантазіи русскій поэтъ ногъ возвести на такую степень искусства только такъ, гдѣ творилъ Дантъ, гдѣ Аріостъ дружилъ съ Рафаэлемъ и въ его мастерской, созерцая безсмертную кисть, переносилъ живыя ея краски въ итальянское жаркое слово. Кто не понимаетъ сочувствіи Гоголя къ Италіи, тотъ не пойметъ и всей красоты въ пластичекомъ внѣшнемъ элементѣ его фантазіи. Мы объяснимъ внѣшнюю сторону ясновидящей фантазіи поэта, показали ея воспитаніе (т. е. въ Италіи) и отношеніе къ сторонѣ внутренней; перейдемъ теперь къ сей послѣдней. Подъ именемъ ея мы разуйдемъ ясное созерцаніе всего внутренняго чловѣка въ различныхъ его вѣдахъ. Въ этомъ отношеніи Гоголь является достойнымъ ученикомъ поэзій сѣвера, и особенно Шекспира и Вальтера Скотта».

Положимъ, что Гоголь былъ ученикъ Шекспира, хотя въ томъ смыслѣ, въ какомъ и Лермонтовъ, и г. Григоровичъ, и г. Гончаровъ, и г. Тургеневъ, и всѣ хорошіе писатели, настоящіе и будущіе,—ученики этого великаго чловѣка: вѣдь особеннаго вліянія Шекспира на Гоголя не замѣтно; положимъ, что онъ ученикъ и Вальтера Скотта, хотя онъ вовсе не былъ ученикомъ его; но что жъ изъ того? Какъ что! развѣ вы не предчувствуете:

«Заключимъ же: учителя юга и сѣвера, Италія и Шекспиръ, положили печать свою на внѣшней и внутренней сторонѣ фантазіи поэта въ отношеніи къ ясновидѣнію жизни. Такое сочетаніе двухъ элементовъ, замѣтное у васъ вѣ въ другихъ поэтахъ, особенно же въ Пушкинѣ, обѣщаетъ въ будущемъ для русской фантазіи и для русскаго искусства развитіе многостороннее и совершенно полное. О, если бы мы могли совмѣстить въ себѣ вѣшній югъ съ внутреннимъ сѣверомъ, изящную пластику и форму перваго и глубокую идею втораго, мы достигли бы идеала въ искусствѣ. Пришло мечтать о томъ и еще пріятнѣе видѣть, что наша мечта начала осущестляться».

А! вотъ къ чему шло дѣло! т. е. вотъ къ чему: Дантъ писатель великій, но односторонній: у него мысль подавлена формою; Шекспиръ тоже великій писатель, но опять односторонній: у него мысль подавила форму. Иначе и быть не могло: вѣдь Западъ погрязаетъ въ односторонностяхъ. А вотъ у насъ такъ будутъ, а отчасти ужъ и есть писатели лучше вашихъ Шекспировъ. Соглашаемся, соглашаемся: вѣдь мы уже увидѣли себя внѣ возможности возражать ученому критику. Но если «Мертвыя Души» внушаютъ вамъ столь высокое ожиданіе и отчасти уже оправдываютъ его, то, по крайней мѣрѣ, хорошая ли вещь эти «Мертвыя Души»? Мы хотимъ слышать о нихъ отъ васъ не комплименты и художественныя фразы,—нѣтъ, намъ нуженъ прямой отвѣтъ: правда или вздорная фантазія «Мертвыя Души», пустая выдумка празднаго воображенія или картина дѣйствительнаго быта? и, во всякомъ случаѣ, хороша ли основная идея этого созданія?—Увы! по мнѣнію г. Шевырева: «нѣтъ!» Онъ говоритъ, что общество, которое изображено въ «Мертвыхъ Душахъ», не существуетъ, не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ: создавая городъ N (куда является Чичиковъ), «фантазія поэта разыгралась въ волю <и почти отрѣшилась отъ существенной жизни> (N: VI, стр. 220). Эта фраза повторяется нѣсколько разъ. Но «городъ N придуманъ сообразно характеру героя», стало быть, и Чичиковъ лицо болѣе фантастическое, нежели дѣйствительное.—А каковы характеры другихъ лицъ? И хотя фантастическимъ образомъ, но удовлетворительно ли изображена жизнь общества, которое состоитъ

изъ этихъ лицъ? Нѣтъ, нѣтъ! и характеры изображены неудовлетворительно, и жизнь также: всюду у Гоголя односторонность:

«Великъ талантъ Гоголя въ созданіи характеровъ; но мы искренно выскажемъ и тотъ недостатокъ, который замѣчаемъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ изображенія или произведенія въ дѣйствіе. Комическій юморъ, подъ условіемъ коего поэтъ созерцаетъ всё эти лица, и комизмъ самаго событія, куда они замѣшаны, препятствуютъ тому, чтобы они предстали всѣми своими сторонами и раскрыли всю полноту жизни въ своихъ дѣйствіяхъ. Мы догадываемся, что вромѣ свойствъ, въ нихъ теперь видимыхъ, должны быть еще другія добрыя черты, которыя раскрылись бы при иныхъ обстоятельствахъ: такъ, напримѣръ, Маниловъ, при всей своей пустой мечтательности, долженъ быть весьма добрымъ человѣкомъ, милостивымъ и кроткимъ господиномъ съ своими людьми в чистѣйшемъ житейскомъ отношеніи; Коробочка, съ виду крохоборка, погружена въ одни матеріальные интересы своего хозяйства, во ова непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ и т. д.»

«То, что сказали мы о характерахъ, должно повторить и о воссозданіи всей русской жизни въ поэмѣ Гоголя... И здѣсь будетъ та же самая оговорка со стороны нашей, что комическій юморъ автора мѣшаетъ иногда ему обхватывать жизнь во всей ея полнотѣ и широкомъ объемѣ. Это особенно ясно въ тѣхъ яркихъ замѣткахъ о русскомъ бытѣ и русскомъ челоѣкѣ, которыми усѣяна поэма. По большей части мы видимъ въ нихъ одну отрицательную, смѣшную сторону, пол-обхвата, а не весь обхватъ русскаго міра».

Итакъ, характеры и жизнь у Гоголя односторонни, невѣрны, фантастичны. Тутъ ужъ не помогутъ художественныя совершенства плана и подробностей: вѣдь форма безъ содержанія ничтожна, форма съ фальшивымъ содержаніемъ фальшива; слѣдовательно, всѣ похвалы ей также обращаются въ ничтожество и фальшь. Сравнимъ эту послѣднюю, и единственную существенную выписку—потому что она одна касается сущности дѣла, всѣ предыдущія толкуютъ еще объ архитравахъ и колоннахъ, о рѣзцахъ и картинныхъ галереяхъ—сравнимъ ее съ рецензіями Н. А. Полеваго: вѣдь она вся цѣликомъ какъ будто взята изъ нихъ; но Полевой ниѣлъ твердость высказать свое мнѣніе и, такъ какъ содержаніе «Мертвыхъ Душъ» ему казалось неправдою, имѣлъ прямоу сказать, что «Мертвыя Души»—произведеніе фальшивое. Почему же г. Шевыревъ, въ сущности думая объ изображеніи характеровъ и жизни въ «Мертвыхъ Душахъ» тоже самое, что Н. А. Полевой, осыпаетъ, однако же, похвалами это произведеніе? Причинъ много; изъ нихъ первую объясняетъ самъ же г. Шевыревъ на первой же страницѣ своей критики: видите ли, лишь только явились «Мертвыя Души», какъ тотчасъ же

«Изъ тѣхъ рядовъ толкачаго рынка литературы (мы знаемъ уже, что это прозвище дано было петербургскимъ журналамъ) высочило наглое самохвальство въ видѣ врыливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою (то есть выскочилъ рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго кривыми буквами написанъ былъ девизъ: «убѣжденіе»); обрадовавшись случаю изъ-за похвалы Гоголю похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, палить на вемъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его в не увидѣть».

Вотъ это-то хвастливое невѣжество такъ громко кричало о высокомъ значеніи «Мертвыхъ Душъ», что, подъ опасеніемъ прослыть отсталымъ чело-

вѣкомъ, нельзя было не служить эхомъ хвастливому писателю. Другая причина: Гоголь самъ не задолго передъ издашемъ «Мертвыхъ Душъ» объяснилъ значеніе своихъ произведеній въ пьесѣ «Разъѣздъ»; третья причина: голосъ публики въ пользу Гоголя сталъ слишкомъ громокъ; четвертая причина—надежды на исправленіе Гоголя, поданныя нѣкоторыми мѣстами перваго тома «Мертвыхъ Душъ», гдѣ авторъ обѣщается представить добродѣтельнаго русскаго человѣка, добродѣтельную русскую дѣвицу, передъ которыми плохи покажутся всѣ добродѣтельные люди всѣхъ другихъ странъ—«наглосе невѣжество рыцаря безъ имени» предвидѣло въ этихъ обѣщаніяхъ сильную опасность для таланта Гоголя; а г. Шевыревъ получилъ надежду, что за легкомысленнымъ и пустынь первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» послѣдуютъ произведенія болѣе удовлетворительныя и серьезныя, и рѣшился ради этихъ слѣдующихъ благихъ дѣлъ похвалить и начало ихъ: во второй части Гоголь искупить односторонность перваго тома, докажетъ, что талантъ его неодностороненъ.

«Да не подумаютъ читатели, чтобъ мы признавали талантъ Гоголя одностороннимъ, способнымъ созерцать только отрицательную половину человѣческой и русской души. О, конечно, мы такъ не думаемъ. Если въ первомъ томѣ его поэмы мы видимъ русскую жизнь и русскаго человѣка по большей части отрицательною ихъ стороною, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полягаго объема всѣхъ сторонъ русской жизни. Онъ самъ обѣщаетъ намъ дагѣ представить «все несмѣтное богатство русскаго духа», и мы увѣрены заранѣе, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же и въ этой части онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ ярвяхъ замѣткахъ, брошенныхъ эпизодически, дагѣ намъ предчувствовать в другую сторону русской жизни, которую со временемъ развѣроетъ во всей полнотѣ ея».

Ради этихъ немногихъ отступленій и преимущественно ради этого бллагаго обѣщанія, прощаются пустота и легкомысліе перваго тома.—Какъ, развѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» не только одностороннее и фальшивое, но и пустое, легкомысленное произведеніе?—А вы думали, нѣтъ? Вотъ вамъ доказательство:

«Взгляните на вихорь: въ началѣ бури легко и низко проносится овъ сперва; взлетаетъ пыль и всякую дрянъ съ земли; перья, листья, доскитки летать вверхъ и выютъ,—в скоро весь воздухъ наполняется его своеобразнымъ вуженіемъ. Легокъ и незначителенъ кажется овъ сначала; но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы в страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя. Но вотъ налетѣли тучи. Сверкнула молнія. Громъ раскатился по вебу. Дождь хлывуль потоками. Земля и небо смѣшались виѣстѣ. Не такова ли будетъ вторая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ вамъ *лирическое теченіе*, горвзонть *раздающійся* и величавый громъ другихъ рѣчей?»

Кажется, ясно, что первая часть «Мертвыхъ Душъ», гдѣ нѣтъ «лирическаго теченія»—вихорь, который «легокъ и незначителенъ», который самъ по себѣ ничтоженъ и будетъ заслуживать нѣкотораго вниманія только тогда, когда «раздастся громъ другихъ рѣчей», иначе сказать, пустота прощается первой части «Мертвыхъ Душъ» только съ условіемъ и только въ надеждѣ, что вторая часть не будетъ нимало походить на первую.

«Прощается», сказали мы, первый томъ Гоголю, ради слѣдующихъ... да, именно прощается, потому что онъ былъ дѣйствительно преступлешемъ со стороны Гоголя. Вамъ угодно доказательство? Оно въ статьѣ г. Шевырева, написанной по поводу «Переписки съ Друзьями». Цѣль этой статьи—опровергнуть упреки, со всѣхъ сторонъ раздавшіеся противъ этой книги. Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ г. Шевыревъ оправдываетъ Гоголя. Болѣе страннаго оправданія никто никогда не читывалъ: всѣ главнѣйшіе упреки повторяетъ онъ отъ своего лица и думаетъ, что говорить похвалы Гоголю. А если вникнуть въ сущность статьи, то оказывается, что дѣло въ ней идетъ вовсе не о Гоголѣ, а собственно о самомъ г. Шевыревѣ. Не обращая никакого вниманія на истинный емыслъ словъ «Переписки», онъ старается только доказать ея справедливость различныхъ своихъ теорій, хотя и этого не достигаетъ, потому что, каковы бы ни были мнѣніи, запутавшія мысль Гоголя въ эпоху «Переписки съ Друзьями», но, во всякомъ случаѣ, они существенно различны отъ мнѣній г. Шевырева. Вѣдь очень сходныя слова имѣютъ различное значеніе, если произносятся по различнымъ побужденіямъ, если произносятся людьми различныхъ натуръ. «Я не доволенъ прежнею своею жизнью», говоритъ Фаустъ. «Я и не доволенъ прежнею твоею жизнью», говоритъ ему Вагнеръ. Согласитесь, что Фаустъ говоритъ вовсе не о томъ, о чемъ говоритъ Вагнеръ. Одинъ недоволенъ собою потому, что не столько пользы принесъ людямъ, сколько хотѣлъ бы; другой не доволенъ потому, что Фаустъ думалъ прежде о такомъ вздорѣ, какъ грубая жизнь глупаго—то есть неученаго—народа. Но какое намъ дѣло до Фауста и Вагнера? Мы хотѣли сказать, что насъ интересуетъ не то, что говорилъ г. Шевыревъ о «Перепискѣ съ Друзьями», а тѣ откровенности насчетъ его мнѣній о прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, на которыя даетъ ему отвагу «Переписка съ Друзьями». Въ разборѣ «Мертвыхъ Душъ» правда засыпана комплиментами; въ статьѣ по поводу «Переписки» она высказана безъ обиняковъ. Тамъ г. Шевыревъ имѣлъ передъ глазами «наглое невѣжество», которому противорѣчить страшно, голосу котораго подчиняются иногда мнѣніи самыхъ ученыхъ людей; здѣсь онъ былъ безопасенъ подъ покровомъ, на которомъ,—кривыми или прямыми буквами—не знаемъ, было написано: «вѣдь самъ Гоголь осуждаетъ свои прежнія сочиненія». Посмотримъ же, какъ онъ говорилъ въ это счастливое для откровенности время. Выписка длинна, но очень интересна и должна имѣть для читателя ту прелесть, что она послѣдняя выписка наша изъ статей г. Шевырева.—Гоголь дурно дѣлалъ, что писалъ сочиненія, подобныя «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», говоритъ г. Шевыревъ, и нельзя не считать ихъ важными проступками съ его стороны:

«Виновать ты, художникъ. Будь увѣренъ, что мы съунѣмъ оправдать тебя сами въ твоемъ комизмѣ и въ твоемъ хохотѣ, на сколько ты достоинъ и заслушиваешь оправданія, на сколько ты самъ остаешься неволенъ въ своемъ смѣхѣ, и на сколько въ немъ виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознайся въ томъ, что ты часто находилъ самоуслажденіе въ этомъ хохотѣ, черезъ мѣру заливался своимъ смѣхомъ, въ чемъ мы тебя и прежде попрекали, слишкомъ тѣшился своимъ даромъ смѣшить другихъ и забывалъ иногда о тѣхъ глубокихъ слезахъ, которыя тяготѣли у тебя на душѣ, и забвеніе которыхъ отнимало у твоего смѣха глубину и силу, и отзывался онъ тогда

чѣмъ-то пустымъ и даже приторнымъ. Отчего же, чуя въ собѣ другую, высшую сторону русскаго человѣка, не давалъ ты ей простора въ широкіхъ предѣлахъ твоей фантазіи? Отчего измѣнилъ другой, лучшей половинѣ своей мысли? Мы не обвинили бы тебя, если бы ты самъ не обвинилъ себя въ этомъ своими же оловами, которыя невольно сорвались съ пера твоего, какъ бы въ собственное твое обличіе: «мнѣ *хотѣлось попробовать*, говоришь ты, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его *попотчуютъ* его же *собственною пошлостью*». Въ искусствѣ никогда не должно *хотѣться пробовать*: искусство должно быть свободно отъ вѣявхъ преднамѣреній личности. Стало, ты не всегда смѣялся свободно и искренно, по призыву вдохновенія? И чѣмъ же захотѣлось тебѣ попотчивать русскаго человѣка?—его же пошлостью! Хорошо подчиванье, хорошо гостепріимство художника! Для того, чтобы лучше это выполнить, ты сталъ свою собственную дрянъ, какъ говоришь, наваливать на героев своихъ. Для тебя хорошо, если ты такимъ способомъ очистилъ душу свою, но хорошо ли для искусства, которое черезъ твою дрянъ могло впасть въ односторонность, особенно лишенное комическаго дара, принадлежащаго лицу твоему?»

«Но продолжать ли намъ свои обвиненія? Художникъ наказанъ двояко за злоупотребленіе своего дара въ одну сторону и за свои увлеченія. Если отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то, наоборотъ, отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути: между ними бездна. Когда вся пошлость дѣйствительной жизни поднята была хохотомъ въ міръ поэзіи, тогда хохотъ одолѣлъ все; я когда поэтъ захотѣлъ обратить глаза на другой міръ, на другую высокую сторону жизни, ему показалось страшно: онъ боялся уже за своихъ исполиновъ, чтобы они не пали передъ Собакевичами и Ноздревыми,—и пепель втораго тона «Мертвыхъ Душъ» былъ первымъ ему же наказаніемъ. Другое наказаніе въ той школѣ, которую онъ проявлялъ, самъ, конечно, не воображая, что она родится и выведетъ отъ него свою родословную. Смѣшно быть отцомъ дѣтей, которыхъ не знаешь и которыя навязываются къ тебѣ съ нѣжнымъ наименованіемъ папеньки... Гоголь самъ испугался той школы, которую нохотя проявлялъ, и въ этомъ испугѣ объявилъ прежнія созданія свои бесполезными». («Москв.» 1848 г. № 1, Критика, стр. 26—29).

Вотъ, что правда, съ тѣмъ нельзя не согласиться. Гоголь напрасно говорилъ, что подъ его смѣхомъ скрываются горькія слезы: смѣхъ его былъ безъ всякой глубины, отзывался чѣмъ-то пустымъ и приторнымъ. Онъ виноватъ не только передъ русскою жизнью, но и передъ искусствомъ, съ которымъ обращался эгоистически, наваливая на него свою дрянъ. Зато онъ и наказанъ: ему никогда не создать высокихъ произведеній искусства: «отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути».

Вотъ это мы называемъ прямою, вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, непреклонная чистота которыхъ только на время была возмущена восторгонъ неученой толпы и криками «наглаго невѣжества», восторженными криками «рыцаря безъ имени».—«Переписка съ друзьями» дала г. Шевыреву силу высказать то, что онъ давно ужъ думалъ о Гоголѣ; а свидѣтельство о томъ, какъ онъ думалъ о Гоголѣ, сохранено въ «Отечественныхъ Запискахъ». Однажды «Москвитянинъ» намекнулъ о томъ, что «Московский Наблюдатель», въ которомъ г. Шевыревъ былъ главнымъ критикомъ и вообще главнымъ лицомъ, первый оцѣнилъ Гоголя, и что статья, оцѣнившая Гоголя, была написана г. Шевырскимъ. На это «Отечественныя Записки» отвѣчали:

«Изъ журналовъ первый оцѣнилъ Гоголя «Телесвоя» (въ статьѣ «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», какъ мы говорили въ началѣ нашихъ «Очерковъ»), а совѣтъ не тотъ, другой московскій журналъ, который отказался принять

повѣсть Гоголя «Ночь» по причинѣ ея пошлости и тривіальности, и не тотъ именитый критикъ, который отказался писать о «Ревизорѣ», какъ опять о тривіальномъ и грязномъ произведеніи». («Отечественныя Записки», томъ XXV, Смѣсь, стр. 107).

Мы сдѣлали обзоръ мнѣній тѣхъ журналовъ, которые не хотѣли понимать Гоголя. Теперь переходимъ къ мнѣніямъ людей, которые понимали и цѣнили его.

Отрадно вспомнить, что первый оцѣнилъ Гоголя, первый заговорилъ о немъ печатно тотъ самый человѣкъ, который до Гоголя былъ величайшимъ изъ нашихъ писателей. Радужнымъ привѣтомъ встрѣтилъ, благословеніемъ своимъ напутствовалъ Пушкинъ двадцатилѣтняго одинокаго юношу, который сдѣлался преемникомъ его славы. И не только какъ писатель писателя встрѣтилъ и ободрилъ онъ его, и какъ человѣкъ для человѣка сдѣлалъ онъ для него все, что могъ. Радостно и тепло становится душѣ при подобныхъ воспоминаніяхъ.

Вотъ первая статья изъ всѣхъ явившихся о Гоголѣ въ русскихъ періодическихкихъ изданіяхъ. Она прислана была Пушкинымъ въ «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», и напечатана въ этой газетѣ въ 79 номерѣ 1831 года.

«Сейчасъ прочелъ *«Вечера близъ Диканьки»*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстани какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *«Вечера»*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальѣйшихъ успѣховъ».

«Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на непримѣніе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les ridicules нашей словесности, людей, толвующихъ вѣчно о прекрасныхъ чтивательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковского».

Какою душевною радостью о новомъ необыкновенномъ талантѣ проникнута эта статья! И какъ въ ней много сказано, несмотря на ея краткость! И какъ вѣрно и мѣтко все въ ней сказанное! Не укрылась отъ Пушкина и та грусть, которая послѣ стала существеннѣйшею чертою гоголевскихъ созданій, но которая такъ немногими замѣчается въ его первыхъ, еще такъ ярко озаренныхъ радостью жизни произведеніяхъ.

Другую статью о Гоголѣ, помѣщенную въ первой книжкѣ пушкинскаго «Современника», мы уже привели въ предъидущей нашей статьѣ.

По смерти Пушкина, друзья его продолжали быть и друзьями Гоголя, какъ человѣка, и почитателями его таланта. Изъ этихъ людей, двое, князь Вяземскій и г. Плетневъ, были журналистами, и оба они очень вѣрно понимали произведенія Гоголя. Все написанное ими о немъ принадлежитъ къ числу лучшаго, что только было написано о Гоголѣ.

Князь Вяземскій занимаетъ нынѣ такое высокое положеніе, что мы отважились бы на характеристику его критической дѣятельности только въ такомъ случаѣ, еслибъ обязанность историка требовала обнаружить въ ней какіи нибудь ошибки. Читатели поймутъ чувство, которое заставляетъ васъ уклониться отъ полной характеристики критической дѣятельности этого писателя и ограничиться замѣчаемъ, что онъ былъ достойный сподвижникъ Пушкина, достойный другъ Жуковского, Пушкина и Гоголя.

Потому мы просто безъ всякихъ эпитетовъ представимъ только краткое извлеченіе изъ статьи князя Вяземскаго о «Ревизорѣ». Она помѣщена въ пушкинскомъ «Современникѣ». Да и это мы дѣлаемъ только потому, что статья князя Вяземскаго слишкомъ важный фактъ въ исторіи распространенія справедливыхъ сужденій о Гоголѣ.

Разборъ этотъ начинается замѣчаніями о томъ, что въ нашей литературѣ рѣдки «событія», рѣдки книги, заслуживающія вниманія, возбуждающія интересъ въ публикѣ—«Ревизоръ»—такое событіе; это первая русская комедія, какая появилась со времени «Горя отъ Ума». Блистательный успѣхъ его на сценѣ доказалъ то. Въ чтеніи комедіи Гоголя доставляетъ едва ли не болѣе наслажденія, нежели даже на сценѣ, какъ и всегда бываетъ, когда пьеса написана съ умомъ и талантомъ, съ заботою не столько о сценическихъ эффектахъ, сколько объ истинномъ комизмѣ. Но какъ ни блистателенъ успѣхъ «Ревизора», эта комедія подверглась нѣкоторымъ оговоркамъ и осужденіямъ. Они могутъ быть раздѣлены на три разряда: замѣчанія литературныя, нравственныя и общественныя.

Нѣкоторые говорятъ, что «Ревизоръ» не комедія, а фарсъ. Дѣло не въ названіи: можно написать гениальный фарсъ, и пошлую комедію. Къ тому же, въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одной сцены въ родѣ «Свапнновыхъ обмановъ», «Доктора по Неволѣ», «Пурсовьяка» или расиповыхъ *Les Plaideurs*; нѣтъ нигдѣ вымышленной карикатуры, переодѣвній. За исключеніемъ паденія Бобчанскаго, нѣтъ ни одной минуты, сбивающейся на фарсъ. Въ «Ревизорѣ» есть карикатурная природа,—это дѣло другое. Въ природѣ яо все изычно; но въ подражаніи природѣ пснающей можетъ быть изычность въ художественномъ отношеніи. Смотрите на картины Тевьера, ва корову Поль Потера ¹⁾ в спросите послѣ: какъ могло возвышенное искусство посвятить кисть свою па подобные предметы?.. Говорятъ, что языкъ (комедіи Гоголя) низокъ. Высокое и низкое высоко в низко по сравненію в отношеніи: низкое, когда оно на мѣстѣ, не низко,—оно въ пору и въ мѣру... Ваши требованія доказываютъ, что вы придерживаетесь традицій классическаго вѣка... это въ глазахъ нашихъ не бездѣлица, вопреки мѣтнію тѣхъ, которые ставятъ ни во что аристократическія традиціи гостинныхъ вѣка Людовика XIV или Екатерины II. Но именно по сей же самой терпимости, которую мы исповѣдуемъ какъ законъ истинной образованности... мы въ искусствѣ любимъ просторъ. Мы полагаемъ, что гдѣ есть природа и истина, тамъ вездѣ можетъ быть и изычное подражаніе оной. А тамъ уже дѣло вкуса, или, правильнѣе, вкусовъ, избирать любое для подражанія и въ подражаніяхъ. Между тѣмъ, но извинимъ будетъ замѣтить, что фонъ-Визинъ читалъ своего «Бригадира» и своего «Недоросля» при просвѣщенномъ в великолѣпномъ дворѣ Екатерины II.—Такъ; во въ этихъ комедіяхъ встрѣчаются Добролюбовы, Стародумы, Милоны, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одного Добролюбова,

¹⁾ Критикъ говоритъ о знаменитой картинѣ Поля Потера «*Vache qui pisse*», составляющей одно изъ драгоценнѣйшихъ украшеній Эрмитажа.

хоть для примѣра».—Согласны, но вотъ маленькая оговорка: когда играли «Недоросля» при Императрицѣ, то немилосердно сокращали благородныя роли Стародума и Милона, потому что онѣ скучны и неумѣстны; сохранялись же въ неотъемлемой цѣлости нивкѣ роли Скотинина, Простаковыхъ, Кутейкина. При однихъ добродѣтельныхъ лицахъ своихъ, Фовъ-Вивавъ остался бы незамѣченнымъ писателемъ, ис читалъ бы своихъ комедій Екатеринѣ Великой и не былъ бы и по вынѣ типомъ русской комической оригинальности. Вывали его къ бесиертию лица, которыя не выражаютъ ни одного благороднаго чувства, ни одной свѣтлой мысли, ни одного въ человѣческомъ отношеніи отрадвато слова. А не въ отсутствіи ли всего этого обвиняете вы лица, представленныя г. Гоголемъ?»

«Другіе говорятъ... что коренная основа «Ревизора» неправдоподобна, что городничій не могъ такъ легковѣрно вдаваться въ обманы, а долженъ былъ потребовать дорожную и проч. Конечно, такъ,—во авторъ въ этомъ случаѣ помнилъ болѣе психологическую пословицу, чѣмъ полицейскій порядокъ, и для комика, кажется, не ошибся. Овъ помнилъ, что у *страха глаза велики*. Къ тону же, и минуя пословицу, въ самой сущности дала нѣтъ ни малѣйшаго насилія правдоподобію. Извѣстно, что ревизоръ пріѣдетъ инкогнито, слѣдовательно, можетъ пріѣхать подъ чужимъ именемъ. Извѣстіе о пребываніи въ гостевывцѣ невзвѣстнаго челоѣка падаетъ на городничаго и сотоварищей его въ критическую минуту паническаго страха, по прочтеніи роковаго пвсьма. Далѣе, почему не думать городничему, что у Хлестакова двѣ дорожныя, два вида, изъ конхъ настоящей будетъ предъявленъ, когда нужно? Тутъ нѣтъ никакой натяжки, все натурально... Въ одной изъ нашихъ губерній былъ, дѣйствительно, случай, подобный описанному въ «Ревизорѣ»: по сходству фамиліи, приняли одного молодого пріѣзжаго за извѣстнаго государственнаго чиновника. Все городское начальство насуетилось и пріѣхало къ молодому челоѣку *являться*. Не знаемъ, случилась ли ему тогда нужда въ деньгахъ, какъ проигравшемуся Хлестакову, но вѣроятно нашлись бы заимодавцы. Все это въ порядкѣ вещей, не только въ порядкѣ комедіи».

Нѣкоторые критики—продолжаетъ защитникъ Гоголя—не довольны простонародностью языка въ «Ревизорѣ», не понимая, что выведенныя лица не могутъ говорить другимъ языкомъ. Они находятъ у Гоголя слова, по ихъ мнѣнію, неупотребительныя въ высшемъ обществѣ. Это показываетъ только, что подобные «жеманные словоловы» стараются показаться людьми хорошаго тона, котораго не знаютъ: хорошій тонъ состоитъ въ непринужденности, натуральности, и лучшее общество доказываетъ, что вовсе не оскорбляется естественностью языка въ «Ревизорѣ»: «лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столахъ работы Гамбса».

«Говорить, что «Ревизоръ»—комедія безнравственная, потому что въ ней выведены одни пороки и глупости людскія, что уму и сердцу не на комъ отдохнуть отъ негодованія и отвращенія; нѣтъ свѣтлой стороны челоѣчества для примиренія зрителей съ челоѣчествомъ, для назиданія ихъ... Мы признаемъ безнравственнымъ сочиненіемъ только то, которое вводитъ въ соблазнъ и въ искушеніе. Безпристрастное наложеше самаго соблазна не можетъ быть безнравственно. Авторъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ Провидѣнію, допускаетъ зло, предоставляя волѣ и совѣсти читателя и зрителя пользоваться представленнымъ урокомъ по своимъ чувствамъ и правиламъ. Не должно забывать, что есть литература взрослыхъ людей и литература малолѣтнихъ: конечно, между людьми взрослыми бываютъ и такіе, которые любятъ до старости быть подл указкою учителя; говорите имъ внятно: вотъ это дѣлайте! а того не дѣлайте, за это скажутъ вамъ: «пай, дитя», поглядать по головѣ и дадутъ сахарцу! за другое: дитя», выдерутъ за ухо и поставятъ въ уголъ. Но какъ же требовать, ч... — художникъ посвятилъ себя на должность школьнаго учителя или дядьк

честные люди въ комедіи, если они не входили въ планъ комическаго писателя? Жи-вописецъ представилъ вамъ сцену разбойниковъ; вамъ этого недовольно: для нравственной симметріи, вы требуете, чтобы на первомъ же планѣ былъ изображенъ чело-вѣкъ, который отдаетъ полный кошелекъ свой нищему, иначе зрѣлище слишкомъ при-скорбно и тяжело дѣйствуетъ на нервы ваши. Вы и въ театрѣ не можете просадить двухъ часовъ безъ того, чтобы не явился ванъ хотя одинъ честный челоувѣкъ, одинъ герой добродѣтели,—именно герой: ибо въ представленіи просто добраго челоувѣка не было бы никакой цѣли: нѣтъ, нужна сопротивная сила для отпора и сокрушенія по-рочныхъ,—однимъ словомъ *«барыня требуетъ весь туалетъ!»* Да помилуйте! въ жизни и въ свѣтѣ не два часа просидишь иногда бевъ благороднаго, утѣшительнаго сочувствія. Кто изъ зрителей «Ревизора» пожелалъ бы быть Хлестаковымъ, Земляникомъ или даже в невинными Петрами Ивановичами Добчинскимъ и Бобчинскимъ? Вѣрно. никто! Слѣдовательно, въ дѣйствіи, производимомъ комедіею, нѣтъ ничего безнравствен-наго,—можетъ быть впечатлѣніе неприятое, какъ во всякой сатирѣ, изображающей недуги общества, это дѣло другое. Но это неприятое дѣйствіе умѣрено смѣхомъ. Слѣ-довательно, условія искусства выдержаны, возникъ правъ.

«Сущность общественныхъ замѣчаній сбивается во многомъ на вышвыривенныя замѣчанія. Говорить, что эта комедія поколѣтъ на русское общество, перебиваютъ въ Зябловскомъ и Арсеньевѣ всѣ уклады великороссійскихъ, малороссійскихъ, западныхъ и восточныхъ губерній и заключаютъ. что такого города нѣтъ въ вѣ государствѣ. Да есть ли на бѣломъ свѣтѣ люди, похожіе на тѣхъ, которые выведены въ вонедіи? Безспорно, есть! Довольно этого».

И возможно ли упрекать Гоголя въ томъ, что онъ употребляетъ слишкомъ черныя краски? Въ «Ябедѣ» Капниста злоупотребленіи изображаются гораздо безпощаднѣйшимъ языкомъ.

«Всѣ возможныя сатурналии и вакханалии Фемиды, во всей ~~паготѣ~~ паготѣ, во всемъ безчинствѣ своемъ раскрываются тутъ на сценѣ гласно и торжественно. Гражданская палата засѣдаетъ, слушаетъ и судитъ дѣла въ той же комнатѣ, гдѣ за нѣсколько ча-совъ передъ тѣмъ бушевала оргія; вчерашнія бутылки валяются подъ приѣздившимъ столомъ, прикрытымъ краснымъ сукномъ, которое, по мѣвшію повычка,

множество привыкло прикрывать

И не такихъ грѣховъ!

«Деньги тутъ даются не въ займы, а въ явный подкупъ. Предсѣдатель граждан-ской палаты, члены, прокуроръ поютъ хоромъ:

Бери,—большой тутъ нѣтъ науки,—

Бери, что только можно взять!

На что-жъ привѣшаны намъ руки,

Какъ же на то, чтобъ брать, брать, брать?»

Конечно (продолжаетъ критикъ) и тогда находились многіе, называвшіе комедію Капниста клеветою на общество. какъ нынѣ говорить то же о комедіи Гоголя. По благородныя чувства поэта были оцѣнены Императоромъ Павломъ Петровичемъ, который разрѣшилъ посвятить пьесу Капниста своему имени. Разборъ заключается прекрасными словами:

«Конечно, чувство патристической щекотливости благородно: народное достоин-ство есть святиня, оскорбляющаяся малѣйшемъ прикосновеніемъ. Но при этихъ чув-ствахъ не должно быть одностороннимъ яъ понятіяхъ своихъ. При излишней щекотли-вости вы стѣсняете талантъ и искусство, стѣсняете самое нравственное дѣйствіе благо-намѣренной литературы. Комедія, сатира, романъ нравовъ исключаются изъ нея при

допущеніа подобнаго чувства въ безусловное в непреложное правило. Послеъ того ви одно злоупотребленіе ве можетъ подлежать висти или клеиму писателя, ви одвѣъ писатель не можетъ быть *по жртѣ силъ споспѣшникомъ* общаго блага, по выраженію Капниста ¹⁾. Личность, яваніе, національность, а наконецъ и человѣчество будутъ ограждать злоупотребителей опасеніемъ нарушить уликою въ злоупотребленіи уваженіе къ тому, что подъ нимъ скрывается достойнаго уваженіа я вепривосновемаго. Но міръ нравственный и міръ гражданскій имѣетъ свои противорѣчіа, свои прискорбныя уклоненія отъ законовъ общаго благоустройства. Совершенство—цѣль недостижная; но совершенствованіе есть, не менѣе того, обязанность и свойство природы человѣческой. Говорить, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умаго человѣка; ве правда: уменъ авторъ. Говорить, что въ вомвдѣв Гоголя ве видно ни одного честваго в благомыслящаго лица; ве правда: честное в благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражаая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки. Въ 1783 году ово допустило представленіа «Недоросля», въ 1799—«Ябеды», а въ 1836—«Ревизора».

И, можно прибавить теперь, въ 1842 году—печатаніе первой, а въ 1855 году—второй части «Мертвыхъ Душъ».

Благородна ли эта статья, справедлива ли она, давно уже рѣшено и публикою и признано лучшимъ нашимъ критивомъ, который очень часто на нее ссылался.

Мы не будемъ также говорить подробно о критической дѣятельности г. Плетнева. Опять скажемъ только, что его имя неразрывно связано съ именами Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Припомнимъ еще, что «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» изданы были по совѣту г. Плетнева, да и самое заглавіе этой книгѣ дано по его же совѣту. (Біографіи Пушкина, г. Анненкова, въ I томѣ «Сочиненій А. С. Пушкина», стр. 366). Считаая неловкимъ говорить о г. Плетневѣ болѣе, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ—также безъ всякихъ эштетовъ—извлеченіе изъ статьи о «Мертвыхъ Душахъ», которую онъ, подъ псевдонимомъ С. Ш., напечаталъ въ XXVII томѣ издаваемаго тогда имъ «Современника».

Цѣль этого разбора: такъ же, какъ статьи князя Вяземскаго о «Ревизорѣ»—доказать нелѣпость обвиненій и упрековъ противъ Гоголя. Критикъ сначала объясняетъ, почему произведеніи Гоголя въ художественномъ смыслѣ неизмѣримо выше всего остальнаго въ тогдашней русской литературѣ: они—созданія живаго, геніальнаго творчества. Сюжестъ «Мертвыхъ Душъ» немного-сложевъ и превосходно развитъ. Жизнь и характеры изображены съ поразительною живостью, съ изумительною полнотою, въ высшей степени объективно. Въ самыхъ спокойныхъ сценахъ обнаруживааетъ авторъ геніальную проницательность, знаніе жизни и человѣческаго сердца, обнаруживааетъ безъ всякихъ усилій, самымъ неприпужденнымъ п естественнымъ образомъ. Это доказывается примѣрами, между прочимъ разговоромъ Чичикова съ Коробочкою (эта сцена, вовсе неблистательная для поверхностнаго читателя, дѣйствительно, принадле-

¹⁾ Слова Капниста изъ посвященія «Ябеды» Императору Павлу I:

Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ.
Но, бывъ по жртѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ.
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзая.
Да Имемъ Твоимъ успѣхъ его вначалу.

жить къ числу самыхъ геніальныхъ въ художественномъ отношеніи). Гоголь не только не впадаетъ въ каррикатуру или фарсъ: онъ даже не намѣренъ ни одного слова сказать съ тѣмъ, чтобы разсмѣшить васъ. Онъ заботится только о вѣрности съ жизнью, объ истинѣ; а если эта жизнь кажется вамъ нелѣпа и смѣшна, это уже ея качество, а не его намѣреніе. И ошибочно было бы думать, что сильнѣйшее впечатлѣніе, производимое «Мертвыми Душами» — смѣхъ: напротивъ это книга очень серьезная и грустная. Всѣ лица въ ней живыя, всѣ имѣютъ глубокій смыслъ для того, кто хочетъ постичь нашу жизнь. При этомъ г. Плетневъ, по нашему мнѣнію, очень справедливо и тонко, замѣчаетъ, что типы Манилова и Плюшкина нѣсколько уступаютъ въ значеніи для нашей жизни остальнымъ лицамъ «Мертвыхъ Душъ», хотя и они очень важны. Тѣсная связь съ жизнью, серьезное значеніе для жизни — высочайшее качество художественнаго сознанія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ нашей литературѣ ничего равнаго «Мертвымъ Душамъ». Однако же, хотя и нѣтъ ничего имъ равнаго, «Мертвыя Души» не совсѣмъ удовлетворяютъ критика въ этомъ существеннѣйшемъ смыслѣ — мысль чрезвычайно замѣчательная; мы просимъ читателей обратить на нее особенное вниманіе и, выписывая вполнѣ все это мѣсто изъ разбора г. Плетнева, не можемъ желать лучшаго, болѣе вѣрнаго и значительнаго заключенія для нашей статьи:

«При всѣхъ достоинствахъ, поэма, конечно, поразитъ каждого недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ вашей жизни — серьезнаго общественнаго интереса. Я не умѣю придумать другаго названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которое, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаетъ имъ цѣнность общую и вводитъ ихъ въ сокровищницу съ интересами другихъ народовъ. Самые поразительныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художественнаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ, за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Это все нисколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такта, привывнувшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легко поднимающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣлывается подъ какой нибудь извѣстный ему тонъ и, такимъ образомъ, все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло дать ему само. Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя ваша общечеловѣчность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ, самыхъ великихъ писателей русскихъ, степень развитія общественныхъ интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ. («Соврем.» 1842 г., часть XXVII, стр. 55—56).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надждинъ.

Въ критическихъ статьяхъ, или, лучше сказать, замѣчаніяхъ Пушкина (замѣчаніяхъ, говоримъ мы, потому что его рецензіи почти всѣ очень невелики по объему и набросаны, кажется, наскоро, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія) почти всегда блещетъ тонкій и вѣрный вкусъ нашего великаго поэта. Иначе и быть не могло, какъ ни важно участіе бессознательной творческой силы въ созданіи поэтическихъ произведеній, какъ ни достовѣрна всѣми нынѣ признаваемая истина, что безъ этого элемента непосредственности, составляющей существеннѣйшее качество таланта, невозможно быть не только великимъ, но и порядочнымъ поэтомъ,—но равно достовѣрно и то, что, при самомъ сильномъ дарѣ бессознательнаго творчества, поэтъ не создастъ ничего великаго, если не одаренъ также замѣчательнымъ умомъ, сильнымъ здравымъ смысломъ и тонкимъ вкусомъ. То же самое, что о критическихъ статьяхъ Пушкина, надобно сказать и о журнальной дѣятельности людей, составившихъ его литературную партію. Всѣ эти дѣятели нашей критики отличались, подобно своему корифею, тонкимъ вкусомъ, какъ и вообще походили на него многими прекрасными чертами своего литературнаго характера,—напримѣръ, готовностью съ великодушнымъ благородствомъ отдавать каждому должное. Такимъ образомъ, Пушкинъ и его сподвижники обладали многими изъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы оказывать сильное вліяніе на мнѣнія читающей публики,—и, однако же, ихъ мнѣнія имѣли и на публику и на развитие литературы менѣе вліянія, нежели какъ должно было бы ожидать: и большинство читателей и новое поколѣніе писателей поддавались преимущественно вліянію другихъ литературныхъ мнѣшій. Каковы были эти мнѣнія, мы старались показать подробными характеристиками критическихъ направленій, которыя преобладали въ нашей литературѣ до той эпохи, когда приобрѣла въ ней рѣшительное господство критика «Отеч. Записокъ», или усиливались бороться противъ литературныхъ мнѣній этого журнала. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Пушкинъ и его сподвижники высказывали очень много вѣрнаго и прекраснаго. Почему жъ ихъ мнѣнія не имѣли болѣе значительнаго вліянія на литературу и массу публики? Отвѣтъ готовъ у каждого читателя: ~~они были~~

бышій органъ пушкинскаго направленія критики, не проникалъ въ массу публики, какъ не проникала въ публику и «Литературная Газета» Дельвига, предшествовавшая этому журналу, «Современнику» 1836—1846 годовъ. Подробное объясненіе этого явленія, принадлежащее исторіи пушкинскаго періода русской литературы, лежитъ въ предѣлахъ нашей задачи. Потому изъ многихъ причинъ малоизвѣстности кратко укажемъ только одну, спеціально касающуюся формальной стороны пушкинскаго направленія критики: указывать причины, лежащія въ самомъ содержаніи, въ самомъ духѣ этой критики, мы не будемъ, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Для распространенія въ публикѣ какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ простыхъ и справедливыхъ, мнѣній необходимо высказывать ихъ очень настойчиво, упорно, съ энтузіазмомъ страстнаго увлеченія, не утомляющагося скучными для самого критика, но нужными для массы повтореніями, не пренебрегающаго подробнымъ разборомъ книгъ и сужденій, которыя важны только по своему внѣшнему значенію—по вліянію на публику, а не по внутреннему интересу для искусства, наконецъ не отвращающагося, ради интересовъ публики, даже отъ споровъ съ людьми, вступать въ споръ съ которыми вовсе не пріятно и не почетно. Однимъ словомъ, критическая дѣятельность, подобно всякой другой общественной дѣятельности, имѣетъ много сторонъ, тѣмъ болѣе полезныхъ для публики, чѣмъ непріятнѣе онѣ для самого дѣятеля. Критикъ, который хочетъ говорить только о томъ, о чемъ интересно говорить для него самого, который хочетъ сохранить въ своей дѣятельности столько же гордаго спокойствія въ достоинства, сколько сохраняетъ поэтъ или ученый,—такой критикъ пишегъ для немногихъ; Пушкинъ и его литературные друзья знали это; дѣйствуя на поприщѣ критики, они и не хотѣли подчиняться условіямъ, несомнѣстимымъ съ цихъ понятіями о собственномъ достоинствѣ; они знали, что чрезъ это отказываются отъ средствъ достигъ господства надъ массою публики,—да они и не стремились къ такому господству: они поставили себѣ цѣлью довольствоваться спокойнымъ сочувствіемъ немногихъ читателей, которыхъ считали избранными, и гордо думали, что качества ихъ слушателей вознаграждаютъ за количество. Это было положительно ими высказываемо много разъ. Ограничиваемся указаніемъ этого принципа ихъ критической дѣятельности, потому что и его было бы достаточно для объясненія незначительности ея вліянія на публику, если бы даже не было другихъ причинъ, еще болѣе важныхъ, разборъ которыхъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашей задачи.

Такимъ образомъ, несмотря на многія несомнѣнные достоинства критики пушкинскаго направленія, она не имѣла обширнаго вліяніи,—отчасти, какъ мы сказали, оттого, что и не хотѣла имѣть его. Кто вздумалъ бы писать исторію развитія литературныхъ мнѣній не въ русскомъ обществѣ, а въ кругу дилетантовъ, довольствовавшемся замкнутою для остальной массы публики жизнью, тотъ нашелъ бы много матеріаловъ для свѣтлаго изображенія критической дѣятельности этого тѣснаго избраннаго круга,—нашелъ бы, что многія истины, введеніе которыхъ въ сознаніе большинства совершенно (другими людьми) только послѣ жестокой борьбы, всегда признавались школою Пушкина. Насъ теперь занимаетъ другая задача: собрать матеріалы для исторіи распространенія справедливыхъ литературныхъ идей въ массѣ публики. Потому, ограничиваясь

тѣмън краткими указаніями на характеръ критики пушкинскаго направленія, которыя нашли себѣ мѣсто въ началѣ этой и въ концѣ предъидущей нашей статьи, мы должны обратить все наше вниманіе на тотъ журналъ, который былъ распространителемъ господствующихъ нынѣ литературныхъ понятій въ огромномъ большинствѣ публики, и на его достойныхъ предшественниковъ.

Читателямъ извѣстно, что эта заслуга принадлежитъ критикѣ, которая, образовавшись въ «Телескопѣ» и явившись совершенно самостоятельно въ

Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи (1838—1839), достигла полного своего развитія въ «Отечественныхъ Запискахъ», бывшихъ ея органомъ втеченіе семи лѣтъ (1840—1846 г.), и потомъ около года одушевляла нашъ журналъ. Итакъ, показавъ ея зародыши въ «Телескопѣ», предшественниками котораго были статьи Надоумко (покойнаго Н. И. Надеждина) въ «Вѣстникѣ Европы», вторую эпоху ея развитія въ «Московскомъ Наблюдателѣ», мы должны будемъ говорить преимущественно объ «Отечественныхъ Запискахъ».

Читателямъ извѣстно, что отношенія между «Отечественными Записками» и нашимъ журналомъ были не всегда дружелюбны, или вѣрнѣе сказать, почти всегда недружелюбны; они также знаютъ, которому журналу принадлежала постоянно роль наступательная и которому оборонительная. Но читатели, конечно, должны ожидать, что въ томъ отдѣлѣ «Очерковъ», къ которому мы теперь приступаемъ, не найдутъ они ни малѣйшаго отголоска этихъ отношеній. Мы пишемъ исторію не журнальной полемики, а литературныхъ мнѣній; слѣдовательно совершенно неумѣстно обращать здѣсь вниманіе на то, что происходило отъ причинъ чисто вѣшнихъ и случайныхъ. Притомъ же, мы не имѣемъ не только охоты, но и хронологической возможности обращать здѣсь какое бы то ни было вниманіе на эту полемику, относящуюся къ позднѣйшему времени: мы ограничиваемся теперь, какъ сказали, блестящею эпохою «Отечественныхъ Записокъ», когда въ этомъ журналѣ дѣйствовали всѣ тѣ люди, которые отдѣлились отъ него при основаніи нашего журнала. Послѣ 1847 года русская критика вообще замѣтно ослабѣла: она уже не шла впереди общественнаго мнѣнія,—она была счастлива, если успѣвала быть хотя позднимъ и хотя слабымъ отголоскомъ его; иногда и это счастье не доставалось ей на долю; она не имѣла вліянія, она сама подверглась вліянію: оттого вовсе не имѣетъ той важности для исторіи литературы, какъ предшествовавшая ей критика 1840—1847 годовъ, которая одна доселѣ сохранила свою жизненность. Вообще, въ критикѣ послѣднихъ лѣтъ только то и было здороваго, что сохранилось отъ прежней критики. Всѣ остальные направленія были тунейными, пустоцвѣтными растеніями. Потому одна критика 1840—1847 годовъ заслуживаетъ нашего вниманія, она одна достойна того, чтобы называться «критикою гоголевскаго періода нашей литературы»: пусть же, за отсутствіемъ собственнаго имени, это названіе будетъ для нея собственнымъ именемъ.

Литературныя стремленія, одушевлявшія критику 1840—1847 годовъ, или, какъ мы согласились называть, критику гоголевскаго періода, кажутся намъ, какъ и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ настоящаго времени, вполне справедливыми; мы всѣ привязаны къ ней горячею любовью преданныхъ и благодарныхъ учениковъ. И если у каждаго изъ насъ есть предметы, столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя:

холодность и спокойствіе, старается избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, — если, говоримъ мы, у каждого изъ насъ есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода занннаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ самимъ Гоголемъ. Каждый любящій свою литературу и слѣдившій за ея развитіемъ признаетъ, что это «мы» относится и къ нему. Потому-то будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ, намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ ничто не выражающее всей полноты чувства.

Много было достоинствъ у критики гоголевскаго періода; но всѣ они пріобрѣтали жизнь, смыслъ и силу отъ одной одушевлявшей ихъ страсти — отъ пламеннаго патріотизма. Какъ всѣ высокія слова, какъ любовь, добродѣтель, слава, истина, слово патріотизмъ иногда употребляется во зло непонимающими его людьми для обозначенія вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ патріотизмомъ; потому, употребляя священное слово «патріотизмъ» часто бываетъ необходимо опредѣлять, что именно мы хотимъ разумѣть подъ нимъ. Для насъ идеалъ патріота — Петръ Великій; высочайшій патріотизмъ — страстное, безпредѣльное желаніе блага родинѣ, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю дѣятельность этого великаго человѣка. Понимая патріотизмъ въ этомъ единственномъ истинномъ смыслѣ, мы замѣчаемъ, что судьба Россіи въ отношеніи къ душевнымъ чувствамъ, руководившимъ дѣятельностью людей, которыми наша родина можетъ гордиться, доселѣ отличалась отъ того, что представляетъ исторія многихъ другихъ странъ. Многіе изъ великихъ людей Германіи, Франціи, Англіи заслуживаютъ свою славу, стремясь къ цѣлямъ, не имѣющимъ прямой связи съ благомъ ихъ родины; напримѣръ (чтобы ограничиться сферою дѣятельности, доступной частнымъ людямъ), многіе изъ величайшихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому искусству, а не какимъ нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, нынѣ Гунбольтъ и Либихъ, Кювье и Фареде трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага извѣстной страны, бывшей ихъ родиною. Мы не знаемъ и не спрашиваемъ себя, любили ли они родину: такъ далеко ихъ слава отъ связи съ патріотическими заслугами. Они, какъ дѣятели умственнаго міра, космополиты. То же надобно сказать о многихъ великихъ поэтахъ западной Европы. Укажемъ въ примѣръ на величайшаго изъ нихъ — Шекспира. Неизмѣримо велики его заслуги для развитія чистаго искусства: по своему художественному совершенству и психологическому глубокомыслію, его произведенія имѣли огромное и благотворное дѣйствіе на судьбу искусства и, чрезъ то, косвеннымъ образомъ, вообще на развитіе человѣчества, — и въ Англіи конечно, какъ въ Германіи, Франціи, Россіи. Но что хотѣлъ онъ сдѣлать специально для современной ему Англіи? Въ какомъ отношеніи былъ онъ къ вопросамъ ея тогдашней исторической жизни? Онъ, какъ поэтъ, не думалъ объ этомъ: онъ служилъ искусству, а не родинѣ; не патріотическія стремленія, а только художественно-

психологическіе вопросы были двинуты впередъ Макбетомъ и Лиромъ, Ромео и Отелло. Изъ другихъ великихъ поэтовъ о многихъ надобно сказать то же самое. Назовемъ Аріосто, Корнеля, Гете. О художественныхъ заслугахъ передъ искусствомъ, а не особенныхъ, преимущественныхъ стремленій дѣйствовать во благо родины, напоминаютъ ихъ имена. У насъ не то: историческое значеніе каждаго русскаго великаго человѣка измѣряется его заслугами родинѣ, его человѣческое достоинство—силою его патріотизма. Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ, справедливо считаются великими писателями,—но почему? «Потому что оказали великія услуги просвѣщенію или эстетическому воспитанію своего народа». Ломоносовъ страстно любилъ науку, но думалъ и заботился исключительно о томъ, что нужно было для блага его родины. Онъ хотѣлъ служить не чистой наукѣ, а только отечеству. Державинъ даже считалъ себя имѣющимъ право на уваженіе не столько за поэтическую дѣятельность, сколько за благія свои стремленія въ государственной службѣ. Да и въ своей поэзіи что цѣнилъ онъ? Служеніе на пользу общую. То же думалъ и Пушкинъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить, какъ они видоизмѣняютъ существенную мысль гераниевой оды «Памятникъ», выставя свои права на бессмертіе. Гораций говоритъ: «я считаю себя достойнымъ славы за то, что хорошо писалъ стихи»; Державинъ замѣчаетъ это другимъ: «я считаю себя достойнымъ славы за то, что говорилъ правду и народу и царямъ»; Пушкинъ—«за то, что я благотѣльно дѣйствовалъ на общество и защищалъ страдальцевъ»:

Всякъ будетъ помнить то,
Что первый я дерзнулъ...
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить...
И истину царямъ съ улыбкой говорить. (Д.)

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ. (П.)

Но ни въ комъ изъ нашихъ великихъ писателей не выражалось такъ живо и ясно сознаніе своего патріотическаго значенія, какъ въ Гоголѣ. Онъ прямо себя считалъ человѣкомъ, призваннымъ служить не искусству, а отечеству, онъ думалъ о себѣ:

«Я не поэтъ, я гражданинъ».

Невозможно, чтобы наши великіе поэты ошибались въ этой мысли о своемъ призваніи и дѣятельности, которая руководила всѣми ими. Невозможно, чтобы все отечество ошибалось впечатленіе слишкомъ ста лѣтъ, о каждомъ изъ своихъ замѣчательныхъ писателей, ученыхъ и поэтовъ одинаково говоря: «онъ великъ потому, что дѣятельность его была направлена къ общей пользѣ». Дѣйствительно, до сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки—содѣйствіе распространенія ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ

народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но, пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое къ сердцу—содѣйствіе, по нѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины. Русскій, у кого есть здравый умъ и живое сердце, до сихъ поръ не могъ и не можетъ быть ничѣмъ пниымъ, какъ патриотомъ, въ смыслѣ Петра Великаго,—дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли. Всѣ остальные интересы его дѣятельности—служеніе чистой наукѣ, если онъ ученый, чистому искусству, если онъ художникъ, даже идеѣ общечеловѣческой правды, если онъ юристъ—подчиняются у русскаго ученаго, художника, юриста великой идеѣ служенія на пользу своего отечества.

Въ этомъ смыслѣ, немного найдется въ нашей литературной исторіи явленій, вызванныхъ такимъ чистымъ патриотизмомъ, какъ критика гоголевскаго періода. Любовь къ благу родины была единственною страстью, которая руководила ею: каждый фактъ искусства цѣнила она по мѣрѣ того, какое значеніе онъ имѣетъ для русской жизни. Эта идея—пафосъ всей ея дѣятельности. Въ этомъ пафосѣ я тайна ея собственного могущества.

Но если дѣятельность человѣка бесплодна и ничтожна, когда не одушевлена высокою идеею, то идея получаетъ цѣнность въ дѣйствительности только тогда, когда въ человѣкѣ, посвящающемъ себя служенію высокой идеѣ, есть достаточныя силы для ея удовлетворительнаго осуществленія. Посмотримъ же, какими силами располагала критика гоголевскаго періода.

Человѣка, который былъ органомъ этой критики, невозможно не признать гениальнымъ. Мы не слишкомъ щедры въ употребленіи этого эпитета: гениальныхъ людей очень мало. Въ людяхъ съ самыми, повидимому, блестящими силами ума оказываются большею частью признаки нѣкоторой ограниченности, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи. Исключеній очень мало, и въ новой русской литературѣ ихъ не болѣе двухъ: кромя указаннаго нами человѣка, Гоголь,—и только. Быть можетъ, Кольцовъ былъ бы третьимъ въ этомъ ряду, если бы прожилъ долѣе или обстоятельства позволили его уму развиться ранѣе. Гениальный человѣкъ производитъ на насъ впечатлѣніе совершенно особеннаго рода, какого не производятъ самые умные, самые даровитые изъ другихъ людей: вы видите въ немъ такой умъ, которому ясны самые трудные вопросы, который даже не понимаетъ, что въ нихъ труднаго; когда онъ говоритъ, и для васъ становится ясно и просто все,—вы дивитесь не тому, что онъ разрѣшилъ вопросъ, а только тому, что вы сами не разрѣшили этого вопроса безъ всякаго труда: вѣдь стоило только взглянуть на дѣло простыми, вовсе не мудрыми глазами. Вѣдь камень летать къ землѣ,—ясно, что земля притягиваетъ его къ себѣ. Вѣдь поставить яйцо на остромъ концѣ—самая простая вещь, надъ которой и думать нечего. Вѣдь каждый глупецъ, кажется, могъ бы знать не хуже Наполеона, что рѣшеніе войны зависитъ отъ сосредоточенія всѣхъ силъ въ главномъ пунктѣ. Вѣдь каждый глупецъ могъ бы, кажется, догадаться, что жизнь есть рядъ перемѣнъ, что все въ мірѣ измѣняется и что

одна крайность влечет за собою другую; а въ открытіи этихъ истинъ заключается едва ли не главная тайна гегелевской философіи. Необычайная простота, необычайная ясность — удивительнѣйшее качество гениальнаго ума. Но дѣло въ томъ, что овъ беретъ за существенную сторону вопроса, отъ рѣшенія которой все зависитъ, а изъ всѣхъ вопросовъ опять беретъ за существеннѣйшій въ дѣлѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ пониманіе остальныхъ вопросовъ, потому-то и ясенъ для него каждый вопросъ, каждое дѣло. Удивительно, подумаешь, какъ и мнѣ и вамъ не случается каждый день дѣлать гениальныхъ открытій: вѣдь, кажется, будь каждый изъ насъ на мѣстѣ Колумба, Ньютона, или Наполеона, у каждого достало бы ума догадаться о томъ, о чемъ они догадались и за что называютъ ихъ гениальными людьми? Просто, они были люди не безъ здраваго смысла.

И, если хотите, это такъ: гений—просто человѣкъ, который говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ должно на его мѣстѣ говорить и дѣйствовать человѣку съ здравымъ смысломъ; гений—умъ, развившійся совершенно здоровымъ образомъ, какъ высочайшая красота—форма, развившаяся совершенно здоровымъ образомъ. Если хотите, красота и гению не нужно удивляться; скорѣе надобно было бы дивиться только тому, что совершенная красота и гений такъ рѣдко встрѣчаются между людьми: вѣдь для этого человѣку нужно только развиться, какъ бы ему всегда слѣдовало развиваться. Непонятно и мудрено заблужденіе и тупоуміе, потому что они неестественны, а гений простъ и понятенъ, какъ истина: вѣдь естественно человѣку видѣть вещи въ ихъ истинномъ видѣ.

Такое впечатлѣніе совершенной простоты и ясности производитъ критика гоголевскаго періода. Она провела въ наше литературное сознаніе самыя простыя истины, нынѣ ясныя, какъ свѣтлый день, для каждого здравомыслящаго человѣка, значеніе которыхъ очень велико. Итакъ, мы дошли до вопроса о системѣ литературныхъ воззрѣній въ критикѣ гоголевскаго періода и постараемся изложить, по возможности, ясно и точно этотъ предметъ, важнѣйшій въ исторіи нашей литературы: только Гоголь равняется своимъ значеніемъ для общества и литературы значенію автора статей о Пушкинѣ.

Фактъ, столь значительный, какъ критика гоголевскаго періода, не могъ возникнуть внезапно, въ одно прекрасное утро: такъ являются только литературные грибы; не могъ возрасти изъ ничего: такъ надуваются собственною пустотою только литературные мыльные пузыри, которыхъ мы выдвигали довольно, и которые лопались въ глазахъ насмѣшливо улыбающейся публики, не смотря на всѣ крики своихъ запасныхъ поклонниковъ, которые, впрочемъ, на другой же день забывали о ихъ эфемерномъ существованіи. Критика гоголевскаго періода росла долго, прежде нежели достигла своего полного развитія: предшественникомъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ «Телескопъ», образователемъ автора статей о Пушкинѣ—покойный Надеждинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ исторіи нашей литературы, человѣкъ замѣчательнаго ума и учености.

До послѣдняго времени, не было у насъ отдаваемо должной справедливости заслугамъ Надеждина въ наукѣ и литературѣ. Вина эта равно падаетъ и на журналы, по преимуществу называемые литературными, и на специалистовъ.

Спеціалісты злишкомъ мало обрашались вниманія на его труды по различнымъ отраслямъ науки: отчасти, быть можетъ, потому, что они были разсыяны въ различныхъ періодическихъ издашяхъ, такъ что трудно было собрать и обозрѣть, какъ одно цѣлое, его статьи, напримѣръ, по русской исторіи или этнографіи, отчасти, потому, что онѣ въ свое время едва ли могли быть поняты и прошли мало замѣченными по тому самому, что были глубокомысленнѣе, нежели того требовалось двадцать лѣтъ назадъ. Только тѣ спеціалісты, которые лично знали Надеждина, всегда думали о немъ, какъ объ ученомъ, у котораго каждый изъ нихъ можетъ учиться, но только думали, а не писали. Въ журналахъ имя Надеждина упоминалось очень рѣдко, да и то развѣ вскользь, и всегда эти бѣглые отзыы были неблагопріятны ему: его считали какимъ-то зовломъ, бранившимъ дивныя созданія нашей поэзіи, которыхъ не могъ онъ цѣнить по своему безвкусію. Въ прошедшемъ году нашъ журналъ заговорилъ о немъ иначе. Излагая исторію развитія понятій о значеніи Пушкина, мы объясняли основанія, по которымъ Надеждинъ, писавшій въ 1828—1831 годахъ подъ псевдонимомъ эксъ-студента Надоумко, произносилъ строгіи приговоръ всей тогдашней нашей литературѣ. Это былъ едва ли не первый голосъ въ защиту энергическаго критика, многими забытаго, всѣми другими осуждаемаго. Тогда мы не нашли себѣ товарищей въ дѣлѣ возстановленія доброй славы этого имени. И когда, назадъ тому всего три мѣсяца, во второй статьѣ нашихъ «Очерковъ», мы упоминали о немъ, нашъ голосъ попрежнему оставался единственнымъ, возвышавшимся въ его защиту. Теперь нѣтъ нужды защищать его: смерть явилась печальной возстановительницей общаго уваженія къ нему въ нашей литературѣ: всѣ соединились въ похвалахъ умершему, котораго не чтли при жизни. Прекрасная статья г. Савельева, напечатанная въ № 5 «Русскаго Вѣстника», встрѣчена общимъ одобреніемъ и сочувствіемъ... Жаль только, что хвалы не проникають въ могилы.

Теперь не нужно защищать Надеждина; но похвалы общими фразами недостаточны: надобно опредѣлить его значеніе въ русской литературѣ, показать мѣру заслугъ его наукъ и изящной словесности. Если бы здѣсь должно было представить полную оцѣнку всей его ученой дѣятельности, мы отказались бы отъ такой задачи, превышающей силы наши. По многимъ и разнообразнѣйшимъ отраслямъ науки, особенно касающимся Россіи, онъ былъ первымъ нашимъ спеціалистомъ; по многимъ другимъ, общимъ намъ съ западною Европою, равнялся съ лучшими нѣмецкими или французскими спеціалистами. Всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философій до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удастся изучить одну свою частную науку. Этимъ страшнымъ запасомъ знаній располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проникательный, и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки ни касался, двигалъ ее впередъ. А писалъ онъ обо всемъ, отъ богословія до русской исторіи и этнографіи, отъ философій до археологій. Такой многосторонней ученой дѣятельности не можетъ исполнѣть одинъ человекъ. Когда исполнится высказанное многими желаніе, чтобы издано было полное собраніе сочиненій Надеждина, почти каждый изъ нашихъ ученыхъ, чѣмъ бы ни занимался онъ, найдетъ, что многіе важные вопросы его спеціальной науки лучше.

нежели кѣмъ нибудь у насъ, объяснены Надеждинъ, и будетъ изучать его труды: тогда одинъ ученый объяснитъ намъ важность его услугъ богословскимъ наукамъ въ Россіи; другой одѣнитъ его важные труды по русской исторіи, третій—по археологіи, четвертый—по филологіи, и изъ десяти-двадцати частныхъ характеристикъ составитъ достойный пантеонъ его заслугъ наукъ въ Россіи.

Мы должны показать значеніе только одной изъ различныхъ сторонъ его ученой дѣятельности, рассмотримъ, какое вліяніе имѣлъ онъ, какъ критикъ, на развитіе у насъ здравыхъ литературныхъ понятій.

Едва ли кому изъ критиковъ удавалось начать свою литературную карьеру такимъ блестящимъ образомъ, какъ Надеждину. Первая его критическая статья, помѣщенная въ ММ: 21-мъ и 22-мъ «Вѣстника Европы» 1828 года, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на весь тогдашній литературный міръ. Это были знаменитыя «Литературныя опасенія за будущій годъ». Все въ ней было необычайно, все показалось странно и дико: и греческій эпитафъ изъ Софокла, и подпись: «Эксъ-студентъ Никодимъ Надоумко. Писано между студентства и поступленія на службу. Ноября 22, 1828. На патріаршихъ Прудахъ»,— и діалогическая форма: статья начинается довольно длиннымъ вступленіемъ въ повѣствовательномъ родѣ, рассказомъ, какъ эксъ-студентъ Никодимъ Аристарховичъ Надоумко, въ своей одинокой каморкѣ, на Патріаршихъ Прудахъ, размышлялъ о наступающемъ новомъ годѣ, какъ влѣгълъ въ эту каморку его знакомецъ, записной поэтъ Тлѣнскій, осыпавъ его брызгами съ опушеннаго снѣгомъ воротника шубы, и какъ завязался между Тлѣнскимъ и эксъ-студентомъ разговоръ о литературѣ. На вопросъ о здоровьѣ, хозяинъ шутиливо отвѣчалъ: «Слава Эскулапу!»—Тлѣнскій не зналъ, кто такой Эскулапъ, и, узнавъ, что это «эпидаврскій грекъ», началъ упрекать эксъ-студента, что онъ все бредитъ греками, перетряхаетъ старинную труху, не обращая вниманія «на новый міръ дивныхъ чудесъ нашей поэзіи», на что хозяинъ отвѣчаетъ, что эти чудеса ему кажутся просто «озорными чудищами», по выраженію Тредьяковскаго. Необычайна была и вся внѣшность статьи, наполненной латинскими фразами, латинскими, нѣмецкими и англійскими стихами, усѣянной упоминаніями объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ историческихъ именахъ и фактахъ, проникнутой стремленіемъ къ невѣдомому тогда у насъ юмору. Но нелѣпѣе всего показалось самое направленіе статьи: въ ней доказывалось, что блестящая, повидимому, тогдашняя литература наша въ сущности представляетъ очень мало утѣшительнаго; что лучшіе наши тогдашніе поэты не выдерживаютъ критики, потому что таланты ихъ не развиты ни образованіемъ, ни жизнью, такъ что сами они не знаютъ, какъ, что, зачѣмъ и почему они пишутъ; доказывалось, что ихъ прославленные поэмы состоятъ изъ безсвязныхъ, сшитыхъ бѣлыми нитками клочковъ; что ихъ содержаніе не прочувствовано, потому фальшиво и пусто; что поэты наши не понимаютъ Байрона, которому подражаютъ, уродуютъ заимствованные изъ него мысли и характеры, и т. д. Все это было высказано чрезвычайно рѣзко, съ безчисленными, самыми ясными и очень дерзкими намеками на поэмы Пушкина и критическіе панегирики имъ въ «Телеграфѣ» Полеваго.

Намъ, привыкшимъ видѣть въ печати самые рѣзкіе отзывы о наиболѣе уважаемыхъ нами писателяхъ, привыкшимъ хотя до нѣкоторой степени къ терпимости относительно мнѣній, несходныхъ съ нашими, трудно себѣ вообразить, какъ великъ былъ скандалъ, надѣланный этою статьею. Критики негодованія раздались противъ нея отсюду; она была осыпана бранью, еще болѣе рѣзкою, нежели сама статья. Никодимъ Надоумко былъ не такой человѣкъ, котораго легко было запутать или переспорить: на выходки противъ его статьи отвѣчалъ онъ въ томъ же тонѣ и продолжалъ печатать въ «Вѣстникѣ Европы» одну статью за другою: въ первыхъ же книжкахъ 1829 года явились разборы поэмы Баратынского «Балъ» и Пушкина «Графъ Нулинъ» и статьи «Сонмище Нигилистовъ» (Полевой, Пушкинъ и проч.), потомъ разборъ поэмы Подолинскаго «Борскій», «Полтавы» Пушкина, и рядъ этихъ частныхъ нападеній въ 1829 году завершился общею атакою въ статьѣ «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ». Въ 1830 году продолжалась битва статьями «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи», о русской исторіи Полеваго, о поэмѣ Подолинскаго «Нищій», о VII-й главѣ «Евгенія Онѣгина»¹⁾. Всѣ онѣ (кромѣ послѣдней, писанной въ защиту Пушкина отъ нелѣпныхъ нападеній со стороны прежнихъ его лстецовъ), и по внѣшней формѣ, и по тону, и по духу, точно таковы же, какъ «Литературныя Опасенія»: Надеждинъ, опираясь на эстетическія начала, ищетъ, есть ли выпія художественныя достоинства въ разбираемыхъ имъ поэмахъ, и находитъ, что въ нихъ нѣтъ ни тѣни художественнаго единства, нѣтъ идеи, нѣтъ лицъ, которыя были бы ясно поняты самимъ авторомъ, нѣтъ выдержанныхъ характеровъ, наконецъ нѣтъ и дѣйствій,—все бесцвязно, наполнено промахами противъ природы и условій искусства, все вяло, блѣдно, натянуто и холодно, не смотря на кажущійся блескъ и жаръ: этотъ блескъ и жаръ искусственный, поддѣльный и потому фальшивъ. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этихъ замѣчательныхъ статьяхъ, отъ которыхъ, по выраженію Надоумко, сыры боры загорѣлись въ нашей литературѣ, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ или трехъ.

Главные мѣста изъ первой статьи Надоумко «Литературныя Опасенія» были уже приведены въ нашемъ журналѣ («Совр.» 1855 г., № VII, Критика). Смыслъ ихъ мы представили выше; потому перейдемъ въ слѣдующимъ разборамъ знаменитыхъ тогда поэмъ и, не желая безъ крайней необходимости касаться нападеній на Пушкина, уважаемаго нами не менѣе, нежели кѣмъ бы то ни было, взглянемъ на разборы поэмъ Баратынского «Балъ» и Подолинскаго «Борскій». Первый начинается такъ:

«Напрасно восклицаютъ брѣзгливые старики, что міръ старѣется. Они судятъ по себѣ и думаютъ, что когда сами подвигаются впередъ, то и все туда же за ними

¹⁾ Кромѣ полемическихъ, въ «Вѣстникѣ Европы» есть еще чисто ученныя статьи Надеждина «О Высокомъ» и «Платонъ». Мы называли только важнѣйшія и обширнѣйшія статьи изъ помѣщенныхъ Надеждинымъ въ «Вѣстникѣ Европы», не упоминая о многихъ другихъ, отчасти не отрицательныхъ его подписью. Если бы кому нибудь вздумалось напечатать полный списокъ всего, что помѣщено было Надеждинымъ въ этомъ и другихъ журналахъ до 1831 года, когда начался «Телескопъ», мы могли бы сообщить нѣкоторые соображенія относительно анимированныхъ статей Надеждина. Что касается статей, писанныхъ имъ для «Телескопа», остающіяся у насъ относительно многихъ рецензій, особенно изъ первыхъ трехъ годовъ этого изданія, вѣроятно, могли бы быть разрѣшены положительными указаніями лицъ, бывшихъ тогда близкими къ этому журналу или его издателю: изъ нихъ назовемъ М. П. Погодина.

движется. Ничего не бывало! Миръ идетъ совершенно обратной дорогою: чѣмъ долѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе молодится. Оглянитесь хоть на минутку назадъ: что вы тамъ увидите? Сѣдую древность, коей старушечье чело изрыто глубокими браздами суроваго размышленія и строгой отчетливости. Это страшилище, коня можно только пугать настоящее дѣвствующее время дѣтской шаловливости! У насъ нынѣ живутъ, дѣйствуютъ, абонируются на славу и безсмертіе, не потѣя, по старинному, въ тяжелыя и безполезныя труды¹⁾, а попросту, припѣваячи. Оттого и произведенія настоящаго времени отличаются не стародавнему грубостью, прочностью и полновѣсностью, а зѣвнкою легкостью и миниатюрностью. Посмотрите на настоящія явленія книжнаго міра: это не книги, а книжечки, или, лучше сказать, книжончки, въ собственнѣйшемъ смыслѣ слова! Печать, чернила, бумага, обертка—заглядѣнья! Форматъ умѣстится въ самомъ маленькомъ дамскомъ работномъ ящичкѣ; толщина не утомитъ самыхъ нѣжныхъ рукъ, обложенныхъ ручекъ; содержаніе—но затруднить ни одною мыслию самой вѣтренной и рѣзвой головки!»!

Въ старину—продолжаетъ Надоумко—разборы начинались опредѣленіемъ, къ какому роду относится произведеніе. Это нынѣ было бы совершенно неумѣстнымъ педантизмомъ: наши геніи пустились въ погоню за славой, какъ рѣяный конь въ басыя Крылова, закусивъ узду,

Не взвидя свѣта, ни дорогъ,

и смѣшно измѣрять циркулемъ бурный бѣгъ ихъ. «Произведенія подобныхъ геніевъ всегда бываютъ изъ ряду вонъ». Также смѣшно было бы искать въ нихъ «идеи, которая составляла бы ихъ эстетическую душу; это значило бы искать порожняго мѣста. Сотни Пигмалионовъ самыми жарчайшими лобзаніями не могли бы пробудить малѣйшей жизненной искорки въ этихъ разряженныхъ куколкахъ». Да и къ чему искать въ нашихъ шумахъ идеи? «Статочное ли налагать на поэта тяжкую обязанность говорить о чемъ нибудь?»—у насъ говорятъ ни о чемъ. «У насъ главный законъ: пиши, пока пишется, не размышляя о томъ, что пишется. Чѣмъ менѣе холоднаго смысла, тѣмъ огненнѣе поэзія». Можно вообразить, каково продолженіе разбора, начинающагося подобнымъ образомъ. Язвительно восхищаясь въ поэмѣ всѣмъ, Надоумко обнаруживаетъ, что все въ ней фальшиво, натянуто и неправдоподобно: и сцѣненіе событій, и характеры, и разговоры. Вотъ одинъ примѣръ: повѣсть состоитъ въ томъ, что княгиня Нина, женщина страстная до наглости, до совершеннаго презрѣнія къ мнѣнію свѣта, съ улыбкою мѣняющая своихъ любовниковъ, которую поэтъ изображаетъ такъ:

Въ ней жаръ упившейся вакханки,

любить Арсенія, который, «нося на челѣ»

Слѣды пучительныхъ страстей.
Слѣды печальныхъ размышленій.

¹⁾ Т. е. не трудясь надъ собственнымъ образованіемъ, долженъ глубоко изучать жизнь и людей.

лѣбитъ, въ свою очередь, Олинку, которая описывается имъ санинъ такъ:

..... Жеманная дѣвчонка,
Со сладкой глупостью въ глазахъ.

Нина адски ревнуетъ Арсеніи и отравляетъ себя ядомъ, когда онъ женится на Олинкѣ. Кто не видитъ, какое широкое поле насмѣшкѣ дается этимъ сцѣпленіемъ неправдоподобныхъ событій и каррикатурныхъ снимковъ съ непонятныхъ героевъ и героинь Байрона?

Вотъ какъ рассказываетъ Надоумко содержаніе «Борскаго». Народныя сказки, созданныя простодушными нашими прадедами—говоритъ онъ—отличаются въ разсказѣ событій спокойстіемъ и обыкновенно кончаются поговоркою: «Отали жить да поживать, да добра наживать». Нынѣшнія такъ называемыя романтическія поэмы не таковы:

«Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая бы не гремѣла проклятіями, не корчилась судорожно, не заговаривалась во снѣ и наяву и кончилась бы не смертоубійствомъ. Душегубство есть любимая тема нынѣшней поэзіи, разъягряемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: рѣзанья, стрѣлянья, утопленничества, давки, замороженья. Самый изобрѣтательнѣйшій инквизиторъ вѣка Филиппа II подивился бы неисчислимому разнообразію убійствъ и самоубійствъ, измышляемыхъ настоящими гениями въ услажденіе и назиданіе наше. Сей поэтической кровожадности не чужды и «Борскіе». Содержаніе его есть слѣдующее: Владиміръ Борскій любитъ Елену, происходящую изъ рода, враждебнаго и ненавистнаго Борскимъ. Отецъ Владиміровъ не благословляетъ страсти сей, и несчастный три года скатается по Европѣ съ безнадежно болящей душой. Возвратись домой, онъ не застаётъ въ живыхъ отца, но получаетъ изъ рукъ священника, присутствовавшего при его кончинѣ, завѣщаніе, заключающее въ себѣ прощеніе Владиміру, если онъ не будетъ мыслить объ Еленѣ, и—проклятіе, если послѣдняя воля отца не будетъ для него священна. Владиміръ не можетъ противиться искушенію любви, распаленной увѣренностью въ ненарушимой оленіиной вѣрности. Онъ женится; но въ самый часъ вѣнчанія совѣсть пробуждается изъ груди вавоноваго. Онъ смущается, трепещетъ, съ мрачнымъ безчувствіемъ отвѣчаетъ на первое лобзаніе юной супруги, и—Елена съ перваго дня брака разочарована. Она преслѣдуетъ своими подозрѣніями Владиміра, и въ омраченномъ сердцѣ его въ подозрѣнія откликаются подозрѣнія. Въ одну несчастную ночь, когда сонъ бѣжалъ отъ возмущеннаго ревностью Владиміра, Елена

..... вдругъ встаетъ,
Какъ призракъ въ сумракѣ проходить
И тихо стала у окна.
Все видитъ Борскій; онъ не сводитъ
Съ нея дозорливыхъ очей,
Онъ притаился, онъ чуть дышитъ,—
Вотъ слынитъ попотъ—и ясный:
Потомъ Елены голосъ слынитъ:
«Мой другъ! постой! постой! побудь
«Со мной еще одно мгновеніе!
«Позволь прижать уста и грудь
«Въ послѣдній разъ!.. Мое молвеніе
«Ты отвергаешь... ты молчишь!
«Нестокій! стой! куда бѣжишь?
«Я за тобой готова всюду;
«Какая бъ ни была страна,
«Тебя преслѣдовать я буду»!

Владиміръ, изступленный, бросается на свою жертву. По несчастію, нѣсѣдъ освѣтилъ-
висшій надъ нимъ кинжалъ:

«Стой!» грянулъ голосъ.—«Стой! не даѣ!»
И вотъ сверкнуло лезвее,
И кровь Елены на кинжалѣ,
И рана въ сердце у нея!

Убійца вторгается въ хижину священника, прерываетъ его благочестивыя размышленія
на мирномъ ложѣ и получаетъ отъ него изъясненіе ужаснѣйшей тайны:

..... Твоя жена
Невинна! анай: она была
Лунатикъ!

Вотъ, конечно, ахнуть, всѣ воскликнуть вмѣстѣ съ Борскимъ:

Лунатикъ!...

И мы должны буденъ, пожавъ плечами, повторить отвѣтъ священника:

..... Знаемъ,
Ударъ жестокий совершаемъ;
Но мы не лжемъ—свидѣтель Богъ!

Мудрено ли послѣ того, что Владимира нашли подъ сѣтвомъ, замерзшаго у могилы
Елены?.. У кого не застынетъ и среди жаркаго лѣта кровь въ жилахъ при столь
ужасной катастрофѣ? Зарѣзать добрую жену—ни за что, ни про что!..

Мы потому приводимъ содержаніе этихъ поэмъ, что нынѣ онѣ забыты:
немногіе нынѣ перечитываютъ «Эду», «Баль», «Наложницу», «Чернеца»,
«Паталью Долгорукую», «Борскаго», «Няцаго». Авторъ статей о Пушкинѣ,
лѣтъ уже двѣнадцать тому назадъ, утверждалъ, будто бы нѣтъ возможности
безъ крайней необходимости перечитать даже «Руслана», «Кавказскаго Пльн-
ника» и проч. А, между тѣмъ, до сихъ поръ о Надоумкѣ говорили, какъ о
скпѣѣ, какъ вандалѣ, безъ вкуса, безъ совѣсти, даже безъ таланта писать
умно, и взваливали на него всѣ эти обвиненія за то, что не говорилъ съ
благоговѣніемъ о художественныхъ красотахъ «Борскаго», «Няцаго», «Налож-
ницы» и т. д., и т. д. Послѣ приведенныхъ нами выписокъ, большая часть
нашихъ читателей, вѣроятно, не будутъ сомнѣваться, что Надоумко зналъ,
за что и почему онъ осуждаетъ эти поэмы, зналъ, на какія стороны поэтиче-
скаго произведенія надобно обращать вниманіе, чтобы рѣшить, выдерживаетъ
ли оно эстетическую критику, понималъ, въ чемъ состоитъ художественная
красота. На всякій случай, помѣщаемъ въ приложенія существенныя мѣста изъ
статей о «Борскомъ». Намъ пора хладнокровно судить о дѣлахъ, отъ кото-
рыхъ мы отдѣлены двадцатью-семью годами, и о столкновеніяхъ между людьми,
мнѣнія которыхъ давно примирены, споры давно кончены. Величіе Пушкина
не въ томъ, что онъ былъ равенъ Байрону или похожъ на этого мизантропа,
страдающаго отъ любви къ людямъ; мы знаемъ теперь, что Байронъ былъ бы
у насъ тогда невозможенъ и бесполезенъ, потому что не былъ бы понятъ ни
публикою, ни даже даровитѣйшими литераторами. У Пушкина есть другія каче-
ства, другія великія заслуги. И, кажется, давно пора намъ прекратить свое

негодование на Надеждина за то, что онъ замѣтилъ рѣшительное несходство между этими великими поэтами, въ самомъ дѣлѣ нимало не похожими другъ на друга. Пора намъ перестать негодовать на Надеждина и за то, что онъ разоблачилъ бѣдность нашей тогдашней литературы: во-первыхъ, теперь литература у насъ достигла большаго развитія, отчасти благодаря его справедливымъ указаніямъ на лживость того, чѣмъ такъ обобщались, — слѣдовательно, намъ нечего обижаться его словами, которыя теперь уже не прилагаются къ намъ вполне, какъ прилагались тогда; во-вторыхъ, и это всего важнѣе, въ сущности высказывалъ онъ правду. Говоря просто и коротко, Надеждинъ сдѣлалъ относительно пушкинскаго періода нашей литературы то же, что критики романтическаго направленія, изъ которыхъ послѣднимъ и важнѣйшимъ былъ Полевой, сдѣлали относительно предыдущаго періода: подвергъ его строгой критикѣ и тѣмъ приготовилъ возможность дальнѣйшаго литературнаго развитія для нашей публики. То и другое дѣло были одинаково законны и необходимы: то и другое равно даютъ право на нашу признательность тѣмъ людямъ, силами которыхъ были они совершены. То и другое одинаково возбудило вопль негодованія со стороны людей, которые не могли возвыситься до пониманія новыхъ идей.

Но зачѣмъ Надоумко говорилъ такимъ жесткимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло — наши литературныя да и всякія другія понятія. Вѣчно предлагаются вопросы. почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, а война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, веденой оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитаго, на старцевъ и калѣкъ; а поэты и литераторы, противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы: они были люди сильные и умѣвшіе владѣть оружіемъ. За нападенія ему заплатили нападеніями, по крайней мѣрѣ, не менѣе жесткими.

Полемика, возбужденная статьями Надоумко, составляетъ едва ли не важнѣйшій эпизодъ этого рода въ исторіи всего пушкинскаго періода. Всѣ журналы, кромѣ «Атеней», не посѣщаемого никѣмъ, почти всѣ альманахи единодушно ополчились противъ «Вѣстника Европы». Всѣ затронутые Надеждинымъ литераторы соединились противъ его статей. «Московскій Телеграфъ» и «Сѣверные Цвѣты» были главными дѣйствующими въ этой борьбѣ за собственную честь и жизнь. Пушкинъ и Полевой были предводителями нападающихъ. Оставляя безъ вниманія многихъ бойцовъ, не достойныхъ памяти, сосредоточимъ вниманіе на подвигахъ, совершенныхъ этими главными и ихъ сподвижниками.

Первымъ, какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ на дерзкій вызовъ Полевой. На него Надоумко нападалъ съ перваго раза еще прямѣе и жесточе, нежели на Пушкина. Всѣ насмѣшки надъ тѣмъ, что у насъ не понимаютъ пустоты и бѣдности нашей литературы, напротивъ, называютъ нашихъ поэтовъ Байронами, относились прямо къ нему, главѣ тогдашней журнальной критики. Онъ

не заведилъ отвѣтомъ: въ первомъ же номерѣ «Телеграфа», вышедшемъ послѣ той книжки «Вѣстника Европы», гдѣ находилось начало первой статьи Надеждина («Литературныя Опасенія за будущій годъ»), онъ помѣстилъ очень хорошо и ѣдко написанную тираду, въ которой, впрочемъ, говорилось болѣе о редакторѣ «Вѣстника Европы», Каченовскомъ, нежели о статьѣ Надоумко или ея авторѣ. Надеждинъ отвѣчалъ на его возраженія также ѣдко. Онъ могъ отвѣчать, потому что сознавалъ свою силу. Но Каченовскій вздумалъ для своей защиты прибѣгнуть не къ обыкновенному литературному оружію, а къ странному и вовсе непохвальному средству и объявилъ объ этомъ въ примѣчаніи къ возраженіямъ Надоумки на статейку «Телеграфа». Разумѣется, дѣло кончилось къ его собственному стыду, рѣшительно неудачею. Тогда-то градомъ посыпались на него, и справедливо, насмѣшки и упреки со всѣхъ сторонъ. Полевой напечаталъ длинную статью «Литературныя Опасенія за кое-что», въ которой была подробно просмотрѣна вся его литературная и ученая дѣятельность, и доказано, что его произведенія, до той поры (1829) напечатанныя, ни числомъ своимъ, ни тѣмъ болѣе качествами, вовсе не оправдываютъ громкой извѣстности, которою онъ пользуется. Самъ Пушкинъ помѣстилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» превосходно написанную статью, въ которой изложилъ приключеніе Каченовскаго въ самомъ смѣшномъ видѣ. Такъ какъ эта статья не вошла ни въ изданіе Пушкина, сдѣланное г. Анненковымъ, ни въ прежнее изданіе, то мы въ приложеніи II сообщаемъ ее читателямъ, окруживъ, для большей ясности, другими отрывками, касающимися этого случая. Эпиграммы, ѣдки статьи и статейки сыпались на «Вѣстникъ Европы» со всѣхъ сторонъ, сначала преимущественно падая на редактора, но вскорѣ еще въ гораздо большемъ количествѣ и на автора статей, когда всѣ увидѣли, что Надоумко не просто прислужникъ Каченовскаго, а самостоятельное лицо, которому нельзя зажать ротъ, нападая на Каченовскаго. Всѣ знаменитѣйшія эпиграммы Пушкина написаны по этому случаю. Изъ нихъ большая часть еще направлены на Каченовскаго и вообще на его журналъ, прямо не касаясь эксъ-студента, потому что, когда другіе обратили на него главное вниманіе, Пушкинъ уже пересталъ писать эпиграммы по поводу статей Надоумки, увидѣвъ своего сильнѣйшаго защитника въ томъ, кого считалъ злѣйшимъ врагомъ.—По случаю статей Надоумки явилось и «Собраніе Насѣкомыхъ», въ которомъ стихъ:

Вотъ **** злой паукъ

надобно читать:

Вотъ Каченовскій, злой паукъ.

и «Литературное Извѣстіе» (въ самомъ заглавіи показано отношеніе къ «Литературнымъ Опасеніямъ»).

Въ Элизѣ Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ общалъ;

Кургаповъ самъ надъ критикой хлопотать:
Блеснуть уметь «Письмовникъ» снова хотеть,
И, говорить, на дняхъ они начнутъ,
Благословись, сей преползеньный трудъ,—
И только ждать Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоепль Михайло **** (Каченовскій).

Къ нему относится также эпиграмма, написанная по поводу того, что въ одной изъ статей «Русскаго Вѣстника» было упомянуто о предъидущихъ эпиграммахъ, какъ о «каменкахъ», которыми Пушкинъ бросаетъ въ людей, говорящихъ ему правду».

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоня я пятналъ,
Признаюсь, на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ овъ? Точно ль такъ?
Въ полученіи оплеухи
Расписался мой дуракъ?

Кромѣ того, еще одна приведена нами въ приложеніи П. Къ этимъ четыремъ, вошедшимъ въ «Полное Собраніе Сочиненій Пушкина», прибавимъ пятую, не вошедшую въ него и уже приведенную нами въ № VII «Современника» прошедшаго года:

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Подъ Ролленомъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужину живой*

Читателю извѣстно, что Каченовскій вздумалъ попробовать, нельзя ли русскую ореографію приучить къ соблюденію въ греческихъ словахъ буквъ греческой ореографіи, какъ соблюдается она въ западныхъ языкахъ; потому онъ писалъ въ «Вѣстникъ Европы»: енеусіасмъ, Еугеній, політіка и проч. Противъ самого Набоумки написана «Притча»:

Картину разъ высматривалъ саножникъ и т. д..

имѣющая въ рукописи, по замѣчанію г. Анненкова, эпиграфъ: «По всему видно, что онъ семинаристъ» (не приводимъ ея вполне, потому что напечатана была она ужъ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ написана), и другая:

Мальчишка Фебу гимнъ подвесъ.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему?» вопросъ.
— Пятнадцать. «Только-то? Эй, розгу!»
За симъ принесть семинаристъ
Тетрадь лякейскихъ диссертаций,

И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ взрослога болвана
Поставить въ палки приказалъ.

Горацій, а не кто другой, читаетъ «лакейскія диссертаци болвана-семинариста» не для одной риомы, а потому, что Надоумко очень часто цитовалъ Гораціи. А самая эпиграмма возникла изъ извѣстной эпиграммы Василя Львовича, дяди Пушкина:

Какой-то стихотворць (довольно итъ у насъ), и проч.

по тому случаю, что въ первой статьѣ Надоумки о «Полтавѣ» есть слѣдующее мѣсто: Флюгеровскій (романтикъ) говоритъ, что Пушкинъ—геній. Незнакомецъ-старикъ, въ словахъ котораго излагаются собственные мысли автора, говоритъ, что признаетъ Пушкина гешемъ тогда, когда онъ создастъ что нибудь истинно великое, а теперь въ немъ видѣтъ только огромный талантъ. Надоумко спрашиваетъ его: неужели же ошибается «Сынъ Отечества»:

...Тамъ напечатано, помнится, такъ: «Сомнѣваюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобы быть стихотворцемъ». Что вы на это скажете?

Незнакомецъ. То, что сей наборъ словъ едва ли понятенъ самому тому, съ чьего пера онъ стечъ. Начать писать слишкомъ рано — еще не признакъ гешя. Въ противномъ случаѣ, пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ такъ забавно почтеннѣйшій дядюшка обсуживаемого нами теперь поэта (въ *примѣчаніи прибавлено*: Незнакомецъ, вѣроятно, разумѣлъ прекрасную басню В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ), былъ бы, по всѣмъ признакамъ — гешій.

Это самая грубая изъ всѣхъ выходокъ Надоумки, относящихся къ Пушкину, и мы вовсе не хотимъ доказывать, что она деликатна. Мы хотимъ только дать читателю сравнить, въ чьихъ словахъ больше жесткости—въ словахъ ли критика, или въ словахъ поэта. Но другой такой выходки на Пушкина мы не найдемъ у Надоумки, и едва ли можно сказать, чтобы въ полемикѣ своей противъ Пушкина онъ, кромѣ этого случая, переступалъ границы, возлагаемый—не говоримъ: тогдашними, но и нынѣшними понятіями о литературныхъ приличіяхъ.

Всѣ были душевно возмущены статьями Надоумки, какъ мы сказали, и даже «почтеннѣйшій дядюшка» Василій Львовичъ почелъ своею обязанностью написать, по случаю, о которомъ мы упоминали, стихотвореніе, въ оправданіе себя отъ возведеннаго на него соумышленничества съ Надоумкою и въ защиту обижаемаго племянника.

Посмотримъ теперь, какъ возставать противъ Надеждина другой, сильнѣйшій тогда послѣ Пушкина человекъ, рагъ
былъ единственнымъ, имѣвшимъ серьезво

Въ приложеніи II у насъ вполнѣ приведены изъ статьи «Телеграфа» по поводу «Литературныхъ Опасеній» всѣ замѣчанія, прямо относящіяся къ Надоумкѣ. Онъ опровергъ ихъ совершенно, наговоривъ новыхъ колкостей и разоблачивъ нѣсколько промаховъ «Телеграфа». «Телеграфъ» обѣщалъ дать о «Литературныхъ Опасеніяхъ за будущій годъ» особенную подробную статью; но она не являлась. Только во второй, подробнѣйшей статьѣ «Телеграфа» противъ Каченовскаго, которой, въ насмѣшку надъ статьею Надоумки, дано было заглавіе «Литературныя Опасенія за кое-что» (то-есть за ученую славу редактора «Вѣстника Европы»), выведенъ былъ «Желтякъ» (житель желтаго дома, сумасшедшій), который усиливался защищать ученые труды Каченовскаго и говорилъ фразами Надоумки, но принужденъ былъ соглашаться, что Каченовскій—самый плохой ученый. Греческій эпиграфъ къ этой статьѣ былъ также насмѣшкою надъ Надоумкой. Но тѣмъ и ограничились опроверженія, которыми ему грозили. Долго послѣ того, несмотря на множество жестокихъ нападеній отъ него на Полеваго, полемикъ противъ него не было посвящено и нѣсколькихъ строкъ съ ряду. Всѣ возраженія ему ограничивались тѣмъ, что довольно часто имя Надоумки презрительно упоминалось кстатѣ, когда дѣло шло о какихъ нибудь бездарныхъ писакахъ или оскорбителяхъ, которые не достойны отвѣта. Чему приписать такую скромность? Во-первыхъ, скажемъ къ великой чести Н. А. Полеваго, тому, что онъ не любилъ полемики: онъ прибѣгалъ къ ней только въ рѣдкихъ случаяхъ и только по необходимости. Другою причиною было дѣйствительное презрѣніе къ такому безсильному врагу, какъ «Вѣстникъ Европы»: этотъ журналъ имѣлъ самую жалкую репутацію въ публикѣ и едва ли имѣлъ читателей на бѣломъ свѣтѣ. Мы сдѣлаемъ читателю вопросъ, можно ли предполагать еще третью причину того, что Полевой такъ долго не возражалъ Надеждину, когда увидимъ характеръ возраженій, едѣланныхъ ему «Телеграфомъ» впослѣдствіи времени. Болѣе полугода прошло такимъ образомъ безъ отвѣта Надоумкѣ. Наконецъ явилось заявленіе о стихахъ, помѣщенныхъ Надеждинымъ въ «Русскомъ Зрителѣ»¹⁾ съ полной подписью его имени. Кто такой этотъ Н. И. Надеждинъ?—спрашивала рецензія. Никому не извѣстно, чтобы существовалъ такой писатель. Мы спрашивали о немъ—никто не могъ отвѣчать. «Одинъ литераторъ утверждалъ, что имя Н. И. Надеждинъ должно быть псевдонимическое, и стихи, вѣроятно, заимствованы изъ ненапечатанныхъ до нынѣ бумагъ покойнаго профессора элоквенція В. К. Тредьяковскаго, а не сочинены въ наше время. Кто когда либо кромѣ Тредьяковскаго писалъ такіе стихи? Кто, особенно въ наше время, станетъ писать такіе стихи?» Потомъ опять встрѣчаются только бѣглыя упоминанія о жалкомъ зоицѣ Надоумкѣ. Еще черезъ полгода былъ помѣщенъ довольно большой разборъ отрывка изъ его готовившейся къ изданію диссертациі о романтической поэзіи. Разборъ носилъ заглавіе «Литературныя Прішски» и объявлялъ, что всѣ основныя мысли диссертациі похищены у Аста и Штудмана, что было подтверждено обширною выпискою изъ послѣдняго философа.

¹⁾ Въ первые два или три года своей литературной дѣятельности Надеждинъ печаталъ довольно много стиховъ. Направленіе въ нихъ было шиллеровское; художественная сторона, дѣйствительно, слаба.

Наконецъ явилась самая диссертация (на латинскомъ языкѣ), и Н. А. Полевой написалъ ей разборъ, памятный въ исторіи нашей полемики по остроумію и чрезвычайной рѣзкости. Латинская диссертация Надеждина разбирается вмѣстѣ съ полуграмотною книжкою: «О трагедіи грековъ, французовъ и романтиковъ. Сочиненіе белебѣвскаго уѣзднаго землемѣра Виктора-Оомы Товарищскаго», и начинается благодарностью Товарищскому «за его шутку, весьма милую и острую»,—Полевой называетъ книжку Товарищскаго пародію на сочиненіе Надеждина, котораго считаетъ защитникомъ классицизма; но, говоритъ Полевой, въ пародіи остроумнаго белебѣвскаго землемѣра упущена изъ виду отличительная черта русскихъ классиковъ: она состоитъ въ томъ, что «все прильнуло къ нимъ снаружи, что ихъ мнѣніи, будучи не слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія, не собственной (хотя неправильно развитой) мысли, представляютъ нелѣпую смѣсь, разнородную, странную сложность противорѣчій, лишенную всякой формы и всякихъ причинъ».

«Русскій классикъ долженъ, во-первыхъ, украсть что нибудь у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, переврать это а потомъ утверждать что нибудь самое нелѣпое, самое пошлое, передъ тѣмъ лагарповы, баттovy, бауръ-лорміаювы сужденія казались бы солнцемъ свѣтозарнымъ; во-вторыхъ, онъ долженъ цитоваться, особенно латинью (если же можно, по гречески: это еще лучше), и засыпать свои доказательства фразами, нахватаанными изъ Горация, Лувая, Буало, Блера и проч.; третье—и самое важнѣйшее—онъ долженъ громко вопіять о развратѣ, о погибели вкуса, долженъ искусно соединять съ этимъ мысль, что романтизмъ есть то же, что атеизмъ, шеллингизмъ, либерализмъ, терроризмъ, чадъ безвѣрія и революціи; долженъ сильно вопіять о славѣ, Державина, Ломоносова, Хераскова, Попова, Кострова, Петрова, Майкова. Къ этому надобно съ горестью прибавить, что выиѣ пишутъ разбойничьи поэмы, а не гремятъ торжественными одами. Тутъ должно исчислить наши побѣды, въ которыхъ, разумѣется, классикъ столько же участвовалъ душою и тѣломъ, сколько онъ понимаетъ, что говорить. Въ заключеніе, четвертое, надобно какъ можно надутѣе заговорить о славѣ Россіи вообще, о возвышеніи нашемъ надъ всѣми народами, о величіи предковъ, о просвѣщеніи Россіи при Ярославѣ и Мономахѣ, о Баянѣ, о Петрѣ Могилѣ, «Словѣ о Полку Игоревомъ», Сильвестрѣ Кудобѣ, яко доводахъ нашей славы».

«Если бы г. уѣздный белебѣвскій землемѣръ написалъ свою пародію по этой программѣ (продолжаетъ Полевой), она еще ближе подходила бы къ нашимъ классическимъ диссертациямъ. И пусть не дунають читатели, что на классиковъ взводится небывальщина: диссертациі Надеждина—свѣжее доказательство, что разсужденія ихъ дѣйствительно таковы, какъ предписываетъ эта программа. Опровергать Надеждина не стоитъ: что емѣнно, то неопасно».

«Вотъ основаніе этой диссертациі, годной въ кусткамеру литературныхъ рѣдкостей: г. Надеждинъ начиталъ гдѣ-то, что донинѣ поэзія бывала первобытная, классическая и романтическая; начиталъ онъ еще, что классическая поэзія кончилась съ греками; узналъ въ добавокъ, что поэзія, начавшаяся въ новомъ мірѣ, среднихъ временъ, названа романтической. Тутъ началъ г. Надеждинъ мыслить—и что же вымыслилъ? что и романтическая поэзія рѣшительно кончилась. Что же такое творенія Гёте, Байроновъ, Муровъ, Пушкиныхъ? Положимъ, что вы правы; но чего же вы хотите? Признаемся, мы ничего не поняли. Кажется, что г. Надеждинъ хочетъ какого-то соединенія романтизма съ классицизмомъ; но какъ, для чего—пустъ это разгадываютъ другіе. Видимъ, что мысль въ основаніи нелѣпа; но, за всѣмъ тѣмъ, лучше

сознаться, что мы худо се понимаемъ. Гдѣ нѣтъ ни логическаго, ни грамматическаго смысла, тамъ не стыдно сознаться нѣ знаніемъ. Одно только весьма ясно замѣтно у г. Надеждина: слѣды никольной ферулы, и подъ эту ферулу хочется ему подвести всѣхъ. Неудачный опытъ ея надъ г. Надеждинымъ едва ли можетъ быть доказательствомъ справедливости его словъ.

«Изученіе древности добывается *не безъ кроваваго пота*». Ясно, что кровавый потъ намекаетъ на ферулу и скамейку, вразумляющія бурсаковъ. Но кто еще сомневается, пусть читаетъ далѣе:

«Сей флейтщикъ, пѣснями плѣняющій собранье,

Учился и терпѣлъ *старѣйшихъ наказанье*.

Итакъ, прежде нежели приниматься за письмо, должно учиться, учиться, непрестанно учиться». Очень рады и совѣтуютъ; только надобно доучиться, а иначе будемъ походить на какого нибудь недоумку, который, что слово скажетъ, то и видно, что онъ въ бурсѣ и не досѣченъ и не доученъ!»

Стоитъ ли такое разеужденіе опроверженій? продолжаетъ Полевой.—Нѣтъ! пародія г. Товарищскаго «померкаетъ передъ этимъ оригиналомъ», который вполне осуществляетъ «представленный нами выше сего плакъ для русской классической диссертациа, ибо:

«1) Основныя мысли въ ней чужія, взятія у Штудмана и Аста (ссылка на *Литературные Приiski*, о которыхъ говорили мы выше). 2) Сія мысли не поняты г. Надеждинымъ, и выводъ изъ нихъ есть этому доказательство. 3) Ненужныя разноразличныя цитаты въ диссертациа конца нѣтъ. 4) Романтизмъ представляется исчадіемъ безбожія и революціи. 5) Говорено вкривь и вкось о всѣхъ европейцахъ, вѣтъ обруганы, и указано на Россію, на упадокъ патріотизма въ Россіи, на Баяна, Петрова, Кострова, Ломоносова, Румянцова. Этотъ приторный патріотизмъ есть вѣнецъ теоріи г. Надеждина. И такое созданіе осмѣлился онъ представить на судъ почтенныхъ профессоровъ Московскаго Университета! Изъ этого созданія помѣстили отрывки два почтенные профессора въ издаваемыхъ ими журналы!.. Стыдимся за почтенныхъ издателей «Вѣстника Европы» и «Атонелъ», и предоставляемъ диссертациа г. Надеждина ученикамъ латвискаго класса въ уездныхъ училищахъ».

Разборъ этотъ былъ наянсанъ съ болынымъ умомъ, не только съ чрезвычайною ѣдкостью. Онъ убилъ диссертациа во мѣнѣ публики. И, однако же, на какихъ основаніяхъ идеи Надеждина были объявлены нелѣпыми? Полевой самъ объяснилъ это: когда впоследствии между «Телеграфомъ» и «Телескопомъ» велась жаркая полемика, Полевой напомнилъ публикѣ о «нелѣпной диссертациа Надеждина слѣдующимъ объявленіемъ:

Въ книжной лавкѣ Амоса Курносова принимается подписка на новую книгу, подъ названіемъ: «Сорванная маска съ философа-самозванца, или Кузенъ передъ судомъ Аристарха Николаевича Надоумки, филологико-критико-историческо-ирритабильно-сатирическое изслѣдованіе, сочиненное Иваномъ Бѣломутовымъ, съ эпиграфомъ изъ повѣсти М. П. Погодина: «Гдѣ я? въ вертепѣ нищихъ, воровъ, площадныхъ мошенниковъ! И вотъ какія происшествія, другъ мой, не производитъ во мнѣ никакого болѣзненнаго ощущенія! Удивительное явленіе!» («Телескопъ» 1872 г., № 7, стр. 362). Въ семъ новомъ, достойномъ особеннаго вниманія твореніи г. Бѣломутова доказывается явно, что Кузенъ есть наратанъ и обманщикъ, что онъ обокралъ нѣмецкихъ философовъ, не понялъ ихъ, перевралъ и только гнуснымъ краснорѣчіемъ своимъ заставилъ Европу думать, будто и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ современнаго

мышления. Ясно также доказывается и подтверждается тутъ, что каждый русскій студентъ смыслилъ философію больше Кузена»¹⁾).

Итакъ, вотъ почему мысли Надеждина показались нелѣпы Полевою: онѣ были несогласны съ философіею Кузена; а основная ошибка Надеждина, какъ видимъ, состояла по мнѣнію Полеваго, въ томъ, что онъ предпочиталъ нѣмецкихъ философовъ Кузену, философію котораго осмѣливался признавать не заслуживающему вниманія.

Послѣ этого «Телеграфъ» чаще ирежняго упоииняеть о Надоункѣ и Надеждинѣ, но по прежнему всегда только въ нѣсколькихъ словахъ. Когда Надеждинъ сталъ издавать «Телескопъ», Полевой мало по малу вовлеченъ былъ въ болѣе обширную полемику съ нимъ и иногда по нѣскольку мѣсяцевъ не выпускалъ ни одной книжки «Телеграфа» безъ статей и статейекъ противъ Надеждина. Надобно признаться, что онъ былъ вынуждаемъ къ тому безпрестанными нападеніями. Но, между тѣмъ, какъ нападенія «Телескопа» очень часто касались предметовъ серьезныхъ, изобличали важные промахи въ «Телеграфѣ», чѣмъ отвѣчалъ на это «Телеграфъ»? Онъ нападалъ на слогъ, на непонятность различныхъ философскихъ терминовъ. Однажды, когда въ «Телескопѣ» была напечатана статья Гульянова, переведенная съ французскаго, съ приложеніемъ къ русскому переводу и французскаго текста, «Телеграфъ» началъ доказывать, что въ переводѣ есть грубыя ошибки, что, слѣдовательно, Надеждинъ не знаетъ по французски. Улики въ незнаніи были такого рода: вмѣсто «овальные рамки соприкасаются» надобно было перевести «продолговатые ободочки соединяются между собою», и т. п. Но и въ этомъ потерялъ «Телеграфъ» неудачу: оказалось, что русскій переводъ статьи Гульянова былъ сдѣланъ самимъ же Гульяновымъ. Потомъ, когда Надеждинъ, въ 1832 году, сталъ печатать обертку своего журнала безъ знаковъ препинанія въ строкахъ кружнаго шрифта (какъ это и вошло теперь въ обычай), «Телеграфъ» сталъ смѣяться надъ «1832-рымъ Телескопомъ», доказывая, что «Телескопъ» не знаетъ правилъ объ употребленіи точки: видите ли, грамматика требуетъ, чтобы было напечатано такъ:

1832.

т к л к с к о п ъ.

а не просто (безъ точки):

1832

т к л к с к о п ъ

Когда «Телескопъ» шутивно отвѣчалъ на это, что несчастная точка въ заглавіи есть пунктъ, на которомъ запнулся «Телеграфъ», журналъ Полеваго,

¹⁾ Бѣлоумовъ—потому, что нодъ нѣкоторыми статьями Надоуки выставлено, для обозначенія мѣста, откуда онѣ присланы. «Бѣлый Омутъ» (ими села, въ которомъ родился Надеждинъ). Эпиграфъ имѣтъ изъ повѣсти г. Погодина, вѣроятно, потому, что однимъ изъ первыхъ поводовъ къ поленикѣ была статья г. Погодина «о Московской Выставкѣ». Филологско-критикъ и т. д.—пародія многосложнаго заглавіи диссертации Надеждина: *Dissertatio historico-critico-elephantica* (историко-критико-подемаческая); но дѣло въ томъ, что, по обычаю новыхъ латинистовъ, подобная многосложность требуется для изыщности латинскаго слога. Не нужно прибавлять, что «обокралъ, перевралъ» и проч.—буквальное повтореніе выражений, употребленныхъ. Посвѣтъ въ разбортъ диссертации Надеждина.

не понимая, что противникъ въ этомъ случаѣ играетъ словами, серьезно началъ доказывать, что «Телескопъ» не знаетъ, что «точка» и «пунктъ» — одно и то же слово, и не понимаетъ смысла слова «пунктъ». Въ третій разъ, по случаю того, что Надеждинъ, въ насмѣшку надъ романами одного тогдашняго писателя, сталъ иронически увѣрять, что произведенія Александра Анфимовича Орлова лучше этихъ романовъ, и Пушкинъ, вздумавъ продолжить эту шутку, напечаталъ въ «Телескопѣ» свои знаменитыя статьи, подписанныя псевдонимомъ Оеофилакта Косичкина, «Телеграфъ» серьезно началъ увѣрять, что Надеждинъ хвалитъ А. А. Орлова, и доказывать тѣмъ безвкусіе Надеждина. Не будемъ продолжать этого исчисленія: намъ ни мало не приятно говорить о неудачахъ «Телеграфа», которому такъ много обязана русская литература. Мы не стали бы приводить и этихъ примѣровъ, если бы увѣрены были, что безъ всякихъ доказательствъ читатели повѣрятъ основательности нашего мнѣнія. Оно состоитъ въ томъ, что Н. А. Полевой могъ играть только жалкую роль въ спорахъ съ своимъ противникомъ. Впрочемъ, ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы выводить изъ этого слѣдствія, неблагоприятныя именно для Н. А. Полеваго: не онъ одинъ, а рѣшительно никто въ тогдашней нашей литературѣ не могъ быть достойнымъ противникомъ Надеждину. Въ этомъ согласится каждый, кто знаетъ нашу тогдашнюю литературу. Мы забываемъ читателя отъ подробнѣйшихъ доказательствъ, предполагая, что они нужны развѣ для немногихъ. Мы боимся, что утомили читателя выписками, да и статья наша приняла уже объемъ болѣе обширный, нежели мы того хотѣли бы.

Мы останавливались такъ долго на полемикѣ, возбужденной статьями Надоумки, и сдѣланномъ Полевымъ разборѣ диссертациі Надеждина потому, что эти факты имѣли рѣшительное вліяніе на мнѣніе огромнаго большинства публики и литераторовъ о Надеждинѣ, какъ критикѣ. Тогда всѣ ахнули и возопили: «зопль, педантъ, шарлатанъ!» и до послѣдняго времени, не вникая въ сущность дѣла, повторяли: «Надеждинъ былъ хулятелемъ Пушкина — о, варваръ безъ вкуса и стыда! Надеждинъ выдавалъ мысли, взятые изъ Аста и Штуцмана, за свои собственныя — о, шарлатанъ! Надеждинъ говоритъ школьною латынью, шпиговалъ свои статьи греческими цитатами — о, педантъ!».

На самомъ дѣлѣ такъ много горячиться намъ не изъ чего. Если Надеждинъ былъ чѣмъ неправъ, то развѣ тѣмъ, что съ жаромъ увлеченія говорилъ о предметахъ, которые не стоили того, чтобы серьезно ими заниматься. Онъ и самъ очень хорошо понималъ это: оттого у него часто среди горькихъ или пламенныхъ тирадъ вырывается невольная улыбка, — вдругъ онъ вспомнитъ: «да надъ чѣмъ я хлопочу? да стоитъ ли горячиться? Да не смѣшонъ ли я, говоря съ любовью и гнѣвомъ?» — и все-таки онъ не могъ удержаться: привязанность къ своему родному брала верхъ надъ шопотомъ разсудка: «не стоитъ объ этомъ говорить!» — и онъ опять бился съ жаромъ, достойнымъ болѣе крупнаго предмета страсти, нежели наша тогдашняя литература. Простимъ ему увлеченіе: вѣдь онъ тогда былъ молодъ; притомъ же, и всѣ другіе, увлекавшіеся потомъ подобно ему, ошибались подобно ему: игра не стояла свѣчъ. Ну, что они выиграли? То, что мы съ вами, читатель, вспоминаемъ о нихъ съ признательностью? Да стоило ли убиваться для пріобрѣтенія признательности той маленькой горсти людей, которая составляетъ у насъ такъ-

называемую публику? Ну, какую пользу принесли они? Ту, что мы от них научились чемунибудь доброму? Да многому ли мы научились? Многому, очень многому, нечего сказать! Стоило портить свою грудь, пренебрегать другими, лучшими карьерами, для того, чтобы образованъ умъ и сердце пяти съ половиной человѣкъ, которые, къ довершенію счастья, забыли почти все, о чемъ толковали имъ съ такою горячностью! Нѣтъ, здравый разсудокъ говорить, что лучше было бы покачать головой и не поднимать гласа вопіющаго въ пустынь.

Однакожь, такъ какъ они уже сдѣлали ту ошибку, что любили насъ съ вами, читатель, и хотѣли намъ добра, то постараемся же припомнить хотя часть того, чему они желалъ научить насъ. Теперь рѣчь зашла у насъ о Надеждинѣ: посиотримъ же, чего хогѣлъ онъ, какъ критикъ.

Въ то время, какъ онъ готовился выступить на литературное поприще, литература наша страдала чрезвычайною поверхностностью. Литератору нѣтъ необходимости быть особенно ученымъ; но онъ не долженъ быть человѣкомъ легкомысленнымъ и поверхностнымъ. А тогда почти всѣ лучше люди были таковы. Самъ Н. А. Полевой, серьезнѣйшій изъ нихъ, такъ пылко желалъ осуществленія того, чего желалъ для русской литературы, что воображаемое принималъ уже за осуществленное и раздѣлялъ общее упоеніе нашими дивными подвигами въ области литературы. Къ чему вело это самообольщеніе? ровно ни къ чему хорошему. Никто не понималъ того, чѣмъ онъ восхищался; никто не понималъ, что радоваться, собственно говоря, было еще нечему. А всѣ радовались и восхищались. Сами не могли въ прозѣ написать ни о чемъ порядочной статейки, въ двадцать страничекъ, не говоримъ: книги,—въ поэзіи имѣли только нѣсколько лярическихъ пьесъ истинно прекрасныхъ, а больше ничего выдерживающаго критику,—не имѣли ни одной сносной прозаической повѣсти, не говоримъ ужъ: романа,—ни одной поэмы въ стихахъ, которая была бы прочувствована, а не пропѣта съ чужого голоса,—а ужъ воображали, что постигли всю мудрость земную, что имѣютъ довольно хорошую литературу; то были невинныя,

Затѣяны игры первыхъ дней!

Юныя мечты, сладкія мечты, какъ наивно прекрасны вы были!

Есть законная пора самообольщеній. Но всякое самообольщеніе должно имѣть свой срокъ, или оно станетъ вреднымъ. Срокъ этотъ приближался. Новое поколѣніе подростало, съ новыми требованіями, съ болѣе глубокими стремленіями. Веневитиновъ былъ раннимъ провозвѣстникомъ этого поколѣнія; но онъ умеръ, едва сказавъ первое свое слово, еще ничего не успѣвъ совершить...

Все продолжалось, повидимому, прежнимъ порядкомъ. И опять явился человѣкъ, все еще нѣсколькими годами опередивъ поколѣніе, которое должно было понять его. Онъ не погибъ такъ рано, какъ Веневитиновъ, не успѣвъ подать руку новому поколѣнію; но когда онъ явился, никто еще не могъ ему сочувствовать, и долго онъ былъ предметомъ общаго изумленія. И самъ онъ не могъ еще указать ни на кого, кто былъ бы человѣкомъ, какнхъ

желать онъ. Все, что видѣлъ онъ вокругъ себя, было достойно только разрушенія и отрицанія. И онъ явился какимъ-то злымъ духомъ отрицанія разрушенія. Таково было положеніе Надоуикъ въ нашей литературѣ.

Онъ одинъ тогда понималъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ. Его не понималъ никто: и потому, что онъ высказывалъ истину очень горькую для тѣхъ, кому говорилъ ее, и потому, что высказывалъ ее горько, и, болѣе всего, потому, что основанія, на которыхъ опирались его приговоры, были незнакомы никому. Нѣмецкая философія, штомцемъ которой онъ былъ, неизвѣстна была никому. Всѣ видѣли только, что онъ противорѣчитъ французскимъ книжкамъ, изъ которыхъ была почерпнута вся наша тогдашняя мудрость — и его объявляли безумцемъ. Чего онъ хочетъ, не понималъ никто, потому что у насъ не было ничего подобнаго тому, чего хотѣлъ онъ, — и всѣмъ показалось, что онъ только хочетъ бранить и унижать нашу литературу.

И, однако же, чѣмъ онъ былъ недоволенъ въ литературѣ? Тѣми поэмами, надъ сочиненіемъ которыхъ тратились всѣ наши силы, восхищеніе которыми отнимало всякую мысль о возможности чего нибудь лучшаго. Нынѣ кто не называетъ этихъ поэмъ дѣтскими произведеніями? Онъ возставалъ противъ Пушкина; но извѣстны ли были тогда созданія Пушкина, передъ которыми мы теперь преклоняемся? «Бориса Годунова», «Каменнаго Гостя», «Мѣднаго Всадника», повѣстей въ прозѣ, — ничего этого еще не было. Были только поэмы въ байроновскомъ родѣ, надъ которыми потомъ смѣялся самъ Пушкинъ, — поэмы не прочувствованныя, странныя подражанія байроновской формѣ безъ всякаго пониманія байроновскаго духа. И развѣ потому возставалъ онъ противъ этихъ поэмъ, что хотѣлъ унижить талантъ Пушкина? Напротивъ, шло такъ рѣзко не замѣчалъ безграничной разницы между Пушкинымъ и другими тогдашними знаменитостями; а вѣдь тогда никто, кромѣ его, не замѣчалъ этой разницы. И развѣ онъ унижалъ въ поэмахъ Пушкина то, что въ нихъ есть хорошаго? Напротивъ, онъ безусловно хвалилъ въ нихъ отдѣльныя картины природы и граціозныя сцены изъ современнаго быта, — единственное, что мы теперь находимъ въ нихъ прекраснымъ. Онъ такъ хорошо понималъ это, что «Графа Нулина» ставилъ выше «Бахчисарайскаго Фонтана». Но онъ все-таки осуждалъ Пушкина? Однако, за что же? за то, что предполагалъ, будто Пушкинъ удовлетворяется своими прежними произведеніями и не думаетъ томъ, что еще не создалъ произведеній, вполне достойныхъ своего великаго таланта. Вѣдь это недовольство, котораго источникъ — очень высокое мнѣніе о талантѣ Пушкина. А когда Пушкинъ издалъ «Бориса Годунова», онъ одинъ оцѣнилъ это произведение, въ послѣдней статьѣ, подписанной имененъ Надоуикъ. И, наконецъ, развѣ онъ возставалъ именно противъ Пушкина? Онъ доказывалъ только, что вся наша тогдашняя литература вовсе не такъ богата, какъ тогда всѣ были увѣрены. И если мы вникнемъ въ сущность его статей, мы увидимъ, что если никто не судилъ о нашей литературѣ такъ строго, какъ онъ, то и никто не превозносилъ такъ Пушкина, какъ онъ. Онъ первымъ высказалъ о характерѣ и силахъ его таланта тѣ понятія, которыя господствуютъ до сихъ поръ. Кажется, этого довольно, чтобы не считать его злонимомъ.

Статьи Надоумки были печальны—онъ ли виноватъ въ томъ? Но онѣ ставали приготовленію лучшей будущности. Развѣ онъ отчаивался въ еѣ будущности, развѣ не призывалъ ея? Прочтите хотя окончаніе его ой. жолчной статьи: «Сонмище Нигилистовъ». На Васильевъ вечеръ, унѣ того дня, когда солнце поворачиваетъ на лѣто, въ тотъ вечеръ, на Руси гадаютъ о будущемъ, выходитъ Надоумко изъ безпорядочнаго ша, гдѣ всѣ кричатъ, подъ хлопанье пробокъ, о талантахъ другъ друга, поены чадомъ взаимныхъ похвалъ своимъ дивнымъ произведеніямъ, всѣ ютъ о пустякахъ, всѣ кричатъ о томъ, чего не понимаютъ; онъ идетъ , грустно думая объ общемъ ничтожествѣ всей этой превозносимой стурь. Нѣтъ ей выхода изъ безсильнаго и шумнаго хаоса... «Какъ вдругъ спрашиваетъ онъ себя: ужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ?»

«Неужели для бѣдной вашей литературы не будетъ возврата съ зимы на лѣто? и ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго нигилизма?—Нѣтъ, лѣ я: нѣтъ, это невозможно:

..... Какъ бы ночь
Ни длилася и неба ни темнела,
А все разсвѣта намъ не миновать!

время, когда слово, наилучшее произведеніе наилучшаго создателя Божія, про-
я будетъ отъ избытка сердца чистаго, раствореннаго святою любовью ко всему
у, истинному и прекрасному!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь,
Еще далеко свѣтлый день!
Но живъ Господь! Онъ знаетъ срокъ!
Онъ вышлетъ утро на востокъ!

удеть, это будетъ, непременно!»—повторялъ я самъ въ себѣ, взбирался домой
окой лѣстницѣ.—«Но—прибавилъ я съ горестнымъ вздохомъ, отворяя двери
й—

Но когда жъ тому случиться?»

аззалинъ изъ сосѣдней комнаты звонюе голоса дѣвушекъ, пѣвшихъ подблюдныя

Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется!

огъ, чтобы сбылось поскорѣе! вскричалъ я, довершая остальное путешествіе до
юморки.—Между тѣмъ, дремать нечего! Можетъ быть, если я равъ-другой пс-
мясь,—

И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо мнѣ дуть!»

Безпристрастный читатель, вѣроятно, согласится съ нами, что Надоумку
считать зопломъ, бросавшимъ грязью въ знаменитыхъ людей, изъ
тщеславнаго желанія надѣлать шуму. Остается сказать нѣсколько словъ
диссертаціи.

ѣтъ сожалѣнію, она у насъ очень мало извѣстна, потому что написана
ипскомъ языкѣ. Его называли за то педантомъ; но латинской диссер-
гребовали правила докторскаго экзамена,—слѣдовательно, Надеждинъ не

виновать въ томъ, что напаясь свое разсужденіе не по русски. Зная, что латынь не найдетъ у насъ много читателей, онъ перевелъ любопытѣйшіе отрывки своего изслѣдованія на русскій языкъ и помѣстилъ въ журналахъ: чего же требовать больше? Только эти отрывки и были прочитаны людьми, которые такъ рѣшительно судили о его диссертациі. Это бѣда была, впрочемъ, не главная: хуже всего было то, что ни Н. А. Полевой, ни другіе противники Надеждина не знали и не могли понять нѣмецкой философіи. А если бы знали, не пришло бы имъ въ голову говорить, что онъ выдалъ чужія мысли за свои и исказилъ ихъ. Основная идея у Надеждина, конечно, та же, что и во всей нѣмецкой философіи, отъ Фихте до нашего времени. И то правда, что ближайшимъ образомъ онъ былъ послѣдователемъ Шеллинга. Но дѣло въ томъ, что онъ пошелъ далѣе Шеллинга и приблизился, силою самостоятельнаго мышленія, къ Гегелю, котораго, какъ по всему видно, не изучалъ. Развивать эту мысль было бы здѣсь неумѣстно. Но кто сличитъ диссертацию Надеждина съ «Эстетикою» Гегеля (изданною черезъ пять лѣтъ послѣ диссертациі Надеждина), тотъ увидитъ, какъ близко къ нему подошелъ Надеждинъ. Это фактъ. Узнавъ его, нечего говорить объ Астахъ и Штупцманахъ¹⁾. Надеждинъ, тогда двадцати-пятилѣтній юноша, стоялъ уже выше этихъ людей, не очень значительныхъ въ исторіи философіи. Это былъ умъ глубокій — вотъ все, что мы можемъ сказать по его первому философскому сочиненію, оставшемуся единственнымъ. И Полевой, думая сказать насмѣшку, сказалъ чистую правду: этотъ «русскій студентъ смыслилъ въ философіи больше Кузена», и не только Кузена, а многихъ мыслителей, которые и въ Германіи успѣли пріобрѣсть себѣ извѣстность, какъ самостоятельные ученики того или другаго великаго философа.

И вотъ этотъ человѣкъ, не только хорошо знакомый съ нѣмецкою эстетикою, но имѣвшій силу двигать эту науку впередъ, занялся критикою: могъ ли онъ не произвести рѣшительно новой эпохи въ нашей критикѣ, которая до него знала только поверхностные французскіе приемы? И дѣйствительно, онъ заговорилъ о такихъ вещахъ, о которыхъ до него и не слыхивали: объ идеѣ, какъ душѣ художественнаго созданія, о художественности, какъ сообразности формы съ идеею, и т. д., и т. д. Мудрость неслыханная тогдашними нашими писателями и непостижимая для нихъ. О, наивныя времена, когда все это было новостью! Всѣ слушали, соображали, изумлялись, оскорблялись, махнули наконецъ рукою и рѣшили, что все это нелѣпость, порожденная педантизмомъ. Это было истинное «Горе отъ Ума».

Статьями Надоумки была рѣшена судьба Надеждина въ литературномъ мірѣ. Онъ возсталъ противъ всей литературы, — вся литература возстала противъ него. Онъ явился слишкомъ рано и оставался одинокъ, пока не выступило на сцену новое поколѣніе, предшественникомъ котораго былъ онъ. Когда

¹⁾ Впрочемъ, Аста и Штупцманъ сдѣланы въ «Телеграфѣ» учителями Надеждина явно по везанію. Это очевидно каждому нѣмущему понятіе объ исторіи новой философіи. Доказывать это и не стоитъ. Отъ улыбки въ поясненіяхъ Надеждина изъ Аста Полевой самъ скоро отказался; а книги Штупцмана Надеждинъ и не видывалъ, потому что не считалъ его заслуживающимъ вниманія, въ чемъ и не ошибался.

онъ сталъ издавать «Телескопъ», публика знала его только по презрительнымъ отзывамъ «Телеграфа», «Сына Отечества», «Обверныхъ Цвѣтовъ» и всѣхъ остальныхъ журналовъ, газетъ и альманаховъ. Очень естественно, что «Телескопъ», лишенный всякой помощи со стороны литераторовъ, имѣлъ только ограниченный успѣхъ. Критика его, продолжавшая развивать идеи, выраженные Надеждинымъ прежде, долгое время не могла достичь до публики. Но вотъ начало выступать на сцену молодое поколѣніе: Надеждинъ въ немъ нашелъ себѣ помощниковъ. «Телескопу» предстояла, по всей вѣроятности, блистательная будущность. Но онъ пересталъ существовать.

Едва ли теперь надобно объяснять, почему критика Надеждина не имѣла, въ свое время, особеннаго вліянія на публику. Она явилась слишкомъ рано. Публика еще не была настолько развита, чтобы сочувствовать ей. И, притомъ, «Вѣстникъ Европы», въ которомъ Надеждинъ помѣстилъ значительныхъ статей гораздо болѣе, нежели потомъ въ собственномъ журналѣ, былъ почти совершенно неизвѣстенъ публикѣ. Онъ и заслуживалъ этой судьбы, потому что былъ очень плохъ. А если кому и попадалась въ руки книжка этого журнала, едва ли изъ десяти читателей одинъ могъ безъ смѣха читать ея страницы, изукрашенныя, по замысловатой ореографіи Каченовскаго, еитами и ижицами. Мы упоминали объ эпиграммѣ, написанной на Каченовскаго Баратынскимъ, по случаю статей Надоумки. Вотъ она, съ сохраненіемъ того правописанія, которое придавало ей соль въ «Телеграфѣ»:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА.

Хвала, настѣтый нашъ Зоиль!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливымі струнами;
Бѣсилъ Жуковскій въ слѣдъ за нимъ;
Вотъ бѣситъ Пушкинъ: вѣкъ любимъ
Ты далаовидными Судьбами!
Три поколѣнія вѣщавъ
Тебя, красой своіхъ вѣщавъ,
Въ негодованье приводилъ:
Пешись о здравіи своемъ,
Чтобы, подобно первымъ тремъ,
Другіе три тебя бѣсилъ.

Многіе ли могли безъ смѣха взять въ руки журналъ, самая ореографія котораго подаетъ поводъ къ подобнымъ пародіямъ?

Но вредъ Надеждину оттого, что онъ первое и самое дѣятельное время своей критики отдалъ «Вѣстнику Европы», состоялъ не только въ томъ, что статьи его остались почти никѣмъ не прочитаны или возбуждали своею нелѣпою внѣшностью улыбку въ тѣхъ нонногихъ, которымъ попадались на глаза: былъ нанесенъ ему участіемъ въ «Вѣстникѣ Европы» и другой вредъ, еще болѣе важный. Этотъ журналъ считался защитникомъ всего устарѣлаго и бездарнаго въ литературѣ, врагомъ всего современнаго и даровитаго. Статьи Надеждина, существенный смыслъ которыхъ такъ трудно было угадать неприготовленной публикѣ, получали самый невыгодный смыслъ ужъ отъ одного того, что являлись въ

такомъ журналѣ. Да и самъ Надеждинъ подавалъ еще новый поводъ къ недоразумѣніямъ: чтобы колкнуть тогдашнихъ писателей, онъ иногда иронически превозносилъ старыхъ писателей. Для насъ иронія очень понятна, — въ то время она многими не была понята.

Но все это только внѣшнія причины неуспѣха. Были и внутреннія. Одну изъ нихъ мы уже видѣли: Надеждинъ явился слишкомъ рано для публики и литературы. Теперь прибавимъ другую: онъ явился слишкомъ рано и для себя. Образъ мыслей его не совершенно еще установился въ то время, когда онъ началъ свою литературную дѣятельность. Основные воззрѣнія его были тверды и справедливы; но много осталось еще въ немъ слѣдовъ прежняго образованія, и почти вся его послѣдующая журнальная дѣятельность представляется, какъ исторія постепеннаго его освобожденія отъ различныхъ остатковъ той «старой тухи» (по его выраженію), которая такъ связываетъ движенія мысли. Въ началѣ, онъ часто, самъ того не замѣчая, выражалъ понятія, несообразныя съ его истиннымъ образомъ мыслей, съ его основными идеями.

Это придавало еще больше двусмысленности многимъ страницамъ его статей, и безъ того уже бывшимъ слишкомъ трудными для разумѣнія тѣхъ наивныхъ людей, съ которыми онъ говорилъ. Но если это было вредно для его первыхъ статей, то мы видимъ новое доказательство силы его въ быстромъ и неудержимомъ стремленіи впередъ. Немногимъ, и только самымъ сильнымъ изъ насъ, возможно совершенно перевоспитать себя. Надеждину было дано это. Силою мысли и знанія достигъ онъ того, что, бывъ въ двадцать лѣтъ человѣкомъ XVII вѣка, въ двадцать-пять лѣтъ, при началѣ своей литературной дѣятельности, бывъ человѣкомъ XIX вѣка въ одеждѣ XVII вѣка, въ тридцать лѣтъ сталъ вполне человѣкомъ XIX вѣка. Кто знаетъ, какъ трудно это перерожденіе, тотъ пойметъ, сколько душевной силы нужно, чтобы пройти этотъ путь и стать у цѣли свѣжимъ и бодрымъ, безъ подчиненія прошедшему, съ однимъ нераздѣльнымъ стремленіемъ къ будущему.

Чтобы указать опредѣленнѣе на характеръ этого перерожденія, обратимъ вниманіе хотя на внѣшность. Нельзя не согласиться, что мысли Надеждина, по сущности своей чуждыя схоластики, выражались иногда въ первыхъ его статьяхъ подъ формою схоластическою. Въ послѣднихъ его статьяхъ вы не найдете никакихъ слѣдовъ схоластики; а какъ трудно достичь этого! Скажите, много ли найдется въ исторіи литературы людей, которые успѣвали бы совершенно сбросить съ себя всю схоластику, если когда нибудь носили ея?

Въ своемъ журналѣ Надеждинъ помѣщалъ значительныя статьи гораздо рѣже, нежели прежде, въ «Вѣстникѣ Европы». Конечно, тому мѣшали мелочные труды по редактированію журнала, занятія по званію профессора и, вѣроятно, различные случайныя обстоятельства. Но вообще онъ писалъ для журнала много, и, какъ видно по всему, энергія его не ослабла, — напротивъ, въ послѣднее время, онъ и значительныхъ статей началъ печатать болѣе, нежели когда нибудь. Видно, что участіе молодого поколѣнія придавало новыя силы этому замѣчательному человѣку, который, впрочемъ, и самъ только еще вступалъ въ періодъ полнѣйшаго развитія силъ: въ тридцать два года, для большей части

людей, только еще начинается истинная дѣятельность, для Надеждина—время литературной дѣятельности кончилось.

«Телескопъ» не пользовался особеннымъ успѣхомъ, хотя и не былъ журналомъ совершенно безъ читателей; онъ пользовался нѣкоторымъ, но не очень значительнымъ, вліяніемъ на публику. Но вліяніе Надеждина на литературный нашъ кругъ было очень значительно. Всѣ возставали противъ него—и, однако же, противъ воли, подчинялись его мнѣнію, на сколько могли понимать его. Чтобы не обременять статьи нашей множествомъ примѣровъ, укажемъ только на «Телеграфъ», который, до самаго конца своего существованія, пользовался предпочтительною любовью публики: черезъ годъ или полтора послѣ того, какъ Надеждинъ началъ писать свои статьи, въ журналѣ Полеваго стала ощутительна значительная перемѣна. Прежде почти не бывало критическихъ статей большаго объема; о самыхъ значительныхъ писателяхъ, по случаю пзданія собранія ихъ сочиненій, высказывалось лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній; теперь чаще и чаще начали являться большія статьи о томъ или другомъ писателѣ, и разборы значительныхъ книгъ не ограничивались, какъ прежде, двумя-тремя страницами. Развитие критики «Телеграфа» не ограничивалось расширеніемъ объема: самые приемы ея сдѣлались основательнѣе. Самое направленіе ея измѣнилось: Полевой видимо учился многому у своего противника. Такъ, напримѣръ, «Телеграфъ» началъ говорить, что мы не романтики и не классики, что въ наше время романтизмъ и классицизмъ должны соединиться, изъ ихъ сліянія должна возникнуть новая литература, и т. д. Все это чисто мысли Надеждина. Исчезло и прежнее самообольщеніе въ богатствѣ нашей литературы: начались толки о томъ, что она скудна. «Телеграфъ», прежде восхищавшійся «гигантскими яагами, которые дѣлають нашъ вѣкъ и наша литература», началъ подсмѣиваться надъ медленнымъ и часто попятнымъ ходомъ этого развитія, быстротою котораго еще недавно восхищался; началъ отдавать справедливость тому, что было хорошаго въ старой литературѣ; началъ говорить, что литературѣ нашей всего нужнѣе солидное образованіе и привычка къ серьезному образу мыслей въ писателяхъ, что нынѣшніе писатели не удовлетворяють этимъ условіямъ, потому, несмотря на свои таланты, не могутъ произвести ничего великаго, и т. д., и т. д.—всего нельзя и перечестъ—и всѣ эти понятія были навѣяны Надеждинымъ. Едва ли можно найти хотя одну мысль его, которая не была бы повторена въ «Телеграфѣ». Какъ любопытный примѣръ, приводимъ въ приложеніи III извлеченіе изъ той статьи, которая служить заключеніемъ «Новаго Живописца Общества и Литературы». Полевой, конечно, хотѣлъ завершить эти очерки изложеніемъ своихъ общихъ выводовъ, своихъ существенныхъ поштіи о литературѣ,—и что же? онъ буквально повторилъ то, что за три или четыре года говорилъ Надоумко. Но, конечно, всѣ эти навѣянные мысли остались въ «Телеграфѣ» только навѣянными мыслями. Сущность свою онъ измѣнять уже не могъ, и подъ новою одеждою онъ остался старымъ.

Вполнѣ привились основныя идеи критики Надеждина только къ дѣятельнымъ новаго поколѣнія, важнѣйшій изъ которыхъ образовался подъ его непосредственнымъ руководствомъ и чрезъ «Отечественныя Записки» влилъ новую жизнь въ нашу литературу и въ нашу публику.

Если за Н. А. Полевым неоспоримо остается та заслуга, что онъ первый сдѣлалъ критику существенною и важною частью нашей журналистики, то Надеждину принадлежитъ заслуга, еще болѣе важная: онъ первый далъ прочныя основанія нашей критикѣ. До него повторялись у насъ непрочувствованныя, непржитыя мысли, и повторялись съ голоса учителей очень поверхностныхъ, которые сами не понимали хорошенько и себя, не только другихъ. Эти учителя были французскіе романтики. Надеждинъ первый прочно ввелъ въ нашу мыслительность глубокой философскій взглядъ. Онъ далъ нашей критикѣ глубокіе, всеобъемлющіе принципы, открытые для эстетики нѣмецкою наукою. Онъ первый объяснилъ нашей критикѣ, что такое поэзія, что такое художественное произведеніе. Отъ него узнали у насъ, что поэзія есть воплощеніе идеи, что идея есть зерно, изъ котораго вырастаетъ художественное произведеніе, есть душа, его оживляющая; что красота формы состоитъ въ соотвѣтствіи ея съ идеєю. Онъ первый началъ строго и вѣрно разсматривать, понята ли и прочувствована ли идея, выраженная въ произведеніи, есть ли въ немъ художественное единство, выдержаны ли и вѣрны ли челоуѣческой природѣ, условіямъ времени и народности характеры дѣйствующихъ лицъ, истекають ли подробности произведенія изъ его идеи, естественно ли, по закону поэтической необходимости, развивается весь ходъ событій, воплощающихъ идею автора. изъ данныхъ характеровъ и положеній, — словомъ, онъ первый далъ русской критикѣ всѣ эстетическія основанія, на которыхъ должна была она развиваться, и показалъ примѣры, какъ прилагать эти принципы къ сужденію о поэтическомъ произведеніи. Это первая, общая заслуга его критики. Вторая, частная, состоитъ въ томъ, что онъ подвергъ этой критикѣ, которой научилъ насъ, всю нашу литературу тридцатыхъ годовъ, высказалъ свои выводы громко и, объяснивъ, чѣмъ была наша литература до появленія Гоголя и другихъ великихъ талантовъ, ознаменовавшихъ своимъ появленіемъ начало гоголевскаго періода, приготовилъ послѣдующую критику къ справедливой оцѣнкѣ того равнвтія, которое дано нашей литературѣ этими новыми писателями.

Но онъ дѣйствовалъ въ самое неблагоприятное для нашей поэзіи время — во время перехода отъ прежняго направленія къ новому. Ему дано было только призывать новое время, но не быть его дѣйствителемъ. Его критическая дѣятельность прекратилась въ то самое время, когда гениі Гоголя началъ выражаться произведеніями, составившими эпоху въ нашей литературѣ, въ то самое время, когда начиналась дѣятельность Кольцова и Лермонтова. Потому его критика произносила почти исключительно приговоры только отрицательныя. Она доказала, что прежнее наше богатство ложно; она не могла еще воодушевить нашу публику указаніемъ и объясненіемъ новыхъ пріобрѣтеній. Онъ явился слишкомъ рано и потому не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на мѣнія публики, еще не приготовленной къ тому, чтобы сочувствовать ему. Онъ кончилъ тогда, когда только еще начиналась истинная пора для критики того направленія, которое ввелъ онъ въ нее. Потому существенное значеніе его критической дѣятельности состоитъ только въ томъ, что она была приготовительницею послѣдующей критики, — и главнѣйшая заслуга Надеждина-критика въ нашей литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ былъ образователемъ автора статей о Пушкинѣ. Выражаясь любимымъ его языкомъ

классической поэзии, онъ незабвененъ для насъ, какъ Хронъ, воспитатель Ахиллеса.

Критика была только одна изъ многихъ сторонъ его разнообразной литературной дѣятельности. Она принесла уже свой плодъ. Другіе, быть можетъ, еще значительнѣйшіе труды его по другимъ отраслямъ науки до сихъ норъ остаются еще неопѣянными. Придетъ время, будутъ оцѣнены и они.

Приложенія.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТАТЬИ ЭКСЪ-СТУДЕНТА НИКОДИМА НАДОУМКИ.

Къ стр. 179.

Борскій, сочиненіе А. Подолинскаго. Спб. 1829.

(Статья 2. «Вѣстникъ Европы» 1829 г., № 7. Стр. 200—220).

Прежде всего замѣтѣмъ, что Подолинскій возбуждалъ въ то время самыя блестящія ожиданія. Многіе думали, что въ немъ является достойный соперникъ Пушкина. Потому-то Надоумко и обращаетъ вниманіе на его поэму, которую превозносила до небесъ.

Эпиграфъ разбора, взятый изъ гораціевой «Науки Стихотворства»:

Nunc satis est dixisse: ego mira poemata pango,—

по обыкновенію опять заключаетъ въ себѣ двусмысленную колкость. Проще всего его надобно перевести: «Теперь довольствуются словами: я пишу удивительныя поэмы»; но, по смыслу статей Надоумко, должно перевести его такъ: «Просто скажу: объ удивительныхъ поэмѣхъ пишу я»,—т. е. Надоумко. Это еще болѣе явительно, потому что относится уже не къ одному Подолинскому, а ко всѣмъ тогдашнимъ знаменитымъ поэтамъ.

Первая статья начинается общими размышленіями о тогдашней нашей поэзіи и оканчивается, какъ мы видѣли, разсказомъ содержанія поэмы Подолинскаго, послѣ чего Надоумко начинаетъ вторую статью такъ.

«Спрашивается: что за удовольствіе представлять подобныя вродавыя зрѣлища?.. Ужасныя картины кровопролитія и убійствъ весьма рѣдки въ вещественной нашей жизни: какъ же могутъ онѣ обратиться во всеобщую прихоть вкуса? Справедливѣе бы, кажется, можно было упрекнуть насъ въ недостатокъ вкуса, тѣмъ въ подобномъ развращеніи онаго. У насъ досегѣ, несмотря на неослабно распространявшіеся успѣхи просвѣщенія, господствуетъ еще какая-то мудреная апатія къ истинно изящнымъ наслажденіямъ. Наши театры полны бываютъ только при представленіяхъ Кіарини (фокусника), я изъ нашихъ періодическихъ изданій больше всѣхъ расходится—«Московскія Вѣдомости». Не эта ли слишкомъ замѣтная скудость чувствительности вынуждаетъ вашихъ поэтовъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ для пробужденія въ нашихъ непросыпныхъ душахъ привѣтнаго отклика?.. Но отчего бы нашимъ поэтамъ не попытаться прибѣгнуть къ другому, менѣ шумному, но болѣе надежному средству возбуждать эстетическое участіе?.. Отчего бы не допустить имъ въ поэтическій мѣханизмъ свой, кромѣ кинжала и яда, другихъ пружинъ, меньше смертоносныхъ, но не меньше дѣйствительныхъ?.. Не могло ли бы съ избыткомъ замѣнить всю эту *романтическую* стукотню и рѣзко—существенное достоинство и величіе изображаемыхъ предметовъ.

наставительная знаменательность драпировки, не ослѣпительная для умѣнного взора свѣтлость мыслей, не удушительная теплота ощущеній?.. А этого-то, по несчастію, и недостаетъ въ нашихъ новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ!—Они обращаются около предметовъ совершенно ничтожныхъ: одѣваются въ маскарадные костюмы, представляюще уродливое смѣшеніе этнографическихъ и хронологическихъ противорѣчій; блеетъ пошлыми двучлвевыми остротами; дышатъ чадными и нерѣдко смрадными чувствами. Отъ двухъ первыхъ обвинительныхъ пунктовъ не оправдятся и *Борскій*. Что за предметъ для поэмы?.. Ревнивый мужъ убиваетъ жену-лунатика и замерзаетъ самъ на ея могилѣ... Что тутъ интересаго?.. И въ пенхологическомъ отношеніи—это не великое дѣло, и въ эстетическомъ—не весьма занимательное зрѣлище! Будь это событіе историческое или по крайней мѣрѣ основанное на народномъ преданіи,—тогда бѣ оно могло имѣть для насъ важность истины или прелесть наслѣдственной собственности—прелесть роднаго... Но—сочиняютъ нарочно ташія *исторіи* значить изнушать воображеніе надъ пустяками!—Недостатокъ сей можно было бы, однако же, искупить счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкой поэтического костюма. Мы разумѣемъ здѣсь подъ *костюмомъ* всѣ тѣ многочисленныя, многоразличныя, черты и картины, кои сообщаютъ поэтическую индивидуальность повѣствованію, опредѣляя мѣсто и время, къ коимъ оно относится. Пронсѣвствіе, само по себѣ ничтожное, можетъ служить генію канвою для поэтического изображенія цѣлой эпохи, цѣлой страны, цѣлаго народа: и тогда ничтожность его совершенно теряется изъ виду. Такъ ли поступлено въ *Борскомъ*?.. *Владиміръ Борскій* и весь причтъ лицъ, составляющихъ историческое бытіе сей поэмы, суть, какъ видно по именамъ и прозваніямъ, люди *русскіе*. Переимѣните сія имена и прозванія—кто узаетъ въ нихъ русскихъ?.. Ни одной малѣйшей черты народнаго характера русскаго! Переименуйте *Владиміра* въ *Адольфа*—это будетъ французъ во всѣхъ статьяхъ! О прекрасной *Еленѣ* и говорить нечего: она отлита въ обыкновенной формѣ *красавицы*, заказываемыхъ для историческихъ романовъ à la Madame Genlis. А добрый деревенскій священникъ!.. Его дружеское отношеніе къ *Владиміру* у насъ, въ святой Руси, есть совершенный анахронизмъ, взятый изъ будущаго, можетъ быть, XX вѣка!—Но пусть *историческая* живопись *Борскаго* слаба, неопредѣленна, безцвѣтна: не замѣняетъ ли онъ ее живописью *ландшафтной*?.. Кажись бы, такъ и слѣдовало! Дѣйствіе совершается на цвѣтущихъ берегахъ широкаго Днѣпра, подъ благословеннымъ малороссійскимъ небомъ. Какая богатая сцена! какая неистощимая жатва для генія!.. Сколько поэтическихъ красотъ могло бы представить живописное изображеніе величественнаго Днѣпра, воснявшаго на зыблущемся хребтѣ своемъ младенчествующую Русь въ колыбели! Сія маститые холмы, на которыхъ возлегалъ древняя мать градовъ русскихъ; сія сыпучіе пески, разстилающіеся перловомъ бахромомъ вскарай водѣ днѣпровскихъ, не освящены ли на каждомъ шагу воспоминаніями, драгоцѣннѣйшими для каждаго русскаго сердца?.. И что же?... Величественнаго Днѣпра какъ будто-бѣ и не было. А мирная, *идиллическая* жизнь добрыхъ нашихъ малороссіянъ, о ней и вовсе ни слуху, ни духу!—Такъ ли надобно поступать поэтамъ, провозглашающимъ себя поборниками *романтизма*? *Романтизмъ*, въ чистѣйшемъ своемъ знаменованіи, тѣмъ преимущественно и отличается отъ *классицизма*, что исчерпываетъ мощное лоно природы *всѣмълющимъ* окомъ, со всѣхъ точекъ, во всѣхъ направленіяхъ. Посмотрите на творенія чуднаго Байрона!.. Его «*Чайльдъ-Гарольдъ*» есть богатѣйшая ткань идеализированной исторіи челоѣчества, убранная драгоцѣннѣйшими воспоминаніями, собранными изъ всѣхъ вѣковъ, подъ всѣми земными посями. Его «*Джауръ*» дышетъ палящимъ зноемъ Востока; въ его «*Мазепѣ*» кипитъ буйная кровь сарматская; его «*Кантъ*» предстоятъ во всей суровой наготѣ первобытнаго міра. Отчего бы и *Борскому* не окостюнироваться равно полнымъ, равно вѣрнымъ, равно занимательнымъ образомъ?.. Это, право, сообщало бы ему больше *романтической* прелести и произвело бы живѣйшій и прочтѣйшій эффектъ, чѣмъ подобныя эвменидистическія сцены:

Поступленный

Онъ далъ въ бѣшенствѣ бѣжить;

То здѣсь, то тамъ кинжалъ блеснуть
Въ рукѣ, луною озаренный—
Нѣтъ жертвы болѣ!

Овъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ—
Въ его рукѣ окровавленной
Рука *Елены*, но она
Уже недвижна и холодна
И костенѣетъ постепенно...

Отчего бы... Но увы!—это легко сказать, но легко ли сдѣлать?.. Чтобы дать полную, определенную, выразительную физиономію поэтической картинѣ, не довольно одного юнаго, свѣжаго и мощнаго таланта: нужно еще—*ученіе*... проклятое *ученіе*!.. Безъ него не обогнать ни на шагъ сильнаго, могучаго богатыря «Илью Муромца»!..

Искусство мыслить—ключъ къ искусству сочинять.

Такъ учивалъ въ старину Горацій! А у насъ теперь?

Не знавшій грамотѣ стихи кропаетъ смѣло!..
«И для чего не такъ?.. Я вольностью дышу!»
Я знатенъ, я богатъ, я баринъ я... пишу!»

Повторимъ снова приведенный нами эпиграфъ:

Nunc satis est dixisse: «ego mira poemata pango!...»
Мудрецъ нашъ мыслить такъ: «предъ смѣлымъ награждение!»
Погибни вслѣпій трудъ: могу и безъ него
Казаться знатокомъ, не зная ничего!»

«Но, говорятъ, поэтической истиннѣе можетъ замѣнить для гешя всю школьную пыль учености!—Природа-де познается не изъ книгъ и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, безъ укавки профессорской; посему живописцемъ природы, псторіографомъ сердца легко сдѣлаться, не проведши ни физики Страхова, ни исторіи Шрекка. Вѣдь *Гомеръ* и *Шекспиръ* не учились въ университетахъ!»—Просимъ пзвиненія, мм. гг.! *Гомеръ* учился всю жизнь свою: его «Иліада» и «Одиссея» написаны не по однимъ слухамъ, а съ собственныхъ долговременныхъ наблюденій надъ обычаями различныхъ странъ и народовъ. Что до *Шекспира*, то пора бы также перестать ссылаться на него, какъ на образецъ гешя-неуча. *Шекспиру* не совсѣмъ была чужда классическая древность, составлявшая издавна родовое наслѣдіе всѣхъ свроепейскихъ нпцій, и едва ли кому изъ нашихъ автодидактическихъ всезнаекъ удалось смести столько пыли со старинныхъ отечественныхъ лѣтописей, какъ творцу *Генриха IV* и двухъ *Ричардовъ*. *Гомеръ* и *Шекспиръ* знали, слѣдовательно, природу и сердце не по одному только истиннѣу. Оттого-то ихъ творенія дышатъ поэтической истинною и составляютъ наслѣдственное богатство всего человѣчества. А наши молодые поэты? Они знаютъ природу и сердце лишь по наслышкѣ: вотъ почему и творенія ихъ представляютъ не исторію природы и сердца, а различныя исторіи о природѣ и о сердцѣ. Неестественность и нелѣпость составляютъ ихъ отличительное качество. Возьмемъ за *Борскаго*: какъ неудачно состеганы кусочки, изъ которыхъ счита сія поэмка; рука художника не умѣла даже прикрыть швовъ, которые вездѣ въ глаза мечутся. *Владимиръ* есть единственный герой, или лучше единственное живое *лице* поэмы: ибо всѣ прочія суть восковыя *фигуры*. Его характеръ долженъ, слѣдовательно, быть средо-

точіемъ, изъ котораго должна развѣваться вся поэма. Спрашивается: что это за характеръ?.. Господь одинъ знаетъ. Въ *первой главѣ первой части Владиміръ* представляется состарѣвшимся юношею: по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ самъ о себѣ:

Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужъ знаю тягость бытія,
И сердцу чуждо слово: радость!

Непонятно, отчего онъ такъ скоро состарѣлся. Его любовь не была любовь обманутая, разочарованная, безнадежная. Правда, онъ преслѣдуемъ былъ гнѣвомъ раздраженного отца; но сей гнѣвъ не раздражалъ еще надъ нимъ въ убійственномъ проклятіи. Это доказываютъ собственные чувства его при вскрытіи рововаго письма, заключающаго послѣднюю волю отца его:

. долго онъ,
Въ волненіи страха перемѣнномъ,
Не смѣвъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныхъ строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты загибания хранить,
Быть можетъ, горькіе *упреки!*

Упреки!— слышите ли! не болѣе?.. Это все, что только могъ онъ представить себѣ ужаснѣйшаго при видѣ таинственнаго загибания. До того—онъ и о нихъ мало думалъ. Его тревожили только одни любовническія сомнѣнія о вѣрности Елены.

Не разъ, сомнѣніямъ предана,
Моя душа изнемогала:
Теперь... опять... но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго *она!*..

«Статочное ли дѣло, чтобы подобныя сомнѣнія, которыя, по свидѣтельству опытныхъ знатоковъ любви, не разрушаютъ, а питаютъ блаженство любящихъ сердецъ, могли «разоблачить до ужасной наготы всю жизнь» для *Владиміра*?.. И если бы это было правда, если, по собственному сознанію *Владиміра*, въ крови его уже не было

..... Жара первыхъ впечатлѣній,

то какъ бы онъ, угрожаемый проклятіемъ скончавшагося отца, могъ сказать въ ту же пору:

Но если долго такъ она (*Елена*)
Объту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
И на *преступную* главу
Проклятій новыхъ не зову!

Нѣтъ! это не исторія сердца! Какъ бы, однако, то ни было, при окончаніи *первой* части поэмы *Владиміръ* женится.—Замѣтимъ, что сія первая, *седмиглавая*, часть есть не болѣе, какъ длинныя сѣни съ переходами ко второй, *пятigliавой*, части,

составляющей главный корпусъ всего поэтическаго зданія *Борскаго*. И что же сія *вторая* часть? Тѣ же противорѣчія, та же невѣроятность, та же невозможность!.. Бракъ для *Елены* есть источникъ несчастія: она не можетъ изгнать изъ своей памяти того страшнаго мгновенія, когда

..... озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Бя супругъ, у алтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И привялъ, блѣдный я безмолвный,
Лобзанья жаркія ея.

Растерзанное сердце ея предается подозрѣнію ревности. Это очень естественно. Не невозможно также было и *Владимиру*, коего несчастная *подозрительность* уже извѣстна, отозваться подобнымъ чувствомъ на неизъяснимую тоску *Елены*. Но естественно ли, вѣроятно ли, возможно ли по законамъ самаго необузданнаго поэтическаго своеволія, чтобы послѣ дышащаго истиннымъ огнемъ страсти разговора *Елены* съ *Владимиромъ*, составляющаго содержаніе *второй главы* второй части *Борскаго*, сей послѣдній ногъ предаться столь страшному, столь несправедливому, столь неблагоприятному гнѣву:

«Въ чемъ еще сомнѣнье?

И ей наскучилъ—мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстию позорной
Давно душа ея горить,
Но мыслить: мужа усыпить
Она любовію притворной...
Да, это вѣрно! мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала—та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня...
Ошиблась!—Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной—
Еще *открытіе* одно—
И пусть я гибну—все равно,—
Я не щажу неблагодарной!..

И это *открытіе*?.. Это *открытіе*, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть—сколь ничтожно!.. Бредъ *лунатика*... бредъ безсвязный, безмысленный, безжизненный—и...

И вотъ сверкнуло лезвие,
И кровь *Елены* на кинжалѣ—
И рана въ сердцѣ у нея!

Не всякъ ли видитъ, что поэту хотѣлось только довести *Владимира* до убійства и до самоубійства, во что бы то ни стало!.. Онъ и успѣлъ въ томъ! Но какимъ новымъ фактомъ, какимъ новымъ открытіемъ можетъ все это обогатить *исторію сердца*?.. Какъ вамъ угодно, гг. *романтика*, а намъ, слѣпымъ людямъ, кажется, что ежели истиннаго званія *природы* и *сердца* разрождается подобными слѣдствіями, то оно—никуда не годится!

II.

Къ стр. 42.

ПЕРВЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ПЕРВОЙ СТАТЬИ ЭКСЪ-СТУДЕНТА НАДОУМКО.

№ 21 «Вѣстника Европы» 1828 г., въ которомъ было помѣщено начало статьи «Литературныя опасенія», вышелъ 14 ноября; первымъ вышедшимъ послѣ того номеромъ «Телеграфа» былъ 20-й, явившійся 28 ноября. въ одинъ день съ № 22 «Вѣстника Европы», въ которомъ было окончаніе статьи Надоумко. Полевой спѣшилъ съ перваго же разу оборвать выскочку, рѣшившагося заговорить такъ дерзко, и хотѣлъ внушить ему надлежащій страхъ. не ожидая, какъ видимъ, окончанія его «Опасеній».

Тирада «Телеграфа» составляла эпизодъ въ общемъ обзорѣнн журналовъ. Полевой не считалъ нужнымъ входить въ подробныя объясненія съ писателемъ, еще не имѣющимъ извѣстности, и, упомянувъ о немъ кратко и презрительно, главнымъ свои нападенія обратилъ на Каченовскаго, котораго, какъ видно, считалъ и главнымъ виновникомъ «Литературныхъ Опасеній». Каченовскій, какъ извѣстно, былъ главнымъ врагомъ романтиковъ, и Полевому естественно былъ предполагать, что онъ подбучилъ или заставилъ Надоумку написать дерзкую статью. Вотъ тирада «Телеграфа», очень интересная по своей ѣдкости:

(«Телеграфъ» 1828 г. № 20. Стр. 400—493).

Извѣстно, что съ давняго времени «Вѣстникъ Европы» упдалъ, валился, и нынѣшній годъ, въ кунныхъ мордкахъ и ученическихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи русской, всѣ думали слышать послѣдній вздохъ «Вѣстника Европы»... Но дугъ перемѣны грянулъ и надъ нимъ, и 16 доля № 18 занята объявленіемъ: «Желаю еще потрудиться, беру на свою отвѣтственность составленіе и печатаніе»... Все это возбуждаетъ какое-то умиленное чувство при мысли, что *такъ* говоритъ издатель журнала. 26 лѣтъ издающагося и—падающаго. Издатель увѣряетъ, что въ неизмѣримой области исторіи едва проложены тропы; съ другой стороны видимъ безпомощное состояніе литературы, усилія партій водрузить свои знамена на землѣ, которая все была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики. Надобно, чтобы голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не устаетъ звуками кимвала бряцающаго и мѣди звенящей». Слѣдуютъ обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель «Вѣстника Европы». Но до общаго его дѣла читателямъ, а не намъ. Мы напоминаемъ только «Вѣстнику Европы», что не такъ должно ему браться за законы словесности. Если бы онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастн, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.

Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»? гдѣ его права и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузить свои знамена? гдѣ, за какою океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно проеидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивиться ли, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудвыя распри, греются кимвалы бряцающіе и мѣдъ звенящая?

Съ 1805 года нынѣшній издатель «Вѣстника Европы» началъ свое дѣло и — теперь только вздумалъ, что уже время трудиться самому. Оспаривая у другихъ право литературнаго суда, онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на *его* права: гдѣ они?

Журнальныя статейки, выходки на Карамзинныхъ, Жуковскихъ, Буле, Калайдовичей, подлюжныя диссертаций изъ чужихъ матеріаловъ, передѣлка статей Баузе, переводъ вздорнаго романа («Тереза и Фальдони»), перекроеніе съ польскаго «Хрестоматіи» Якобса, смѣшныя споры, коими пестрился иногда «Вѣстникъ Европы» — вотъ все, чѣмъ устлалъ себѣ издатель «Вѣстника Европы» дорогу въ храмъ литературнаго бесчестія, втеченіе 25 лѣтъ! Ни одной книги, достойной вниманія, ни одной самобытной замѣчательной статьи въ 25 лѣтъ — и г. издатель говорить о кимвалахъ бряцающихъ и мѣди звенящей!

Впрочемъ, посмотримъ: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ «Вѣстникъ Европы» вдругъ оживится, возстанетъ... Но нѣтъ! кажется, это уже невозможно. Въ № 21 сего года едва ли не начато преобразование, и — безъ смѣха нельзя читать испещренной греческими, латинскими, французскими, нѣмецкими цитатами, статьи о литературѣ русской. Въ греческомъ эпиграфѣ въ трехъ строкахъ пять ошибокъ (самъ издатель «Вѣстника Европы» знаетъ по гречески очень плохо: на это есть вѣрныя доказательства; а г. Надоумко, сочинитель статьи, какъ студентъ, разумѣется, небольшой знатокъ греческихъ трагиковъ), и самое лучшее въ статьѣ есть то, что говорить сочинителю разговаривающее съ нимъ лицо: «не стыдно ли тебѣ такъ далеко отстать отъ своего вѣка и перетрагивать на бездѣль старинную труху!» Впрочемъ, эта драгоценная статья стоитъ особливаго разбора.

Статья «Телеграфа» подписана была псевдонимомъ «Бенигна». Каченовскій имѣлъ слабость отвѣчать на нее слѣдующимъ курьезнымъ примѣчаніемъ къ статьѣ Надоумко «Откликъ съ Патриаршихъ Прудовъ».

Здѣсь приличнымъ почитаю объявить, что препираться съ Бенигнуою я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигна и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибы не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службъ и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную.

Рдръ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ жалкая попытка Каченовскаго оградиться тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ и невозможно оградиться въ спорахъ чисто литературныхъ, получила рѣшеніе, какого заслуживала: Пушкинъ напечаталъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 года свою превосходно написанную статью, которую приводимъ здѣсь вполнѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. Вотъ первая половина ея:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Распря между двумя извѣстными журналистами надѣлала шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло, *sine ira et studio*.

Въ концѣ минувшаго года, редакторъ «Вѣстника Европы», желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости «Вѣстника Европы», сверхъ того, «движимый глубокимъ чувствомъ состраданія, при видѣ безпо-

мощнаго состоянія литературы», онъ обѣщалъ «употребить наконецъ свои старавія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе». Онъ надѣялся «отыскать далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать». Онъ собирался «пуститься въ неизвѣстную область бытописанія», по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, «проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ бесплодныхъ». — «Предполагаю работать самъ—говорилъ почтенный редакторъ—не отказывая, однакожь, я другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сии позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія великодушная снисходительность къ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Приятно было бы намъ привѣтствовать первыя успѣхи знаменитаго редактора «Вѣстника Европы». Его глубокія познанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтлыя исторической его критики озарятъ вышеупомянутыя тундры области бытописанія, а законы словесности, «умолкшіе при звукахъ журнальной полемики», заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ «Исторіи Государства Россійскаго» или даже разеужденіями о кунныхъ мордакахъ, но вѣрнымъ взоромъ обвинитъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ истину его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта, то непрестайныхъ кровавыхъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гаера. Писатели извѣстные не будутъ ихъ презирать, ибо услышатъ окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостію вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтичѣскимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на «Вѣстникъ Европы». Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ «Вѣстника». Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 2-й книжкѣ «Московского Телеграфа» прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора «Вѣстника Европы». Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно, неумышленно г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если бы онъ («Вѣстникъ Европы»), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи «своемъ», принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, «заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ «Вѣстника Европы» уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемая г. Полевымъ, и заслуживаютъ какого нибудь уваженія, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»?—продолжаетъ г. Полевой.—Гдѣ его права и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ во-«друзитъ свои знамена? гдѣ, за какими океаномъ эта обтѣванная земля? Юноши, «обогнавшіе издателю «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда «издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе «20 лѣтъ. Дивится ли, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудныя распри, гре-«зятся кимвалы бряцающіе я мѣдъ звенящая?»

На сіе отвѣствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, втеченіе 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискавъ, однакожь, себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ 26 лѣтъ на

одномъ мѣстѣ,—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни зачѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго, но развѣ онъ виноватъ? Г. Каченовскій перевелъ «Терезу и Фальдона»—что за бѣда?

Досада казалась намъ, что г. Полевой неправъ, ибо обнаруживаетъ какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ № 24-мъ «Вѣстника Европы» слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ):

(Выписано примѣчаніе Каченовскаго къ отзыву Надеждина на статью Бенигны, приведенное нами выше, на стр. 153).

Сие загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Капія «мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны» предпринялъ почтенный редакторъ? Что значить, «игривый произволъ г. Бенигны»? что такое: «былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста?» (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донинѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели «Вѣстника Европы» затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, бѣсшадныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхала Трофімовича. Къ счастью, скоро все объяснилось...

Какимъ образомъ объяснилось дѣло, и въ чемъ оно состояло, статья Пушкина не говоритъ. Полевой (въ разборѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ») намекаетъ, что въ этомъ мѣстѣ статьи есть довольно значительный пропускъ. Въ чемъ состояла сущность дѣла, наложено было статейкою одной петербургской газеты о ссорѣ нѣкоего китайскаго журналиста-мандарина съ другимъ журналистомъ, который не былъ мандариномъ. Статью эту перепечатавъ въ свое время «Телеграфъ». (1829 г. № 5). Ея содержаніе таково: китайскій журналистъ Гай-Чанъ жаловался на другаго китайскаго же журналиста Чува за то, что Чунъ доказалъ въ своемъ журналѣ, что онъ, Гай-Чанъ, «ничего не знаетъ и ничего хорошаго не сочинилъ»; въ доказательство своихъ знаній, Гай-Чанъ представать Хань-Линю, ученому собранію южной столицы Небесной имперіи, членомъ котораго онъ служитъ, «золотой шарикъ своей мандаринской шляпы, четыре жалованныя ему павлиньи пера и двѣнадцать большихъ пуговицъ съ изображеніемъ дракона»; ученое собраніе Хань-Линь убѣдилось этими доказательствами учености, рѣшило, что Чунъ своей критикою «обидѣтъ личную честь мандарина-журналиста Гай-Чана и достоинство его золотыхъ шариковъ, павлиньихъ перьевъ и большихъ позолоченныхъ пуговицъ, и тѣмъ нарушилъ правила пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій», потому ученое сословіе Хань-Линь за оскорбленіе своего сочлена Гай-Чана жаловалось палатѣ стиховъ и прозы южной столицы; но въ палатѣ стиховъ и прозы мнѣнія объ этомъ дѣлѣ были разногласны; потому палата стиховъ и прозы южной столицы представила затруднительный вопросъ на разрѣшеніе палаты церемоній сѣверной столицы; палата церемоній нашла справедливымъ сужденіе тѣхъ членовъ палаты стиховъ и прозы, которые полагали, что мнѣніе ученаго сословія Хань-Линя неосновательно, и что «можно быть набитымъ невѣждою, нося золотые шарикъ не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ двадцати пальцевъ, и имѣя сверхъ того все тѣло покрытое павлиньими перьями», и что журналистъ Чунъ, говорившій исключительно о литературныхъ занятіяхъ журналиста-мандарина Гай-Чана, нимало не оскорбилъ ни личной его чести, ни его шариковъ, перьевъ и пуговицъ, а потому и не подлежитъ осужденію.—Короче и еще яснѣе дѣло изло-

жено въ знаменитой эпиграммѣ Пушкина, которая помѣщена была въ «Телеграфѣ» 1829 года:

Обиженный журналами жестоко,
Зоня Пахомъ печалился глубоко;
Вотъ подаю о въ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ. Намъ смѣхъ; Зоню ность.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: *такой-то де тарики*
Козель въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ—все это будетъ личность;
Но можете печатать, напримѣръ,
Что «*господинъ парнасскій старовѣръ*
(Въ своихъ статьяхъ) безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучновать,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ ве лицо, а просто литераторъ.

Зонюмъ назывался Каченовскій собственно потому, что осмѣлился говорить, будто бы «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина не есть твореніе идеальнаго совершенства, а имѣть въ ученѣмъ отношеніи нѣкоторые недостатки. Долго лежала за то на Каченовскомъ ученая опала, какъ до сихъ поръ лежитъ за то же на Полевомъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшился сказать то самое, за что прежде укорялъ Каченовскаго. Съ Каченовскаго теперь опала та снята, благодаря прекрасному заступничеству послѣдователей новаго воззрѣнія на русскую исторію, развитаго гг. Соловьевымъ, Кавелинымъ и другими. Заслуги Каченовскаго въ русской исторіи признаны. Не пора ли сказать, что и въ «Исторіи Русскаго Народа» Полеваго есть свои хорошія, и даже очень хорошія, стороны? Этого требовала бы справедливость. Здѣсь, впрочемъ, должны мы о Каченовскомъ замѣтить, что его важнѣйшіе труды явились послѣ того, какъ написана статья о немъ въ «Телеграфѣ», и потому, признавая важность ихъ, мы находимъ статью Полеваго въ сущности справедливою. Сдѣлавъ эти замѣчанія, казавшіяся намъ нужными, помѣщаемъ вторую половину статьи Пушкина.

Успокоившись насчетъ ужаснаго смысла вышепоянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о бесполезномъ дѣйствіи почтпнаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствіи онаго. Въ статьѣ г. Полеваго личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель «Московского Телеграфа» не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Между тѣмъ ожесточенный издатель «Московского Телеграфа» запечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славой ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово, а донимѣ, кроиъ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статей, ничего не произвелъ. Скучность, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Михаилъ Трофимовичъ нѣсколько разъ позволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя «Московского Телеграфа» виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему вашему дворянству!), что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній—купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристой-

ныхъ, оскорбительныхъ выраженійхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полеваго. Нивто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профеггоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторить полвзныя истины.

Однакожь, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умвленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроенаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный удивительнымъ образомъ. Утѣшительно для насъ, по крайней мѣрѣ, то, что свѣдѣнія Михаила Трофимовича въ греческой азбукѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междоусобная война миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ...

III.

Къ стр. 60.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ «НОВАГО ЖИВОПИСЦА ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ»
(ПРИ «ТЕЛЕГРАФѢ»).

(«Телеграфъ» 1832 г. «Нов. Живописецъ», № 24).

Заключительная статья «Новаго Живописца» состоитъ изъ трехъ отдѣленій: «Бесѣда у стараго литератора», «Бесѣда у молодого литератора», «Разговоръ послѣ бесѣды съ литераторами». («Новый Живописецъ», №№ 17, 21 и 24). Самая форма— совершенное подражаніе статьямъ Надоумки. Два друга, Леонидъ и Филовей, отправляются сначала на литературный вечеръ къ Родосову, у котораго собираются старые литераторы. Тамъ читаютъ оды, посланія, мадригалы, говорятъ о лагарповыхъ правилахъ и проч.,—все это скучно, но совершенно прилично и чинно, совершенно безвредно и отчасти даже хорошо по своей усыпительности. Оттуда друзья идутъ къ одному изъ своихъ пріятелей, молодому литератору Сплетнину. Они предполагали застать его дома одного; но у него также собралось общество. Это повергаетъ въ ужасъ разсудительнаго Филовея.

«Уйдемъ отсюда назадъ!» говоритъ онъ, когда, едва вошедши въ залъ, услышалъ шумъ гостей, собравшихся въ другой комнатѣ.—Какой вздоръ! возражаетъ добродушный Леонидъ:—«ты слышишь во голосамъ, что здѣсь собрался сокъ лучшей молодежи. Вѣдь здѣсь общество не хуже Родосова».—«Хуже, отвѣчаетъ Филовей:—тамъ только скучно, а здѣсь несносно; тамъ только смѣешься, а здѣсь невольно разсердишься». Но выходитъ Сплетнинъ и начинаетъ разсказывать литературные слухи; выходятъ гости, Талантинъ и другіе, кричатъ, что Пушкинъ выше Байрона, что философія, эстетика и вообще наука вздоръ, лишняя тягость для поэта, что поэтъ не подчиненъ въ своемъ творествѣ никакимъ законамъ, кромѣ собственной необузданной фантазіи, называютъ Талантина гешемъ, и т. д.,—однимъ словомъ, повторяютъ почти то же самое, что у Надоумки говорили Тлѣвскій, Флюгеровскій, Чадскій; толкуютъ, что люди прежнихъ поколѣній ничто предъ ними, людьми новаго поколѣнія, что Державинъ писалъ дрянъ, что литература наша громадными шагами бѣжитъ къ высочайшему совершенству. Всѣ эти шумные толки происходятъ подъ звонъ стакановъ, подъ хлопанье пробокъ шампанскаго. Вся эта бесѣда точнѣйшій сколокъ съ «Сонмища Нигилистовъ» Надоумки. Разстроенные дикою безтолковостью, буйною пустотою молодыхъ литераторовъ, друзья возвращаются домой. Леонидъ въ отчаяніи отъ жалкаго положенія нашей бѣдной ли-

тературы. «Да, это грустно, это нестерпимо!» съ горестью восклицаетъ онъ.—Филононъ улыбается и насмѣшливо говорить:

«Ф. Послушай, Леонидъ, не спросить ли у тебя:

Скажи, что сдѣлалось съ тобой?

Л. Право, твои шуточки совсѣмъ не кстати, и вотъ, позволь мнѣ сказать, одна изъ главныхъ причинъ жалкаго положенія литературы русской: съ нею всегда и всѣ шутятъ.

Ф. Я готовъ доказывать чиротвное. Мнѣ кажется, главная бѣда въ томъ, что на нее *слишкомъ важно смотрятъ*.

Л. Но какъ же иначе? Литература—это важная часть общественной жизни. это голосъ общества,—и ты хочешь, чтобы мы не уважали литературы?

Ф. Пусть же это уваженіе походить на сознаніе собственныхъ достоинствъ. какое всегда должно таиться въ душѣ человѣка умнаго и образованнаго. Но что такое литература и литераторы въ русской землѣ? Наши литераторы, какъ дѣти, ѣздятъ еи палочкахъ верхомъ и высоко задирають головы, думая, что они рыцари и великіе паладины.

Л. Мнѣ досадно слышать отъ тебя такую холодную насмѣшку насчетъ предмета собственныхъ нашихъ занятій. Можемъ ли мы надѣяться создать что нибудь хорошее, если не будемъ уважать предмета трудовъ своихъ? И можно ли съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ говорить о томъ поприщѣ, на которомъ являлся Державинъ. Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ?

Ф. Продолжай, не забудь еще кого нибудь изъ этихъ залетныхъ лебедей, по которымъ ты думаешь, что глѣто литературы нашей настало... Эти случайности, эти преждевременныя искры волкана, изрѣдка вылетавшія изъ могучей души русскаго народа и предвѣщающія намъ, что будетъ нѣкогда литература русская, почитаемъ мы уже страшнымъ изверженіемъ... Какая тутъ литература? Всѣ эти люди были-ль слѣдствія общаго образованія и стремленія? Нѣтъ, это мимолетныя явленія людей,—геніальныхъ, если угодно, но они не образуютъ собою литературы, а потому...

Л. Не хочешь ли ты сказать, что литературы русской нѣтъ?

Ф. Этого я не хочу сказать. Въ самомъ младенчествѣ народовъ, даже когда они не знаютъ грамоты, начала литературъ у нихъ уже существуютъ.

Л. Слѣдственно, и у насъ *есть литература!*

Ф. Нѣтъ, *есть начало литературы*, опыты, а не полныя явленія.

Л. Чѣмъ ты докажешь вто?

Ф. И обществомъ нашимъ, и самими литераторами. и такъ называемою русскою литературою... Тогда только назову я литературу голосомъ общества, когда литература будетъ необходимою потребностью общества. Нашему обществу... право, мало дѣла до литературы. Донныя книга для русскаго человѣка такая же вещь, какъ игрушки дѣтскія. или такое же занятіе, какъ гулянье подъ Новинскимъ. Такъ же хотятъ почитать, какъ покупають дѣтямъ коляковъ и вуколокъ, и ѣздятъ смотрѣть палцовъ.

Л. Ну, пусть такъ. Обратимся въ литераторамъ.

Ф. Да гдѣ они? Я не вижу, не знаю литераторовъ. Я вижу ученыхъ по звашію, то есть учителей, съ высшемъ или низшемъ значеніи этого слова; свѣтскихъ людей, которые мимоходомъ пишутъ въ альбомы и альманахи, какъ играютъ въ вистъ; людей, добывающихъ писаньемъ деньги, и которые охотно примутся за карты, за ножницы, если только это будетъ имъ прибыльнѣе пера; чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, которые отъ скуки, для забавы, для денегъ, кое-что пописываютъ. Поелѣ этого, ты позволишь мнѣ смѣяться надъ литературною нашею спѣсью и надъ твоею литературною іереміадою... Все идетъ своимъ чередомъ. Литературъ у насъ время еще не пришло.

Л. Время, время! Да время и никогда не прійдетъ...

Ф. Какая нелѣпица! Придетъ оно, милый другъ, и его ничто не остановитъ... И оно идетъ, движется незамѣтно, непрерывно, движеть и насъ съ собою. Посмотри ва то, что сдѣлано въ литературѣ съ 1732 по 1832 годъ... Все это мало, недо-

статочно; но начало сдѣлано, и *Дмитрій Донской* стоитъ въ такомъ же великомъ разстояніи отъ *Семиры*, въ какомъ отъ него находятся *Борись Годуновъ*; *Грабодовъ* съ своимъ *Горе отъ Ума* такъ же выше *фонъ-Визина* съ его *Недорослемъ*, какъ *фонъ-Визинъ* былъ выше *Сумарокова* съ его *Чудовищами*.

Мы уже не доживемъ, милый другъ, до того времени, когда въ Россіи литература займетъ важную степень между общественными отношеніями, когда общество поставитъ литературу въ число необходимостей жизни... Теперь намъ еще некогда а думать объ этомъ. У насъ столько другихъ дѣлъ и занятій. Не смѣшно ли требовать литературы, когда мы едва грамотѣ знаемъ? или содашій великихъ, когда образованіе и просвѣщеніе не даютъ въ тому средствъ?

... Взгляни на общество, опредѣли степень нашего образованія и просвѣщенія, ожидай въ будущемъ, дѣлай самъ, что можешь, въ надеждѣ: *не мнѣ*, такъ *внукамъ* пригодится, а между тѣмъ не требуй, чтобы дѣтя въ пеленкахъ плясало менуэтъ. Я нисколько не дичусь, замѣчая у насъ мелкость литературную и находя повсюду безцѣтностъ, холодностъ, подражательностъ. Отъ этихъ ли пестрыхъ куколъ, отъ этихъ ли человѣчковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ содашій! У нихъ всё дѣтское пороки! Самохвальство, горделивостъ, подражательностъ, все это найдешь ты въ литературѣ нашей, и ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослого человѣка... Да что я заговорилъ такимъ языкомъ? Съ литературою русскою надо шутить и смѣяться, потому что на дѣтей сердиться смѣшно и грѣшно. Пусть критика ставитъ иногда русскихъ литераторовъ въ уголъ, за шалости; пусть публика иногда даритъ вниманіемъ ихъ *стихишки* и *твореньица*, какъ дарятъ дѣтей обновками къ празднику, — и только!

— Все это буквальное повтореніе того, что говорилось въ статьяхъ *Надоумко*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НАДЕЖДИНЪ. — БЪЛИНСКІЙ.

Критикою «Телескопа» было положено основаніе критикѣ гоголевскаго періода. Это внутреннее родство мысли выразилось и вѣншимъ образомъ въ первоначальныхъ отношеніяхъ людей, изъ которыхъ одному досталось на долю начать, а другому—совершить дѣло водворенія у насъ справедливыхъ литературныхъ понятій. Но какъ въ послѣдствіи времени эти люди стали чужды другъ другу, такъ и мысль, черезъ нихъ выражавшаяся, достигнувъ полнаго развитія въ словѣ бывшаго ученика, раскрыла въ себѣ содержаніе, существенно различное отъ того, что обнаруживала въ первыхъ, еще несовершенныхъ своихъ проявленіяхъ у бывшаго учителя. Коренныя черты родства между этими двумя ея фазисами указать очень легко: стоитъ только припомнить общую точку зрѣнія критики Надеждина. Существеннымъ основаніемъ всѣхъ его воззрѣній служили идеи, выработывавшіяся германскою философіею. Сообразно духу этой философіи, онъ разсматривалъ литературу, какъ одно изъ частныхъ проявленій общей народной жизни, въ связи съ другими сторонами жизни; требовалъ, чтобы она сознала свое назначеніе—быть не праздною игрою личной фантазіи поэта, а выразительницею народнаго самосознанія и одною изъ могущественнѣйшихъ силъ, движущихъ народъ по пути историческаго развитія. Вслѣдствіе такихъ высокихъ понятій о назначеніи литературы, нѣмецкая философія поставляла необходимость, чтобы въ ея произведеніяхъ значительность идеи, безъ которой форма пуста, соединялась съ художественностію формы, осуществляющей идею. Отъ этихъ эстетическихъ аксіомъ критика гоголевскаго періода никогда не отступала. Напротивъ, чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ глубже, полнѣе и сильнѣе понимала и выражала эти идеи. Сходство, какъ видимъ, заключалось въ одинаковости общаго начала. Оно очень значительно; его можно назвать настоящимъ кровнымъ родствомъ. Различіе было еще гораздо болѣе важно. Оно зависѣло отъ степени развитія этого общаго начала; оно состояло въ глубинѣ и цѣлости воззрѣнія, въ послѣдовательности его приложений и въ важности выводовъ, какіе давало его примѣненіе къ фактамъ, представляемымъ литературою. Чтобы видѣть, какое огромное разстояніе, уже по необходимости, лежавшей въ духѣ времени, не говоря о причинахъ различія, зависѣвшихъ отъ

личнаго характера критиковъ, отдѣляло критику гоголевскаго періода отъ критики «Телескопа», надобно сообразить, какому измѣненію подверглись въ своемъ прогрессивномъ движеніи тѣ элементы нашей умственной жизни, изъ взаимнаго проникновенія которыхъ слагается критика, съ той поры, когда кончилась журнальная дѣятельность Надеждина (1834—1836), до той эпохи, когда критика гоголевскаго періода достигла (1844—1847) крайнихъ предѣловъ развитія, положенныхъ ей не столько границами силъ и слишкомъ кратковременной жизни человѣка, бывшаго главнымъ ея представителемъ (силы эти были огромны и раскрывались передъ нами далеко не во всей полнотѣ), сколько границами потребностей и требованій нашей публики. Надобно припомнить ходъ постепеннаго развитія у насъ научныхъ понятій и литературы въ этотъ періодъ времени, очень непродолжительный, обнимающій всего какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ, но ознаменованный въ нашей умственной жизни многими очень важными фактами.

Надеждинъ ввелъ въ наше литературное сознаніе идеи, выработанныя нѣмецкою философіею ¹⁾. Это заслуга очень важная. Но Надеждинъ былъ послѣдователемъ Шеллинга, и если принадлежалъ, какъ мы говорили, къ тѣмъ изъ учениковъ этого философа, которые развивали его понятія сообразно духу времени, то все, однако же, въ сущности оставался ученикомъ Шеллинга. Но система этого мыслителя сама по себѣ неудовлетворительна, и главное значеніе ея состоитъ только въ томъ, что она была зародышемъ, изъ котораго развилась система Гегеля. Этого философа Надеждинъ, какъ по всему видно, никогда не признавалъ своимъ руководителемъ, считая его не болѣе, какъ даровитымъ послѣдователемъ Шеллинга. Понятъ Гегеля, который далъ истинный смыслъ и настоящую цѣну неопредѣленнымъ и отрывочнымъ мыслямъ Шеллинга, было предоставлено уже слѣдующему поколѣнію, обратившемуся къ изученію нѣмецкой философій отчасти по самостоятельному стремленію, отчасти, конечно, благодаря дѣятельности Надеждина и Павлова. Нѣсколько времени эти юноши абсолютно истинною считали ученіе Гегеля въ такомъ видѣ, какъ излагалъ

¹⁾ Задолго до Надеждина, нѣмецкая философія имѣла послѣдователей между русскими учеными. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ею съ любовью занимались въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. По случаю изданія «Логика» Бахмана въ русскомъ переводѣ Надеждинъ говоритъ («Молва» 1832, № 20), что въ одной изъ духовныхъ академій давно уже переведены сочиненія Канта, Шеллинга, Фихте, Якоба. Позднѣе, въ Кіевской Духовной Академіи, исторія философій отъ Канта до Гегеля преподавалась по извѣстному сочиненію Мишлета (берлинскаго). Имена высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, а преосвященнаго Иннокентія одесскаго должны занимать въ исторіи философій у насъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи богословія. Протоіерей Г. П. Павскій, оказавшій незабвенныя услуги богословскимъ наукамъ въ Россіи, заслуживаетъ величайшаго вашего уваженія и какъ мыслитель; въ послѣднее время, очень много было говорено о его трудахъ по русской филологіи, чрезвычайную важность которыхъ всѣ признаютъ. Но филологія послужила ему только развлеченіемъ отъ занятій богословіемъ и философіею, дающихъ ему еще гораздо болѣе правъ на славу между нашими учеными. Воишь нѣкѣмъ заслуги протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, знаменитаго профессора философій въ Моосовокой Духовной Академіи. Наконецъ назовемъ Ѳ. А. Сидоноваго. Изъ евѣтскихъ ученыхъ, до Надеждина, нельзя не вспомнить о Феселерѣ, Велланскомъ и въ особенностіи Н. Я. Кроненбергъ и М. Г. Павловъ. Послѣдній имѣлъ даже значительное вліяніе на молодое поколѣніе, воспитывавшееся въ Московскомъ Университетѣ, и ему, быть можетъ, даже болѣе, нежели Надеждину, принадлежать слава распространенія любви къ философій между молодыми литераторами, о которыхъ мы будемъ говорить. Тѣмъ не менѣе, когда выступилъ Надеждинъ, нѣмецкая философія не только для большинства публики, но и для большей части образованнѣйшихъ писателей нашихъ оставалась еще предметомъ неслыханнымъ и непостижимымъ.

его этот мыслитель. Но скоро познакомились они съ сочинешіями учениковъ Гегеля, которые, съ строгою послѣдовательностію развивая существенныя идеи учителя, отвергли все, что въ его системѣ противорѣчило этимъ основнымъ принципамъ, и наконецъ преобразовали его систему ^{такъ, какъ} прежде онъ преобразовалъ систему Шеллинга. Безъ всякаго преувеличенія, надобно сказать, что такъ называемою школою Гегеля образовано было совершенно новое философское ученіе, которому система самого Гегеля служила не болѣе, какъ предшественницею, только въ этомъ ученіи получившею свой смыслъ и оправданіе. Тѣмъ завершилось развитіе нѣмецкой философій, которая, теперь въ первый разъ достигнувъ положительныхъ рѣшеній, сбросила свою прежнюю схоластическую форму метафизической трансцендентальности и, признавъ тождество своихъ результатовъ съ ученіемъ естественныхъ наукъ, слилась съ общен теоріею естествовѣдѣнія и антропологіею.

Тогда и увлеченіе системою Гегеля, которому на время совершенно подчинялись молодые русскіе приверженцы нѣмецкой философій, уступило мѣсто новымъ воззрѣніямъ, высказаннымъ его учениками. Предметъ этотъ имѣетъ высокую важность для исторіи нашей литературы, потому что изъ тѣснаго дружескаго кружка, о которомъ мы говоримъ и душою котораго былъ И. В. Станкевичъ, скончавшійся въ первой порѣ молодости, вышли или впослѣдствіи примкнули къ нему почти всѣ тѣ замѣчательные люди, которыхъ имена составляютъ честь нашей новой словесности, отъ Кольцова до г. Тургенева. Безъ сомнѣнія, когда нибудь, этотъ благороднѣйшій и чистѣйшій эпизодъ исторіи русской литературы будетъ разсказанъ публикѣ достойнымъ образомъ. Въ настоящую минуту еще не пришла пора для того.

Такимъ образомъ, втеченіе семи или восьми лѣтъ, научныя понятія, на которыхъ должна основываться критика, прошли два великіе фазиса развитія и достигли той окончательной ясности, полноты и послѣдовательности, которой не доставало имъ въ системѣ самого Гегеля, не только въ системѣ Шеллинга. И если Шеллингъ въ настоящее время имѣетъ значеніе только какъ непосредственный учитель Гегеля, то и самъ Гегель, въ свою очередь, имѣетъ значеніе только какъ предшественникъ стройнаго и полнаго ученія, выработаннаго его школою изъ тѣхъ принциповъ, которые въ его системѣ высказывались не болѣе, какъ въ видѣ темныхъ предчувствій, оставались безъ приложений и даже были подавляемы противорѣчащими ихъ существенному смыслу трансцендентальными понятіями, наслѣдіемъ односторонняго идеализма. Только трудами новѣйшихъ нѣмецкихъ мыслителей философій получила содержаніе, соответствующее требованіямъ точныхъ наукъ, и основалась, подобно естествовѣдѣнію, на строгомъ анализѣ фактовъ.

Но нѣмецкая философій занималась по преимуществу только самыми общими и отвлеченными научными вопросами. Принципы общей системы воззрѣній на міръ были наконецъ найдены ею и приложены къ разъясненію нравственныхъ и отчасти историческихъ вопросовъ; зато другія части науки, не менѣе важныя, оставляемы были въ Германіи безъ особеннаго вниманія, — преимущественно должно сказать это о практическихъ вопросахъ, порождаемыхъ матеріальною стороною человѣческой жизни. Французскихъ мыслителей занимали всегда эти предметы болѣе, нежели нѣмецкихъ, но очень долго не постигались

ими во всей глубинѣ и разрѣшались или поверхностными, или фантастическимъ образомъ. Наконецъ, когда результаты нѣмецкой философіи проникли во Францію, а наблюденія, собранныя французами, въ Германію, пришло время искать положительныхъ и точныхъ рѣшеній. Тогда односторонность науки исчезла; ея содержаніе было уяснено относительно всѣхъ ея существенныхъ задачъ. Магериальныя и нравственныя условія человеческой жизни и экономическіе законы, управляющіе общественнымъ бытомъ, были наслѣдованы съ цѣлю опредѣлять степень ихъ соотвѣтственности съ требованіями человеческой природы и найти выходъ изъ житейскихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, и получены довольно точныя рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Этотъ новый элементъ также вошелъ въ наше умственное развитіе; критика воспользовалась имъ, и ея основныя воззрѣнія во многихъ случаяхъ получили большую опредѣленность и жизненность.

Таковъ былъ ходъ науки вообще. Мы, на сколько то было возможно, слѣдовали развитію общечеловѣческихъ поспитій, которыя подъ конецъ періода, здѣсь обозрѣваемаго, ни мало уже не походили на то, что было намъ извѣстно въ его началѣ. Тѣ отрасли науки, которыя, имѣя предметомъ русскій міръ, должны быть обрабатываемы силами русскихъ ученыхъ, также сдѣлали въ этотъ промежутокъ времени очень значительные успѣхи, преимущественно—русская исторія, отъ истинныхъ понятій о которой такъ много зависитъ и справедливое пониманіе историческаго хода нашей литературы. Около 1835 года, мы, подлѣ безусловнаго поклоненія Карамзину, встрѣчаемъ, съ одной стороны, скептическую школу, заслуживающую великаго уваженія за то, что первая стала хлопотать о разрѣшеніи вопросовъ внутренняго быта, но разрѣшавшую ихъ безъ надлежащей основательности; съ другой—«вышіе взгляды» Полеваго на русскую исторію,—черезъ десять лѣтъ, ни о высшихъ взглядахъ, ни о скептицизмѣ нѣтъ уже и рѣчи: вмѣсто этихъ слабыхъ и поверхностныхъ попытокъ, мы встрѣчаемъ строго ученый взглядъ вовой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьевъ и Кавелинъ: тутъ въ первый разъ намъ объясняется смыслъ событій и развитіе нашей государственной жизни. (Около того же времени, или нѣсколько раньше, подвергается основательному изслѣдованію вопросъ о значеніи важнѣйшаго явленія нашей исторіи—реформы Петра Великаго, о которой до того времени повторялись только наивныя сужденія Голикова или Карамзина. Нѣтъ надобности объяснять, какъ тѣсно связана съ этимъ дѣломъ участь общаго взгляда на нашу литературу. Изданія Археографической Коммиссіи дали каждому возможность изучать русскую исторію во источникахъ. Самые упорные противники всего новаго соглашаются, что изученіе русской исторіи сдѣлало значительные успѣхи втеченіе десяти или двѣнадцати лѣтъ, о которыхъ мы говоримъ.)

Но ближайшій предметъ критики, русская литература, измѣнилась еще значительноѣе. Пушкинъ явился въ совершенно новомъ свѣтѣ, когда по смерти его обнародованы были произведенія, въ художественномъ отношеніи превышающія все, что было имъ напечатано при жизни. Гоголь напечаталъ «Ревизора». Явились Кольцовъ и Лермонтовъ. Всѣ прежнія знаменитости померкли передъ этими новыми. Явилась новая школа писателей, образовавшихся подъ влияніемъ Гоголя. Гоголь издалъ «Мертвыя души». Почти въ одно

явились «Кто виновать?», «Бѣдные люди», «Записки охотника», «Обыкновенная исторія», первыя повѣсти г. Григоровича. Переворотъ былъ совершенный. Литература наша въ 1847 году была такъ же мало похожа на литературу 1835 года, какъ эпоха Пушкина на эпоху Карамзина.

Въ литературахъ западной Европы также совершались великія перемѣны. Виктора Гюго, Ламартина и Шатобріана, которыхъ прежде считали величайшими поэтами нашего вѣка, стали находить слишкомъ фальшивыми, приторными или натянутыми, ихъ не только перестали превозносить, перестали даже брать. Въмѣсто ихъ, первою славою французской литературы явилась Жоржъ Сандъ, съ которой началась совершенно новая эпоха. Въ англійской литературѣ, вмѣсто историческихъ романовъ Вальтера Скотта, этнографическихъ романовъ Купера и фешенебльныхъ издѣлій Бульвера, общее вниманіе привлекли романы Диккенса. Въ нѣмецкой литературѣ не нашлось преемниковъ не только Гете, но даже и Гофману. Въ тридцатыхъ годахъ славу нѣмецкой поэзіи отчасти поддерживалъ Гейне; но скоро и онъ оказался человѣкомъ отсталымъ отъ своего времени; о нѣмецкой беллетристикѣ въ сороковыхъ годахъ не было и слуховъ за границами нѣмецкой земли. Эти факты должны были оказать сильное вліяніе на понятія объ искусствѣ: кто прочиталъ и умѣлъ оцѣнить Диккенса и Жоржа Сандъ, тотъ не такъ будетъ понимать литературу, какъ поклонникъ Вальтера Скотта и Купера, не говоря уже о Ламартинѣ и Викторѣ Гюго.

Словомъ, все кругомъ совершенно перемѣнилось, и болѣе всего перемѣнились именно тѣ элементы нашей умственной жизни, отъ которыхъ непосредственно зависятъ характеръ и содержаніе критики: научныя понятія, служащія ей основаніемъ, и отечественная литература.

Условія, въ которыхъ дѣйствовала критика гоголевскаго періода, были, какъ видимъ, столь новы, что, по необходимости, возлагаемой самою сущностью дѣла, она должна была раскрывать собою для нашего литературнаго сознанія совершенно новое содержаніе. Понятія, на которыхъ она должна была опираться, факты, о которыхъ должна была судить, до такой степени превышали своею глубиною и значительностью все, о чемъ прежде могла говорить русская критика, что всѣ предшествовавшіе ей періоды нашей критики должны были померкнуть въ нашихъ глазахъ, какъ маловажныя въ сравненіи съ нею.

Главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣляскій. Читатели, быть можетъ, извинятъ насъ, что въ настоящей статьѣ мы не даемъ ни біографическихъ свѣдѣній объ этомъ писателѣ, ни даже его характеристики. потому что сообщеніе біографическихъ подробностей не входитъ въ планъ нашихъ «Очерковъ», ограничивающихся только рассмотрѣніемъ произведеній и не вдающихся въ изслѣдованія о частной жизни и личномъ характерѣ писателей. Мы сами первые чувствуемъ неполноту и, такъ сказать, отвлеченность этого плана и утѣшаемся только тѣмъ, что и неполный и сухой разборъ все-таки имѣетъ нѣкоторое, хотя временное, значеніе, пока не являются труды болѣе живые и полные.—Впрочемъ, при изложеніи развитія и смысла критики гоголевскаго періода, быть можетъ, менѣе, нежели въ какомъ бы то ни было другомъ случаѣ, чувствуется потребность въ біографическихъ соображеніяхъ: въ дѣлахъ, имѣющихъ истинно важное значеніе, сущность не зави-

сптъ отъ воли, или характера, или житейскихъ обстоятельствъ дѣйствующаго лица; ихъ исполненіе не обуславливается даже ничьей личностью. Личность тутъ является только служительницею времени и исторической необходимости.

Кто вникнетъ въ обстоятельства, среди которыхъ должна была дѣйствовать критика гоголевскаго періода, ясно пойметъ, что характеръ ея совершенно зависѣлъ отъ историческаго нашего положенія; и если представителемъ критики въ это время былъ Бѣлинскій, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь онъ не таковъ, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себѣ другаго служителя, съ другою фамиліею, съ другими чертами лица, но не съ друтинь характеромъ: историческая потребность вызываетъ къ дѣятельности людей и даетъ силу ихъ дѣятельности, а сама не подчиняется никому, не измѣняется никому въ угоду. «Время требуетъ слуги своего», по глубокому изреченію одного изъ такихъ слугъ.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ личность Бѣлинскаго: онъ былъ только слугою исторической потребности, и съ нашей отвлеченной точки зрѣнія насъ интересуеетъ только развитіе содержанія русской критики, во всемъ существенно важномъ съ необходимостью опредѣлявшееся обстоятельствами, созданными исторіею. И если мы будемъ иногда упоминать имя Бѣлинскаго, говоря о той или другой идеѣ, то вовсе не потому, чтобы собственно отъ его личности зависѣло выраженіе этой идеи: напротивъ, въ томъ, что есть существеннаго въ его критикѣ, лично ему, какъ отдѣльному человѣку, принадлежать только тѣ или другіе слова, употребленіе того или другаго оборота рѣчи, но вовсе не самая мысль: мысль всецѣло принадлежитъ его времени; отъ его личности зависѣло только то, удачно-ли, сильно-ли высказывалась мысль.

Бѣлинскій явился на литературное поприще сотрудникомъ Надеждина, какъ его ученикъ и продолжатель. Началъ онъ съ того самаго, на чемъ остановился Надеждинъ—съ чрезвычайно рѣзкаго и горькаго отрицанія всей нашей литературы, до самаго Гоголя, который и самъ тогда еще не доказалъ, что его дѣятельность положить конецъ этому отрицанію. Первая значительная статья новаго критика—«Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ»—помѣщенная въ «Молвъ» 1834 года, имѣетъ самый мрачный и безпощадный тонъ. Уже заглавіе указываетъ на ея прямое происхожденіе отъ «Литературныхъ опасеній» Надеждина, намекаетъ, что наша такъ называемая литература не болѣе, какъ мечта, и говорить, что думать о ней значитъ наводить на себя тоску. Еще рѣзче высказываютъ общее направленіе статьи эпиграфы, выставленные надъ нею. Ихъ два:

И правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Прибѣлдовъ. «Горе отъ ума».

«Есть-ли у васъ хорошія книги?»—Нѣтъ; но у насъ есть великіе писатели.—«Такъ, но крайней мѣрѣ, у васъ есть словесность?»—Нѣтъ, у насъ есть только книжная торговля». *Баронъ Брамбеусъ*»

Статья, объявляющая о своемъ содержаніи такимъ заглавіемъ и такими эпиграфами, заключаетъ обзоръ всей исторіи нашей литературы отъ ея начала до 1834 года. Нужно-ли говорить, что она совершенно уничтожаетъ ее? Вообще, только четыре писателя, по мнѣнію автора, имѣютъ право являться русскими писателями: Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ. Да и тѣ—что такое успѣли сдѣлать? Державина спасло отъ совершенной пустоты только его невѣжество,—а невѣжество можетъ-ли создать что-нибудь хорошее? Пушкинъ показалъ, что у него есть великій талантъ, но не произвелъ ничего, достойнаго своихъ силъ, а теперь (1832—1834) не печатаетъ ничего хорошаго: «теперь онъ умеръ или, быть можетъ, только обмеръ на время,—судя по «Анджело» и сказкамъ, умеръ». Крыловъ хорошъ въ басняхъ—важное богатство для литературы! Грибоѣдовъ написалъ одну комедію, въ которой главное достоинство—ѣдкость, а не художественность. Итакъ, у насъ еще нѣтъ литературы. Могутъ-ли четыре человѣка составлять литературу, особенно если явились, какъ то было у насъ, случайно, безъ предшественниковъ и продолжателей? Литература явится у насъ тогда, когда просвѣщеніе укоренится на нашей почвѣ; а теперь намъ рано и думать о такой роскоши. «Теперь намъ нужно ученіе! ученіе! ученіе! а не литература». Тѣмъ же духомъ проникнуто и другое обзорѣе, явившееся въ «Телескопѣ» черезъ полтора года (1836). Существенная мысль его достаточно выражается самымъ заглавіемъ: «Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы». Но Гоголь и Кольцовъ («Миргородъ», «Арабески» и «Стихотворенія Кольцова»^{сочиненія}) явились въ 1835 году) уже вынуждаютъ у автора нѣкоторыя уступки въ пользу надежды на близость лучшей будущности. Обоихъ онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, и съ самаго начала, когда самые проникательныя изъ другихъ цѣнителей еще не замѣчали Кольцова и отзывались о Гоголѣ съ благосклонною снисходительностью, какъ о человѣкѣ, который пишетъ очень порядочно, онъ уже оцѣнилъ ихъ вполнѣ. увидѣлъ въ ихъ первыхъ произведеніяхъ начало новой эпохи для русской литературы и предсказалъ, какое высокое мѣсто они займутъ въ ней. А, между тѣмъ, Кольцовъ тогда напечаталъ только маленькую тетрадку съ восемнадцатью пьесами, изъ числа которыхъ развѣ шесть или семь были удачны, а Гоголь издалъ только «Миргородъ» и «Арабески», ни «Ревизора», ни большей половины его повѣстей, ни драматическихъ сценъ еще не было,—и, однако же, молодой критикъ не усомнился и тогда назвать его «главою нашей литературы». Эта проникательность, впрочемъ, покажется намъ совершенно естественною, если мы захотимъ сообразить, что молодому сотруднику Надеждина были даны природою силы сдѣлаться главою нашей критики въ начинавшемся тогда новомъ періодѣ: само собою разумѣется, что онъ только потому и исполнилъ свое назначеніе, что былъ готовъ къ нему, что носилъ въ своей душѣ идеалъ будущаго, истолкователемъ котораго былъ, когда оно осуществилось: трудно-ли человѣку, наполненному предчувствіемъ, узнать и оцѣнить съ перваго же взгляда то, чего онъ ждалъ, о чемъ мечталъ? Вообще, человѣкъ очень легко понимаетъ все сродное съ его собственною натурою¹⁾.

¹⁾ Вотъ существенныя мѣста изъ замѣчательной статьи «О русской повѣсти и повѣстникѣ г. Гоголя»: «Арабески и Миргородъ». («Телескопъ», томъ XXVII).

Въ этомъ открываются уже рѣшительные признаки самостоятельности Бѣлинскаго, при самомъ началѣ его дѣятельности, когда онъ, повидимому, еще совершенно слѣдовалъ влиянію своего учителя. На Кольцова Надеждинъ не обратилъ вниманія; а что касается первыхъ повѣстей Гоголя, онъ понималъ, что «Вечера на Хуторѣ» и «Миргородъ» — произведенія прекрасныя, но всей важности этихъ явленій не замѣчалъ: находилъ ихъ автора замѣчательнымъ писателемъ, отъ котораго надобно ожидать много прекраснаго, но и не предполагалъ въ немъ корифея совершенно новой будущности. Эта разница объясняется тѣмъ, что одинъ въ душѣ совершенно былъ человѣкомъ новаго періода, въ умѣ другого стремленіе къ будущему боролось съ привычками прошедшаго и если побѣждало ихъ, то послѣ борьбы, помощью умозаключеній и соображеній, а не мгновеннымъ инстинктивнымъ влеченіемъ родственной природы.

Сотрудничество съ Надеждинымъ оставило навсегда довольно рѣзкій отпечатокъ на нѣкоторыхъ привычкахъ критики гоголевскаго періода. Самою существенною изъ этихъ принятыхъ по наслѣдству особенностей была безпощадная и непрерывная полемика противъ романтизма. У Надеждина она была едва ли не самою главною задачею всей критики и, очевидно, происходила изъ самаго положенія нашей литературы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что черезъ десять лѣтъ въ этихъ непрерывныхъ филиппикахъ уже не было настоящей надобности. Романтизмъ, повидимому, уже пересталъ быть опаснымъ, его пора было бы оставить въ покоѣ, и несправедливо было бить лежакаго врага. Но это заключеніе окажется ошибочно, если мы пристальнѣе вникнемъ

«Романъ и повѣсть суть единственные роды, которые появились въ вашей литературѣ не столько по духу подражательности, сколько въѣдистіе потребности... Романъ все поглощалъ, а повѣсть, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ, нагадила даже и слѣды всего этого, и самъ романъ съ почтеніемъ посторонился и далъ ей дорогу впередъ себя. Въ русской литературѣ повѣсть еще гостья, но гостья, которая вытѣсняетъ давнишнихъ хозяевъ изъ ихъ жилищъ...

«У насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова... Первенство повѣствователя остается за г. Полевымъ. Но въ его повѣстяхъ есть одинъ важный недостатокъ: въ нихъ замѣтно большое участіе ума, для котораго самая фантазія есть какъ бы средство (*т. е. они сочинены, а не созданы, въ нихъ нѣтъ поэтическаго творчества*). Посмотримъ, нѣтъ-ли между нашими повѣстателями такого, который былъ бы поэтъ по призванію... Мнѣ кажется, что изъ современныхъ писателей — я на включаю въ это число Пушкина, который уже свершилъ кругъ своей художественной дѣятельности (*такъ тогда думали, потому что послѣ «Бориса Годунова» Пушкинъ втѣсилъ пяти или четырехъ лѣтъ печаталъ мало замѣчательнаго*) — никого не можно назвать поетомъ съ болѣею увѣренностью и ни маю не задумываясь, какъ г. Гоголя...

«Способность творчества есть великій даръ природы. Творчество безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаниемъ, свободно съ зависимою. Вотъ его основные законы. (*Илагается эстетическая теорія нѣмецкой философіи, введенная къ намъ Надеждинымъ*).

«Очень нетрудно къ этому приложить сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ повѣсть г. Гоголя? Не заставляли ли она васъ говорить: «Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оригинально и ново!» Не удивляетесь-ли вы в томъ, что вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать вѣтъ же самыхъ лицъ, такъ «обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, и окружить ихъ вѣтими самыми обстоятельствами, такъ повседневными? Вотъ первый признакъ истинно художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь-ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы давно знали его, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не вѣрите-ли вы на слово, не готовы-ли вы побожиться, что все рассказанное авторомъ есть чистая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатью истиннаго таланта. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствій — вѣрные признаки творчества. Эта повѣсть реальная, повѣсть жизни дѣйствительной... И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ?»

въ сущность дѣла. Во-первыхъ, романтизмъ сдѣлалъ только наружныя уступки: отказался отъ своего имени, не болѣе, но вовсе не исчезъ и очень долго старался оспаривать побѣду у новаго направленія; онъ имѣлъ еще многихъ послѣдователей въ литературѣ и многихъ приверженцевъ въ публикѣ. Чтобы указать на фактъ, относящійся уже къ самому послѣднему времени критики гоголевскаго періода, припомнимъ, какою ожесточенною и всеобщою враждою встрѣчена была отъ всѣхъ журналовъ (кромя «Отечественныхъ Записокъ» и потомъ «Современника») натуральная школа, которая на самомъ дѣлѣ, а не только на словахъ, отказалась отъ романтическихъ ^{идеаловъ} прикрасъ: всѣ возмущались тѣмъ, что она описываетъ дѣйствительную жизнь въ ея истинномъ видѣ, а не повѣствуетъ о небывалыхъ въ мірѣ злодѣяхъ и герояхъ и невиданныхъ красотахъ природы,—всѣ эти нападенія происходили изъ привязанности къ преданіямъ романтизма. Да и до сихъ поръ романтизмъ еще живетъ во всѣхъ тѣхъ, которые, по добродушной ^{идеи} робости или по любви къ мишурѣ, не любить правды, высказываемой безъ прикрасъ, и находятъ, что какъ поле красной рожью, такъ рѣчь—ложью, что отрицаніе бесплодно, что, впрочемъ, оно ужъ сдѣлало свое дѣло, что пора намъ обратиться къ болѣе благосклонному взгляду на жизнь, и т. д.,—т. е. тоскуютъ по блаженной порѣ Грениныхъ и Лирныхъ, съ прочими аркадскими принадлежностями. Если вы хотите испытать, на самомъ ли дѣлѣ много еще осталось у насъ романтиковъ, есть для того средство очень легкое: пробный камень для романтизма—критика гоголевскаго періода; кто не доволенъ ея мнимою излишнею суровостью (разумѣется, не по

Что почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, к которой, наконецъ, называется *жизнью*. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно. И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!

«Въ художественныхъ произведеніяхъ должно различать характеръ творчества, общій всѣмъ извѣстнымъ произведеніямъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностью автора. Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота мысли, совершенная истина жизни, народность, оригинальность,—все это черты общія; потому комическое одушевленіе, побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія—черта индивидуальная.

«Комизмъ, или юморъ, г. Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисторусскій, спокойный, простодушный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ...

«Портретъ» есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ; но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Вообще подобно сказать, что фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается г. Гоголю.

«Какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Если я сказалъ, что г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейное приговоры. У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ (*Пушкина автора исключилъ, какъ мы видѣли, изъ числа дѣйствовавшихъ тогда писателей*). Поэтъ—высокое и святое слово: въ немъ заключается неумирающая слава!.. Задача критики: определить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратьевъ. Но г. Гоголь только сщъ началъ свое поприще: сдѣлать, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ въ высшемъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ...

«Поэты бываютъ двухъ родовъ: одинъ только доступны поэзіи, у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь выскажутъ какую-нибудь прекрасную поэтическую грезу и ослабѣваютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ. Другіе съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крепнутъ. Г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно».

какимъ нибудь личнымъ разсчетомъ или лицемѣрію—о подобныхъ людяхъ нечего и говорить—а по искреннему убѣжденію), въ томъ не умеръ романтизмъ. А такихъ людей еще набирается довольно много. Нынѣ можно не обращать на нихъ вниманія: для большинства публики ихъ мнѣнія забавны и только, а никакъ неопасны. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ было не то: мнѣнія, которыя нынѣ составляютъ лишь забаву, утѣшающую отдѣльныхъ людей, не имѣющихъ вліянія на публику, были очень сильны въ литературѣ. Стоитъ припомнить, какъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ не хотѣлъ печатать повѣстей Гоголя въ журналѣ, которому давалъ направленіе, и не хотѣлъ даже писать разбора его комедій, считая эту пьесу низкимъ фарсомъ. Основаніемъ его наивныхъ понятій были, конечно, романтическія требованія возвышенныхъ страстей и идеальныхъ личностей въ искусствѣ. А этотъ критикъ въ то время считался представителемъ современной науки. Каковы же были понятія другихъ литературныхъ судей, даже и не подозрѣвавшихъ въ искусствѣ ничего, кромѣ французскихъ мелодраматическихъ издѣлій? «Отечественныя Записки» однѣ боролись противъ всѣхъ журналовъ въ этомъ случаѣ, продолжая дѣло «Телескопа».

Но борьба съ романтизмомъ, которая въ критикѣ гоголевскаго періода болѣе всего остального могла бы казаться простымъ продолженіемъ мысли Надеждина, сохранила только наружное сходство съ его филиппинами, получивъ мало-по-малу совершенно новое содержаніе. Надеждинъ возставалъ противъ романтизма съ учено-литературной точки зрѣнія, доказывая только, что французскій новѣйшій романтизмъ такъ же мало похожъ на романтизмъ среднихъ вѣковъ, какъ псевдо-классическая литература на греческую, и потому, подобно ей, присвоиваетъ себѣ ложное имя, а собственно долженъ считаться не болѣе, какъ псевдо-романтизмомъ, жалкой поддѣлкой подъ истинный романтизмъ, невозможный въ наше время, и потому прославленные превдо-романтическія произведенія нелѣпы въ эстетическомъ отношеніи. Этою отвлеченною точкою зрѣніи ограничивалась его полемика. Критика гоголевскаго періода смотрѣла на вопросъ шире: она возставала на романтизмъ какъ на выраженіе натянутыхъ, экзальтированныхъ, живыхъ понятій о жизни, какъ на извращеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, ведущее къ фантазерству и пошлости, самообольщенію и кичливости. Надеждинъ и не предчувствовалъ, что сущность псевдо-романтизма заключается не въ нарушеніи эстетическихъ условій, а въ искаженномъ понятіи объ условіяхъ человѣческой жизни; онъ самъ не былъ свободенъ въ этомъ отношеніи отъ заблужденій, которыя ничѣмъ не отличались отъ основной ошибки романтиковъ, считавшихъ только колоссальныя страсти и эффектные явленія достойными вниманія поэта. Хорошо понимая мелочность того, что романтики воображали себѣ титаническимъ, Надеждинъ слишкомъ склоненъ былъ искать поэзію въ одномъ только возвышенномъ, далеко превышающемъ явленіи обыкновенной дѣйствительности. Не нужно говорить о томъ, какъ мало могли подходить подъ этотъ идеалъ писатели, подобные Диккенсу или Гоголю, изображающіе повседневную жизнь,—да и не было такихъ поэтовъ во времена Надеждина. Всѣ были тогда экзальтированы или старались прикинуться экзальтированными,—разочарованность была только особеннымъ и едва ли не самымъ натянутымъ родомъ экзальтаціи,—никто не догадывался о живости экзальтированнаго взгляда на жизнь. Потому-то и недо-

вольство романтизмомъ возбуждалось болѣе формальными недостатками его произведеній, нежели фальшивостью основнаго его взгляда на жизнь. Только слѣдующему поколѣнію, воспитанному болѣе положительною философіею и наслаждавшемуся болѣе здоровыми созданіями искусства, предоставлено было возстать противъ романтическихъ фантазій не съ одной литературной, но и съ житейской точки зрѣнія. Словомъ, Надеждинъ имѣлъ дѣло съ романтизмомъ, какъ противу-эстетическимъ явленіемъ въ литературѣ; критика гоголевскаго періода, раздѣляя этотъ взглядъ, обращала главное свое вниманіе на романтиковъ, какъ людей, губящихъ жалкимъ образомъ свои силы, какъ на людей, по заблужденію дѣлающихъ вредными для самихъ себя и смѣшными. Она заклеивала осмѣяннымъ писнемъ романтизма всякую аффектацію, натянутость, болѣзненную апатію, величающую себя гордынь разочарованіемъ, всякую пошлость, прикрывающую себя пышными фразами, всякую реторнику въ словахъ и дѣлахъ, въ чувствахъ и поступкахъ. Борьба съ этимъ романтизмомъ должна быть вѣчна въ заслугу исключительно ей. Въ этомъ дѣлѣ критика гоголевскаго періода не имѣла предшественниковъ и своими ѣдкими насмѣшками оказала несомнѣнную услугу не только литературѣ, но и самой жизни; въ немъ доселѣ имѣетъ она и долго будетъ имѣть ревностнымъ своимъ послѣдователемъ cadaго здравомыслящаго писателя, потому что борьба противъ болѣзненнаго романтическаго направленія въ жизни доселѣ необходима и будетъ еще необходима и тогда, когда совершенно забудется имя литературнаго романтизма. Борьба эта продолжится до той поры, когда люди совершенно отвыкнутъ обольщаться аффектаціею въ жизни, когда они привыкнутъ смѣяться надъ всѣмъ неестественнымъ, какъ пошлымъ, какими бы выгодными фразами и формами ни прикрывалась его внутренняя пошлость.

Малосвѣдущіе или увлеченные горячностью споровъ противники съ дикимъ негодованіемъ вопіяли, что критика гоголевскаго періода святотатственно посягаетъ на славу знаменитыхъ людей нашей литературы, что она разрушаетъ пьедесталы, на которыхъ стоятъ ихъ величественныя статуи, топчетъ въ грязь все, чѣмъ должна гордиться наша прошедшая литература, и т. д., и т. д. Если-бъ эти крики были справедливы, мы имѣли бы другую точку очень близкаго сходства между дѣятельностью Надеждина и его бывшаго ученика. Къ сожалѣнію, они основаны только на незнаніи или безпамятности. Дѣло уничтоженія литературныхъ авторитетовъ вовсе нельзя причислять къ новымъ и существенно-важнымъ дѣламъ, достигнуть которыхъ хотѣла критика гоголевскаго періода, и если она когда дѣлала что нибудь въ этомъ родѣ, то развѣ относительно авторитетовъ, далеко не первостепенныхъ и нимало не освященныхъ древностью лѣтъ, — напр., относительно Марлинскаго и Полеваго. Конечно, для иныхъ и это непріятно, но ужъ рѣшительно никому не можетъ казаться важнымъ преступленіемъ, по незначительности самаго предмета. Что же касается до святотатственнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, посягательства на Топоногова, Державина и другихъ дѣйствительно первоклассныхъ писателей, критика гоголевскаго періода совершенно лишена была возможности придумать что нибудь въ уменьшеніе ихъ славы, по очень простой причинѣ: все, что можно было сказать въ этомъ смыслѣ, давно ужъ было высказано или Полевымъ, или Надеждинымъ. Обвинять въ этомъ критику гоголевскаго періода

значить приписывать ей заслугу, вовсе не ей принадлежащую¹⁾. Ей предстояло дѣло совершенно другого рода: не увлекаясь ни старымъ отрицашемъ, ни еще болѣе старыми панегириками, показать историческое значеніе различныхъ періодовъ нашей литературы и замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей, дать намъ исторію нашей литературы, чего еще не было сдѣлано никѣмъ изъ предшествовавшихъ критиковъ. Взглядъ на литературу, предшествовавшую Пушкину, у критики гоголевскаго періода былъ умѣреннѣе и снисходительнѣе, нежели у критики романтическаго періода; а что касается Пушкина и его сподвижниковъ, критика гоголевскаго періода почти постоянно должна была противорѣчить рѣзкимъ приговорамъ Надеждина. Словомъ, она не разрушала, а напротивъ, возсоздала все, что въ прошедшемъ заслуживало уваженія. Иначе и быть не могло: нападать на Ломоносова и Державина, на Карамзина и Пушкина уже было не нужно и неумѣстно; если когда-то ихъ и превозносили безотчетными панегириками, то это слѣпое поклоненіе въ образованной части публики давно уже было уничтожено «Телеграфомъ» и «Телескопомъ», и когда явился Гоголь, наступило время говорить о прошедшемъ съ уваженіемъ, потому что развившееся изъ него настоящее стало заслуживать уваженія. Такъ съ уваженіемъ начинаютъ говорить объ отцахъ, когда потомки ихъ заслужать славу.

Откуда же взялось мнѣніе, что однимъ изъ дѣлъ критики гоголевскаго періода было уничтоженіе прежнихъ авторитетовъ? Не будемъ говорить о побужденіяхъ, происшедшихъ изъ самолюбія многихъ раздраженныхъ ею тогдашнихъ писателей, которые находили удобнымъ кричать: «вы не вѣрите, читатели, тому, что говоритъ этотъ человѣкъ о моихъ сочиненіяхъ; онъ бранитъ не только меня, онъ бранитъ и Державина и Ломоносова, онъ всѣхъ великихъ писателей (въ томъ числѣ и меня) хочетъ унижить»; не будемъ также указывать другихъ подобныхъ расчетовъ, капіе внушаемы были завистью или враждою: всѣ эти жалкіе факты не заслуживаютъ того, чтобы вспоминать о нихъ. Обратимъ вниманіе только на законный, такъ-сказать, причины, отъ которыхъ происходило ошибочное мнѣніе, будто уничтоженіе прежнихъ литературныхъ авторитетовъ было однимъ изъ существенныхъ дѣлъ критики гоголевскаго періода. «Отечествен-

¹⁾ Вообще надобно замѣтить, что отрицаніе, выражающееся печатнымъ образомъ, принимаетъ формы, гораздо менѣе жестокія, нежели тѣ, которыми облекается оно въ разговорахъ и частной перепискѣ. Литература и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, пролагаетъ путь къ примиренію, какъ скоро даетъ просторъ выраженію чувства, которое, оставаясь безвыходнымъ, не знало бы границъ своей враждебности. Напрасно было бы воображать, что, напримеръ, Полевой, разрушитель устарѣвшихъ литературныхъ авторитетовъ, дѣяніи писателей, предшествовавшихъ Пушкину, менѣе, нежели всякій другой изъ его современниковъ, любившихъ хотя нѣкоторое литературное образованіе и не лишенныхъ вкуса. Напротивъ, надобно признать, что каждый изъ нихъ вѣхомолку выражался гораздо рѣче, нежели говорилъ Полевой. Вотъ какъ, напримеръ, думалъ о Державинѣ еще въ 1825 году самъ Пушкинъ, великій поклонникъ старинъ:

«По твоему отъѣздѣ перечелъ я Державина всего. Вотъ мое окончательное мнѣніе: этотъ чудакъ не знаетъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто врочалъ пѣтуховъ». (Отрывокъ изъ письма къ Дельвигу, изд. 1855 г. часть 1, стр. 56).

Кажется, рѣче этого трудно придумать чтонибудь, я, навѣрное, въ «Телеграфѣ» не найдется ни одного выраженія, которое бы хотя скольконибудь подходило къ словамъ Пушкина своею жесткостью. А кто знаетъ «Телеграфъ» и «Телескопъ», тотъ знаетъ, что критика гоголевскаго періода вообще отыскивалась о прежнихъ явнѣхъ писателяхъ съ гораздо большимъ умѣренностью, нежели Полевой и Надеждинъ.

ныя «Записки» имѣли гораздо болѣе обширный кругъ читателей, нежели «Телескопъ» или «Телеграфъ»; потому даже изъ старыхъ читателей многіе, не знавшіе прежнихъ журналовъ, изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ первый разъ вычитали сужденіи о нашей старой литературѣ, непохожіи на безотчетныя и нелѣпыя похвалы, какія долго повторялись въ разныхъ книжкахъ, называвшихъ себя исторіями русской словесности, шитиками и т. п. Сюда надобно причислить и большую часть молодого поколѣнія, не просматривавшаго старыхъ журналовъ и видѣвшаго, что изъ новыхъ только «Отечественныя Записки» говорить о Ломоносовѣ и т. д. безпристрастно, между тѣмъ, какъ всѣ остальные нападаютъ за то на этотъ журналъ. Молодое поколѣніе, конечно, не ставило этого въ вину «Отечественнымъ Запискамъ», — напротивъ; зато иные сердечно негодовали на молодое поколѣніе, восхищающееся «Отечественными Записками», и на «Отечественныя Записки», поселяющія въ молодыхъ людяхъ непочтительность къ Ломоносову и т. д. Эти добряки должны были бы помнить, что во время ихъ молодости «Телеграфъ» говорилъ о старой литературѣ безъ подобострастія, котораго они требовали, впрочемъ, сами не зная, чего требуютъ; они должны были бы помнить, что уничтоженіе авторитетовъ, существовавшихъ до Пункина, было дѣломъ «Телеграфа»; а существовавшихъ при Пушкинѣ — дѣломъ Надеждина. Что однажды исполнено, того не было уже надобности, да и не могло быть охоты дѣлать во второй разъ. Когда явились Гоголь, Лермонтовъ и писатели такъ называемой натуральной школы, возвышать или унижать предшествовавшихъ писателей было уже поздно: надобно было только показать ходъ постепеннаго развитія русской литературы въ существованіи которой до того времени сомнѣвались, и опредѣлить отношенія между различными ея періодами — вотъ что, дѣйствительно, было дѣломъ новымъ и необходимымъ. И она было исполнено Бѣлинскимъ. До пего существовала критика, но исторія литературы у насъ еще не было. Кому обязаны мы тѣмъ, что имѣемъ о ней вѣрныя и точныя понятія.

Но русская литература до Гоголя находилась еще въ первыхъ періодахъ своего развитія, изъ которыхъ каждый предъидущій имѣетъ значеніе не столько по безусловному совершенству ознаменовавшихъ его явленій, сколько потому, что служилъ приготовленіемъ къ слѣдующему, болѣе высокому развитію ¹⁾. Сущность понятій критики гоголевскаго періода объ исторіи русской литературы состояла въ проведеніи этого основнаго взгляда чрезъ всѣ факты. Это послужило для людей, не знавшихъ рѣзкаго тона предъидущей критики, новою причиною предполагать, будто бы критика гоголевскаго періода уничтожаетъ прежніе авторитеты: она, видите ли, доказывала, что Державинъ имѣетъ огромное историческое значеніе, какъ представитель екатерининскаго вѣка въ литературѣ

¹⁾ Чтобы не подать повода къ недоразумѣнію, будто мы безъ нѣры превозносимъ новыя насчетъ стараго, снажемъ здѣсь кстати, что и постоянный періодъ русской литературы, несмотря на всѣ своя неотъемлемыя достоинства, имѣетъ существенное значеніе болѣе всего только потому, что служитъ приготовленіемъ къ дальнѣйшему будущему развитію нашей словесности. Мы на столько вѣримъ въ будущее лучшее, что даже о Гоголѣ не сомнѣваясь говоримъ: будутъ у насъ писатели, которые останутъ на столько же выше его, на сколько выше оныхъ предшественниковъ сталъ онъ. Вопросъ только въ томъ, скоро ли прійдетъ это время. Хорошо было бы, еслибъ нашему поколѣнію суждено было дожидаться этого лучшаго будущаго. Если мы будемъ говорить о школѣ Гоголя, то постараемся объяснить причины такого мнѣнія подробно.

и какъ одинъ изъ предшественниковъ и учителей Пушкина, а не говорила— какое преступленіе!— что Державинъ имѣтъ болѣе эстетическихъ достоинствъ, нежели Пушкинъ. Добрые люди, находившіе такія слова дерзкими и унижающими Державина, не догадывались, что этимъ сужденіемъ возвращалось Державину право на славу, которую прежняя критика совершенно отнимала у него, потому что, отрицая эстетическія достоинства его произведеній, не замѣчала и исторической ихъ цѣны. Эти добрые люди не знали того, какъ судили о Державинѣ писатели пушкинскаго періода. Тогда безъ дальнихъ разсужденій рѣшали, что Державинъ «кричалъ пѣтухомъ», и потому его сочиненія «должно сжечь». Послѣ такихъ рѣшеній, критика, доказывавшая, что Державинъ имѣтъ большое историческое значеніе, уничтожала или возстановляла его славу? Когда утверждали, что она стремилась уничтожить прежніе авторитеты, ей приписывали чужую заслугу,—заслугу, говоримъ мы, потому что уничтоженіе слѣпаго поклоненія кумирамъ (кумирами называемъ старые литературные авторитеты не мы: это опять выраженіе Пушкина о Державинѣ) всегда бываетъ великою заслугою для умственной жизни общества. Но у критики гоголевскаго періода такъ много своихъ собственныхъ правъ на высокое мѣсто въ исторіи литературы, что она не нуждается въ присвоеніи чужихъ. Кромѣ безпамятности или незнакомства съ прежнею критикою, была, впрочемъ, еще причина считать Бѣлинскаго первымъ человѣкомъ, заговорившимъ у насъ, что періодъ Пушкина безконечно выше всей предшествовавшей нашей литературы: онъ излагалъ свой взглядъ на исторію русской литературы ясно, опредѣлительно и подкрѣплялъ его доказательствами, а романтическая критика ни о чемъ не могла говорить безъ громкихъ фразъ и доказательствъ не представляла, а вмѣсто того скрашивала свои жестокіе приговоры разсужденіями о брилліантахъ и изумрудахъ, о потомкахъ Багрима и яркихъ искрахъ, вылетающихъ изъ могущественной груди русскаго волкана.

Есть также мнѣніе, будто бы критика гоголевскаго періода простерла свои отрицанія до того, что подвергла сомнѣнію существованіе русской литературы до Гоголя. Это опять было вовсе не ея дѣло. Извѣстно, что романтическіе критики прямо утверждали, что русская литература не существуетъ. Это говорилъ, еще до появленія «Телеграфа», Марлинскій. Позднѣе то же самое еще сильнѣе высказывалъ Надеждинъ. Словомъ, это была общая тема всей нашей критики до самаго того времени, когда русская литература получила новое направленіе, благодаря дѣятельности Гоголя. Бѣлинскій сначала раздѣлялъ это мнѣніе, потому что въ немъ было, для тридцатыхъ годовъ, очень много справедливаго. Но заслуга-ли, или преступленіе изобрѣсть мысль: «русская литература доселѣ не существуетъ», ни мало не принадлежитъ это изобрѣтенію Бѣлинскому. Напротивъ, ему принадлежитъ та заслуга, что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ положеніе русской литературы измѣнилось, онъ первый понялъ важность этого измѣненія и сказалъ: до сихъ поръ надобно было сомнѣваться въ существованіи русской литературы; теперь должно положительно сказать, что она существуетъ. Ему, а не кому-нибудь другому досталось на долю высказать это отрадное убѣжденіе потому, что ему, изъ нашихъ замѣчательныхъ критиковъ, первому судьба назначила дѣйствовать въ такое время, когда безусловное отрицаніе всего въ нашей литературѣ сдѣлалось уже несправед-

ливо. Въмѣсто обыкновенной фразы, что онъ былъ въ нашей критикѣ органомъ отрицанія, надобно сказать, напротивъ, что онъ первый, сообразно измѣнившемуся положенію нашей литературы, положилъ границы отрицанію, которому Надеждина не имѣло границъ.

Когда литература наша втеченіе гоголевскаго періода начала становиться тѣмъ, чѣмъ должна быть—выраженіемъ народнаго саносознанія, и, такимъ образомъ, достигла, хотя до нѣкоторой степени, цѣли, къ которой стремилась. тогда и предъидущее развитіе ея получило смыслъ, котораго нельзя было замѣтить въ немъ прежде; только тогда можно было замѣтить, что одни явленія смѣнялись въ ней другими не напрасно и не случайно, что она имѣетъ свою исторію. Критика гоголевскаго періода замѣтила и высказала это. Она первая начала утверждать, что наша литература постоянно развивалась, что ея періоды имѣютъ между собою связь, что Державинъ и Пушкинъ явились не случайно, какъ то казалось прежде, и, какъ мы замѣтили, Бѣлинскій былъ первымъ историкомъ нашей литературы ¹⁾. Недаромъ его первая значительная статья, отрицающая существованіе русской литературы, содержаніемъ своимъ имѣла подробный обзоръ ея фактовъ отъ Ломоносова до Пушкина.

Но если мы говоримъ о томъ, что критика гоголевскаго періода положила границы отрицанію и дала намъ въ первый разъ исторію русской литературы, считавшейся до того времени не болѣе, какъ случайнымъ, безжизненнымъ и почти всегда безсмысленнымъ отраженіемъ различныхъ явленій иностранныхъ литературъ, то мы говоримъ это о позднѣйшей порѣ развитія критики гоголевскаго періода, когда она достигла уже полной самостоятельности и когда положеніе русской литературы существенно измѣнилось вліяніемъ Гоголя, дѣятельностью Лермонтова и многочисленныхъ писателей новаго поко-

¹⁾ Интересно прослѣдить, по статьямъ Бѣлинскаго, какъ мѣняющееся положеніе нашей литературы постепенно приводило критику отъ надеждинскаго отрицанія, справедливаго въ свое время (1834), къ убѣжденію, сдѣланному столь же справедливымъ черезъ десять лѣтъ: «естъ у насъ, наконецъ, нѣчто достойное называться литературою; она получила, наконецъ, значеніе, какого не имѣла прежде, и мы теперь можемъ видѣть, къ какому результату вели, какой смислъ имѣли тѣ литературныя явленія, которыя прежде казались безплодными и случайными». Вотъ нѣкоторые выписки, приблизительно обозначающія эпохи этого движенія:

1834. (До Гоголя). «У насъ нѣтъ литературы». *Литературныя мечтанія*. «Молва» 1834 г. № 39, стр. 190.

1840. (Гоголь издалъ свои повѣсти и «Ревизора», но еще не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на литературу). У насъ нѣтъ литературы въ точномъ значеніи этого слова, какъ выраженія духа и жизни народнои, но у насъ есть уже начало литературы». *Русская литература въ 1840 г.* «Отечественныя Записки» 1841 г., томъ XIV, стр. 33).

1843. (Изданы «Мертвыя Души»; школа Гоголя начинаемъ занимать видное мѣсто). Несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе; слѣдственно, у нея есть исторія. Мы желаемъ хоть намекнуть на это развитіе и проложить другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано я тропинки. *Первая статья о Пушкинѣ*. «Отечественныя Записки» 1843 г., томъ XXVIII, стр. 24.

1847. (Вліяніе Гоголя рѣшительно торжествуетъ). Было время, когда вопросъ: есть-ли у насъ литература? не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смислѣ... Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ въ состоитъ, что мы открыли, что у Россіи была своя исторія. То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы... Литература наша дошла до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ болѣе будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодотвѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей вѣрности, то уже наша, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней; а это великій успѣхъ съ ея стороны». *Взглядъ на русскую литературу*. «Современникъ» 1847 г., № 1, Критика, стр. 4 и ид.

лѣнія, воспитанныхъ отчасти Пушкиннымъ и Лермонтовымъ, а болѣе всего твореніями Гоголя и критикою Бѣлинскаго. Но въ 1834—1836 г. это будущее едва можно было неопредѣленнымъ образомъ только предвидѣть, и почти все оставалось въ настоящемъ неподвижно. Не было еще достаточныхъ причинъ существеннымъ образомъ измѣнять мнѣніи, представителемъ которыхъ былъ Надеждинъ, и авторъ статей о Пушкинѣ началъ, какъ мы замѣтили, почти тѣмъ же самымъ, что говорилъ Надеждинъ. Какъ то всегда бываетъ, если человѣкъ молодого поколѣнія принимаетъ мысль, выраженную его учителемъ, онъ придавъ этой мысли еще больше опредѣлительности, нежели она имѣла у самого Надеждина.

Однако, по исторической необходимости, это скоро должно было измѣниться: новый періодъ для русской литературы уже начинался. Мы видѣли, какъ быстро и вѣрно предугадывалъ ученикъ Надеждина, по «Миргороду» и «Арабескамъ», какого писателя мы будемъ имѣть въ Гоголѣ; скоро «Ревизоръ» долженъ былъ оправдать это предчувствіе. Кольцовъ уже явился, Лермонтовъ скоро долженъ былъ явиться. Мы видѣли, какое существенное развитіе между учителемъ и ученикомъ выказалось во взглядѣ на значеніе Гоголя и достоинства первыхъ стихотвореній Кольцова: одинъ еще не замѣчалъ фактовъ, на которыхъ другой уже основывалъ свои понятія о русской литературѣ.

Но коренное различіе между понятіями ученика и учителя о русской литературѣ заключалось тогда (1835—1836) не только въ томъ, что одинъ замѣчалъ необыкновенную важность новыхъ фактовъ, на которые другой медленнѣе обратитъ надлежащее вниманіе: и тѣ коренныя воззрѣнія, на основаніи которыхъ произносится сужденіе о фактахъ, были уже не одинаковы. Сотрудникъ «Телескопа» сдѣлался приверженцемъ Гегеля, между тѣмъ, какъ издатель, не будучи враждебенъ этому новому фазису развитія нѣмецкой науки, оставался, однакожъ, въ сущности ученикомъ Шеллинга.

Биографическія монографіи, необходимость которыхъ въ настоящее время чувствуется живѣе, нежели когда-нибудь, должны объяснить намъ, когда и какъ начались тѣсныя дружескія отношенія между Н. В. Станкевичемъ и Бѣлинскимъ. Мы теперь можемъ положительно сказать только, что они начались очень рано; что первымъ распространителемъ энтузіама къ Гегелю между молодымъ поколѣніемъ въ Москвѣ былъ Станкевичъ; что онъ былъ другомъ Кольцова; что когда Надеждинъ, въ 1835 году, уѣхалъ за границу и завѣдываше «Телескопомъ» поручилъ Бѣлинскому, тотчасъ появились въ этомъ журналѣ стихотворенія Кольцова, передъ тѣмъ самымъ временемъ отысканнаго Станкевичемъ въ Воронежѣ, и чаще прежняго стали являться упоминанія о Гегелѣ, а скоро было напечатано и обширное изложеніе системъ этого мыслителя. Наконецъ, самое содержаніе статей, писанныхъ въ 1835—1836 годахъ молодымъ сотрудникомъ Надеждина, обнаруживаетъ, что онъ тогда уже находился подъ сильнымъ вліяніемъ этой новой у насъ философіи. Вообще, нельзя не видѣть, что, въ это время, если сохранялись еще въ образѣ воззрѣній Бѣлинскаго многія черты непосредственнаго родства съ понятіями, собственно принадлежащими Надеждину, то еще гораздо болѣе находилось тождественнаго съ тѣми идеями, которыя потомъ съ такою пылкостью излагались людьми моло-

даго поколѣнія въ «Московсконъ Наблюдатѣль», и, во многихъ частностяхъ продолжая быть ученикомъ Надеждина, его сотрудникъ совершенно принадлежалъ всѣмъ стремленіямъ своимъ новымъ идеямъ, тогда проникавшимъ въ молодое поколѣніе.

Разлиніе въ характерѣ книжекъ «Телескопа», изданныхъ въ отсутствіе Надеждина его сотрудникомъ, отъ предъидущихъ номеровъ бросается въ глаза. Оно такъ рѣзко, что если бы издатель былъ человекъ неподвижный въ умственной жизни, то, по возвращеніи, остался бы рѣшительно недоволенъ направленіемъ, приданнымъ его журналу. Но, сколько то видно изъ фактовъ, представляемыхъ самимъ журналомъ, этого не было. Напротивъ, оправдывая передъ публикою неисправность выхода журнала въ свое отсутствіе непредвидѣнными обстоятельствами, Надеждинъ указывалъ на достоинство содержанія изданныхъ безъ него номеровъ, какъ на доказательство того, что передъ отъѣздомъ имъ были приняты всѣ мѣры, чтобы читатели ничего не потеряли отъ его поѣздки за границу. Сотрудникъ, издавшій эти номера, сохранилъ свое положеніе въ журналѣ, даже приобрѣлъ на его направленіе болѣе вліянія, нежели имѣлъ до поѣздки Надеждина. Критика, относящаяся къ произведеніямъ изящной словесности и литературнымъ журналамъ, перешла совершенно въ руки Бѣлинскаго и получила большее развитіе. Себѣ Надеждинъ оставилъ только критическіе разборы ученыхъ сочиненій. Все, что начато было Бѣлинскимъ въ отсутствіе редактора, продолжалось и при редакторѣ, до конца «Телескопа». Молодые сотрудники, введенные въ журналъ Бѣлинскимъ, продолжали помѣщать свои статьи въ немъ и увлекали журналъ впередъ; Надеждинъ отдался молодому поколѣнію. Разногласіе отъ литературныхъ причинъ не было, сколько можно судить по самому журналу, не предвидѣлось ¹⁾.

«Что было бы, если бы не случилось того, что случилось?» Что было бы, если бы «Телескопъ» не прекратился? Вопросы подобнаго рода не пользуются репутаціею особеннаго глубокомыслія, и отвѣты на нихъ не принимаются въ особенное уваженіе, хотя очень часто такіе вопросы сами собою навязываются воображенію, и отвѣты на нихъ иногда очень легко подсказываются здравымъ смысломъ. Признаемся, намъ хотѣлось бы, подобно Князю Мокиевичу, «обратиться къ умозрительной сторонѣ» и поразмыслить о «философическомъ», по его выраженію, вопросѣ, который намъ представился. Но мы вспомнили одно изъ основныхъ положеній гегелевой философіи, къ которой приводитъ насъ «Московский Наблюдатель»: «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйстви-

¹⁾ Эти выводы основываются на матеріалахъ, представляемыхъ содержаніемъ «Телескопа» и «Молвы». Мы очень хорошо понимаемъ, что одинъ вѣтъ источникъ недостаточенъ и долженъ быть дополненъ воспоминаніями лицъ, бывшихъ тогда близкими къ «Телескопу»; и мы были бы очень рады, если бы такіа воспоминанія явились въ печати, хотя бы и обнаружилось нѣмъ, что въ томъ или другомъ случаѣ мы ошиблись. Впрочемъ, каковы бы ни были отношенія редактора «Телескопа» съ его главнымъ сотрудникомъ и молодыми друзьями послѣдшаго, литературная сторона этихъ отношеній, которая сдѣсь исключительно важна для насъ, съ удивительною точностью характеризуется данными, находящимися въ самомъ журналѣ, и выводы, представленные выше, едва-ли могутъ быть существенно измѣнены біографическими воспоминаніями.

тельно», и заключили, что продолженіе существованія «Телескопа» было бы неразумно. Потому, оставляя умозрѣнія, будемъ продолжать исторію «разумной» дѣйствительности, въ «Московскомъ Наблюдатель» — рѣдкій случай! — являвшейся на самомъ дѣлѣ разумною.

Въ «Телескопѣ» молодое поколѣніе пользовалось очень значительнымъ вліяніемъ, получило наконецъ рѣшительный перевѣсъ, но все еще не было и не могло быть полнымъ хозяиномъ. По прекращеніи этого журнала, оно нѣсколько времени не имѣло органа въ литературѣ, но въ 1838 году получило въ полное свое распоряженіе «Московскій Наблюдатель». Матеріальныя средства этого журнала были въ то время совершенно истощены жалкимъ трехлѣтнимъ существованіемъ. Молодое поколѣніе располагало богатымъ запасомъ энтузіазма и дарованій, но не капиталами; потому «Московскій Наблюдатель» скоро прекратился. Но его кратковременная жизнь при второй редакціи была блистательна. Онъ былъ прекраснымъ выраженіемъ стремленій молодежи, пылкой и благородной. Главными сотрудниками Бѣлинскаго были въ этомъ журналѣ: г. К. Аксаковъ, г. Боткинъ, г. Катковъ, Ключниковъ (— о —), Красовъ и г. Кудрявцевъ. Невозможно отказать въ уваженіи и сочувствіи кружку, состоявшему изъ такихъ людей. А мы еще пропустили нѣкоторыя имена, еще болѣе выразительныя ¹⁾. Душею ихъ круга былъ Станкевичъ. Завѣдываніе журналомъ принадлежало Бѣлинскому. Всѣ эти люди были тогда еще юношами. Всѣ были исполнены вѣры въ свои благородныя стремленія, надеждъ на близость прекраснаго будущаго. Мудрость устами Гегеля, все разгадавшаго, какъ имъ казалось, все примирившаго Гегеля, раскрыла передъ ними тайны, дотошъ неистижимыя людямъ. Поэзією упоены были ихъ сердца: слава готовила имъ вѣнцы за благую вѣсть, провозглашаемую отъ нихъ людямъ, и, увлекаемые сплюю энтузіазма, стремились они впередъ:

Какъ смѣло, съ бодрою охотой,
Мечты надѣясь достигнуть,
Еще не связанный заботой,
Искался юноша въ свой путь!
Какъ онъ легко впередъ стремился!
Что для счастливецъ тяжело?
Какой воздушный рой тѣснился
Вкругъ свѣтлаго пути его!
Любовь съ улыбкой благосклонной
И счастье съ золотымъ вѣнцомъ,
И слава съ звѣздною короной
И въ свѣтѣ истина живомъ... ²⁾.

¹⁾ Напримѣръ. Кольцова.

²⁾ «Идеалы» Шеллера, переводъ К. Аксакова. «Московскій Наблюдатель», томъ XVI, стр. 513

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ;
Ихъ очи, какъ звѣзды
Но небу, блестять;
Ихъ думы—какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ.
И съ неба, и съ время
Покровы святы...
Шумна ихъ бесѣда
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтеть... ¹⁾.

И кто хочетъ перенестись на нѣсколько минутъ въ ихъ благородное общество, пусть перечитаетъ въ «Рудинѣ» разсказъ Лежнева о временахъ его молодости и удивительный эпилогъ повѣсти г. Тургенева.

¹⁾ Изъ стихотворенія Кольцова въ память Станкевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бѣлинскій.

«Московскій Наблюдатель» былъ переданъ въ распоряженіе друзей Станкевича уже тогда, когда матеріальныя средства къ продолженію изданія были совершенно истощены, и только безкорыстная энергія новыхъ сотрудниковъ могла продлить еще на годъ существованіе журнала, доведениаго до гибели прежнему редакціею. Но этотъ послѣдній, слишкомъ краткій, періодъ жизни «Московского Наблюдателя» былъ таковъ, что никогда еще ничего подобнаго, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ книжекъ «Телескопа», не бывало въ русской журналистикѣ. Даже «Телеграфъ» въ свое лучшее время не былъ такъ проникнутъ единствомъ задумчивой мысли, не былъ одушевленъ такимъ пламеннымъ стремленіемъ служить истинѣ и искусству; и если бывали у насъ до того времени альманахи и журналы, имѣвшіе гораздо большее число сотрудниковъ, уже пользовавшихся громкою знаменитостію, какъ напримѣръ, «Библіотека для Чтенія» въ 1834, пушкинскій «Современникъ» въ 1836 году, то никогда еще не соединялось въ русскомъ журналѣ столько истинно замѣчательныхъ дарованій, столько истиннаго знанія и неподдѣльной поэзіи, какъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи (томы XVI, XVII и XVIII прежней нумераціи и томы I и II новой). Въ 1838—1839 годахъ новые сотрудники «Наблюдателя» были юношами, еще почти совершенно безвѣстными; но почти всѣ они оказались людьми сильными и даровитыми, почти каждому изъ нихъ суждено было составить себѣ прочную, благородную, безукоризненную извѣстность въ нашей литературѣ, а нѣкоторымъ и приобрести блестящую славу; будущность принадлежала имъ, какъ и теперь настоящее принадлежитъ имъ и тѣмъ людямъ, которые впослѣдствіи примкнули къ нимъ.

«Московскій Наблюдатель» менѣе извѣстенъ, нежели «Телеграфъ» и «Телескопъ»; потому не излишне будетъ, прежде нежели говорить подробно объ его учено-критическихъ воззрѣніяхъ, сказать два-три слова объ общей фізіономіи послѣднихъ томовъ журнала, изданныхъ людьми новаго поколѣнія, дѣятельность которыхъ теперь занимаетъ насъ.

До того времени, когда рѣшительное вліяніе Гоголя на молодые таланты обратило большинство даровитыхъ писателей къ предпочтенію прозаической

формы разсказа, стихотворенія были блестящею стороною нашей изящной литературы. «Московскій Наблюдатель» не имѣлъ между своими сотрудниками Пушкина, какъ альманахи 1823—1833 годовъ или первые годы «Библіотеки» и (пушкинскаго) «Современника». Но если взять поэтическій отдѣлъ «Наблюдателя» весь вмѣстѣ и сравнить его съ тѣмъ, что представляла наша поэзія въ прежнихъ столь знаменитыхъ ею альманахахъ и въ самомъ пушкинскомъ «Современникѣ» (не говоря уже о «Библіотекѣ», далеко уступавшей въ этомъ отношеніи «Современнику», «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» и проч.), то нельзя не признать, что по отдѣлу поэзіи «Московскій Наблюдатель» былъ гораздо выше всѣхъ прежнихъ нашихъ журналовъ и альманаховъ, гдѣ, кромѣ произведеній Пушкина и переводовъ Жуковскаго, только немногіе стихотворенія возвышаются надъ уровнемъ безцвѣтной и пустой посредственности, между тѣмъ, какъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» мы почти не найдемъ стихотвореній, которыхъ нельзя было бы съ удовольствіемъ прочитать и нынѣ, а напротивъ, кромѣ дивныхъ созданій Кольцова, многія другія пьесы остаются до сихъ поръ замѣчательны и прекрасны ¹⁾.

Мало того, что изъ многочисленныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ нѣ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи, только развѣ немногіе могутъ быть названы слабыми,—достоинство, которымъ всѣ могъ похвалиться до того времени ни одинъ изъ нашихъ журналовъ,—есть въ этой массѣ пьесъ другое качество, еще болѣе новое для того времени: пустыхъ стихотвореній въ ней не найдется рѣшительно ни одного, каждая лирическая пьеса дѣйствительно проникнута чувствомъ и мыслью, такъ что стихотворный отдѣлъ «Московскаго Наблюдателя» не можетъ быть и сравниваемъ съ тѣмъ, что встрѣчаемъ въ другихъ тогдашнихъ журналахъ.

Беллетристикою журналы не могли тогда похвалиться: хорошихъ повѣстей писалось очень мало, потому что всего три-четыре человѣка умѣли тогда писать прозою такъ, что ихъ произведенія можно теперь перечитывать безъ

¹⁾ Кромѣ стихотвореній Кольцова, въ «Московскомъ Наблюдателѣ» помѣщались:

Переводы изъ Гете и Шиллера, г. К. А. Аксакова, котораго надобно назвать однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ-переводчиковъ. Мнѣніе, иногда высказываемое нынѣ, будто стихъ въихъ переводовъ былъ тяжелъ, не совершенно основательно; намъ кажется, напротивъ, что мало найдется такихъ прекрасныхъ и поэтическихъ переводовъ, какъ, напримѣръ, слѣдующая пьеса изъ Гете («М. Н.» XVI, 92):

НА ОЗЕРѢ.

Какъ освѣщается душа
И кровь течетъ быстрѣй!
О, какъ природа хороша!
Я на груди у ней!

Качаетъ насъ челнокъ волна,
Въ ладъ съ нею весла бьютъ.
И горы въ мшистыхъ пеленахъ
Навстрѣчу намъ встаютъ.

Что же, мой вѣзоръ, опускаешься ты?
Вы ли опять, золотыя мечты?
О, прочь, мечтанье, хоть сладко оно!
Здѣсь все такъ любовью и жизнью полно!

улыбки. Но к по отдѣлу беллетристики «Московскій Наблюдатель» былъ едва ли не выше всѣхъ остальныхъ своихъ собратій, печатая повѣсти Нестроева (г. Кудрявцева), за которыми должно остаться одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи возникновенія нашей изящной прозаической литературы. Въ настоящей статьѣ не мѣсто оцѣнивать талантъ Нестроева: это мы надѣемся сдѣлать впоследствии; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что повѣсти его по своему художественному достоинству должны были занять въ исторіи русской прозы почетное мѣсто. Нестроевъ—писатель съ дарованіемъ самостоятельнымъ и сильнымъ, какихъ тогда было очень немного, или, лучше сказать, почти вовсе не было, кромѣ такихъ колоссальныхъ талантовъ, какъ Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ.

Такимъ образомъ, изящная словесность въ «Московскомъ Наблюдателѣ» замѣчательна по художественному достоинству; но еще гораздо интереснѣе она въ томъ отношеніи, что служить вообще вѣрнымъ и полнымъ отраженіемъ принциповъ, одушевлявшихъ общество молодыхъ людей, которые собрались вокругъ Станкевича. До того времени только очень немногіе изъ нашихъ поэтовъ и нувеллистовъ умѣли приводить смыслъ своихъ произведеній въ гармонію съ идеями, которыя казались имъ справедливы: обыкновенно, повѣсти или стихотворенія имѣли очень мало отношеній съ такъ называемымъ «міросозерцаніемъ» автора, если только авторъ имѣлъ какое-нибудь «міросозерцаніе». Въ примѣръ, укажемъ на повѣсти Марлинскаго, въ которыхъ самый внимательный розыскъ не откроетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ принциповъ, которые, безъ сомнѣнія, были дороги ихъ автору, какъ человѣку. Обыкновенно жизнь и возбуждаемыя ею убѣжденія были сами по себѣ, а поэзія сама по себѣ: связь между писателемъ и человѣкомъ была очень слаба, и самые живые люди, когда принимались за перо въ качествѣ литераторовъ, часто заботились только о теоріяхъ изящнаго, а вовсе не о смыслѣ своихъ произведеній, не о томъ, чтобы «привести живую идею» въ художественномъ созданіи (какъ любила

Свѣтлою толпою
Звѣзды въ волнахъ глядятся,
Туманы градомъ
На дальнихъ высяхъ ложатся;

Вѣтеръ утра качаетъ
Деревья надъ зеркаломъ водъ;
Тихо отражаетъ
Озеро ссѣющийъ плодъ.

Приводи это стихотвореніе, мы имѣемъ цѣлью не только представить доказательство, что не напрасно причисленъ переводъ г. К. Аксакова въ «М. Н.» къ иронизаціямъ, имѣющимъ положительное достоинство: для насъ «На озерѣ» послужитъ поэтическимъ выраженіемъ сапогой характеристической особенности того міросозерцанія, которое господствовало въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Переводы г. Каткова изъ Гейне и отрывки изъ его прекраснаго перевода «Ромео и Джульетта» Шекспира;

Стихотворенія Ключникова (—Θ—) и нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ талантовъ;

Стихотворенія Красова, который былъ едва ли не лучшимъ изъ нашихъ второстепенныхъ новаторовъ въ эпоху дѣятельности Кольцова и Лермонтова. Его пьесы давно надобно было бы собрать и издать: онѣ очень заслуживаютъ того, и напрасно мы забываемъ объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ.

выражаться критика гоголевскаго періода). Этимъ недостаткомъ—отсутствіемъ связи между жизненными убѣжденіями автора и его произведеніями—страдала вся наша литература до того времени, когда аіяніе Гоголя и Бѣлинскаго преобразовало ее. Литературный отдѣлъ «Московскаго Наблюдателя» является едва ли не первымъ зародышемъ постоянной гармоніи убѣжденій человѣка со смысломъ его художественныхъ произведеній,—той гармоніи, которая нынѣ владычествуетъ въ нашей литературѣ и придаетъ ей силу и жизнь. Молодые поэты и беллетристы, участвовавшіе въ этомъ журналѣ, писали именно о томъ, что ихъ занимало, а не о какихъ нибудь сюжетахъ, навѣянныхъ другими поэтами, смыслъ которыхъ оставался, бывало, совершенно непонятенъ для подражателей, очень усердно копировавшихъ внѣшнюю сторону иностранныхъ произведеній: они понимали то, что писали—качество, которое очень рѣдко замѣчается у прежнихъ нашихъ литераторовъ. Изъ этого общаго правила писать произведенія, или не имѣющіе живаго смысла, или произведенія, смыслъ которыхъ остается непостижимою тайною для самого автора, исключеній бывало очень мало, и «Московскій Наблюдатель»—первый журналъ, въ которомъ мысль и поэзія гармонируютъ между собою, и въ литературномъ отдѣлѣ котораго постоянно отражаются сознательныя стремленія. Это первый въ ряду такихъ журналовъ, какіе нынѣ мы теперь, въ которыхъ поэзія, беллетристика и критика согласно вдуть къ одной цѣли, поддерживая другъ друга. Глубокая потребность истины и добра съ одной стороны, съ другой—свѣжая и здоровая готовность любить все, что дѣйствительная жизнь представляетъ удовлетворительнаго,—предпочтеніе дѣйствительной жизни отвлеченному фантазированію съ одной стороны, съ другой—чрезвычайное сочувствіе тому, что въ стремленіяхъ фантазіи является здоровымъ отраженіемъ истинной потребности полного наслажденія дѣйствительною жизнью,—эти основныя черты критической мысли «Московскаго Наблюдателя» составляютъ существенный характеръ и литературнаго отдѣла въ этомъ журналѣ. Стремленія, одушевляющія его поэзію и беллетристику, видимо проникнуты философскою мыслью, которая владычествуетъ надъ всѣмъ.

Дѣйствительно, философское міросозерцаніе нераздѣльно владычествовало надъ умами въ томъ дружескомъ кружкѣ, органомъ котораго были послѣдніе томы «Московскаго Наблюдателя». Эти люди рѣшительно жили только философіею, день и ночь толковали о ней, когда сходились вмѣстѣ, на все смотрѣли, все рѣшали съ философской точки зрѣнія. То была первая пора знакомства нашего съ Гегелемъ, и энтузіазмъ, возбужденный новыми для насъ, глубокими истинами, съ изумительною силою діалектики развитыми въ системѣ этого мыслителя, на нѣкоторое время натурально долженъ былъ взять верхъ надъ всѣми остальными стремленіями людей молодаго поколѣнія, сознавшихъ на себѣ обязанность быть провозвѣстниками невѣдомой у насъ истины, все озаряющей, какъ имъ казалось въ пылу перваго увлеченія, все примиряющей, дающей человѣку и невозмутимый внутренній миръ и бодрую силу для внѣшней дѣятельности. Главное значеніе «Московскаго Наблюдателя» состоитъ въ томъ, что онъ былъ органомъ гегелевой философіи.

Философскія стремленія теперь почти забыты нашею литературою и критикою. Мы не хотимъ рѣшать, на сколько литература и критика выиг-

рали отъ этой забывчивости,—кажется, не выиграли ровно ничего, потерявъ очень много; но какъ бы ни рѣшалъ кто вопросъ о значеніи философскаго міросозерцанія для настоящаго времени, каждый согласится, что господство философіи надъ всею умственною нашею дѣятельностью въ началѣ настоящаго періода нашей литературы есть замѣчательный историческій фактъ, заслуживающій внимательнаго изученія. «Московскій Наблюдатель» представляетъ первую эпоху этого владычества филоеофіи, когда непогрѣзительнымъ истолкователемъ ея представлялся Гегель, когда каждое слово Гегеля являлось несомнѣнною истиною и каждое изреченіе великаго учителя принималось его новыми учениками въ буквальный смыслъ, когда не было еще ни заботы о повѣркѣ этихъ истинъ, ни предчувствія, что Гегель былъ непоследователенъ, противорѣчилъ самъ себѣ на каждомъ шагѣ, что, принимая его принципы, последовательному мыслителю надобно придти къ выводамъ, совершенно различнымъ отъ выставленныхъ имъ выводовъ. Позднѣе, когда это было замѣчено, фальшивые выводы были отвергнуты лучшими изъ бывшихъ последователей Гегеля у насъ, и нѣмецкая философія явилась совершенно въ другомъ свѣтѣ. Но то была уже другая эпоха—эпоха «Отечественныхъ Записокъ», и мы будемъ говорить о ней въ слѣдующей статьѣ, а теперь посмотримъ, какого была гегелева система, пламеннымъ проповѣдникомъ которой былъ «Московскій Наблюдатель».

Программою журнала была первая статья его—предисловіе къ переводу «Гимназическихъ рѣчей Гегеля» (М. Н., XVI, стр. 5—20). Мы приводимъ въ выноскѣ существенныя мѣста изъ этого предисловія, присоединяя къ нимъ объясненіе техническихъ терминовъ гегелевскаго языка, которые могли бы затруднить тѣхъ читателей, которые не привыкли къ этой терминологіи: они, надѣемся, увидятъ, что дѣло было очень просто и понятно, и что различные толки о мнимой темнотѣ гегелевой философіи—чистый предрассудокъ: нужно только знать смыслъ нѣсколькихъ техническихъ словъ, и трансцендентальная философія становится для людей нашего времени ясна и проста¹⁾.

¹⁾ Умъ—только одна изъ способностей человѣка; знаніе—только одно изъ его стремленій; потому одно умствованіе объ отвлеченныхъ вопросахъ не удовлетворяетъ человѣка: онъ хочетъ также любить и жить, не только знать, но и наслаждаться, не только мыслить, но и дѣйствовать. Нынѣ это вонятво каждому—таково духъ вѣка, такова сила времени, все объясняющаго. Но въ XVII вѣкѣ наука была дѣломъ кабинетныхъ тружениковъ, которые знали только книги, думали только объ ученыхъ вопросахъ, чуждаясь жизни и не понимая житейскихъ дѣлъ. Когда жизнь, въ XVIII вѣкѣ, предъявила свои права съ такою силою, что пробудила даже нѣмецкихъ ученыхъ, они увидѣли недостаточность прежней философской методы, основывавшей все на умозаключеніяхъ, принимавшей мѣрою всему отвлеченныя понятія. Но не могли они однимъ шагомъ перейти изъ пыльнаго кабинета на форумъ жизни; они были еще слишкомъ далеки отъ нынѣ, что все естественныя способности и стремленія человѣка должны дѣйствовать, должны помогать другъ другу въ разрѣшеніи вопросовъ науки к жизни. Имъ показалось, что довольно будетъ наизмѣнить методу умозаключеній, оставая по прежнему в сердце и тѣло человѣка безъ вниманія. Они думали, что умъ не обнималъ живую истину во всей ея полнотѣ не потому, что одной головы, безъ груди и рукъ, безъ сердца и осознанія недостаточно человѣку: они вздумали попробовать, не удастся ли головѣ обойтись безъ помощи остальныхъ членовъ живаго организма, если только голова возьмется за дѣла, которые принадлежатъ сердцу, желудку и рукамъ,—и голова, дѣйствительно, придумала «спекулятивное мышленіе». Сущность этой попытки состояла въ томъ, что умъ старался, отвергая отвлеченныя понятія, мыслить по такъ-называемымъ «конкретнымъ» понятіямъ,—напримѣръ, думая о человѣкѣ, основывать свои заключенія не на прежней фразѣ: «человѣкъ есть существо, одаренное разумомъ», но на понятіи о дѣйствительномъ человѣкѣ, съ руками и ногами, съ сердцемъ и желудкомъ. Это былъ большой шагъ впередъ. Гегель явился послѣднимъ и важнымъ

Содержаніе гегелевой философіи, въ томъ видѣ, какъ изложена она у самого Гегеля, и какъ до мельчайшихъ подробностей принималась за безспорную истину друзьями Станкевича въ 1838—1839 годахъ, кажется совершенною противоположностью тому образу мыслей, который съ такимъ жаромъ и успѣхомъ излагался потомъ критикою гоголевскаго періода въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840—1846) и нашемъ журналѣ (1847—1848); оттого я статьи «Московского Наблюдателя», написанныя Бѣлинскимъ и его товарищами по убѣжденіямъ подъ исключительнымъ вліяніемъ сочиненій Гегеля, представляются на первый взглядъ совершенно противорѣчащими статьямъ, которыя тотъ же самый Бѣлинскій писалъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Это разнорѣчіе зависитъ, какъ мы сказали, отъ двойственности самой системы Гегеля, отъ разнорѣчіи между ея принципами и ея выводами, духомъ и содержаніемъ. Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы—узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его гения, у великаго мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общія идеи, но не достало уже силы неуклонно держаться этихъ основаній и логически развить изъ нихъ всѣ необходимыя слѣдствія. Онъ провидѣлъ истину, но только въ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ, вовсе неопредѣлительныхъ очертаніяхъ; увидѣть ее лицомъ къ лицу досталось на долю только уже слѣдующему поколѣнію. И не только выводы изъ своихъ принциповъ не могъ онъ сдѣлать—самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Слѣдующее поколѣніе мыслителей сдѣлало еще шагъ впередъ, и принципы, нео-

назъ мыслителей, остановившихся на этомъ первомъ фазисѣ превращенія кабинетнаго ученаго въ живаго человѣка. Конечно, система, основанная на этомъ способѣ замѣненія прежнихъ отвлеченныхъ понятій болѣе живыми воззрѣніями, была гораздо свѣжѣе и полнѣе прежнихъ, совершенно отвлеченныхъ системъ, занимавшихся не людьми, каковыя люди въ дѣйствительности, а призраками, которые созданы прежнею методою мышленія, отвергавшею въ человѣкѣ всякія способности и стремленія, кромѣ ума, и изъ всѣхъ органовъ человѣческаго существа признававшее достойнымъ своего вниманія только мозгъ. Потому «трансцендентальное», или «спекулятивное» мышленіе (стремящееся основывать своя уноаключенія на понятіи о дѣйствительныхъ предметахъ) справедливо гордилось тѣмъ, что оно гораздо живѣе прежней схоластической методы, и старинный методъ основывать все на отвлеченныхъ понятіяхъ былъ закованъ въ прозябаніемъ «призрачнаго мышленія», принадлежащаго «отвлеченному уму, или разсудку» (Verstand). Всѣ понятія и пынды, составленные на основаніи этого «отвлеченнаго призрачнаго мышленія», были опозорены именемъ «призрачныхъ понятій», «призрачныхъ выводовъ», и ученики Гегеля съ презрѣніемъ говорили о истъхъ тѣхъ философахъ, которые строили овою систему не на основаніи «спекулятивнаго мышленія»: эти люди, но мнѣнію Гегеля и его послѣдователей, не ааолуживаютъ даже имени философовъ, а ихъ системы—«призрачныя построенія», въ которыхъ вмѣсто живой истины даются «отвлеченныя призраки». Особенному негодованію подвергалась французская философія, которая, совершивъ свое дѣло, перестала занимать сильные умы, стала занятіемъ фантазеровъ и болтуновъ и дѣйствительно, жалкимъ образомъ измѣлчала и опомнилась при Наполеонѣ и во время Реставраціи. Тогда во Франціи, дѣйствительно, каждый подъ философіею понималъ всякій вздоръ, какой только приходилъ въ голову, и, по произволу переимѣнивая этотъ вздоръ съ торопливо набранными чужими мыслями, производилъ себя гениемъ и тюрцомъ новой философской системы. Противъ этихъ то фвятией, чуждыхъ научнаго достоинства, преимущественно и направлено предисловіе къ рѣчамъ Гегеля, служащее программой «Московскому Наблюдателю». Вотъ существенныя мѣста изъ этой программы:

«Кто не поображаетъ себя нынче философомъ, кто не говоритъ теперь съ утвердительною о томъ, что такое истина и въ чемъ заключается истина? Всякій хочетъ имѣть свою собственную, партикулярную систему; кто не думаетъ по своему, по своему личному произволу, тотъ не имѣетъ самостоятельнаго духа, тотъ безцвѣтный человѣкъ; кто не выдумалъ своей собственной идеи, тотъ не гений, въ томъ нѣтъ глубокомыслия, а нынче, куда вы ни обернетесь, вездѣ встрѣчаете гениевъ. И что же выдумали эти гении-саовизанцы, какой плодъ ихъ глубокомысленныхъ идеесъ и взглядовъ, что двинули они впередъ, что сдѣлали они дѣйствительнаго?»

предѣленно, односторонне и отвлеченно высказанные Гегелемъ, явились во всей своей полнотѣ и ясности: тогда колебаніемъ не осталось мѣста, двойственность исчезла, фальшивые выводы, внесенные въ науку непоследовательностью Гегеля въ развитіи основныхъ положеній, были отстранены, и содержаніе приведено въ гармонію съ основными истинами. Таковъ былъ ходъ дѣла въ Германіи, таковъ же былъ онъ и у насъ. Развитие послѣдовательныхъ воззрѣній изъ двусмысленныхъ и лишенныхъ всякаго примѣненія намековъ Гегеля совершилось у насъ отчасти вліаніемъ нѣмецкихъ мыслителей, явившихся послѣ Гегеля, отчасти—мы съ гордостью можемъ сказать это—собственными силами. Тутъ въ первый разъ русскій умъ показалъ свою способность быть участникомъ въ развитіи общечеловѣческой науки.

Пересмотримъ же теперь тѣ принципы гегелевой философіи, которые многучествомъ и истинностью своею увлекли людей «Московского Наблюдателя» до такой степени, что, въ пылу энтузіазма, возбужденнаго этими высокими стремленіями, были забыты на время всѣ остальные требованія разума и жизни, было принято все содержащее системы, хвалившейся тѣмъ, что она основана на этихъ глубокихъ истинахъ.

Мы столь же мало послѣдователи Гегеля, какъ и Декарта или Аристотеля. Гегель нынѣ уже принадлежитъ исторіи, настоящее время нибѣтъ другую философію и хорошо видитъ недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелемъ, дѣйствительно, были очень близки къ истинѣ, и нѣкоторыя стороны истины были выставлены на видъ

«Шумимъ, братецъ, шумимъ»,—отвѣчаетъ за нихъ Репетковъ, въ комедіи Грибоѣдова. Да, шумъ, пустая болтовня—вотъ единственный результатъ этой ужасной, безсмысленной анархіи умовъ, которая составляетъ главную болѣзнь нашего новаго поколѣнія, отвлеченнаго, призрачнаго, чуждаго всякой дѣйствительности; и весь этотъ шумъ, вся эта болтовня происходитъ во имя философіи. И мудрено-ли, что умный, дѣйствительный русскій народъ не позволяетъ осмѣлять себя этимъ фейерверочнымъ огнемъ словъ безъ содержанія и мыслей безъ смысла? мудрено-ли, что онъ не довѣряетъ философіи, представленной ему съ такой невыгодной, призрачной стороны? До сихъ поръ философіи и отвлеченности, призрачности и отсутствіе всякой дѣйствительности были тождественны: кто занимается философіею, тотъ необходимо простиается съ дѣйствительностью и бродитъ въ этомъ болѣзненномъ отчужденіи отъ всякой естественной и духовной дѣйствительности, въ какихъ-то фантастическихъ, произвольныхъ, небывалыхъ мірахъ, или пооружается противъ дѣйствительнаго міра и мнитъ, что своими приврачными силами онъ можетъ разрушить его мощное существованіе, мнитъ, что въ осуществленіи конечныхъ (*ограниченныхъ, одностороннихъ*) положеній (*сужденій*) его конечнаго (*ограниченного, односторонняго, отвлеченнаго*) разсудка и конечныхъ цѣлей его конечнаго произвола заключается все благо человѣчества, и не знаетъ, бѣдный, что дѣйствительный міръ выше его жалкой и безсилной индивидуальности (*личности*)... Жизнь его есть рядъ безпрестанныхъ мученій, безпрестанныхъ разочарованій, борьба безъ выхода и конца,—и это внутреннее распадѣніе, эта внутренняя разорванность есть необходимое слѣдствіе отвлеченности и призрачности конечнаго разсудка, для котораго нѣтъ ничего конкретнаго и который превращаетъ всякую жизнь въ смерть. И еще разъ повторяю: общая недовѣрчивость къ философіи весьма основательна, потому что то, что намъ выдавали до сихъ поръ за философію, разрушаетъ человѣка, вмѣсто того, чтобы оживлять его, вмѣсто того, чтобы образовать изъ него полезнаго и дѣйствительнаго члена общества.

Начало этого зла скрывается изъ реформаци. Когда назначеніе папизма — замѣнить недостатокъ внутреннего центра вѣншиимъ центромъ — кончилось... реформация потрясла его авторитетъ... пробужденный умъ, освободившись отъ пеленокъ авторитета, отдѣлившись отъ дѣйствительнаго міра и погрузившись въ самого себя, захотѣлъ вывести все изъ самого себя, найти начало и основу знанія въ самомъ себѣ... Но умъ человѣческій, только что пробудившійся отъ долгаго сна, не могъ вдругъ познать истину: дѣйствительный міръ истины былъ не по силамъ ему, онъ еще не досрѣ до него и долженъ былъ необходимо пройти чрезъ долгій путь искутаній, борьбы и страданій, прежде чѣмъ достигъ своей возмужалости: истина не дается даромъ: нѣтъ она есть плодъ тяжкихъ страданій, долгаго мучительнаго стремленія... Результатомъ

этимъ мыслителемъ съ истинно поразительною силою. Изъ этихъ истинъ, открытіе иныхъ составляетъ личную заслугу Гегеля; другія, хотя и принадлежатъ не исключительно его системѣ, а всей нѣмецкой философій со временъ Канта и Фихте, но никѣмъ до Гегеля не были сформулированы такъ ясно и высказываемы такъ сильно, какъ въ его системѣ.

Прежде всего укажемъ на плодотворнѣйшее начало всякаго прогресса, которымъ столь рѣзко и блистательно отличается нѣмецкая философія вообще. и въ особенности гегелева система, отъ тѣхъ лицемѣрныхъ и трусливыхъ воззрѣній, какія господствовали въ тѣ времена (начало XIX вѣка) у французовъ и англичанъ: «истина—верховная цѣль мысленія; ищите истины, потому что въ истинѣ благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинно; первый долгъ мыслителя: не отступать ни передъ какими результатами; онъ долженъ быть готовъ жертвовать истинѣ самыми любимыми своими мнѣніями. Заблужденіе—источникъ всякой пагубы; истина—верховное благо и источникъ всѣхъ другихъ благъ». Чтобы оцѣнить чрезвычайную важность этого требованія, общаго всей нѣмецкой философій со времени Канта, но особенно энергически высказаннаго Гегелемъ, надобно вспомнить, какими стран-

философій расудка было (въ Германіи, у Фихте) разрушеніе всякой объективности, всякой дѣйствительности и погруженіе отвлеченнаго пустого Я въ самолюбивое эгоистическое самозабвеніе, разрушеніе всякой любви, а слѣдовательно и всякой жизни и всякой возможности блаженства... Но германскій народъ слишкомъ еяленъ, слишкомъ дѣйствителенъ для того, чтобы сдѣлаться жертвою призрака... Система Гегеля вѣчала долгое стремленіе ума къ дѣйствительности:

Что дѣйствительно, то разумно; и
Что разумно, то дѣйствительно.—

вотъ основа философій Гегеля.

«Обратимся теперь въ Франціи и посмотримъ, какии образомъ проявилось въ нѣй это расединеніе Я съ дѣйствительностью... Разсудокъ человѣка, неспособный проникнуть въ глубокое и святое таинство жизни, отвергнулъ все, что было ему недоступно; а ему недоступное истинное и все дѣйствительное. Вся жизнь Франціи есть ничто иное, какъ сознаніе своей пустоты и мучительное стремленіе наполнить ее чѣмъ бы то ни было, и всѣ средства, уостребляемыя ею для наполненія себя, призрачны и безолодны... Французы (когда принимаютъ философствоватъ) превращаютъ всякую истину въ пустымъ, бессмысленныя фразы, въ произвольность и анархію мышленія и въ страніе новыхъ идеекъ...

Эта болѣзнь распространилась, къ несчастію, и у насъ... Пустота нашего воспитанія есть главная причина призрачности нашего новаго поколѣнія. Вмѣсто того, чтобы развѣщать въ молодомъ человѣкѣ иенру Божію... вмѣсто того, чтобы образовывать въ немъ глубокое вѣстическое чувство, которое спасаетъ человѣка отъ всѣхъ грязныхъ сторонъ жизни,—вмѣсто всего этого, его наооляютъ пустыми, бессмысленными французскими фразами... Вмѣсто того, чтобы приучать молодой умъ къ дѣйствительному труду, вмѣсто того, чтобы разжигать въ немъ любовь къ знанію... его приучаютъ къ вѣребреженію трудомъ... Вотъ источникъ нашей общей болѣзни нашей призрачности! Разверните какое вамъ угодно собраніе русскихъ стихотвореній и посмотрите, что составляетъ пищу для ежедневнаго вдохновенія нашихъ самозванцевъ-поэтовъ... Одинъ объявляетъ, что онъ не вѣритъ въ жизнь, что онъ разочарованъ; другой, что онъ не вѣритъ дружбѣ; третій, что онъ не вѣритъ любви...

Счастіе не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности; востанать противъ дѣйствительности я убивать въ себѣ вскии источники жизни—одно и тоже; примиреніе съ дѣйствительностью во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни есть главная задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія нвъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ нвъ призрачности, что оно оставитъ пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархическая и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противоположны: что къ знанію царствуетъ строгая дисциплина, и что безъ этой дисциплины нтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится нкогда съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, я что, оставивъ въ пустынѣ претензіи на гениальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми.

ными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как за тѣмъ, чтобы «оправдать дорогія для нихъ убѣжденія», т. е. искали не истины, а поддержки своимъ предубѣжденіямъ; каждый бралъ изъ истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергалъ, безъ церемоніи признаваясь, что пріятное заблужденіе кажется ему гораздо лучше безпристрастной правды. Эту манеру заботиться не объ истинѣ, а о подтвержденіи пріятныхъ предубѣжденій, нѣмецкіе философы (особенно Гегель) прозвали «субъективнымъ мышленіемъ», философствованіемъ для личнаго удовольствія, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличалъ эту пустую и вредную забару. Какъ необходимое предохранительное средство противъ поспешности уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ, былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый «діалектическій методъ мышленія». Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокоиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ: такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ одностороннихъ понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. Объяснить дѣйствительность стало существенною обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которою прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ. Такимъ образомъ, добросовѣстное, неутомимое изысканіе истины стало на мѣстѣ прежнихъ произвольныхъ толкованій. Но, въ дѣйствительности, все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени,—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе,—что эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны: каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ свое собственное значеніе, и судить о немъ должно по соображенію той обстановки, среди которой оно существуетъ; это правило выражалось формулою: «отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна», т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ ¹⁾.

¹⁾ Напримѣръ: «благо или зло дождь?»—это вопросъ отвлеченный; опредѣлительно отвѣчать на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ: надобно спрашивать опредѣлительно: «послѣ того, какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, продолженіе пяти часовъ неслъ сильный дождь,—полезенъ-ли былъ онъ для хлѣба?»—только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: «этотъ дождь былъ очень полезенъ».—«По въ то же лѣто, когда настала пора уборки хлѣба, пѣкую недѣлю шелъ проливной дождь.—хорошо ли было это для хлѣба?» Отвѣтъ также ясенъ и также справедливъ: «пѣтъ, этотъ дождь былъ вреденъ». Точно также рѣшаются въ гегелевой философіи всѣ вопросы. «Плгубна или благотворна война?» Вообще, нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависить отъ обстоятельствъ, времѣни и мѣста. Для дикихъ народовъ война въ нѣмъ менте чувстви-

Само собою разумѣется, что это бѣглое исчисленіе нѣкоторыхъ принциповъ гегелевой философіи не можетъ дать понятія о поразительномъ впечатлѣніи, которое производятъ творенія великаго философа, который въ свое время увлекалъ самыхъ недовѣрчивыхъ учениковъ необыкновенною силою и возвышенностью мысли, покоряющей своему владычеству всѣ области бытія. открывающей въ каждой сферѣ жизни тождество законовъ природы и исторіи съ своимъ собственнымъ закономъ діалектическаго развитія, обнимающей всѣ факты религіи, искусства, точныхъ наукъ, государственнаго и частнаго права. исторіи и психологіи сѣтью систематическаго единства, такъ что все является объясненнымъ и примиреннымъ. Время той философіи, послѣднимъ и величайшимъ представителемъ которой былъ Гегель, прошло для Германіи. При помощи результатовъ, выбранныхъ ею, наука сдѣлала, какъ мы сказали, шагъ впередъ; но новая наука эта явилась только какъ дальнѣйшее развитіе гегелевой системы, которая навсегда сохраняетъ историческое значеніе, какъ переходъ отъ отвлеченной науки къ наукѣ жизни.

Таково была значеніе гегелевой философіи у насъ: она послужила переходомъ отъ бесплодныхъ схоластическихъ умствованій, граничившихъ съ апатією, къ простому и свѣтлому взгляду на литературу и жизнь, потому что въ ея принципахъ заключались, какъ мы старались показать, зародыши этого взгляда. Пылкіе и рѣшительные умы, какъ Бѣлинскій и нѣкоторые другіе, не могли долго удовлетворяться тѣми узкими выводами, которыми ограничивалось приложеніе этихъ принциповъ въ системѣ самого Гегеля; скоро замѣтили они недостаточность и самихъ принциповъ этого мыслителя. Тогда, отказавшись отъ прежней безусловной вѣры въ его систему, они пошли впередъ, не останавливаясь, какъ остановился Гегель, на половинѣ дороги. Но навсегда сохранили они уваженіе къ его философіи, которой, въ самомъ дѣлѣ, были обязаны очень многимъ.

Но мы уже говорили, что содержаніе системы Гегеля совершенно не соответствуетъ тѣмъ принципамъ, которые провозглашались ею, и которые мы указали. Въ пылу перваго увлеченія, Бѣлинскій и его друзья не замѣтили этого внутренняго противорѣчія, и ненатурально было бы, еслибы оно было замѣчено ими съ перваго же раза: оно чрезвычайно хорошо прикрыто необычайною силою гегелевой діалектики, такъ что въ самой Германіи только самые зрѣлые и сильные умы и только послѣ долгаго изученія замѣтили это внутреннее несогласіе основныхъ идей Гегеля съ его выводами. Величайшіе изъ современныхъ нѣмецкихъ мыслителей, не уступающіе самому Гегелю гениальностью, долго были безусловными приверженцами всѣхъ его мнѣній, и много времени прошло, пока они успѣли возратить себѣ самостоятельность и, от-

тѣленъ, польза ощутительнѣе; для образованныхъ народовъ война приноситъ обыкновенно не нѣмъ пользы и болѣе вреда. Но, напримѣръ, война 1812 года была спасительна для русскаго народа: марашонская битва была благодѣлѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества. Таковъ смыслъ аксіомъ: «отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна» — конкретно понятіе о предметѣ тогда, когда онъ представляется со всеми качествами и особенностями и въ той обстановкѣ, среди которой существуетъ, а не въ отвлеченіи отъ этой обстановки и живыхъ своихъ особенностей (какъ представлять его отвлеченное мышленіе, сужденія котораго поэтому не имѣютъ смысла для дѣйствительной жизни).

крывъ ошибки Гегеля, положить основаніе новому направленію въ наукѣ. Такъ всегда бываетъ: самъ Гегель долго былъ безусловнымъ поклонникомъ Шеллинга, Шеллингъ—поклонникомъ Фихте, Фихте—Канта; Спиноза, далеко превосходившій геніальностью Декарта, очень долго считалъ себя его вѣрнѣйшимъ ученикомъ.

Мы все это говоримъ къ тому, чтобы показать естественность и необходимость безусловной приверженности къ Гегелю, на нѣкоторое время овладѣвшей Бѣлинскимъ и его друзьями. Они въ этомъ случаѣ раздѣляли общую участь величайшихъ мыслителей нашего времени. И если потомъ Бѣлинскій негодовалъ на себя за прежнее безусловное увлеченіе Гегелемъ, то и въ этомъ случаѣ имѣетъ онъ товарищей, не уступающихъ силою ума ни ему, ни Гегелю ¹⁾).

Всѣ нѣмецкіе философы, отъ Канта до Гегеля, страдаютъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, какой мы указали въ системѣ Гегеля: выводы, дѣлаемые ими изъ полагаемыхъ ими принциповъ, совершенно не соотвѣтствуютъ принципамъ. Общія идеи у нихъ глубоки, плодотворны, величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты. Но ни у кого изъ нихъ эта противоположность не доходитъ до такого колоссальнаго противорѣчія, какъ у Гегеля, который, превосходя всѣхъ своихъ предшественниковъ возвышенностью началъ, оказывается едва-ли не слабѣе всѣхъ въ своихъ выводахъ. И въ Германіи, и у насъ, люди ограниченные и апатичные успокоились на выводахъ, забывая о принципахъ; но и у насъ, какъ въ Германіи, эти ученики, слишкомъ вѣрные буквѣ и потому невѣрные духу, нашлись только между людьми второстепенными, лишенными силъ на историческую дѣятельность и не могшими имѣти никакого вліянія. Напротивъ, и у насъ, какъ въ Германіи, всѣ истинно даровитые и сильные люди, когда прошло первое увлеченіе, отбросили фальшивые выводы, радостно жертвуя ошибками учителя требованіямъ науки, я бодро пошли впередъ. Потому ошибки Гегеля, подобно ошибкамъ Канта, не имѣли важныхъ послѣдствій, между тѣмъ, какъ здоровая часть его ученія дѣйствовала очень плодотворно.

Мы нарушили бы законъ исторической перспективы, если бы стали говорить о предметѣ, не имѣвшемъ исторической важности, каковы ошибки Ге-

¹⁾ Одинъ изъ современныхъ мыслителей говорить о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ духѣ Гегеля: «той путаницы теперь не могу я никакъ распутать; остается одно: или совершенно зачеркнуть ее, или оставить въ прежнемъ видѣ—предпочитаю послѣднее: многіе до сихъ поръ еще считаютъ мудростью то, что я мнѣ казалось мудростью, когда я писалъ эти сочиненія.—пусть же они, перечитывая ихъ, видятъ путь, которымъ я дошелъ до своихъ настоящихъ убѣжденій—по моимъ слѣдамъ, этимъ людямъ легче будетъ дойти до истины». Точно также и мы должны думать о статьяхъ, писанныхъ Бѣлинскимъ въ 1838—1839 годахъ: кто не въ состояніи раздѣлять зрѣлыхъ и самостоятельныхъ убѣжденій Бѣлинскаго, какъ онъ выражалъ онъ въ послѣднее время, тому принесть пользу чтеніе его статей въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ тѣхъ, которыми самъ Бѣлинскій въ послѣдствіи былъ недоволенъ: кто стоитъ еще слишкомъ низко, тому необходимы лѣстницы, чтобы стать въ уровень съ своимъ вѣкомъ.

Кстати замѣтимъ, что въ настоящей статьѣ мы пользовались воспоминаніями, которыя сообщалъ намъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго, г. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактовъ, о которыхъ упоминаемъ. Мы надѣемся, что интересные воспоминанія г. А.—а со временемъ сдѣлаются извѣстны нашей публикѣ, и спѣшимъ предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не болѣе, какъ развѣщеніемъ его мыслей. За ту помощь, какую оказали намъ его воспоминанія при составленіи настоящей статьи, мы обязаны принести здѣсь искреннѣйшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А.—у.

геля, съ такою же подробностью, какъ о тѣхъ его идеяхъ, которыя оказали сильное вліяніе на ходъ умственного развитія. Но такъ какъ эти ошибки все-таки историческій фактъ, хотя и маловажный, то мы не можемъ совершенно умолчать о нихъ. Ниже читатели увидятъ, въ одной изъ приводимыхъ нами выписокъ, въ чемъ состояла сущность этихъ ошибокъ. Здѣсь мы должны только повторить, что друзья Станкевича раздѣляли заблужденіе со всѣми замѣчательнѣйшими нѣмецкими мыслителями современнаго имъ поколѣнія: на нѣкоторое время, гениальная діалектика Гегеля ослѣпила всѣхъ, такъ что выводы, противорѣчившіе принципамъ, всѣми принимались ради этихъ принциповъ, будто необходимое ихъ слѣдствіе.

Нельзя не признаться, что и въ Германіи и у насъ люди, принимавшіе все содержаніе гегелевой системы за чистую истину, вовлекались этимъ авторитетомъ во многія и очень важныя заблужденія. Нимало не защищая того, что дѣйствительно было дурнаго въ этихъ ошибкахъ, надобно, однакожь, замѣтить, что двадцать лѣтъ назадъ не все то было дѣйствительно вреднымъ заблужденіемъ, что нынѣ было бы непростительнымъ ослѣпленіемъ: для многихъ мнѣній, которыя въ наше время были бы рѣшительно несправедливыми предубѣжденіями, тогда еще существовали дѣльные основанія, — быть можетъ, одностороннія, быть можетъ, нѣсколько устарѣвшія, но все-таки заключавшія въ себѣ много справедливаго. Укажемъ одинъ примѣръ. Строгіе приверженцы нѣмецкой философіи со временъ Канта, особенно строгіе гегеліанцы, презирали и отчасти даже ненавидѣли все французское. Друзья Станкевича раздѣляли это отвращеніе, и «Московский Наблюдатель» весь проникнутъ «французоѣдствомъ» (Franzosenfresserei), какъ выражались нѣмцы. Французоѣдству посвящены многія страницы предисловія къ гегелевымъ рѣчамъ, служащаго, какъ мы видѣли, программой журнала. Въ примѣчаніи мы приводимъ одну изъ такихъ страницъ ¹⁾. И нельзя не сказать, что «Московский Наблюдатель», ревностно выполняя всѣ другіе пункты своей программы, не менѣе ревностно выполнялъ и этотъ пунктъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, каждымъ предлогомъ, чтобы произнести грозную филиппику или вставить презрительную выходку противъ французовъ. Говорить ли онъ, напримѣръ, въ разборѣ «Современника» о статьѣ Пушкина «Мильтонъ», — главное вниманіе онъ обра-

¹⁾ «Французъ никогда не выходилъ изъ области произвольныхъ разсужденій, и все святое, великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпаго мертваго разсудка. Результатомъ французскаго филозофизма былъ матеріализмъ, торжество неодухотворенной плоти. Въ французскомъ народѣ исчезла послѣдняя искра откровенія. Христіанство, это вѣчное и непреходящее доказательство любви Творца къ творенію, сдѣлалось предметомъ общаго насмѣху общаго презрѣнія, и бѣдный разсудокъ человѣка, неспособный проникнуть въ глубокое и святое таинство жизни, отвергнулъ все, что только было ему недоступно, а ему недоступно все истинное и все дѣйствительное. Онъ требовалъ ясности, — но какой ясности! — не той, которая лежитъ въ глубинѣ предмета: нѣтъ, — а на поверхности его; онъ задумалъ объяснять религію — и религія недоступная для конечныхъ усилій его, исчезла и унесла съ собою счастье и спокойствіе Фрэнци; онъ задумалъ превратить святилище науки въ общенародное знаніе — а таинственный смыслъ истиннаго знанія скрылся, и остались одни помшья, безплодные, призрачныя разсужденія. — Жюль-Жакъ Руссо объявилъ, что просвѣщенный человѣкъ есть развращенное животное, и революція была необходимымъ послѣдствіемъ этого духовнаго развращенія. Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства, и революція была отрицаніемъ всякаго государства, всякаго законнаго порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хотѣло возвышаться надъ безсмысленною толпою».

щается на тѣ эпизоды, въ которыхъ Пушкинъ подсмѣявается надъ французамъ,—тотчасъ же выписываются насмѣшки надъ Альфредомъ де-Виньи и Викторомъ Гюго, замѣчания о недостаткахъ мольеровыхъ комедій, и т. д.,—за то прибавляетъ «Московский Наблюдатель», что у Пушкина «былъ вѣрный взглядъ на искусство и безконечное эстетическое чувство». Разбирается ли другой томъ «Современника», въ которомъ есть отрывокъ изъ «Хроники русскаго въ Парижѣ»,—почти вся рецензія состоитъ изъ выписокъ тѣхъ страницъ Хроники, которыя особенно неблагопріятны для французовъ. Разбирается ли романъ г. Вельтмана «Виргинія»—оказывается, что этотъ романъ можно похвалить только за одно: «многіе черты французскаго верхоглядства схвачены въ немъ превѣрно»; говорится ли о «Сборникѣ на 1838 годъ»—въ этомъ сборникѣ очень много стиховъ, и отчасти даже хорошихъ стиховъ, но интереснѣе всего въ немъ переводъ эпиграммы Шиллера, въ которой французы называются вандалами. Выписавъ это стихотвореніе и похваливъ за него Шиллера, критикъ торжественно восклицаетъ, обращаясь къ читателямъ:

«Французы вандалы!!!—слышите ли?».

Для большей знаменательности, это восклицаніе напечатано даже отдѣльною строкою, что и соблюли мы. Говорится ли о возвращеніи молодыхъ профессоровъ нашихъ изъ-за границы—пріятнѣе всего «Московскому Наблюдателю» то, что они слушали лекціи въ Берлинѣ, а не въ Парижѣ. Нечего и говорить, пользуется ли «Московский Наблюдатель» случаемъ изобличить французское фразерство и легкомысліе, когда является переводъ «Исторіи Франціи» Мишле... тутъ филиппика достигаетъ страшной безнощадности: едва нѣкоторые специальные ученые получаютъ за свои специальные труды прощеніе въ томъ, что они французы,—но французскіе литераторы, поэты, мыслители, всѣ казнитсѣ безъ всякой милости, отъ дѣвцы Скюдери до Мишле, отъ Ронсара до Лермъинье. Общаго приговора избѣгаетъ только Беранже, «гуляка праздный»: праздная гульба—французское дѣло, объ этомъ они умѣютъ складывать веселенькія пѣсенки—лучшаго у нихъ не нужно и искать. Однимъ словомъ, о чемъ бы рѣчь ни шла, «Московский Наблюдатель» таки найдетъ предлогъ поразить или кольнуть французовъ, и общимъ выводомъ изъ всей этой неумоимой полемики выставляется заключеніе, что, между тѣмъ, какъ «аліансѣ

Въ «Послѣднемъ Новосельѣ» Лермонтовъ буквально передожилъ эти слова въ стихи:

Негодованію и чувству давъ свободу

Мнѣ хочется сказать великому народу:

«Ты жалкій и пустой народъ!»

Ты жалокъ потону, что вѣра, слава, геній.

Все, все великое, священное земли,

Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сонмищъ

Тобой растоптано въ пыла.

Изъ славы едімалъ ты игрушку лицезѣры.

Изъ вольности—орудіе палача.

И въ завѣтныхъ отцовскихъ повѣряхъ

Ты нивъ рубилъ, рубилъ съ плеча...

нѣмцевъ на насъ благотѣльно во многихъ отношеніяхъ, я со стороны науки, и со стороны искусства, и со стороны духовно-нравственной, съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи: мы враждебно противоположны съ ними по сущности нашего національнаго духа» («Моск. Набл.» томъ XVIII, стр. 200).

Нынѣ, когда лучшіе изъ французовъ отказываются отъ заносчивыхъ претензій, отъ презрѣнія къ другимъ народамъ, когда вся нація оставляетъ свое прежнее легкомысліе, оставляетъ даже фразѣрство, которымъ такъ долго жила, когда національная жизнь обратилась къ разрѣшенію истинно-глубокихъ вопросовъ, подобная вражда противъ французовъ была бы совершенно неосновательна. Но тогда настроеніе умовъ во Франціи было совершенно не таково. Тѣ направленія мысли, которыя нынѣ приобрѣтають Франція сочувствіе серьезныхъ людей, едва только начинали еще обнаруживаться, и, притомъ, въ странныхъ, еще не опредѣлившихся формахъ, не оказывали еще никакого вліянія на жизнь націи, напротивъ, были осмѣиваемы литературою, презираемы государственною жизнью. Все, чѣмъ блистала Франція временъ первой Имперіи и Реставраціи, было фальшиво и поверхностно или противорѣчило истиннымъ потребностямъ нравственной и общественной жизни; все основывалось на недоразумѣніи съ одной стороны, на обманѣ или насиліи съ другой. Въ литературѣ, напримѣръ, господствовали двѣ школы, равно фальшивыя: одна, — въ духѣ Шатобріана и Ламартина, накидывала на себя маску искусственныхъ восторговъ ученіями, которыхъ не понимала и о которыхъ въ сущности очень мало заботилась; другая накидывала на себя маску утонченной развращенности и мелкаго сатанинства (*école satanique*). Тѣ, которые не были лицемѣрами идеализма или цинизма, болтали о пустякахъ. Только Беранже составляли исключеніе, но Беранже не понимали, считая его не болѣе, какъ пѣвцомъ гризетокъ. Въ наукѣ понятія страшно измельчали, — ученые знаменитости тогдашняго времени были шарлатаны и фразѣры, хлопотавшіе о примиреніи непримиримаго, объ оправданіи наукою предразсудковъ, о сочетаніи научной истины съ произвольными фантазіями. Время теперь обнаружило, что за люди были и чего хотѣли Кузенъ, Гизо, Тьеръ: а они были еще самыми лучшими изъ тогдашнихъ знаменитостей.

Кстати припомнимъ, что такое былъ знаменитый тогда либерализмъ... за который особенно прославлялись эти знаменитости. Событія обнаружили пустоту и рѣшительную бесполезность этого либерализма, хлопотавшаго только объ отвлеченныхъ правахъ, а не о благѣ народа, самое понятіе о которомъ оставалось ему чуждо. У лучшихъ проповѣдниковъ его это было легкомысленное заблужденіе относительно истинныхъ потребностей націи; другіе пользовались этимъ такъ называемымъ либерализмомъ, какъ приманкою для привлеченія націи на свою удочку, — а для чего нужно было имъ привлечь націю, оказалось потомъ, когда они успѣли захватить власть: они искали власти для того, чтобы набить себѣ карманы.

Таково было положеніе Франціи и во время Реставраціи и въ первые годы орлеанской династіи. Повсюду гремѣли фразы, лишеныя смысла, во всемъ владычествовали легкомысліе и обманъ. Но болѣе всего должны были возмущаться люди съ горячими убѣжденіями и высокими принципами тѣмъ.

что у тогдашнихъ французскихъ знаменитостей не было ни рѣшительныхъ принциповъ, ни строгой послѣдовательности въ образѣ мыслей: всему, чему они вѣрили, вѣрили они только на половину, робко и церемонно, все, что отрицали, отрицали также только на половину, все это были люди въ родѣ тѣхъ, которыхъ изображалъ у насъ Пушкинъ въ своихъ герояхъ,—въ родѣ тѣхъ, которыхъ Лермонтовъ заставляетъ говорить:

Богаты мы, едва изъ колыбели
Ошибками отцовъ и познанимъ ихъ умомъ...
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы...
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на пѣки извлекли...
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный...

Отъ этихъ безсильныхъ въ своемъ узкомъ и пресыщенномъ эгоизмѣ людей, конечно, нельзя было надѣяться ничего хорошаго; отъ этихъ вырожденцевъ, оставшихся послѣ великой внутренней борьбы, которая поглотила всѣ благотворнѣйшія силы французскаго народа, конечно, нельзя было ожидать, чтобы они влили новую жизнь въ свой народъ; они не должны были служить идеалами для насъ, чувствовавшихъ въ себѣ избытокъ свѣжихъ, еще нетронутыхъ силъ. Къ такимъ людямъ, конечно, не могло лежать сердце пламенныхъ юношей, готовыхъ и любить до самоотверженія и ненавидѣть смертельно, жаждавшихъ дѣятельности и блага. Вражда усиливалась особенно тѣмъ, что эти разочарованные, блазироваанные, проѣденные эгоизмомъ люди считались у насъ оракулами: всѣ у насъ кричали о французахъ, всѣ восхищались французами,—а ни для себя, ни тѣмъ болѣе для насъ французы такого разбора не были ровно ни на что годны. Намъ нуженъ былъ энтузіазмъ, передъ нами было широкое поле дѣятельности: какже не возненавидѣть было этихъ людей, которые могли передать намъ только свое безсилье, разочарованіе и бездѣйствіе?

Нелюбовь, заслуженная французами временъ первой Имперіи и Реставраціи, незаслуженнымъ образомъ распространялась и на ихъ предковъ, и столь же незаслуженнымъ образомъ подвергались общему осужденію свѣжія направленія мысли, возникавшія въ молодонъ поколѣніи мыслителей, не имѣвшихъ ничего общаго съ прежними знаменитостями, людей съ твердыми и возвышенными убѣжденіями, со свѣжими силами. Виною этой несправедливости былъ отчасти недостатокъ знакомства съ возникавшими во французской литературѣ новыми стремленіями, отчасти также и предубѣжденіе, составившееся противъ всѣхъ вообще французовъ,—а болѣе всего—безусловное поклоненіе гегелевой

системѣ, какъ верховной и единственной истинѣ, въ которой ничто не заслуживаетъ вниманія.

Поклоненіе Гегелю въ кругу друзей Станкевича доходило, какъ мы сказали, до крайности, въ которой люди талантливые, одаренные самостоятельнымъ умомъ и стремившіеся впередъ, не могли долго оставаться. Признаки безсознательнаго недовольства системою, которою продолжали восхищаться, обнаружались въ даровитѣйшихъ членахъ дружескаго круга тѣмъ, что они говорили въ гегелевскомъ смыслѣ рѣшительнѣе и безпошаднѣе, нежели самъ Гегель. сдѣлались, какъ говорится, ревностнѣйшими гегеліанцами, нежели самъ Гегель. Особенно отличался этимъ Бѣлинскій, который вообще былъ не таковъ, чтобы отказываться отъ логическихъ выводовъ изъ боязни уклониться отъ точныхъ словъ какого бы то ни было авторитета. Это свидѣтельство людей, знавшихъ его лично, подтверждается многими его страницами, написанными совершенно въ духѣ Гегеля, но съ такою рѣшительностью, которой не одобрилъ бы самъ Гегель. Да и вообще Гегель, говорящій обо всемъ съ безпристрастіемъ посѣдѣвшаго мудреца, смотрящій на все исключительно глазами кабинетнаго ученаго, чуждаго волненіямъ жизни, не могъ долго удержать въ безусловной покорности такого пламеннаго, проникнутаго жизненными стремленіями двадцатипятилѣтняго человѣка, какъ Бѣлинскій. Натуры учителя и ученика, потребности двухъ различныхъ обществъ, среди которыхъ они дѣйствовали, были слишкомъ несогласны. Бѣлинскій скоро отбросилъ все, что въ ученіи Гегеля могло стѣснять его мысль, и вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ являлся уже дѣйствителемъ совершенно самостоятельнымъ.

Два обстоятельства помогли этому переходу, необходимому по натурѣ самого Бѣлинскаго, совершиться быстрѣе, нежели совершился бы онъ безъ этихъ обстоятельствъ: сближеніе друзей Станкевича съ г. Огаревымъ и его друзьями и переѣздъ Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ.

Первоначальныя вліянія, подъ которыми совершалось развитіе г. Огарева и его друзей, были совершенно различны отъ вліяній, которымъ подчинялся кружокъ Станкевича. Нѣмецкая философія мало ихъ занимала, какъ предметъ слишкомъ отвлеченный. Ихъ вниманіе было устремлено на тѣ науки, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни націй. Въ то время во Франціи возникали, какъ противорѣчіе бездушному и убійственному ученію экономистовъ, новыя теоріи національнаго благосостоянія. Идеи, одушевлявшія новую науку, высказывались еще въ фантастическихъ формахъ, и предубѣжденными или руководившимся своекорыстными побужденіями противникамъ легко было, оставляя безъ вниманія здравыя и высокія основныя идеи новыхъ теоретиковъ, и выставляя въ утрированномъ видѣ мечтательныя увлеченія, которыхъ въ началѣ не избѣгаетъ ни одна новая наука, осмѣивать системы, имъ ненавистныя. Но подъ видимыми странностями и подъ фантастическими увлеченіями скрывались въ этихъ системахъ истины и глубокія и благодѣтельныя. Огромное большинство и ученыхъ людей и европейской публики, повѣривъ пристрастнымъ и поверхностнымъ отзывамъ экономистовъ, не хотѣли понять смысла новой науки. всѣ смѣялись надъ несбыточными утопіями, и почти никто не считалъ нужнымъ основательно и безпристрастно изучать ихъ. Г. Огаревъ и его друзья занялись этими вопросами, понимая чрезвычайную ихъ важность для жизни.

Съ тѣмъ вмѣстѣ вниманіе г. Огарева и его друзей было занято исторіею, особенно новѣйшею, то-есть именно важнѣйшею для жизни частью ея; и такъ какъ въ послѣднее время главнымъ театромъ историческаго развитія была Франція, то они интересовались преимущественно ея исторіею. Въ литературѣ они также не отдавали безусловнаго предпочтенія яѣмцамъ, зная и цѣня французскихъ новыхъ писателей, которые тогда еще не господствовали въ литературѣ, но уже доказали, что будутъ господствовать надъ нею. Подъ вліяніемъ этихъ занятій составились у нихъ твердыя и послѣдовательныя учено-литературныя убѣжденія.

Такимъ образомъ, дѣятели молодого поколѣнія въ Москвѣ были раздѣлены на два кружка, съ двумя различными направленіями: въ одномъ господствовала гегелева философія, въ другомъ—занятія современными вопросами исторической жизни. Много было пунктовъ, въ которыхъ два эти направленія могли сталкиваться враждебно; но подъ видимою противоположностью таилось существенное тождество стремленій, несогласныхъ между собою только въ томъ, что было у каждого изъ нихъ односторонностью, недостаткомъ, но одинаково ставившихъ себѣ цѣлью дѣятельность, плодотворную для развитія русскаго общества, одинаково считавшихъ единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли оживленіе нашей литературы и возбужденіе нашей мыслительной дѣятельности, одинаково имѣвшихъ свой идеалъ въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, относившихся между собою, какъ теорія и практика, которыя должны служить извѣстнымъ дополненіемъ. Важный вопросъ: побѣдитъ-ли чувство существеннаго единства, или противорѣчіе во второстепенныхъ, но, однакожъ, очень важныхъ вопросахъ, долженъ былъ разрѣшиться такъ или иначе, смотря потому, дѣйствительно-ли люди, служившіе представителями этихъ различныхъ направленій, достойны были сдѣлаться замѣчательными дѣятелями въ исторіи развитія русскаго общества, и дѣйствительно-ли принципы, ихъ воодушевляющіе, были плодотворны. Исторія говоритъ намъ, что обыкновенное явленіе при паденіи принципа—непримиримая вражда между его приверженцами изъ-за второстепенныхъ вопросовъ, а при развитіи принципа—дружное дѣйствованіе людей, согласныхъ въ главномъ, какъ бы ни были важны второстепенные вопросы, ихъ раздѣляющіе. Отверженіе узкаго самолюбія, готовность признать правду, которой не замѣчалъ прежде, и сдѣлать эту указанную другимъ правду своимъ задушевнымъ дѣломъ—таково существенное качество истинно замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей.

Люди, о которыхъ мы говорили, были призваны играть дѣйствительно важную роль въ развитіи нашего общества; принципы, ихъ одушевлявшіе, дѣйствительно были живы и плодотворны, — потому эти принципы необходимо должны были слиться, эти люди соединиться. И дѣйствительно, люди соединились съ такою благородною искренностью и самоотреченіемъ отъ своихъ односторонностей, принципы слились въ одно общее направленіе съ такою совершенною гармоніею, что фактъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ и возвышающихъ душу примѣровъ совершеннаго торжества общей правды надъ частными недоразумѣніями, общаго стремленія служить истинѣ надъ личными столкновеніями.

Первые чувства были, натурально, недружелюбны: обоюдная исключительность мнений возбуждала взаимную неприязнь. Те и другие были недовольны друг с другом и долго удерживались от сношений между собою. Друзья Станкевича осуждали г. Огарева и его друзей за то, что они не предаются изучению немецкой философии и не признают, что вся истина заключена в системе Гегеля. Друзья г. Огарева осуждали круг Станкевича за то, что в нем все мысли направлены исключительно к слишком отвлеченным вопросам, и вопросы жизни или оставляются без всякого внимания, или решаются в том апатическом смысле, как велит решать их Гегель. Одни говорили про других: «они пренебрегают истинными принципами»; эти говорили про первых: «они проповедуют апатию в жизни и примиряются со всеми недостатками действительности, восхищаясь тем, что их система оправдывает все на свете». Различные внешние обстоятельства содействовали тому, что личных сношений — которых не желала сначала ни та, ни другая партия — очень долго не существовало между людьми того и другого направления.

Станкевича уже не было в Москве, когда г. Огарев вошел в круг, душою которого прежде был Станкевич, и ввел за собою своих друзей. Если бы Станкевич, кроткий и любящий, был еще между своих друзей. Вероятно, сближение произошло бы тогда же. Теперь посредником и примирителем был только г. Огарев. Он один, не имея ни в ком помощников, не успел пересилить противников, каждое свидание которых было жарким спором. Вследствие одного из таких споров, когда Блинский, на все вопросы, имевшие целью вынудить у него признание, что не все в действительности может быть оправдано разумом, отвечал, с обычно своею неумолимою последовательностью, признанием разумности всех тех явлений, на которые ему было указано, — вследствие этого спора, доказавшего невозможность поколебать его убеждения, попытки примирения кончились — на время, как увидим, и на очень короткое время.

Между тем, попытки эти не остались безплодными, хотя повидимому привели к полному разрыву. Люди, спорившие с Блинским и его друзьями, были изумлены тою непоколебимостью, с какою встречаются последователями Гегеля самые, повидимому, неопровержимые возражения против системы Гегеля, — тою легкостью, с какою последователи Гегеля находят вполне удовлетворительный для себя ответ на все, что, повидимому, должно бы смутить и затруднять их. Противники результатов, до которых доходила гегелева система, увидели, что Гегеля можно победить только его собственным оружием, и принялись за глубокое изучение этого мыслителя. Они приступили к нему с силами ума, совершенно зрелого, с проникательностью, изощренною привычкою к самостоятельному мышлению и богатым опытом жизни, наполненной всевозможными столкновениями, — с запасом твердых убеждений, данных жизнью и строгою наукою. И, как ни трудно устоять против диалектики исполина немецкой философии, — этой изумительно сильной диалектики, облекающей всю его систему броней неразрушимого, повидимому, единства, — эти люди открыли пробелы и непоследовательности системы Гегеля, увидели погрешности в ее выводах, несогласие принципов ее с результатами, основных идей с применением, постигли и односторонность принципов, — и могли

наконецъ сказать: «теперь мы постигаемъ все, что постигалъ Гегель, но постигаемъ яснѣе и полнѣе, нежели онъ». Такимъ образомъ, была, по выраженію нѣмецкой философіи, превзойдена (*überwunden*), очищена отъ односторонности по смыслу собственныхъ своихъ основныхъ началъ, подвергнута критикѣ и возведена къ высшей истинѣ философіи Гегеля сильнѣйшими послѣдователями одного изъ направлений, между которыми до того времени преградой была система Гегеля. Но глубина и стройность нѣмецкихъ философскихъ системъ произвела сильное впечатлѣніе на умы тѣхъ, которые взялись за изученіе философіи не столько по расположенію къ ней, сколько по необходимости открыть слабыя ея стороны; сильнѣйшіе изъ друзей г. Огарева сами получили философское направлеиіе; не покидая своихъ прежнихъ стремленій, напротивъ, еще болѣе утвердившись въ нихъ, они возвели свои убѣжденія къ общимъ философскимъ принципамъ и, увидѣвъ, какъ много выигрываютъ оттого ихъ идеи въ прочности и въ стройности, сдѣлались ревностными приверженцами нѣмецкой философіи,—конечно, уже не системы Гегеля, на которой не могли они остановиться, а новой философіи, послѣднимъ переходомъ къ которой была система Гегеля.

Съ другой стороны, подобное расширеніе умственного горизонта совершилось около того же времени и въ сильнѣйшихъ изъ друзей Станкевича. До сихъ поръ они, какъ мы говорили, были связаны между собою совершенно одинаковостью понятій и стремленій, такъ что особенности отдѣльныхъ личностей исчезали въ единствѣ общаго настроенія. Характеризуя «Московский Наблюдатель», дѣятельнѣйшимъ участникомъ и распорядителемъ котораго былъ Бѣлинскій, мы большую часть нашихъ выписокъ заимствовали изъ предисловія къ рѣчамъ Гегеля, писаннаго не Бѣлинскимъ, а однимъ изъ тогдашнихъ его друзей, потому что тогда всѣ эти люди писали совершенно въ одномъ и томъ же духѣ: разница была только въ томъ, что одни умѣли писать лучше другихъ, но все, что говорилъ Бѣлинскій, говорили всѣ друзья Станкевича, и, наоборотъ, Бѣлинскій высказывалъ только то, въ чемъ одинаково были убѣждены всѣ. Такъ продолжалось до пріѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ. Тутъ вкорѣ онъ сдѣлался совершенно самобытенъ, и теперь мы должны говорить уже не объ общей дѣятельности прежняго кружка, котораго Бѣлинскій былъ только представителемъ, а о личной дѣятельности Бѣлинскаго, ставшаго во главѣ нашего литературнаго движенія и управлявшаго этимъ движеніемъ, въ союзѣ съ новыми сподвижниками, присоединившимися къ нему не по духу какого-нибудь кружка, а по самобытному стремленію къ одинаковымъ цѣлямъ, съ сохраненіемъ личныхъ особенностей натуры каждаго изъ союзниковъ.

Въ Москвѣ Бѣлинскій, подобно своимъ друзьямъ, былъ совершенно погруженъ въ теоретическія умствованія и обращалъ очень мало вниманія на то, что дѣлается въ дѣйствительной жизни. Онъ твердилъ, что дѣйствительность значительнѣе всѣхъ мечтаній, но, подобно своимъ друзьямъ, смотрѣлъ на дѣйствительность глазами идеалиста, не столько изучалъ ее, сколько переносилъ въ нее свой идеалъ, и вѣрилъ, что идеалъ этотъ имѣетъ себѣ соответствіе въ нашей дѣйствительности, что, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе элементы дѣйствительности сходны съ тѣми идеалами, какіе найдены для нихъ въ системѣ Гегеля. Петербургъ, какъ извѣстно всѣмъ пережившимъ идеалистическій пе-

ріодъ воззрѣній, нимало не удобенъ для сохраненія такихъ мечтаній. Въ Петербургѣ дѣйствительная жизнь настолько шумна, безпокойна и неотвязна, что трудно обманываться относительно ея сущности, трудно не разубѣдиться въ томъ, что она движется вовсе не по идеальному плану гегелевской системы, трудно остаться идеалистомъ. Петербургъ, съ обычною своею готовностью услужить новому жителю всѣми возможными разочарованіями, не замедлил доставить Бѣлинскому обильные матеріалы для повѣрки благосклонныхъ къ дѣйствительности выводовъ гегелевской системы и внушить ему, что филистерскіе нѣмецкіе идеалы не имѣютъ ровно никакого сходства съ русскою жизнью. Пришлось отказаться отъ увѣренности, что гегелевы построения—вѣрный изображенія дѣйствительной жизни, пришлось критически посмотрѣть и на дѣйствительность и на гегелеву систему ¹⁾. Результатомъ этой повѣрки было, для теоретическихъ убѣжденій—очищеніе принциповъ Гегеля отъ ихъ односторонности, отверженіе фальшиваго содержанія, прилѣпленнаго къ нимъ, и выводъ новыхъ слѣдствій, въ духъ строгой современной науки; для жизненныхъ стремленій—отверженіе прежняго квіэтизма, разрушаемаго дѣйствительностью, сохраненіе высокаго убѣжденія, что разумъ и правда должны и будутъ владычествовать въ жизни, хотя мы далеки еще отъ этого времени. Бѣлинскій убѣдился, что дѣйствительность заключаетъ въ себѣ очень много ложныхъ и вредныхъ элементовъ, и, посвятивъ всю свою дѣятельность водворенію въ жизни владычества ума и правды, началъ неутомимую, безпощадную борьбу со всѣмъ, что препятствовало достиженію этой цѣли. Для такой живой натуры, какъ Бѣлинскій, переходъ отъ абстрактной идеальности, доводившей до квіэтизма и апатіи, къ живому понятію о дѣйствительности былъ естественъ и легокъ. Система Гегеля на нѣкоторое время увлекла его своимъ величіемъ, и мы старались показать, что увлеченіе оправдывалось новостью и глубиной истинъ, заключавшихся въ ея основныхъ идеяхъ; но никогда не удовлетворяла она его своимъ положительнымъ содержаніемъ, онъ всегда рвался впередъ, негодуя на стѣснительное безстрастіе Гегеля, всегда вносилъ въ это холодное созерцаніе патетическій жаръ своей живой натуры. Таково же было отношеніе къ Гегелю и другихъ сильныхъ людей между друзьями Станкевича. Изъ вышесказ. нами приведенныхъ, можно видѣть, чѣмъ особенно увлекались они въ системѣ Гегеля, почему особенно дорожили ею. Въ каждомъ теоретическомъ ученіи соединяются двѣ стороны: отвлеченное понятіе объ истинѣ и отношеніе этого знанія къ живой дѣятельности. Гегель ставитъ знаніе первое, почти исключ-

¹⁾ «Москвичъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить. Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ отомъ отношеніи, пробный камень челоѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое челоѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству,—тому смѣло вы можете протянуть руку, какъ челоѣку. Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ непамятѣмъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можете быть, съ тяжелою грустью. но въ этой грусти такъ много святаго, челоѣческаго... Что мечты! самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ *дѣльнаго* (въ разумномъ значеніи этого слова) челоѣка самой горькой истины, потому что счастье глупца—есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго челоѣка—есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ... (Статья Бѣлинскаго «Москва и Петербургъ» въ «Физиологѣ Петербурга»).

тельною цѣлью своей системы; слѣдствія этого знанія для жизни стоятъ у него на второмъ планѣ. Этотъ порядокъ, съ самаго же начала былъ измѣненъ сплѣнѣйшими изъ друзей Станкевича; они съ самаго начала говорили: «Философія Гегеля благотворна для жизни, потону надобно изучать истины, ею открываемыя»—ясно, что дѣйствительная жизнь стоитъ для нихъ на первомъ планѣ, отвлеченное знаніе имѣетъ уже только второстепенную важность. Люди съ такими натурами не могли долго удовлетворяться системою Гегеля: тѣмъ ли другимъ путемъ, они должны были выйти изъ зависимости отъ нея,—и, дѣйствительно, вышли, кто тѣмъ, кто другимъ путемъ. Насъ здѣсь занимаетъ Бѣлинскій, и мы видѣли, что его вывело изъ безусловнаго поклоненія Гегелю ближайшее знакомство съ дѣйствительностью, быть двигателемъ которой всегда стремился и былъ назначенъ онъ.

Прежніе споры въ Москвѣ съ друзьями г. Огарева также имѣли свою долю участія въ расширеніи взглядовъ Бѣлинскаго. Правда, во время самыхъ споровъ никакшъ возраженія не могли ни мало поколебать его вѣры въ безусловную справедливость выводовъ, представляемыхъ системою Гегеля; напротивъ, какъ то всегда бываетъ съ людьми сильными и безстрашными въ своей послѣдовательности, споры только утвердили его въ прежнемъ образѣ мнѣній, заставили его быть еще послѣдовательнѣе и строже въ своихъ поштіяхъ, внушили ему сильнѣйшее желаніе настаивать на нихъ и доказывать неосновательность всѣхъ сомнѣній въ томъ, что казалось ему истинною. Нѣкоторыя изъ статей, напечатанныхъ Бѣлинскимъ тотчасъ по переѣздѣ въ Петербургъ, написаны подъ вліяніемъ этого полемическаго одушевленія, и мнѣнія, принадлежавшія всѣмъ сотрудникамъ «Московского Наблюдателя», доведены въ этихъ статьяхъ, которыя помѣщены были въ «Отечественныхъ Запискахъ», до крайности, возбудившей изумленіе и объясняемой только ихъ полемическимъ происхожденіемъ. Но важно было уже то, что возраженія, предложенныя Бѣлинскому его московскими противниками, сильно занимали его, не были имъ забыты. Когда первые порывы полемики миновались, когда сближеніе съ дѣйствительною жизнью начало изобличать односторонность прежняго отвлеченнаго идеализма, Бѣлинскій долженъ былъ безпристрастнѣе взглянуть на мнѣнія своихъ бывшихъ противниковъ, еще такъ недавно отвергнутыя имъ съ высоты идеалистическихъ воззрѣній. Онъ увидѣлъ, что эти понятія, казавшіяся безусловному послѣдователю системы Гегеля узкими и поверхностными, гораздо лучше выдерживаютъ повѣрку фактами, нежели выводы, предлагаемые гегелевою философіею, и что мыслящій человѣкъ ничего иного, кромѣ этихъ понятій, не можетъ вывести изъ жизни. Дѣятели умственнаго міра раздѣляются на два класса: однимъ истина неприятна, если она прежде ихъ высказана кѣмъ-нибудь другимъ,—они готовы брать привилегію на свои мысли, вѣроятно, по сознанію того, что производительность ихъ въ этомъ отношеніи слаба,—другіе заботятся только объ истинѣ, не считая нужнымъ заботиться о привилегіяхъ,—вѣроятно, потому, что чужды опасенія оскудѣть умомъ и обѣднѣть мыслями; одни не любятъ отказываться отъ своихъ ошибокъ,—вѣроятно, по сознанію того, что всѣ ихъ претензія—самолюбивая ошибка; другіе чужды этой щепетильности, потому что истина всегда лежала въ основаніи ихъ стремленій. Бѣлинскій принадлежалъ ко вторымъ. Онъ при первомъ же случаѣ, съ обычною

своею прямою признался, что Петербургъ научалъ его цѣнить воззрѣнія на дѣйствительность, о которыхъ прежде онъ не хотѣлъ знать, и что въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ шли нѣкогда споры, правда была на сторонѣ людей, отвергавшихъ выводы гегелевой системы, какъ несообразные съ фактами дѣйствительной жизни.

Такимъ образомъ, исчезли причины раздѣленія, еще незадолго до того времени бывшія препятствіемъ дружному дѣйствованію лучшихъ людей молодого поколѣнія. Одни, прежде не обращавшіе вниманія на нѣмецкую философію, сдѣлались теперь ревностными послѣдователями ея, найдя въ ея принципахъ твердое основаніе для убѣжденій, которыя были приобрѣтены изученіемъ новой исторіи и современнаго быта. Представитель другого направленія въ литературномъ движеніи, Бѣлинскій, былъ приведенъ наблюденіемъ дѣйствительности къ различію справедливыхъ началъ гегелевой философіи отъ ея одностороннихъ выводовъ, увидѣлъ чрезвычайную важность тѣхъ вопросовъ, на которые въ кругу Станкевича обращали слишкомъ мало вниманія, и удержалъ изъ гегелевой системы только тѣ убѣжденія, которыя выдержали повѣрку живыми явленіями дѣйствительности. Всѣ даровитѣйшіе изъ бывшаго круга Станкевича послѣдовали за нимъ, если не вышли на ту же дорогу самостоятельно ¹⁾. Односторонность обоихъ направленій совершенно сгладилась.

При такомъ единствѣ понятій и стремленій, должны были сблизиться и люди. Около этого времени возвратился изъ-за границы Грановскій. Чѣмъ Станкевичъ былъ для своего круга, тѣмъ онъ сталъ равно для друзей Станкевича и г. Огарева. Грановскаго невозможно было не полюбить всею душою каждому благородному человѣку. Все, что было въ Москвѣ благороднѣйшаго между людьми молодого поколѣнія, соединилось вокругъ него. Гдѣ былъ Грановскій, тамъ могло быть только одно чувство—чувство братства. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ г. Огаревъ. Скоро ихъ вліянію подчинились и тѣ, которые жили въ Петербургѣ и провинціяхъ.

Вліяніемъ Грановскаго, Бѣлинскаго и другихъ, присоединились къ ихъ литературному кругу почти всѣ даровитые люди молодого поколѣнія, уже дѣйствовавшіе въ литературѣ или выступавшіе на этотъ путь.

Такимъ образомъ, изъ прежнихъ дружескихъ круговъ Станкевича и г. Огарева, съ присоединеніемъ новыхъ дѣятелей, составилось одно большое литературное общество, главнымъ органомъ котораго въ литературѣ, до начала нашего журнала, были «Отечественныя Записки» (съ 1840, особенно 1841 до 1846 года); главнымъ дѣйствителемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» того времени былъ Бѣлинскій. Съ нимъ достойнымъ образомъ раздѣляли съ самаго начала честь быть распространителями новыхъ и здравыхъ идей въ русской публикѣ нѣкоторые другіе люди, о которыхъ мы отчасти уже упомянули, отчасти надѣмся сказать,—именно, кромѣ Грановскаго, г. Галаховъ.

¹⁾ Читатель понимаетъ, что, говоря здѣсь исключительно о литературномъ движеніи, мы не имѣемъ права упоминать о людяхъ иначе, какъ по отношеніямъ ихъ къ литературѣ. Безъ сомнѣнія, въ тогдaшнемъ русскомъ обществѣ на различныхъ поприщахъ дѣятельности было много людей, замѣчательныхъ не менѣе Бѣлинскаго; положимъ, что были такіе люди и въ кругу Станкевича. Но читатель согласится, что мы можемъ называть представителемъ этого круга только Бѣлинскаго. Мы вовсе не имѣемъ охоты возвышать Бѣлинскаго насчетъ кого бы то ни было—онъ въ томъ вовсе не нуждается—а только излагаемъ его литературную дѣятельность.

г. Катковъ, г. Кетчеръ, г. Коршъ, г. Кудрявцевъ, г. Огаревъ и другіе. (Станкевичъ умеръ еще до начала этого слѣпіи, Ключниковъ и Кольцовъ пережили Станкевича лишь, немногими годами, какъ и Лермонтовъ, который самостоятельными симпатіями своими принадлежалъ новому направленію, и только потому, что послѣднее время своей жизни провелъ на Кавказѣ, не могъ раздѣлять дружескихъ бесѣдъ Бѣлинскаго и его друзей. Потери эти были вознаграждены присоединеніемъ новыхъ людей, которые или примкнули къ Бѣлинскому, Грановскому, г. Огареву, или были воспитаны ихъ влѣпшемъ. Изъ нихъ надобно назвать, между прочимъ, г. Анненкова, г. Григоровича, г. Кавелина, покойныхъ Кронеберга и В. Милютина, г. Некрасова, г. Панаева и г. Тургенева. Болѣе или менѣе примыкали къ тому же кругу или воспитывались влѣпиемъ Бѣлинскаго или Грановскаго почти всѣ безъ исключенія даровитые люди новаго поколѣнія. Г. Краевскій, какъ редакторъ журнала, служившаго органомъ дѣятельности Бѣлинскаго, Грановскаго, г. Огарева и ихъ друзей, занялъ очень почетное мѣсто въ русской литературѣ, которая, мы съ удовольствіемъ можемъ сказать это, многимъ обязана ему была въ это время, за то, что онъ предоставилъ Бѣлинскому въ своемъ журналѣ положеніе сообразное, въ литературномъ отношеніи, съ преобладающею важною этого лица для журнала.

Около того же самаго времени, когда произошло у насъ соединеніе одностороннихъ направленій въ одну общую, всеобъемлющую систему воззрѣній, подобное явленіе происходило и въ Европѣ. Нѣмецкіе ученые начали сознавать, что жизнь имѣетъ свои права не только надъ дѣятельностью, но и надъ наукою; французскіе ученые и литераторы стали понимать необходимость глубоко изслѣдовать общіи понятія, о которыхъ до того времени мало заботились. Въ той и другой странѣ прежніи односторонніи ученіи стали уступать мѣсто новымъ идеямъ, которыя уже не принадлежали исключительно тому или другому народу, а равно были собственностью каждаго истинно-современнаго человѣка, въ какой бы странѣ онъ ни родился, на какомъ бы языкѣ ни писалъ. Такое направлеіе умовъ во всѣхъ странахъ образованнаго міра въ одинаковымъ воззрѣніемъ на всѣ существенные вопросы служило сильною поддержкою единства стремленій у всѣхъ истинно-современныхъ людей въ каждой странѣ. Такъ и у насъ, изученіемъ новыхъ явленій, возникавшихъ въ умственной жизни главныхъ народовъ западной Европы и, при всемъ различіи своего происхожденія и формы, проникнутыхъ совершенно однимъ и тѣмъ же духомъ, укрѣплялось единство понятій, которыми связывались люди съ современнымъ образомъ мыслей.

Но единство понятій и людей у насъ только укрѣплялось, а не рождено было внѣшними вліяніями. Дѣятели, стоявшіе тогда во главѣ нашего умственнаго движенія, конечно, ободрялись тѣмъ, что согласіе съ ними всѣхъ современныхъ мыслителей Европы подтверждало справедливость ихъ понятій; но эти люди уже не зависѣли ни отъ какихъ постороннихъ авторитетовъ въ своихъ понятіяхъ. Мы уже говорили, что тотъ прогрессъ въ понятіяхъ, который сгладилъ прежнюю разрозненность, совершился у насъ самостоятельнымъ образомъ. Тутъ въ первый разъ умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли на ряду съ мыслителями Европы, а не въ свѣтѣ ихъ

учениковъ, какъ бывало прежде. Прежде каждый у насъ имѣлъ между европейскими писателями оракула или оракуловъ; одни находили ихъ во французской, другіе—въ нѣмецкой литературѣ. Съ того времени, какъ представители нашего умственного движенія самостоятельно подвергли критикѣ гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету.

Бѣлинскій и главнѣйшіе изъ его сподвижниковъ стали людьми вполне самостоятельными въ умственномъ отношеніи.

Этотъ фактъ—самостоятельность, которой достигла русская мысль въ Бѣлинскомъ и главныхъ его сподвижникахъ, интересенъ не потому только, что пріятенъ для нашей народной гордости: онъ важенъ въ исторіи нашихъ литературныхъ мнѣній потому, что имъ объясняются нѣкоторыя отличительныя качества трудовъ Бѣлинскаго и его союзниковъ,—качества, которыхъ прежде не имѣла наша критика; имъ отчасти объясняется и быстрое распространеніе литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго въ нашей публикѣ.

Человѣкъ, мысль котораго достигла самостоятельности, опредѣлительностью своихъ понятій и вѣрностью ихъ приложенія всегда превосходить тѣхъ людей, которые слѣдуютъ чужимъ понятіямъ, не будучи въ состояніи подвергнуть критикѣ принципы, которыхъ держатся. До Бѣлинскаго наша критика была отраженіемъ то французскихъ, то нѣмецкихъ теорій, потому вовсе не имѣла ясности и опредѣлительности въ своихъ основнхъ воззрѣніяхъ, а при опѣнкѣ существеннаго смысла и достоинства литературныхъ явленій, если высказывала много вѣрнаго, то почти всегда или оставляла многое недосказаннымъ, или примѣшивала къ вѣрнымъ замѣчаніямъ странныя недоразумѣнія. Вообще, мнѣнія лучшихъ критиковъ, предшествовавшихъ Бѣлинскому, очень скоро, втеченіе какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ, оказывались устарѣвшими, неосновательными или односторонними. Такъ, «Телеграфъ» былъ основанъ въ 1825 году, а въ 1829 году человѣкъ, читавшій статьи Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы», уже не могъ безъ улыбки думать о «высшихъ взглядахъ» Полевого, не могъ не убѣдиться, что Полевой слишкомъ неудовлетворительно понималъ значеніе важнѣйшихъ явленій въ современной ему русской литературѣ. Сужденія самого Надеждина представляютъ странный хаосъ, ужасную смѣсь чрезвычайно вѣрныхъ и умныхъ замѣчаній съ мнѣніями, которыхъ невозможно защищать, такъ что часто одна половина статьи разрушается другою половиною. Напротивъ, сужденія Бѣлинскаго до сихъ поръ сохраняютъ всю свою цѣну, и вѣрность ихъ вообще такова, что люди, возставшіе противъ него, почти всегда правы были только въ томъ, что заимствовали у него же самого. Въ послѣдніе годы, у насъ много говорили о неудовлетворительности понятій Бѣлинскаго; въ числѣ этихъ эпигоновъ, воображавшихъ, что пошли далѣе Бѣлинскаго, были люди умные и даровитые; но нужно только сравнить ихъ статьи съ статьями Бѣлинскаго, и каждый убѣдится, что всѣ эти люди жввуть только тѣмъ, чего наслушались отъ Бѣлинскаго: они толкуютъ вѣчно только о томъ же самомъ, что говорилъ Бѣлинскій, и если толкуютъ иначе, такъ это потому, что вдаются или въ односторонность, или въ очевидное пристрастіе. Со времени Бѣлинскаго матеріалы для исторіи литературы дѣятельно разрабатываются; но вообще каждое новое изслѣдованіе ведетъ только къ новому подтвержденію сужденій, высказанныхъ имъ.

Самостоятельность его мысли была также одною изъ главныхъ причинъ сочувствія, съ которымъ принимались его мнѣнія. Слабая сторона людей, повторяющихъ чужія мысли, состоитъ въ томъ, что большею частію они толкуютъ о предметахъ, не возбуждающихъ интереса въ публикѣ. Правда всегда правда, но не всякая правда вездѣ и всегда равно важна и равно способна возбудить вниманіе: у каждаго вѣка, у каждаго народа есть свои потребности; то, что интересно нѣмцу, часто бываетъ вовсе не интересно французу или русскому, потому что не имѣетъ прямаго отношенія къ потребностямъ его жизни. Надобно говорить о томъ, что нужно нашей публикѣ въ наше время. Прежде, наша литература слишкомъ часто говорила о предметахъ, имѣющихъ для насъ слишкомъ мало интереса, служа не столько выравительницею нашихъ собственныхъ мыслей, не столько разрѣшительницею нашихъ собственныхъ недоумѣній, сколько оттолоскомъ чужихъ сужденій о чуждыхъ намъ дѣлахъ. Бѣлинскій всегда говорилъ о томъ, что слышать нужно и интересно было именно той публикѣ, которой онъ говорилъ.

Въ слѣдующей статьѣ намъ должно будетъ излагать его дѣятельность въ порѣ зрѣлаго развитія. Характеризуя литературныя воззрѣнія Бѣлинскаго, мы будемъ обращать главное наше вниманіе на его позднѣйшія статьи, потому что до самой смерти своей этотъ человѣкъ шелъ впередъ, и чѣмъ далѣе, гѣмъ полнѣе и точнѣе выражались его мысли; и, конечно, мы должны будемъ принимать въ основаніе своихъ соображеній самое зрѣлое ихъ выраженіе. Но прежде намъ остается обозначить путь, которымъ шло развитіе его воззрѣній съ того времени, какъ начали появляться его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», до той высоты, на которой застигнутъ онъ былъ смертью. Въ нѣсколькихъ словахъ, существеннѣйшая черта развитія критики Бѣлинскаго съ 1840 года можетъ быть опредѣлена такъ:

Критика Бѣлинскаго все болѣе и болѣе проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явленія этой жизни, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе стремилась къ тому, чтобы объяснить публикѣ значеніе литературы для жизни, а литературѣ тѣ отношенія, въ которыхъ она должна стоять въ жизни, какъ одна изъ главныхъ силъ, управляющихъ ея развитіемъ.

Съ каждымъ годомъ въ статьяхъ Бѣлинскаго мы находимъ все менѣе и менѣе разсужденій объ отвлеченныхъ предметахъ или хотя о живыхъ предметахъ, но съ отвлеченной точки зрѣнія; все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становится преобладаніе элементовъ, данныхъ жизнью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Путь развитія, которымъ шла критика Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ», опредѣляется тою существенною чертою, что она все болѣе и болѣе проникалась живыми интересами нашей дѣйствительности и вслѣдствіе того становилась все болѣе и болѣе положительною. Въ примѣчаніи мы приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, выражающихъ самыя зрѣлыя и точныя понятія его о томъ, какую преобладающую важность должна имѣть дѣйствительность въ умственной и нравственной жизни, главнымъ органомъ которой до послѣдняго времени была (и до сихъ поръ остается) у насъ литература, а здѣсь скажемъ нѣсколько о томъ, какъ надобно понимать «дѣйствительность» и «положительность», которымъ, по современнымъ понятіямъ, должно принадлежать такое важное значеніе во всѣхъ отрасляхъ и умственной и нравственной дѣятельности ¹⁾.

¹⁾ «Если бы насъ опросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью, съ дѣйствительностью, въ болѣе и болѣе близости въ зрѣлости и возмужалости». («Взглядъ на русскую литературу въ 1846 г.». «Современникъ» 1847 г., № 1, Критика, стр. 1).—Итакъ, зрѣлость измѣряется степенью близости къ дѣйствительности.

«Все движеніе русской литературы (до Пушкина) заключалось въ стремленіи сблизиться съ жизнью, съ дѣйствительностью». (Тамъ же, стр. 4).—Итакъ, дѣлъ литературнаго движенія есть дѣйствительность.

«Въ отношеніи въ искусству, поэзіи, творчеству литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчь о которыхъ начали мы эту статью. Такъ называемую натуральную школу нельзя упрекнуть въ реторикѣ, разумѣя подъ этимъ оловомъ вольное или невольное нсваженіе дѣйствительности, фальшивое идеализированіе жизни... Не въ талантахъ, не въ числѣ ихъ мы видимъ собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленіи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали дѣйствительность, т. е. изображали несуществующее, рассказывали о небываломъ; а теперь они воспроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого литература получила важное значеніе въ глазахъ общества». (Тамъ же, стр. 10).—Итакъ, положительности противно фальшивое идеализированіе; искусство достигаетъ зрѣлости тогда, когда воспроизводитъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ.

«Вмѣсто того, чтобы думать о невозможномъ, гораздо лучше, признавъ неотразимую и неизмѣнную (т. е. не подчиняющуюся фантазіямъ) дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не манниловскими фантазіями». (Тамъ же, сто. 14).

«Понятіе о дѣйствительности совершенно новое», — говоритъ Бѣлинскій («Современникъ» 1847 г., № 1. Критика, стр. 18), — и, въ самомъ дѣлѣ, оно опредѣлилось и вошло въ науку очень недавно, именно съ того времени, какъ объяснены были современными намъ мыслителями темные намеки трансцендентальной философіи, признававшей истину только въ конкретномъ осуществленіи. Какъ и всѣ верховныя истины современной науки, этотъ взглядъ на дѣйствительность очень простъ, но чрезвычайно плодотворенъ.

Были времена, когда мечты фантазіи ставились гораздо выше того, что представляетъ жизнь, и когда сила фантазіи считалась безпредѣльною. Но современные мыслители внимательнѣе прежняго разсмотрѣли этотъ вопросъ и дошли до результатовъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ мнѣніямъ, которыя оказались рѣшительно не выдерживающими критики. Сила нашей фантазіи чрезвычайно ограничена, и созданія ея очень блѣдны и слабы въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Самое пылкое воображеніе подавляется представленіемъ о милліонахъ миль, отдѣляющихъ землю отъ солнца, о чрезвычайной быстротѣ свѣта и электрическаго тока; самыя идеальныя фигуры Рафаэля оказались портретами съ живыхъ людей; самыя уродливыя созданія мнелогин и народныхъ суевѣрій оказались далеко не столь непохожими на окружающихъ насъ животныхъ, какъ чудовища, открытыя естествоиспытателями; исторію и внимательнымъ наблюденіемъ современнаго быта доказано было, что живые люди, даже вовсе не принадлежащіе къ числу отъявленныхъ изверговъ или геросовъ добродѣтели, совершаютъ преступленія, гораздо ужаснѣйшія, и подвиги, гораздо болѣе возвышенные, нежели все, что было выдуманно поэтами. Фантазія должна была смириться передъ дѣйствительностію; мало того; принуждена была сознаться, что мнимыя созданія ея только копія съ того, что представляется явленіями дѣйствительности.

Но явленія дѣйствительности чрезвычайно разнородны и разнообразны. Она представляетъ много такого, что сообразно съ желаніями и потребностями человѣка, и много такого, что рѣшительно противорѣчить имъ. Прежде, когда пренебрегали дѣйствительностію, слишкомъ гордясь фантастическими богатствами,

«Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношеній къ дѣйствительности... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ мы должны искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно». (Тамъ же, стр. 28).

«Жаль, что источники вдохновенія этого таланта (одного изъ поэтовъ, котораго стихотворенія были изданы въ 1846 г.) не жизнь, а мечта, и что поэтому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣдѣ поэзіи... На высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дытанія. То ли дѣло земля! на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все яше и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія. Зато кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной пустотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы». (Тамъ же, стр. 31).

«Литература наша... постоянно стремилась изъ риторической сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, я составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ русско-мъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя, этимъ онъ совершенно замѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ (прежнихъ) русскихъ поэтовъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить «старое и вѣтное опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»: но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства—какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ». («Взглядъ на русскую литературу 1847 г.»—«Современникъ» 1848 г., № 1. Критика. стр. 17).

полагали, что передѣлать дѣйствительность по фантастическимъ мечтамъ очень легко. Но, когда фантастическая гордость смирилась, ученые и поэты должны были убѣдиться въ томъ, что всегда было ясно въ практической жизни для людей, одаренныхъ здравымъ смысломъ. Самъ по себѣ, человѣкъ очень слабъ: всю свою силу заимствуетъ онъ только отъ знанія дѣйствительной жизни и умѣнья пользоваться силами неразумной природы и врожденными, независимыми отъ человѣка качествами человѣческой натуры. Дѣйствуя сообразно съ законами природы и души и при помощи ихъ, человѣкъ можетъ постепенно видоизмѣнять тѣ явленія дѣйствительности, которыя несообразны съ его стремленіями, и, такимъ образомъ, постепенно достигать очень значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ улучшенія своей жизни и исполненія своихъ желаній.

Но не всякимъ желанія находятъ себѣ посobie въ дѣйствительности. Многія противорѣчатъ законамъ природы и человѣческой натуры; ни философскаго камня, который бы обращалъ всѣ металлы въ золото, ни жизненнаго элексира, который бы на вѣки сохранялъ намъ юность, невозможно добыть изъ природы; напрасны и всѣ наши требованія, чтобы люди отказались отъ эгоизма, отъ страстей: человѣческая натура не подчиняется такимъ, повидимому, превосходнымъ требованіямъ.

Это обстоятельство, полагающее очевидную разницу между нашими желаніями, заставило пристальнѣе всмотрѣться въ тѣ изъ нихъ, достиженію которыхъ отказываются служить природа и люди съ здравымъ смысломъ — въ самомъ ли дѣлѣ необходимо для человѣка исполненіе такихъ желаній? Очевидно, нѣтъ, потому что онъ, какъ мы видимъ, и живетъ и даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, бываетъ очень счастливъ, не обладая ни философскимъ камнемъ, ни жизненнымъ элексиромъ, ни тѣми очаровательными благами и качествами, какими манитъ его волшебство фантазій, заносащейся за облака. А если человѣкъ можетъ обходиться, какъ показываетъ жизнь, безъ этихъ благъ, которыя выставляются фантазіею, будто необходимы для него, — если обнаружилось уже, что она обманула человѣка въ отношеніи необходимости, то нельзя было не заподозрить ея и съ другой стороны: дѣйствительно-ли пріятно было бы человѣку исполненіе тѣхъ мечтаній, которыя противорѣчатъ законамъ внѣшней природы и его собственной натуры? И при внимательномъ наблюденіи оказалось, что исполненіе такихъ желаній не вело бы ни къ чему, кромѣ недовольства или мученій; оказалось, что все ненатуральное вредно и тяжело для человѣка, и что нравственно здоровый человѣкъ, инстинктивно чувствуя это, вовсе не желаетъ въ дѣйствительности осуществленія тѣхъ мечтаній, которыми забавляется праздная фантазія.

Какъ найдено было, что мечты фантазій не имѣютъ цѣнности для жизни, точно также найдено было, что не имѣютъ значенія для жизни многія надежды, внушаемыя фантазіею.

Прочное наслажденіе дается человѣку только дѣйствительностью; серьезное значеніе имѣютъ только тѣ желанія, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ дѣйствительность; успѣха можно ожидать только въ тѣхъ надеждахъ, которыя возбуждаются дѣйствительностью, и только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя совершаются при помощи силъ и обстоятельствъ, представляемыхъ ею.

Достичь до такого убѣжденія и дѣйствовать сообразно съ нимъ значить сдѣлаться человѣкомъ положительнымъ.

Но часто тѣ самые, которые воображаютъ себя людьми положительными, заблуждаются въ этомъ высшемъ мнѣніи о себѣ самымъ жестокииъ и постыднымъ образомъ, впадая въ особеннаго рода фантазерство именно по узкости своихъ понятій о дѣйствительности.

Напримѣръ, несправедливо было бы считать положительнымъ человѣкомъ холоднаго эгоиста. Любовь и доброжелательство (способность радоваться счастью окружающихъ насъ людей и огорчаться ихъ страданіями) такъ же врождены человѣку, какъ и эгоизмъ. Кто дѣйствуетъ исключительно по расчетамъ эгоизма, тотъ дѣйствуетъ наперекоръ человѣческой природѣ, подавляетъ въ себѣ врожденные и неискоренимыя потребности. Онъ въ своемъ родѣ такой же фантазеръ, какъ и тотъ, кто мечтаетъ о заоблачныхъ самоотверженіяхъ; разница только въ томъ, что одинъ—злой фантазеръ, другой—притворный фантазеръ, но оба они сходны въ томъ, что счастье для нихъ недостижимо, что они вредны и для себя и для другихъ. Голодный человѣкъ, конечно, не можетъ чувствовать себя хорошо; но и сытый человѣкъ не чувствуетъ себя хорошо, когда вокругъ него раздаются несносные для человѣческаго сердца стоны голодныхъ. Искать счастья въ эгоизмѣ—ненатурально, и участь эгоиста нисколько не завидна: онъ уродъ, а быть уродомъ неудобно и непріятно.

Точно также вовсе нельзя назвать положительнымъ и того человѣка, который, понявъ, что силы придаются человѣку только дѣйствительностью и прочныя наслажденія доставляются только ею, вздумалъ бы объявлять, что нѣтъ въ дѣйствительности такихъ явленій, которыя нужно и возможно человѣку измѣнить, что въ дѣйствительности все пріятно и хорошо для человѣка, и что онъ совершенно безсиленъ передъ каждымъ фактомъ: это опять своего рода фантазерство, столь же нелѣпое какъ и мечты о воздушныхъ замкахъ. Равно ошибается человѣкъ, который хлопочетъ о замѣненіи обыкновенной здоровой пищи амбросією и нектаромъ, и тотъ, который утверждаетъ, что всякая пища вкусна и здорова для человѣка, что въ природѣ нѣтъ ядовитыхъ растений, что пустыя шипы съ лебедью хороши, что невозможно очищать полей отъ камней и бурьяна, чтобы засѣвать пшеницею, что не должно и невозможно очищать пшеницу отъ плевелъ.

Всѣ эти люди—одинаковые фантазеры, потому что одинаково увлекаются одностороннею крайностью, одинаково отвергаютъ очевидные факты, одинаково хотятъ нарушать законы природы и человѣческой жизни. Неронъ, Калигула, Тиверій были такъ же близки къ сумасшествію, какъ рыцарь Тоггенбургъ и индѣйскій факиръ Вителлій, который объѣдался до того, что каждый день долженъ былъ прибѣгать къ помощи рвотнаго, терпѣлъ отъ желудка не меньше мученій, нежели терпѣлъ человѣкъ, не имѣющій сытнаго обѣда. Развратникъ точно такъ же лишенъ лучшихъ наслажденій жизни, какъ и кастратъ. Положительнаго въ жизни всѣхъ этихъ людей очень мало. Положителенъ только тотъ, кто хочетъ быть вполне человѣкомъ: заботясь о собственномъ благосостояніи, любить и другихъ людей (потому что одинокаго счастья нѣтъ); отказываясь отъ мечтаній, несообразныхъ съ законами природы, не отказывается отъ полезной дѣятельности; находя многое въ дѣйствительности прекраснымъ,

не отрицаетъ также, что многое въ ней дурно, и стремится, при помощи благопріятныхъ человѣку силъ и обстоятельствъ, бороться противъ того, что неблагоприятно человѣческому счастью. Положительнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова можетъ быть только человѣкъ любящій и благородный. Въ комъ отъ природы нѣтъ любви и благородства, тотъ жалкій уродъ, шекспировъ Капбанъ, недостойный имени человѣческаго,—но такихъ людей очень мало, можетъ быть, вовсе нѣтъ; въ комъ обстоятельства убиваютъ любовь и благородство, тотъ человѣкъ жалкій, несчастный, нравственно больной; кто преднамѣренно подавляетъ въ себѣ эти чувства, тотъ фантазеръ, чуждый положительности и противорѣчащій законамъ дѣйствительной жизни.

По отверженіи фантазерства, требованія и надежды человѣка дѣлаются очень умѣренными; онъ становится снисходителенъ и отличается терпимостью, потому что излишняя взыскательность и фанатизмъ—порожденія болѣзненной фантазія. Не изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы положительность ослабляла силу чувства и энергію требованій,—напротивъ, тѣ чувства и требованія, которыя вызываются и поддерживаются дѣйствительностью, гораздо сильнѣе всѣхъ фантастическихъ стремленій и надеждъ: человѣкъ, мечтающій о воздушныхъ замкахъ, и въ сотую долю не такъ сильно занятъ своими слишкомъ радужными мечтами, какъ человѣкъ, заботящійся о постройкѣ для себя скромнаго (лишь бы только уютнаго) домика, занятъ мыслью объ этомъ домикѣ. О томъ ужъ нечего и говорить, что мечтатель обыкновенно проводитъ время лежа на боку; а человѣкъ, одушевленный разсудительнымъ желаніемъ, трудится безъ отдыха для его осуществленія. Чѣмъ дѣйствительнѣе и положителнѣе стремленія человѣка, тѣмъ энергичнѣе борется онъ съ обстоятельствами, препятствующими ихъ осуществленію. И любовь и ненависть даются и возбуждаются въ высшей степени тѣмъ предметами, которые принадлежатъ къ области дѣйствительной жизни. Фантастическая Елена, при всей своей невообразимой красотѣ, не возбуждаетъ въ здоровомъ человѣкѣ и слабой тѣмъ того чувства, которое возбуждается дѣйствительною женщиною, даже не принадлежащею къ числу блистательныхъ красавицъ. Съ другой стороны, звѣрства каннибаловъ, о которыхъ мы, къ счастью, знаемъ только по слухамъ, далеко не въ такой степени волнуютъ насъ, какъ довольно невинные въ сравненіи съ ними подвиги Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Чичиковыхъ, совершаемые въ нашихъ глазахъ.

Вѣлинскій былъ человѣкъ сильный и рѣшительный; онъ говорилъ очень энергически, съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, но нелѣпою ошибкою было бы называть его, какъ то дѣлали, бывало, иные, человѣкомъ неумѣреннымъ въ требованіяхъ или надеждахъ. Тѣ и другія имѣли у него основаніе въ потребностяхъ и обстоятельствахъ нашей дѣятельности, потому, при всей своей силѣ, были очень умѣренны. Насъ здѣсь занимаетъ русская литература, потому будемъ говорить о ней. Вѣлинскій восхищался «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами». Подумаемъ хорошенько, могъ ли бы восхищаться этими произведеніями человѣкъ неумѣренный въ своихъ желаніяхъ? Неужели; въ самомъ дѣлѣ. Сарказмъ Гоголя не знаетъ никакихъ границъ? Напротивъ, стоитъ вспомнить хотя о Диккенсѣ, не говоря уже о французскихъ писателяхъ прошлаго вѣка. И мы должны будемъ признаться, что сарказмъ Гоголя очень скромнѣе и ог-

раниченъ. Бѣлинскій желалъ развитiя нашей литературѣ,—но какими предѣлами ограничивались его требованiя и надежды? Требовалъ ли онъ, чтобы наша литература при нашихъ глазахъ стала такъ же глубока и богата, какъ, напримѣръ, современная французская или англiйская (хотя и та и другая далеки отъ совершенства)? Вовсе нѣтъ: онъ прямо говорилъ, что въ настоящее время нечего объ этомъ думать, какъ о вещи невозможной; очень хорошо, по его мнѣшю, было ужъ и то, что наша литература становится сколько нибудь похожа въ самомъ дѣлѣ на литературу; успѣхи, ею совершаемые, были, по его мнѣнiю, очень быстры и похвальны; онъ постоянно радовался этой быстротѣ нашего развитiя, а вѣдь, по правдѣ говоря, быстрота эта была таки довольно медленная: и въ 1846 и 1856 году мы еще далеки отъ этой «зрѣлости», къ которой стремимся. Да, Бѣлинскій былъ человѣкъ очень терпѣливый и умѣренный. Примѣровъ тому можно найти множество: они на каждой страницѣ его статей.—Напрасно также было бы воображать его критикомъ слишкомъ строгимъ; напротивъ, онъ былъ очень снисходителенъ. Правда, онъ былъ одаренъ чрезвычайно вѣрными и тонкими вкусомъ, не могъ не замѣчать недостатковъ и высказывалъ о нихъ свое мнѣнiе безъ всякихъ пустыхъ прикрасъ; но если хотя какое нибудь положительное достоинство находилось въ разбираемомъ произведенiи, онъ готовъ былъ за это достоинство извинять ему всѣ недостатки, для которыхъ существуетъ хотя какое нибудь извиненiе. Едва ли у кого изъ русскихъ критиковъ было и столько терпимости къ чужимъ мнѣнiямъ, какъ у него: лишь бы только убѣжденiя не были совершенно нелѣпы, онъ всегда говорилъ о нихъ съ уваженiемъ, какъ бы ни разнились они отъ его собственныхъ убѣжденiй. Примѣровъ тому множество. Укажемъ на одинъ, о которомъ придется намъ говорить—на полемику его съ славянофилами, въ которой со стороны Бѣлинскаго постоянно было гораздо больше доброжелательства, нежели со стороны его противниковъ. Онъ даже видѣлъ утѣшительное явленiе въ томъ, что число приверженцевъ этой школы увеличивается. (Бѣлинскій, впрочемъ, ошибся въ этомъ случаѣ: нынѣ оказалось, что славянофильство лишено способности привлекать послѣдователей). Точно также онъ съ полною готовностью признавалъ всѣ достоинства произведенiй словесности, которыя были написаны не въ томъ духѣ, какой казался ему сообразнѣйшимъ съ потребностью нашей литературы, лишь бы только эти произведенiя имѣли положительное достоинство. Для примѣра, напомнимъ его отзывъ о романѣ г. Гончарова «Обыкновенная Исторiя». Въ приложенiи къ настоящей статьѣ, мы помѣстили отрывокъ изъ послѣдняго обзора русской литературы, написаннаго Бѣлинскимъ. Онъ припомнить читателямъ, что Бѣлинскій не признавалъ «чистаго искусства» и поставлялъ обязанностью искусства служеше интересамъ жизни. А, между тѣмъ, онъ въ томъ же самомъ разборѣ съ равнымъ благорасположенiемъ говоритъ о романѣ г. Гончарова, въ которомъ видитъ исключительное стремленiе къ такъ называемому чистому искусству, и о другомъ романѣ, явившемся около того времени, написанномъ въ духѣ, который наиболѣе нравился Бѣлинскому; онъ даже болѣе снисходителенъ къ «Обыкновенной Исторiи». Можно также припомнить, съ какимъ чрезвычайнымъ сочувствiемъ говорилъ всегда Бѣлинскій о Пушкинѣ, хотя совершенно не раздѣлялъ его понятiй. Но бесполезно увеличивать число этихъ

примѣровъ, которыхъ множество представляется каждому, сохранившему отчетливое воспоминаніе о статьяхъ Бѣлинскаго.

Мнѣніе, будто бы Бѣлинскій не былъ очень умѣренъ въ своихъ понятіяхъ или сурово преслѣдовалъ всякій образъ мыслей, несогласный съ его собственнымъ, рѣшительно несправедливо. Въ этомъ каждому легко убѣдиться, просмотрѣвъ нѣсколько его статей. Фанатиковъ у насъ въ литературѣ было довольно много; но Бѣлинскій не только не имѣлъ никакого сходства съ ними, а, напротивъ, постоянно велъ съ ними самую упорную борьбу, какого бы цвѣта ни былъ ихъ фанатизмъ, къ какой бы партіи ни принадлежали они. — даже фанатиковъ такъ называемой «тенденціи» онъ осуждалъ такъ же строго, какъ и фанатиковъ противоположнаго направленія ¹⁾.

Отчего же могло возникнуть мнѣніе, будто Бѣлинскій не былъ человѣкомъ очень умѣренныхъ мыслей о нашей литературѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ, между тѣмъ, какъ чтеніе его статей неопровержимо убѣдитъ каждого, что онъ понималъ вещи не иначе, какъ ихъ вообще понимаютъ почти всѣ здравомыслящіе люди въ наше время? Тутъ надобно многое приписать неосновательнымъ обвиненіямъ, канія ввозились на него личными его противниками, которыхъ самолюбіе было оскорблено его критикою: его называли они человѣкомъ неумѣреннымъ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ и точно съ такою же основательностью, какъ и твердили о немъ, будто бы онъ нападалъ на старыхъ нашихъ писателей, тогда какъ, напротивъ, онъ возстановлялъ ихъ славу. Но этими личными и мелочными разсчетамъ нельзя ограничить поводъ, по которымъ возникло мнѣніе, признаваемое нами несправедливымъ.

Требованія Бѣлинскаго были очень умѣренны, но тверды и послѣдовательны, высказывались съ одушевленіемъ, энергически. Нѣтъ надобности говорить, что самыя рѣзкія сужденія могутъ быть прикрываемы цвѣтистыми фразами. Бѣлинскій, человѣкъ прямого и рѣшительнаго характера, пренебрегалъ этою хитростью. Онъ писалъ такъ, какъ думалъ, заботясь только о правдѣ и употребляя именно тѣ слова, которыя точнѣе выражали его мысль. Дурное онъ прямо называлъ дурнымъ, не прикрывая своего сужденія дипломатическими оговорками и двусмысленными намеками. Потому людямъ, которымъ всякое правдивое слово кажется жестокимъ, какъ бы ни было оно умѣреннымъ, мнѣнія Бѣлинскаго казались рѣзкими: что дѣлать, многіе прямоу считаютъ всегда рѣзкостью. Но тѣ, которые понимаютъ смыслъ читаемаго, очень хорошо всегда понимали, что желанія и надежды Бѣлинскаго были очень скромны. Вообще онъ не требовалъ ничего такого, что не казалось бы совершенною необходимостью для каждого человѣка съ развитымъ умомъ. Этимъ и объясняется сильное сочувствіе ему въ публикѣ, которая у насъ вообще очень скромна въ своихъ желаніяхъ.

Въ спорахъ съ противниками Бѣлинскій не имѣлъ привычки уступать, и въ полемикѣ, которую онъ велъ, не было ни одного случая, когда споръ не кончался бы совершеннымъ пораженіемъ противника во всѣхъ пунктахъ.

¹⁾ Мы говоримъ объ умѣренности Бѣлинскаго не для того, чтобы хвалить или осуждать его, а просто потому, что умѣренность это фактъ, очень важный и неспоримый, а между тѣмъ, единственно часто опускаемый изъ виду при сужденіяхъ о Бѣлинскомъ.

ни одинъ литературный споръ не оканчивался безъ того, чтобы противникъ Бѣлинскаго не терялъ совершенно уваженія лучшей части публики. Но должно только припомнить, съ какими мнѣнiями велъ онъ борьбу, и надобно будетъ признаться, что иначе споръ не могъ кончаться. Бѣлинскiй спорилъ только противъ мнѣнiй, положительно вредныхъ и рѣшительно ошибочныхъ: нельзя указать ни одного случая, когда бы онъ считалъ нужнымъ возставать противъ убѣжденiй, которыя были безвредны или не нелѣпы. Стало быть, новсе не онъ, а его противники были виноваты въ томъ, если полемика (обыкновенно начинаемая не Бѣлинскимъ) кончалась совершеннымъ ихъ пораженiемъ: зачѣмъ они защищали мнѣнiя, которыхъ невозможно защищать и не должно защищать? Зачѣмъ они возставали противъ очевидныхъ истинъ? зачѣмъ они литературные вопросы такъ часто старались переносить въ область юридическихъ обвиненiй? Всѣ случаи, когда Бѣлинскiй велъ упорную полемику, подводятся подъ одно опредѣленiе: Бѣлинскiй говоритъ, что $2 \times 2 = 4$; его за это обвиняють въ невѣжествѣ, безвкусицѣ и неблагонамѣренности, намекая, что изъ провозглашаемаго имъ парадокса—парадоксъ состоитъ въ томъ, что $2 \times 2 = 4$ —напримѣръ, въ томъ, что произведенiя Пушкина по художественному достоинству выше произведенiй Державина, а «Герой Нашего Времени» выше «Брянскаго Лѣса» или «Симеона Кирдяпы», что изъ этого страшнаго парадокса произойдутъ самыя пагубныя послѣдствiя для русскаго языка, для отечественной литературы, и что—чего добраго!—всему міру грозитъ смертельная опасность отъ такой неосновательной и злонамѣренной выдумки. При защитѣ отъ такихъ нападенiй, конечно, невозможно было признавать, что на сторонѣ нападающихъ есть хотя какая нибудь частица справедливости. Если бы предметомъ ихъ негодованiя выбиралось что нибудь сомнительное, если бы замѣчались Бѣлинскому какiе нибудь односторонности или недосмотры, дѣло могло бы быть ведено иначе: Бѣлинскiй, соглашаясь или не соглашаясь на замѣчанiя противниковъ, охотно признавался бы, что ихъ слова не совершенно лишены здраваго смысла, что мнѣнiя ихъ заслуживають уваженiя: когда онъ замѣчалъ свои ошибки, онъ не колебался самъ первый обнаруживать ихъ. Но что оставалось ему дѣлать, когда, напримѣръ, одинъ изъ его противниковъ возмущался отсутствiемъ всякихъ убѣжденiй въ статьяхъ Бѣлинскаго, когда тотъ же самый противникъ утверждалъ, что Бѣлинскiй пишетъ самъ, не понимая смысла своихъ словъ,—потомъ твердилъ, что Бѣлинскiй заимствуетъ у него свои понятiя (когда дѣло было совершенно наоборотъ, что очевидно каждому при сличенiи стараго «Москвитянина» съ «Отечественными Записками»),—когда другiе возставали на Бѣлинскаго за мнимое неуваженiе къ Державину и Карамзину (которыхъ онъ первый оцѣнилъ), и т. д.,—тутъ, при всей готовности быть уступчивымъ, невозможно было увидѣть въ замѣчанiяхъ противниковъ ни искры правды, и невозможно было не сказать, что они совершенно ошибочны. Таково же бывало положенiе дѣла, когда Бѣлинскiй, въ свою очередь, начиналъ полемику: могъ ли онъ не говорить, что мнѣнiя, противъ которыхъ онъ возстаетъ, совершенно лишены всякаго основанiя, когда эти мнѣнiя были такого рода: «Гоголь писатель безъ всякаго таланта,—лучшее лицо въ «Мертвыхъ Душахъ» кучеръ Чичикова Селифанъ,—гегелева философія заимствована изъ «Завѣщанiя» Владимiра Моно-

маха,—писатели, подобные г. Тургеневу и г. Григоровичу, достойны сожалѣнія потому, что берутъ содержаніе своихъ произведешій не изъ русскаго быта,—Лермонтовъ былъ подражателемъ г. Бенедиктова и плохо владѣлъ стихомъ,—романы Диккенса произведеніи уродливой бездарности,—Пушкинъ былъ плохой писатель,—величайшіе поэты нашего вѣка Викторъ Гюго и г. Хомяковъ,—г. Соловьевъ не имѣетъ понятія о русской исторіи,—нѣмцы должны быть истреблены,—² VII глава «Евгенія Онѣгина» есть рабское подражаніе одной изъ главъ «Ивана Выжигина»,—лучшее произведеніе Гоголя его «Вечера на Хуторѣ» (по мнѣнію однихъ) или «Переписка съ друзьями» (по мнѣнію другихъ), остальные же гораздо слабѣе,—Англія погибла около 1827 года, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія, какъ не осталось слѣдовъ платоновой Атлантиды,—Англіе единственное живое государство въ западной Европѣ (мнѣніе того же писателя, который открылъ, что она погибла),—лукавый западъ гнѣтъ, и мы должны поскорѣе обновить его мудростью Сковороды,—Византія должна быть нашимъ идеаломъ,—просвѣщеніе приноситъ вредъ» — и т. д., и т. д. — Можно ли найти хотя какую нибудь частицу правды въ такихъ сужденіяхъ? Можно ли дѣлать имъ уступки? Возставать противъ нихъ значить ли обнаруживать духъ нетерпимости? Когда одному изъ людей, воображающихъ себя учеными, и пользовавшемуся сильнымъ влияніемъ въ журналѣ, который имѣлъ своею спеціальностью борьбу противъ Бѣлинскаго и «Отечественныхъ Записокъ», вздумалось утверждать, что Галилей и Ньютонъ поставили астрономію на ложный путь, неужели можно было бы вести съ нимъ споръ такимъ образомъ: «Въ вашихъ словахъ есть много справедливаго; мы должны сознаться, что въ прежнихъ нашихъ понятіяхъ объ астрономическихъ законахъ были ошибки; но, соглашаясь съ вами въ главномъ, мы должны сказать, что нѣкоторыя подробности въ вашихъ замѣчаніяхъ кажутся намъ не совсемъ ясны»; говорить такимъ образомъ значило бы измѣнять очевидной истинѣ и дѣлать себя предметомъ общей насмѣшки. Возможно ли было говорить такимъ тономъ о глѣбѣ сужденій, образцы которыхъ представили мы выше, и которыя въ своемъ родѣ ничуть не хуже опроверженія ньютоновой теоріи? Нѣтъ, тутъ невозможно соединять отрицаніе съ уступчивостью, потому что нѣтъ ни малѣйшей возможности открыть въ словахъ противника что нибудь похожее на правду. Относительно такихъ мнѣній нѣтъ середины: или надобно молчать о нихъ, или прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ высказывать, что они лишены всякаго основанія. Разумѣется, нападенія на Галилея и Ньютона можно было оставить безъ вниманія—не было опасности, чтобы кто нибудь введенъ былъ ими въ заблужденіе. Но другія сужденія не были такъ невинны—обнаружить ихъ неосновательность было необходимо. Изъ того, что Бѣлинскій не видѣлъ возможности соглашаться, что Гоголь бездарный писатель, и пьянаго Селифана должно считать представителемъ русской народности, слѣдуетъ ли заключать, что онъ не имѣлъ терпимости?

Люди, которые возставали противъ Бѣлинскаго, нападали на истинны слишкомъ очевидныя и важныя; самъ онъ возставалъ только противъ того, что было рѣшительно нелѣпо и вредно; будучи человекомъ твердыхъ убѣжденій и прямого характера, онъ высказывалъ свои мнѣнія сильно.

Но кто смѣшнѣе эти качества съ неумѣренностью мнѣній, тотъ со-

вершено ошибается. Напротивъ, мнѣнія Бѣлинскаго высказывались съ особенною силою именно потому, что въ сущности были очень умѣренны.

Сдѣлавъ это необходимое замѣчаніе о характерѣ общихъ воззрѣній Бѣлинскаго, мы должны были бы теперь заняться вопросомъ о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на отношенія литературы къ обществу и занимающимъ его интересамъ. Но въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ самъ Бѣлинскій высказалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ съ такою полнотою и точностью, что лучше всего будетъ представить въ приложеніи къ нашей статьѣ его собственныя слова. А здѣсь остается намъ сдѣлать только нѣсколько замѣчаній, которыя послужатъ объясненіемъ къ предлагаемому отрывку изъ статьи Бѣлинскаго.

Мнѣшя, которыя такъ сильно и убѣдительно выражены Бѣлинскимъ въ этомъ отрывкѣ, совершенно противоположны идеямъ трансцендентальной философіи, въ особенности системы Гегеля, основывавшей все свое эстетическое ученіе на томъ принципѣ, что искусство имѣетъ исключительнымъ предметомъ своимъ осуществленіе идеи прекраснаго; искусство, по этимъ идеалистическимъ понятіямъ, должно было сохранять совершенную независимость отъ всѣхъ другихъ стремленій человѣка, кромѣ стремленія къ прекрасному. Такое искусство называлось чистымъ искусствомъ.

И въ этомъ случаѣ, какъ почти во всѣхъ другихъ, гегелева система останавливалась на половинѣ пути и, отказываясь отъ строгаго вывода послѣдствій изъ своихъ воренныхъ положеній, допускала въ себя устарѣвшія мысли, противорѣчившія этимъ положеніямъ. Такъ, она говорила, что истина существуетъ только въ конкретныхъ явленіяхъ, а, между тѣмъ, въ эстетикѣ своей ставила верховною истинною идею прекраснаго, какъ будто идея эта существуетъ сама по себѣ, а не въ живомъ дѣйствительномъ человѣкѣ. Это внутреннее противорѣчіе, повторявшееся почти во всѣхъ другихъ частяхъ гегелевой системы, и послужило причиною ея неудовлетворительности. Дѣйствительно, существуетъ человѣкъ, а идея прекраснаго есть только отвлеченное понятіе объ одномъ изъ его стремленій. А такъ какъ въ человѣкѣ, живомъ органическомъ существѣ, всѣ части и стремленія неразрывно связаны другъ съ другомъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что основывать теорію искусства на одной исключительной идеѣ прекраснаго, значитъ впадать въ односторонность и строить теорію, несообразную съ дѣйствительностью. Въ каждомъ человѣческомъ дѣйствіи принимаютъ участіе всѣ стремленія человѣческой природы, хотя бы одно изъ нихъ и являлось преимущественно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Потому и искусство производится не отвлеченнымъ стремленіемъ къ прекрасному (идеею прекраснаго), а совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей живаго человѣка. А такъ какъ, въ человѣческой жизни, потребности, напримѣръ, правды, любви и улучшенія быта гораздо сильнѣе, нежели стремленіе къ изящному, то искусство не только всегда служить до нѣкоторой степени выраженіемъ этихъ потребностей (а не одной идеи прекраснаго), но почти всегда произведеніи его (произведенія человѣческой жизни, этого нельзя забывать) создаются подъ преобладающими вліяніями потребностей правды (теоретической или практической), любви и улучшенія быта, такъ что стремленіе къ прекрасному, по натуральному закону человѣческаго дѣйствованія, является служителямъ этихъ и другихъ сильныхъ потребностей человѣческой природы. Такъ

всегда производились всё созданія искусства, замѣчательныя по своему достоинству. Стремленія, отвлеченныя отъ дѣйствительной жизни, безсильны; потому, если когда стремленіе къ прекрасному и усиливалось дѣйствовать отвлеченнымъ образомъ (разрывая свою связь съ другими стремленіями человѣческой природы), то не могло произвестъ ничего замѣчательнаго даже и въ художественномъ отношеніи. Исторія не знаетъ произведеній искусства, которыя были бы созданы исключительно идеею прекраснаго: если и бываютъ или бывали такія произведенія, то не обращаютъ на себя никакого вниманія современниковъ и забываются исторіею, какъ слѣшкомъ слабыя,—слабыя даже и въ художественномъ отношеніи.

Таковъ взглядъ положительной науки, почерпающей свои понятія изъ дѣйствительности. Отрывокъ, представляемый нами въ приложеніи, доказываетъ, что окончательный взглядъ Бѣлинскаго на искусство и литературу былъ совершенно таковъ. Онъ былъ уже совершенно чистъ отъ всякой фантастичности и отвлеченности.

Но мы видѣли, что сначала Бѣлинскій былъ страстнымъ послѣдователемъ гегелевой системы, сильную сторону которой составляетъ стремленіе къ дѣйствительности и положительности (чѣмъ преимущественно и очаровывала она Бѣлинскаго, какъ и всѣхъ сильныхъ людей тогдашняго молодого поколѣнія въ Германіи и отчасти у насъ), а слабую сторону то, что это стремленіе остается неосуществленнымъ, такъ что почти все содержаніе системы отвлеченно и недѣйствительно. Вскорѣ послѣ переѣзда своего въ Петербургъ Бѣлинскій освободился отъ безусловнаго поклоненія Гегелю; но мысль и исполненіе, принципъ и выводъ слѣдствій—два различные фазиса, всегда отдѣленные другъ отъ друга долгимъ періодомъ развитія. Сказать: «я понимаю, что дѣйствительность должна быть источникомъ и мѣриломъ нашихъ понятій», и пересоздать всё свои понятія на основаніи дѣйствительности—двѣ вещи, совершенно различныя. Вторая задача, быть можетъ, еще важнѣе первой и достигается только посредствомъ продолжительнаго труда.

Въ петербургскихъ журналахъ Бѣлинскій дѣйствовалъ около восьми лѣтъ. Слѣдить за всѣми постепенностями и подробностями развитія его въ это время значило бы анализировать всё его статьи,—по крайней мѣрѣ, сто или полтораста важнѣйшихъ. Но и того еще недостаточно: нужно было бы прибѣгать къ помощи соображеній, которыя могутъ быть доставлены только подробною біографіею. А наши статьи приняли уже и безъ того объемъ, гораздо обширнѣйшій, нежели мы предполагали, начиная ихъ; собираемъ біографическія свѣдѣнія замедлилось бы ихъ окончаніе на неопредѣленное время; разсмотрѣніе всего написаннаго Бѣлинскимъ потребовало бы сотни и сотни страницъ. Поэтому мы только въ общихъ чертахъ обозначимъ главные два періода петербургской дѣятельности Бѣлинскаго: въ первой половинѣ, отвлеченный элементъ въ его статьяхъ еще довольно силенъ; во второй половинѣ онъ почти совершенно и подъ конецъ этой половины совершенно исчезаетъ, и система положительныхъ воззрѣній становится совершенно послѣдовательною. Матеріалы для характеристики перваго періода будутъ намъ доставлены обзорѣмъ содержанія нѣсколькихъ статей Бѣлинскаго, написанныхъ въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ: подробное разсмотрѣніе послѣднихъ его статей послужитъ сред-

ствомъ сдѣлать, по возможности, полный очеркъ окончательныхъ его понятій о русской литературѣ; годичные обзоры русской литературы, являвшіеся постоянно съ 1841 года, и статьи о Пушкинѣ, которыя писались въ продолженіе трехъ лѣтъ (1843—1846), будутъ соединительными звеньями между первымъ и вторымъ очеркомъ. Такимъ образомъ, мы, не опустивъ изъ виду важнѣйшихъ точекъ зрѣніи, окончимъ первую часть нашихъ «Очерковъ» до конца нынѣшняго года.

Для первой книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1840 года Бѣлинскій написалъ разборъ комедіи Грибоѣдова, около того времени вышедшей вторымъ изданіемъ. Статья эта принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ и блестящихъ. Она начинается изложеніемъ теоріи искусства, написаннымъ исключительно съ отвлеченной, ученой точки зрѣнія, хотя весь онъ проникнутъ стремленіемъ къ дѣйствительности и сильными нападеніями на фантазерство, презирающее дѣйствительность. Вотъ для примѣра отрывокъ, слѣдующій за объясненіемъ (совершенно еще въ духѣ Гегеля), что «произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность»:

«Есть люди, которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ, какъ *положительный и индустріальный*, поэзія невозможна. Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе растроенаго воображенія, праздно-головой, колобродствующаго сердца! И такая мечтательность нашла поэтовъ въ Ламартинахъ и свои повѣстическія произведенія въ идеально-чувствительныхъ романахъ, въ родѣ «Аббадонны»; но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта,—и развѣ «Аббадонна» поэтическое произведеніе, а не мечта?.. И что за жалкая, что за устарѣлая мысль о *положительности и индустріальности* нашего вѣка, будто бы враждебныхъ искусствѣ? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ явились Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Томасъ Муръ, Уордсвортъ, Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Гейне, Беранже, Эленшлегеръ, Тегнеръ и другіе? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ дѣйствовали Шиллеръ и Гёте? Развѣ не нашъ вѣкъ оцѣнилъ и понялъ созданія классическаго искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индустріальность есть только одна сторона многостороннего XIX вѣка, и она во помѣшала ни дойти поэзіи до своего высочайшаго развитія въ лицѣ повмѣнованныхъ нами поэтовъ, ни музыкѣ въ лицѣ ея Шекспира-Бетховена, ни философій въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, нашъ вѣкъ врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшва, пошла и приторна, какъ и сантиментальность. *Дѣйствительность*—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ—и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, во любить одно мощное, крѣпкое, существенное. Онъ смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныя пѣсни Байрона и, вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ нѣвцомъ, лучше рѣшился отречься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, яоряющагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. И зато въ Шеллингѣ онъ увидѣлъ зарю безвѣчной дѣйствительности, которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и величавымъ днемъ и которая, еще прежде обонхъ великихъ мыслителей, непоятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте»... («Отечественныя Записки», томъ VIII. Критика, стр. 11—12).

Хотя и говорится въ этой статьѣ постоянно, что поэзія нашего времени есть «поэзія дѣйствительности, поэзія жизни»; но главною задачею новѣйшаго

Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хловочемъ, судинъ обо всемъ,
Что пылкахъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснить,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

«Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и рпль имѣть его, да не дается оно сиу. И, притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрью? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не настала часть его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ ее презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и бескорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія: страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышныя, роскошныя цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его не ѣе любятъ,—и кто же эти «всѣ»?—пустыя, ничтожныя люди, которые не могутъ простить ему его превосходства падъ ними. А его готовность задумать въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулю и безстыдно ожидающему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издоихаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная разчетливость, систематическая разчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ; но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставять его образцомъ и выгокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ класенчоскихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ ромавахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее общается прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою?—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ; попавшихъ подъ его колеса: не значитъ-ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства». («Отечественныя Записки», томъ XI, Критика, стр. 33—34).¹

Точка зрѣнія все еще слишкомъ отвлеченна; она вполне прилагается къ русской жизни, но только ровно на столько же, нисколько не болѣе, какъ и къ англійской, французской и т. д. жизни. Но уже одинъ эти мѣста могли бы

служить достаточнымъ ручательствомъ, что Бѣлинекій никогда не любилъ останавливаться на половинѣ пути, изъ боязни, что съ развитіемъ соединены свои опасности, какъ соединены онѣ со всѣми вещами на свѣтѣ: все-таки эти опасности, по его мнѣнію, вовсе не такъ страшны, какъ та нравственная порча, которая бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ неподвижности; притомъ же, онѣ съ неизмѣримымъ избыткомъ вознаграждаются положительными благами, какія даетъ развитіе.

Точка зрѣнія, съ которой Бѣлинскій разсматривалъ въ 1840 году произведеніи нашей поэзіи, должна, какъ видимъ, назваться отвлеченною. Но мы ошиблись бы, если бы вывели изъ этого заключеніе, что заботы объ отношеніяхъ литературы къ обществу не преобладали уже и тогда въ Бѣлинскомъ. Въ третьей книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года онъ посвящаетъ большую критическую статью разбору двухъ дѣтскихъ книгъ: съ жаромъ онъ объясняетъ, каково должно быть истинное воспитаніе, обличаетъ результаты неразумнаго воспитанія, какое обыкновенно дается дѣтямъ, и показываетъ, какъ велики обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ. Не надобно говорить, что все это проникнуто самыми гуманнѣйшими и плодотворными для нашей жизни понятіями. Вотъ отрывокъ, по которому можно судить о тонѣ и содержаніи статьи:

«Воспитаніе! Оно вездѣ, куда вы посмотрите, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидѣть даже во всѣхъ слояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго правила. Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество парас et мамаос, по мало отцовъ и матерей. «Вотъ прекрасно!»—восклицаете вы: «какая же разница между родителями и отцомъ и матерью?»—Какъ какая?—взяните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже сказалъ:

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума водоставало!

«Право рожденія—священное право на священное имя отца и матери—противъ этого никто и не спорить; во не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще по выше животнаго; есть высшее право—родительской любви. «Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей!»—говорите вы. Такъ; но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь?—Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро овѣ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей—ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь я г-жа Простякова любила своего Митрофанушку: она нещадно была по щекамъ старую Еремѣевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы овѣ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плавать, что милое, ненаглядное дѣтище только обколотитъ объ несвои ручки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая, бывъ и овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкою, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя,—развѣ все это не любовь?—Да, любовь, во какая?—любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся я животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, имѣетъ овецью,—безмысленна, безобразна и отвратительна. Дайте: вѣдь и Павелъ Аванасевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, какъ овѣ хлопочетъ, чтобы повыгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать... Продать?—какое ужасное слово!.. отецъ продаетъ свою

дочь, торгуетъ ею, конечно, не по мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!.. Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастья?—скажутъ многіе. Прекрасно! По послѣ этого и разбойникъ, который для приданого дочери зарѣжетъ передъ ея свадьбой нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, потому что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери: Послѣ этого и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно любимую дочь, научить или принудить ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты,—тоже будетъ права, потому что поступить такъ изъ любви къ дочери?.. И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подьячій, закоренѣвшій въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ, не поставлялъ первымъ и священный долгъ своего родительскаго званія передать свое подлое ремесло нѣжно любимому сынку? Мы опять соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но *какая*—вотъ вопросъ». («Отечественныя Записки», томъ IX, Критика, стр. 4—5).

Вся статья о дѣтскихъ книгахъ имѣетъ самое живое отношеніе къ нашей дѣйствительности. И такихъ статей найдется у Бѣлинскаго очень много уже и въ то время.

Нѣтъ надобности говорить, что и взглядъ Бѣлинскаго въ 1840 году на произведенія беллетристики и поэзіи мы называемъ отвлеченнымъ только по сравненію съ тѣмъ, что дано было намъ его послѣдующимъ развитіемъ. Если же сравнимъ его тогдашнія статьи съ предшествовавшею ему критикою, то найдемъ, что до того времени никто еще не проникался элементами нашей дѣйствительности такъ глубоко и живо, какъ и въ то время была уже проникнута ими критика Бѣлинскаго. Если онъ еще не останавливался исключительно на фактахъ, свойственныхъ именно нашему, а не какому нибудь другому быту, то постоянно онъ касался ихъ и на каждой страницѣ затрогивалъ частные вопросы нашей жизни. Доказательства тому постоянно встрѣчаются даже въ сдѣланныхъ нами выпяскахъ, которыя приводятся у насъ въ примѣръ отвлеченности. Укажемъ, для примѣра, и на то, что, желая показать подробнымъ разборомъ качества художественнаго произведенія, Бѣлинскій выбираетъ не драму Шекспира, какъ сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ, а комедію русскаго писателя. Изъ этого одного уже ясно было бы, что явленія нашей жизни занимаютъ его болѣе, нежели что бы то ни было другое. Но—и это главное—не будемъ сами судить отвлеченнымъ образомъ, а сообразимъ положеніе нашей литературы и публики въ то время, когда Бѣлинскій началъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ»; мы должны будемъ признаться, что вопросы, которые для настоящаго времени представляются отвлеченными, тогда были дѣйствительными и живыми, какъ и теперь для русскоѣ публики самый живой и важный интересъ имѣютъ еще вопросы, которые въ другихъ странахъ давно уже считаются или отвлеченными, или мелкими, напримѣръ, хотя бы литературные вопросы, за которыми всѣ мы слѣдимъ съ такимъ живымъ интересомъ, и которые у другихъ народовъ не имѣютъ силы возбуждать такого напряженнаго участія. Въ каждой странѣ, у cadaго времени свои интересы. Мы, напримѣръ, радуемся, и справедливо радуемся, тому, что наши молодые люди, избирающіе ученое поприще, снова начинаютъ посѣщать Европу для довершенія своего образованія—явленіе, напоминающее времена Петра Великаго; а французамъ, англичанамъ ровно нѣтъ никакого дѣла до того, ѣздить ли за границу ихъ молодые ученые, или не ѣздить. Правда, у нихъ число

такихъ путешественниковъ во сто разъ больше, нежели у насъ,—и, однако же, это нисколько не обращаетъ на себя ихъ вниманія. Мы, напримѣръ, восхищаемся и поучаемся «Горемъ отъ ума», «Ревизоромъ», «Мертвыми Душами», какъ произведеніями, въ которыхъ очень полно и вѣрно отразилась наша жизнь; а французы, англичане, нѣмцы о произведеніяхъ своей литературы, въ которыхъ жизнь общества была бы воспроизведена въ гѣхъ границахъ, какъ въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ», сказали бы, что они отражаютъ жизнь очень неполно и отрывочно,—они сказали бы даже, что это произведенія очень отвлеченныя отъ жизни: вѣдь находятъ же нѣмцы, что «Коварство и Любовь» Шиллера произведеніе довольно отвлеченное, а въ немъ нѣмецкая жизнь изображена полнѣе, нежели русская у Гоголя и Грибоедова ¹⁾. О французахъ и англичанахъ мы уже не говоримъ. Для нихъ поэтическія произведенія имѣютъ нынѣ вообще меныне живаго значенія, нежели для нѣмцевъ.

Потребность стать по своимъ понятіямъ въ уровень съ образованною Европою и теперь у насъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Тѣмъ живѣе была она пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Нынѣ романъ Диккенса или Текквоя далеко не возбуждаетъ того интереса у насъ, какой бы возбудилъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Нынѣ, вѣроятно, никто не въ состояніи былъ бы осилить «Витторію Аккоромбону» Тика,—а пятнадцать лѣтъ тому назадъ и этотъ романъ казался живымъ и интереснымъ чтеніемъ. Переворотъ этотъ произведенъ Гоголемъ, Бѣлинскимъ и писателями, образовавшимися подъ ихъ вліяніемъ. Но само собою разумѣется, что начало не бываетъ подобно концу, и Бѣлинскій долженъ былъ необходимо начать съ того, чтобы знакомить нашу публику и литературу съ современными понятіями объ искусствѣ; долженъ былъ начать съ того, чтобы толковать, что такое «художественное произведеніе», въ чомъ состоятъ истинныя достоинства романа, драмы, и т. д., и т. д.,—вѣдь въ то время, какъ онъ началъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ», публика еще и не слыхивала объ этихъ вещахъ. «Телескопъ» читался мало; и, притомъ, въ немъ все еще было спутано въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ: современные понятія съ отсталыми, восторженные похвалы Гоголю со статьями г. А. Хиджеу о малороссійскомъ философѣ Сковородѣ. «Московскаго Наблюдателя» не читалъ почти никто, по словамъ самого Бѣлинскаго. Для исторіи литературы эти журналы являются предшественниками «Отечественныхъ Записокъ»; но для публики «Отечественныя Записки» были первымъ журналомъ, заговорившимъ о вещахъ, до того времени неслыханныхъ: о прекрасномъ, объ идеѣ, о различіи разумаго и непосредственнаго существованія, о дѣйствительности въ поэзіи, и т. д., и т. д.

Бѣлинскій по необходимости долженъ былъ начать дѣло съ самаго начала—съ потопа и раздѣленія языкъ, съ объясненія того, что называется литературою, что такое называется поэтомъ, съ подробныхъ разсужденій о томъ, чѣмъ литературное произведеніе отличается отъ нелѣпой сказки или вздорнаго пусто-

¹⁾ Читатели видятъ, конечно, что мы говоримъ единственно о художественныхъ совершенствахъ воспроизведенія жизни. Быть можетъ, по формѣ «Ревизоръ» живѣе, нежели «Коварство и Любовь»: объ этомъ каждый можетъ думать, какъ ему угодно.

гловн: все это намъ нужно еще было узнать, все это возбуждало сомнѣнія и недоумѣнн, все приводило однихъ читателей въ восторгъ, другихъ въ гнѣвъ; эти разсужденія, кажущіяся нынѣ отвлеченными, были въ то время самою живою, насущною потребностью публики. Но да не возгордимся мы своими успѣхами: гордость пагубный грѣхъ; подумаемъ лучше о томъ, какими вопросами до сихъ поръ мы сами интересуемся, будто важнѣйшими и живѣйшими: вѣдь книжка журнала составляетъ для самыхъ живыхъ изъ насъ самое живое явленіе—да и то хорошо, потому что для многихъ изъ насъ чуть ли не интереснѣйшая въ газетахъ статья—номенклатура новыхъ коллежскихъ и надворныхъ совѣтниковъ—да и то хорошо: все-таки привыкають къ печатной грамотѣ, все таки убѣждаются, что типографскій станокъ хотя для чего нибудь нуженъ.

Бѣлинскій долженъ былъ начать свое дѣло съ самаго начала, какъ началъ свое дѣло Ломоносовъ—съ разсужденія о томъ, что называется стихотворнымъ размѣромъ и каковъ долженъ быть стихотворный размѣръ; онъ долженъ былъ прежде всего объяснить намъ, что такое литература, что такое критика, что такое журналъ, что такое поэзія и т. д.—Спору нѣтъ, что азбука—вещь отвлеченная: живаго смысла еще пѣтъ въ ея буквахъ; но для того, кто еще не знаетъ ихъ, настоятельнѣйшая потребность состоитъ въ ихъ изученіи, и оно составляетъ самый живой и дѣйствительный вопросъ его жизни. Такъ, для нашей публики было чрезвычайно хорошо то, что Бѣлинскій началъ свои критическіе разборы въ «Отечественныхъ Запискахъ» не прямо съ полного погруженія въ нашу дѣйствительность, а съ общихъ разсужденій, которыя по сравненію съ характеромъ его послѣдующихъ статей могутъ назваться отвлеченными, но могутъ назваться такимъ именемъ также только по отвлеченному понятію о качествахъ критики вообще, а не по соображенію дѣйствительныхъ обстоятельствъ, которыя, напротивъ, придавали имъ самое живое значеніе. Стоитъ только припомнить, какое сильное и живое дѣйствіе производили они на публику и литературу, и мы убѣдимся, что именно то было нужно, что дѣлалъ онъ.

Да и для самой критики Бѣлинскаго нужно было, чтобы она довольно долго сосредоточивала свое вниманіе на теоретическихъ вопросахъ: именно тѣмъ, что непоколебимо утвердилось въ общечеловѣческихъ понятіяхъ, она приобрѣла силу пронизательно и вѣрно смотрѣть на явленія нашей дѣйствительности. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей Бѣлинскій отвѣчаетъ на вопросъ, возбужденный исключительными поклонниками нашей народной поэзіи: не лучше ли было бы для нашей литературы, еслибъ она началась прямо въ духѣ народности, а не была сначала простымъ отраженіемъ западной европейской поэзіи? Не лучше ли было бы, еслибъ Ломоносовъ, вмѣсто того, чтобы изучать оды Гюндера, пѣлъ наши народные пѣсни?—Изъ этого не произошло бы ровно никакихъ послѣдствій, не только полезныхъ, но и ровно никакихъ. Въ томъ именно и состоитъ заслуга Ломоносова, что онъ познакомилъ насъ съ литературою; а еслибъ онъ вздумалъ писать въ духѣ народныхъ пѣсней (кроме того, что это было для него чистою невозможностью), онъ не далъ бы намъ ровно ничего новаго и интереснаго, и его произведенія остались бы такъ же чужды историческому развитію нашей литературы, какъ пѣсни сибирскихъ

казаковъ о битвахъ съ силами богдойскими (богдыханскими), сочиненныя въ духъ пѣсенъ о Владимѣрѣ; онѣ ровно ничего къ нимъ не прибавили и ни на шагъ не подвинули нашего развитія. Только потому и могъ въ послѣдствіи Лермонтовъ написать пѣсню о купцѣ Каланиниковѣ, что Ломоносовъ писалъ оды въ родѣ Гюнтера, Карамзинъ повѣсти въ родѣ Мармонтеля, Пушкинъ поэмы въ родѣ Байрона. Конечъ именно потому и конечъ, что онъ не дохожъ на начало,—стало быть, начало должно же отличаться отъ конца,—иначе не было бы ни цѣлей, ни стремленій, ни исторіи ¹⁾.

Въ критикѣ Бѣлинскаго какъ бы повторилась вся исторія русской литературы. Полевой, Надеждинъ были представителями каждый только одного фазиса развитія. Критика Бѣлинскаго прошла, какъ мы видимъ, нѣсколько

¹⁾ Но какинъ же чудотъ—спросимъ насъ—внешнее, абстрактное заимствованіе чужаго и искусственное перенесеніе его на родную почву,—какимъ чудотъ могло породить оно живой, органическій плодъ?—Въ отвѣтъ на это скажемъ: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣній, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было. что это историческій фактъ, достовѣрность котораго не можетъ и подуматъ опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ ломоносовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; въ нихъ работала душа времени, котораго они были органами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его гениемъ, охотились подражать ему и все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого—Державинъ. Но въ томъ-то я состоятъ жизненность европейскаго начала, принятаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не носится въ мертвой стоячеотн, но движется, идетъ впередъ, развивается. Если бы Ломоносовъ не подумалъ писать оды по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ-Батиста Руссо, не задумалъ писать своей «Петриады» по образцу виргиліевой «Энеиды», гдѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ в Нептуну, засадивъ его отъ тритонами я наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; если бы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школярныхъ несообразностей, онъ обратился бы къ источникамъ нашей народной поэзіи—къ «Слову о Полку Игоревѣ», къ русскимъ сказкамъ (назвѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ, и, вдохновленный, проникнутый ими, въ ихъ чисто народномъ основаніи, рѣшился бы построить зданіе новой русской литературы: чтобы тогда вышло?—Вопросъ, повидимому, важный, но въ оущаюти препуотой, похожій на вопросъ въ родѣ слѣдующихъ: что было бы, если бы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ—въ Россіи, или что было бы, если бы за зимою слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что было и что есть, но какъ намъ знать, чего не было, или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не такъ, какъ было: но ея великія событія, нѣющія вліянія па будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бывають, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй, тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть немного выше, т. е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь: могъ сдѣлать новою столицей Ревель или Ригу: во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства; но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноиться съ Европою. Въ этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что могло бы равно и быть и не быть, или быть въпаче, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событий, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что было бы, еслибы Ломоносовъ основалъ новую русскую литературу на народномъ началѣ?—и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей народной поэзіи были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія плененной, естественной, непосредственной, полупатріархальной жизни старой Руси: но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности, а отъ европеизма; ради нашего спасенія, тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло яля невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ сказать, задержать на время ея ходъ и развитіе, чтобы принять къ ея почвѣ новыя элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ, у насъ, естественно, все было риторическою: и правы и—ихъ выраженіе—литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усвоиванія, и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности. — «Соврем.» 1847 г., № 1, стр. 7—9).

фазисовъ, и, начавъ съ отвлеченныхъ понятій, доведенныхъ до крайности вслѣдствіе споровъ съ друзьями г. Огарева, она достигла совершенной полноты. Если сравнить статью объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія», напечатанную Бѣлинскимъ въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, съ статьею о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», напечатанною во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ, насъ удивитъ безмѣрное разстояніе, отдѣляющее первую отъ послѣдней; мы не найдемъ между ними ничего общаго, кромѣ того, что обѣ написаны съ жаромъ душевнаго убѣжденія, и написаны человѣкомъ очень даровитымъ; но духъ и все содержаніе одной совершенно противоположны духу другой, какъ «Пѣсня о Калашниковѣ» составляетъ совершенную противоположность «Одѣ на взятіе Хотина»: но какъ между Ломоносовымъ и Лермонтовымъ найдется связь, если мы будемъ изучать писателей, бывшихъ имъ посредниками: нѣтъ нигдѣ перерыва или пробѣла, всякій новый шагъ впередъ основывается на предъидущемъ, такъ и критика Бѣлинскаго развивалась совершенно послѣдовательно и постепенно: статьи объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» противоположна статьѣ о «Выбранныхъ мѣстахъ», потому что онѣ составляютъ двѣ крайнія точки пути, пройденнаго критикою Бѣлинскаго; но если мы будемъ перечитывать его статьи въ хронологическомъ порядкѣ, мы нигдѣ не замѣтимъ крутого перелома или перерыва: каждая послѣдующая статья очень тѣсно примыкаетъ къ предъидущей, и прогрессъ совершается, при всей своей огромности, постепенно и совершенно логически ¹⁾.

Годичные обзоры русской литературы, которые постоянно дѣлалъ Бѣлинскій, могутъ служить для насъ соединительными звеньями между первыми статьями и статьями, выразившими зрѣлыя и окончательныя его убѣжденія.

Обозрѣніе за 1840 годъ («Отеч. Зап.» 1841 г., № 1) начинается размышленіемъ о чрезвычайной бѣдности нашей литературы—мысль, которую внушена была первая изъ большихъ статей Бѣлинскаго — «Литературныя Мечтанія», напечатанная въ «Молвѣ». Но сознаніе этой бѣдности уже не вселяетъ въ Бѣлинскаго безнадёжности: сознаніе недостатка есть уже залогъ его исправленія. Бѣлинскій вспоминаетъ о томъ, какъ «лѣтъ шесть тому назадъ» было высказано сомнѣніе въ существованіи русской литературы, и, кратко

¹⁾ «Чужое, навѣтъ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить, ни въ литературѣ, ни въ жизни, отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него современнѣе, какъ пища, навѣтъ принимаемая человѣкомъ, перерождается въ его кровь и плоть и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣлалось съ Россіею, созданною Петромъ, в русскую литературу, созданною Ломоносовымъ: но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ нами—это историческій фактъ, истина фактически-очевидная. Сравните басни Крылова, комедіи Грибоедова, произведенія Пушкина, Лермонтова и, въ особенности, Гоголя, — сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между нами ничего общаго, никакой связи. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою, дѣйствительно, нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнить ихъ, какъ двѣ крайности: но между ними сейчасъ же явятся передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ русскихъ писателей отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя > безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ живнью, съ дѣйствительностію, слѣдовательно, сдѣлаться самобытною, національною, русскою». — («Соврем.» 1847. № 1, крит. стр. 3—4).

пересказавъ годовой обзоръ своихъ «Литературныхъ Мечтаній» (что и было нужно, потону что статья была мало извѣстна, а въ исторіи развитіи понятій о литературѣ было важнымъ фактомъ), останавливается на объясненіи того, что называется литературою, и доходить до заключенія, что у насъ есть только начало литературы. Для существованія литературы необходима публика. Онъ опять объясняетъ, что такое публика: это масса людей развитыхъ, сильно сочувствующихъ литературѣ, которая выражаетъ ихъ твердыя убѣжденія. У насъ нѣтъ еще и публики, но есть уже начало ея въ немногочисленныхъ образованныхъ людяхъ, которые разбѣяны по Россіи; теперь они еще заслоняются массой неразвитыхъ, но скоро ихъ голосъ пріобрѣтетъ уваженіе въ толпѣ, и тогда увеличится. Далѣе онъ объясняетъ, что такое критика и почему «Отеч. Записокъ» возбуждаетъ недоумѣніе другихъ журналовъ, а также, впрочемъ, мало похожи на журналы. Развитіе этихъ элементарныхъ понятій занимаетъ почти всю статью; въ концѣ ея, не болѣе пяти страницъ удѣлены перечисленію замѣчательныхъ произведеній прошедшаго года.

Въ слѣдующемъ годичномъ обзорѣ (1841 года. «Отеч. Зап.» за 1842 г., № 1) двѣ трети страницъ посвящены обширному очерку исторіи русской литературы отъ Кантемира до Гоголя. Очеркъ этотъ имѣетъ форму разговора г. А. и г. Б.; г. А., выражающій мнѣніи автора, говоритъ много новаго сравнительно съ «Литературными Мечтаніями». Бѣлинскій уже видитъ внутреннюю историческую послѣдовательность въ явленіяхъ нашей литературы; но все-таки содержаніе очерка имѣетъ очень тѣсное родство съ «Литературными Мечтаніями», и общая тема выражается эпиграфомъ, взятымъ изъ Пушкина:

Сокровища родваго слова,
(Замѣтать важные умы)
Для лепетавія чужаго,
Пренебрегли безумно мы,
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
— *Да гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!*

Съ обзоромъ предъидущаго года очеркъ этотъ имѣетъ еще болѣе близости, такъ что можетъ назваться подробнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ страницъ его, которыя кратко исчисляли прежнихъ нашихъ писателей, и заключеніе очерка совершенно могло бы быть заключеніемъ и прошлогодней статьи:

«Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляетъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтснвыхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; ваша литература безъ публики, потону что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій г. Тимофеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлиивскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ гг. Зотова и Воскресевскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и

«Гамлету», и водовилиям г. Коровкина, и «Параше» г. ... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сфѣръ и классовъ общества, они не перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій нашъ классъ, и совершила въ самой же себѣ: ея настоящею публикою была и пишущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ снотворять литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно на непрерывный радъ литературныхъ новостей: что жъ это за литература! Давайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на досугѣ посвятите время между обѣдѣнъ и кофе,—я тогда не на одинъ день останусь въ чтоніи. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ подложками, въ которыхъ и учения—вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, по невогѣ восклицаете, протяжно зѣвая: «Да гдѣ жъ онѣ?—давайте, дайте». Зап.» 1842 г. № 1. Крвт., стр. 37—38).

Но надежды на будущее высказываются рѣшительнѣе. Вотъ въ прошедшемъ году:

«Въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляютъ иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день... Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что, дѣйствительно, надо что нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изыщномъ, съ которыми трудно отъ чего нибудь размахаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь уже всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что приснится ему во снѣ, а то, что есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература теряетъ оттого, что у ней нѣтъ головы; даже ярше таланты поставлены въ какое то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже пѣтъ».

Произведеніямъ минувшаго года посвящено въ три или четыре раза болѣе мѣста, нежели въ прошлый разъ. Журналы оцѣниваются подробно, тонъ, которымъ говорится о нихъ, гораздо живѣе, нежели прежде; тогда Бѣлинскій въ общихъ чертахъ излагалъ свои понятія о недостаткахъ русской журналистики вообще, теперь касается частныхъ достоинствъ и недостатковъ каждаго журнала. О многихъ изъ вышедшихъ въ прошломъ году сочиненіяхъ говорится уже довольно подробно.

Изложивъ въ первыхъ двухъ отчетахъ свой общій взглядъ на русскую литературу, въ третьемъ (за 1842 годъ, «Отечественныя Записки» 1843 г., № 1) Бѣлинскій подробно говоритъ о русской критикѣ и почти исключительно занимается послѣднимъ (стало быть, ииѣющимъ наиболѣе живаго интереса) періодомъ ея—романтическою критикою. До какой степени понятія его близки къ тѣмъ, которыя выражалъ онъ въ предъидущемъ году, можно убѣдиться, сличивъ съ послѣднею изъ приведенныхъ нами выписокъ слѣдующее мѣсто изъ третьяго отчета, заключающее въ себѣ характеристику новой литературы сравнительно съ литературою романтической эпохи:

«Последний период русской литературы, периодъ прозаическій, рѣзко отличается отъ романтическаго... мужественною зрѣлостію. Если хотите, онъ не богатъ числомъ произведеній, но все, что явилось въ немъ посредственнаго и обыкновеннаго, все это не пользовалось нивакимъ успѣхомъ, или имѣло только успѣхъ мгновенный; а все, что выходило изъ ряда обыкновеннаго, ознаменовано печатью зрѣлой и мощной силы, осталось навсегда и въ своемъ торжественномъ, необходимомъ ходѣ, и въ своемъ пріобрѣтая влияніе, прорѣзывало на почвѣ литературы и общества глубокая борозда. Оближеніе съ жизнію, съ дѣйствительностію есть пріятная причина послѣдняго періода нашей литературы. Слово «идеалъ» только теперь пошлое и истинное значеніе. Прежде подъ этимъ словомъ разумѣли что-то въ родѣ *«слушай, да не мѣшай»*—какое-то соединеніе въ одномъ предметѣ идеальныхъ добродѣтелей или всевозможныхъ пороковъ. Если герой романа, такъ ужъ и то красавецъ, и на гитарѣ играетъ чудесно, и поетъ отлично, и стихи сочиняетъ, и вѣдетъ на всякомъ оружіи, и силу имѣетъ необыкновенную:

Когда жъ о честности высокой говорить,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Если же, *«идеалъ»* подходитъ близко: съѣсть, непременно съѣсть васъ живаго, извергъ такой, какого не увидишь и на сценѣ Александринскаго театра, въ драмахъ нашихъ доморощенныхъ трагиковъ... Теперь подъ «идеаломъ» разумѣютъ не преувеличеніе, не ложь, не ребяческую фантазію, а фактъ дѣйствительности, такой, какъ она есть; но фактъ, не списанный съ дѣйствительности, а проведенный черезъ фантазію поэта, озаренный свѣтомъ общаго (а не исключительнаго, частнаго и случайнаго) значенія, возведенный въ *перлъ* созданія, и потому болѣе похожій на самого себя, болѣе вѣрный самому себѣ, нежели самая рабская конія съ дѣйствительности вѣрна своему оригиналу. Такъ, на портретѣ, едкляномъ великимъ живописцемъ, человекъ болѣе похожъ на самого себя, чѣмъ даже на свое отраженіе въ дагерротипѣ, ибо великій живописецъ рѣзкими чертами вывелъ наружу все, что таится внутри того человека и что, можетъ быть, составляетъ тайну для самого этого человека. Теперь дѣйствительность относится къ искусству и литературѣ, какъ почва къ растеніямъ, которыя она возвращаетъ яа своимъ лонѣ».

Литературнымъ явленіямъ минувшаго года посвящена уже половина статьи. 1) «Мертвыхъ Душахъ» Бѣлинскій не хотѣлъ говорить подробно, готовясь писать о нихъ отдѣльную статью; но то, что говоритъ онъ о нихъ, написано съ точки зрѣнія, очень сильно напоминающей разборъ «Ревизора», сдѣланный за три года:

«Какъ мнѣніе публики, такъ и мнѣніе журналовъ о «Мертвыхъ Душахъ» раздѣлились на три стороны: одни видятъ въ этомъ твореніи произведеніе, котораго хуже еще не писывалось ни на одномъ языкѣ человѣческомъ; другіе, наоборотъ, думаютъ, что только Гомеръ да Шекспиръ являются, въ своихъ произведеніяхъ, столь великими, какимъ явился Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ»; третьи (самъ Бѣлинскій) думаютъ, что это произведеніе дѣйствительно великое явленіе въ русской литературѣ, хотя и не идущее, по своему содержанію, ни въ какое сравненіе съ вѣковыми всемірно-историческими твореніями древнихъ и новыхъ литературъ Западной Европы. Кто эти—одни, другіе и третьи, публика знаетъ, и потому мы не имѣемъ нужды никого называть по имени. Всѣ три мнѣнія равно заслуживаютъ большаго вниманія и равно должны подвергаться разсмотрѣнію, ибо каждое изъ нихъ явилось не случайно, а по необходимымъ причинамъ. Какъ въ числѣ изступленныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, и не подозревающіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія, слѣдовательно, и истиннаго величія этого произведенія, такъ и въ числѣ ожесточен-

ных хулителей «Мертвых Душъ» есть люди, которые очень хорошо смеялись над всю огромность поэтического достоинства этого творения. Но когда-то и выходящих из них ожесточеніе. Нѣкоторые сами когда-то тянулись въ хвалу поэтическому безмерію за новостію и дѣтствомъ нашей литературы, они имѣли свои успѣхи, даже могли радоваться и хвалиться, что имѣють поклонниковъ,—и вдругъ, нежданно, непредвидѣнно, совершенно новая сфера творчества, особаго характера искусства, вследствие чего идеальныя и чувствительныя произведенія вдругъ изъываются ребяческою болтовнею, дѣтскими невинными фавеллами. Согласитесь, что такое паденіе, безъ натиска критики, безъ всдоброжелательныхъ сигналовъ, очень очень горько?.. Другіе подвизались на сатирическомъ поприщѣ, не съ елаго, а не безъ выгодъ иного рода; сатиру они считали своей моной, своимъ ремесломъ—искусствомъ имъ принадлежащимъ орудіемъ,—и вдругъ остроты сатиры, какъ и прежде, ни на что не похожи, у нихъ сатиры какъ будто выпали изъ рукъ, и теперь уже не читають, на нихъ не сердятся, они уже стала употреблены на выносокъ аршина для измѣренія бездарности... Что тутъ дѣлать? перестать писать и читать на новый ладъ?—во вѣдь для этого нуженъ талантъ, а талантъ не пучекъ перьевъ... Какъ хотите, а осталось одно: не признавать талантъ, а выводить этого прутаго поворота въ ходъ литературы и во вкусъ публики, у которой талантъ все написанное имъ—взоръ, неаппетитъ, пошлость... Но это не пошлое, а время рѣшило страшный вопросъ—новый талантъ торжествуетъ, молча, но благодаря за хвалы.

«Твореніе, которое возбудило столько толковъ и споровъ, раздѣлило на враговъ и литераторовъ и публику, приобрѣло себѣ и жаркихъ поклонниковъ и ожесточенныхъ враговъ, на долгое время сдѣлалось предметомъ сужденій и споровъ общества,—твореніе, которое прочтено и перечтено не только тѣми людьми, которые читають новую книгу или всякое новое произведеніе, сколько нибудь возбудившее общее вниманіе, но и такими лицами, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты читать стихи и сказочки, гдѣ несчастные любовники соединяются законными узами брака, по предѣлу разныхъ бѣдствій, и въ довольствѣ, почетѣ и счастьи проводить остальное время жизни,—твореніе, которое, въ числѣ почти 3,000 экземпляровъ, все разошлось по какимъ нибудь полгода;—такое твореніе не можетъ не быть неизмѣримо выше всего, что въ состояніи представить современная литература, не можетъ не произвести большого вліянія на литературу». («Отеч. Зап.» 1843 г., № 1. Крит., стр. 13—15).

Бѣлинскаго, какъ видимъ, еще занимаетъ болѣе всего эстетическій вопросъ: действительно ли Гоголь выше всѣхъ нашихъ писателей, и каковы отношенія его къ искусству. Главными причинами вражды отсталыхъ писателей противъ Гоголя онъ находитъ литературные разсчеты и очевидно еще полагаетъ, что отношенія Гоголя къ нашей жизни не такъ сильно возбуждаютъ ненависть отсталыхъ критиковъ, какъ эти разсчеты. Однако же, онъ уже замѣчаетъ, что по поводу «Мертвыхъ Душъ» не только писатели, но публика раздѣлилась на враждебныя партіи, говоритъ, что «Мертвыя Души» вовсе не то, что «сказочки, въ которыхъ несчастные любовники соединяются законными узами брака».

Отвлеченный элементъ кажется все еще силенъ; но прямо за мнѣніемъ «Мертвыхъ Душахъ» слѣдуетъ (стр. 15) отзывъ о собраніи стихотвореній одного изъ нашихъ поэтовъ, который прежними опытами показалъ способностью писать прекрасныя антологическія стихотворенія. Бѣлинскій въ этомъ отзывѣ уже прямо говоритъ, что безъ «живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру» нельзя быть въ наше время замѣчательнымъ поэтомъ.

Очерки исторіи русской литературы, представленные Бѣлинскимъ въ

выхъ двухъ его годичныхъ обзорѣвахъ, останавливались на поэтахъ эпохи Пушкина. Въ четвертомъ обзорѣнп («Русская литература за 1843 годъ». —

Отечественныя Записки» 1844 г., № 1) онъ даетъ очеркъ дѣятельности нашихъ прозаиковъ, явившихся въ послѣднюю половину пушкинскаго періода, потому четвертый отчетъ его является какъ бы продолженіемъ втораго. Сравнивая ихъ, можно найти много параллельныхъ мѣстъ; отъ третьяго отчета четвертый отличается еще меньше, по своему духу. Мы не будемъ представлять принѣровъ тождества въ направленіи того и другаго, довольно того, что мы уже дѣлали это два раза, и каждый желающій легко можетъ къ выпискѣ, приведеннымъ у насъ въ доказательство близости каждаго слѣдующаго отчета съ предъидущимъ, отыскать десятки подобныхъ мѣстъ. Но Гоголь занимаетъ въ четвертомъ обзорѣ болѣе мѣста, нежели все общее обзорѣніе прошедшаго періода прозаической литературы. Мнѣніе, высказанное о немъ Бѣлинскимъ въ предъидущемъ году, сохраняется совершенно; но особенное развитіе получаютъ прежнія краткія замѣчанія о томъ, что «Мертвыя Души» должны имѣть рѣшительное вліяніе на литературу и публику; слово «должны имѣть», конечно, уже замѣняется словомъ «имѣютъ», и къ прежнимъ объясненіямъ негодованія, во многихъ возбужденнаго Гоголемъ, присоединяется новое, на которое въ прошедшемъ году былъ сдѣланъ только легкій намекъ, — теперь же оно является на первомъ планѣ. Эта причина — живость и мѣткость гоголевскаго юмизма:

«Прежде сатира смѣло разгуливала между народомъ среди бѣлаго дня и даже не заботилась объ инкогнито, но прямо и открыто называлась своимъ собственнымъ именемъ, т. е. сати́рою, — и никто не сердился на нее, никто даже не замѣчать ея гримасъ и кривляній. Отчего это? — оттого, что никто не узнавалъ себя въ ней; оттого, что она нападала на пороки общіе, которыхъ всякій имѣетъ полное право не принять на свой счетъ; оттого, что она была книгою, печатною бумагою, невиннымъ школьнымъ упражненіемъ по классу реторики... И давно-ли нравоописательные, нравственно-сатирическіе романы, юмористическія статьи и статейки являлись стаями, какъ вороны на крышахъ домовъ, каркая на проходящихъ во все воронье горло? — и на нихъ никто не сердился, даже какъ сердятся лѣтомъ на довучныхъ мухъ. Сочинитель гордо называлъ себя сатириконтъ, гонителемъ людскихъ пороковъ, — и гонимые люди безъ боязни подходили къ своему гонителю, къ дряхлому, беззубому бульдогу, гладили его по толстой и лоснящейся шеѣ и охотно кормили его избыткомъ своей трапезы. Отчего это? — оттого, что пороки, которые гналъ сатирикъ, были совсѣмъ не пороки, а развѣ отвлеченныя идеи о порокахъ, реторическія тропы и фигуры. Это были своего рода бараны и мельницы, съ которыми храбро и отважно сражался сатирическій донъ-Кихотъ, — такъ же, какъ добродѣтель, за которую онъ ратовалъ, была для него воображаемою Дульцинеею, а для другихъ — толстою, безобразною коровницею. Теперь нѣтъ сатиры, и только развѣ какой-нибудь старый сочинитель рѣшится величаться вышедшимъ изъ моды именемъ «сатирика»: теперь пишутся романы и повѣсти, безъ всякихъ сатирическихъ намѣреній и цѣлей, — а, между тѣмъ, всѣ на нихъ сердятся. Отчего же это? — оттого, что теперь и великіе и малые таланты, и посредственность и бездарность — всѣ стремятся изображать дѣйствительныхъ, не воображаемыхъ людей; но такъ какъ дѣйствительные люди обитаютъ на землѣ и въ обществѣ, а не на воздухѣ, не въ облакахъ, гдѣ живутъ призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вмѣстѣ съ людьми изображаютъ и общество. Общество также — нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д. Человѣкъ, живущій въ обществѣ, зависитъ отъ него и въ образѣ мыслей и въ образѣ его дѣйствованій. Писатели нашего времени не могутъ не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая чело-

вѣка, они стараются вникать въ причины, отчего онъ таковъ или не таковъ, и т. д. Вслѣдствіе этого, естественно, они изображаютъ не частныя достоинства или недостатки, свойственные тону или другому лицу, отдѣльно взятому, во явленія общія. Большинство же публики именно тамъ-то и видитъ личности, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Препже такъ называемые сатирики именно списывали съ извѣстныхъ имъ лицъ и казались въ глазахъ всѣхъ не подлежащими упреку въ личностяхъ. И это очень понятно: сами оригиналы не узнавали себя въ снятыхъ съ нихъ копѣяхъ, потому что сатирика не могли печатно касаться обстоятельствъ того или другого лица и ограничивались общими чертами пороковъ, слабостей и странностей, которыя, будучи *отвлечены* отъ живой личности, превращалась въ образы безъ лицъ. Притомъ же, эти *сатирики* свотрѣли на пороки и слабости людей, какъ на что-то принадлежащее тону или другому индивидуальному лицу, какъ на что-то произвольное, что это лицо могло имѣть и не имѣть по своей волѣ и что пріобрѣсти или отчего избавиться оно легко могло по прочтеніи убѣдительной сатиры, гдѣ ясно, по пальцамъ, доказана выгода и сладость добродѣтели и опасныя, пагубныя слѣдствія порока. Вотъ почему эти добрые сатирики брали челоуѣка, не обращая вниманія на его воспитаніе, на его отношенія къ обществу, и тормозили на досугъ это созданное ихъ воображеніемъ чучело. Въ основаніе своего сатирическаго донъ-кихотства они положили общественную нравственность, добродушно не подозрѣвая того, что ихъ сатиры, опирающіяся на общественность, ужасно противорѣчили этой нравственности. Такъ, напримѣръ, въ числѣ первыхъ добродѣтелей они полагали безусловное повиновеніе родительской власти и въ то же время толковали юношеству, что бракъ по расчету—дѣло безнравственное, что низкопоклонство, лезть изъ выгоды, взяточничество и казнокрадство—тоже дѣла безнравственныя. Очень хорошо: во что же иному юношѣ дѣлать, если онъ съ малолѣтства, почти съ материнскимъ молокомъ, всосалъ въ себя мистическое благоговѣніе къ доходнымъ должностямъ, теплымъ мѣстамъ, къ значительности въ обществѣ, къ богатству, къ хорошей партіи, блестящей карьерѣ; если его младенческій слухъ былъ оглушенъ не словами любви, чести, самоотверженія, истины, а словами: *взялъ, получилъ, пріобрѣлъ, надулъ* и т. п.? Положимъ, что *такому* юношѣ природа не отказала въ человѣческихъ чувствахъ и стремленіяхъ; положимъ, что въ немъ пробудилась любовь къ достойной, но бѣдной, простаго званія дѣвушкѣ,—любовь, запрещающая ему соединиться съ противнымъ сну богатою дуру, на которой, по расчетамъ, прикавываютъ ему жениться; положимъ, что въ юношѣ пробудилось человѣческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту или чиповному негодю; положимъ, что въ немъ пробудилась совѣсть, запрещающая употреблять во зло вѣренныя ему высшею властію вѣсы правосудія в расхищать вѣрныя его безкорыстію общественныя суммы: что ему тутъ дѣлать? Сатирикъ не затруднится отъ такого вопроса и, не задумавшись, отвѣтитъ: «жениться на предметъ любви своей, служить честно и вѣрно отечеству»... Прекрасно; но гдѣ же повиновеніе родительской власти, гдѣ уваженіе къ родительскому благословенію, на вѣки нерушиму, гдѣ страхъ тяжкаго отцовскаго проклятiя?.. И потомъ, гдѣ уваженіе къ общественному мнѣнію, къ общественной нравственности? Вѣдь общество не спрашиваетъ васъ, по любви или не по любви женились вы, а спрашиваетъ, сколько вы взяли за женою, и приличная-ли она вамъ партія, общество не спрашиваетъ васъ, какимъ образомъ сдѣлались вы богачемъ, когда ему извѣстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ ни копѣйки, а за супругою вы взяли не Богъ знаетъ что, или и вовсе ничего не взяли: общество знаетъ только, что вы богачъ, и *потому* считаетъ васъ очень хорошимъ—«благодѣтельнымъ» челоуѣкомъ... Послушайся вашъ юноша сатирика, что бы вышло?—отедъ его бросилъ бы, жалуюсь на неповиновеніе и презрѣніе къ его власти, потомъ онъ промѣлъ бы, съ женою и дѣтми, черезъ всѣ мытарства, черезъ всѣ уваженія голодной, неопрятной, оборванной бѣдности; видѣлъ бы къ себѣ презрѣвіе общества, а за свою правоту, за свое безкорыстіе былъ бы ваклейменъ отъ всѣхъ страшными названіями безпокойнаго, оаснаго и «неблагодѣтельнаго» челоуѣка, вольнодумца, и проч., и проч. И неужели вы, «благодѣтельные» сатирики, бросите въ него камень осужденія, если, истощись и обезсилѣвъ въ тяжелой и безплодной борьбѣ, онъ дойдетъ до страшнаго убѣжденія, что его бѣдность, его несчастія—необходимыя слѣд-

ствія отцовскаго гнѣва, заслуженная кара за презрѣніе общественнаго мнѣнія и общественной нравственности?.. Но, къ счастью или въ несчастію,—не знаемъ, право—такіе случаи весьма рѣдки, какъ исключенія изъ общаго правила. По большей части бываетъ такъ: юноша не долго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между «завиральными идеями» о безкорыстіи и правотѣ и уваженіемъ общества: онъ женится на комъ прикажутъ дрожайшіе родители, живетъ съ женою, какъ всѣ, т. е. прилично содержать ее, воспитываетъ дѣтей своихъ, какъ всѣ, т. е. прилично кормить и одѣваетъ ихъ, учить по французски и тавповать, а послѣ этого перваго в важнѣйшаго періода воспитанія отдастъ въ учебное заведеніе, потомъ выгодно пристроиваетъ въ службу, выгодно женить (или выдастъ замужъ) и, умирая, отказывается имъ «благопріобрѣтенное» по службѣ имѣніе. И что же? Въ началѣ его поприща всѣ превозносятъ его, какъ почтительнаго сына, въ концѣ поприща—какъ нѣжнаго супруга, примѣрнаго отца, «благодѣтельнаго» чиновника, и заключаютъ такъ: «вотъ что значитъ уваженіе къ общественной нравственности! вотъ что значитъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое!» Итакъ, нашъ «благодѣтельный» сатирикъ, бичъ пороковъ, самымъ нелѣпнымъ образомъ противорѣчилъ самому себѣ: поставивъ выше всѣхъ добродѣтелей повиновеніе не Богу, не истинѣ, а эгоистическимъ расчетамъ, онъ въ то же время училъ юношу слѣдовать свободному выбору сердца, какъ знаменію благословенія Божія, и запрещалъ ему торговать священнѣйшими склонностями своей души; поставивъ выше всякой награды любовь и уваженіе общества, онъ въ то же время училъ юношу оскорблять основныя правила этого самаго общества... Впрочемъ, онъ это дѣлалъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, и потому его сатиры не производили никакихъ слѣдствій».

Надобно обратить вниманіе особенно на послѣднюю половину этого отрывка: она написана въ духѣ совершенной положительности.

Общая часть пятаго обозрѣнія («Отечественныя Записки» 1845 г., № 1) представляетъ сводъ того, что было говорено во второмъ и четвертомъ. Она можетъ казаться чистымъ повтореніемъ сказаннаго Бѣлинскимъ въ первыхъ трехъ обозрѣніяхъ; но кто внимательнѣе всмотрится въ эти очень сходныя мысли, замѣтитъ значительную разницу между понятіями, какія имѣлъ Бѣлинскій въ 1842, и какія имѣлъ онъ въ 1845. Труднѣе замѣтитъ различіе между 1844 и 1845 годами; но и тутъ есть движеніе впередъ. Чтобы показать его въ примѣрѣ, возьмемъ на удачу, приводимъ самое начало пятаго обозрѣнія:

«Вотъ уже пятое обозрѣніе годоваго бюджета русской литературы представляемъ мы вамъ читателямъ. Обязавшись передъ публикою быть вѣрнымъ зеркаломъ русской литературы, постоянно отдавая отчетъ во всякой вновь выходящей въ Россіи книгѣ, во всякомъ литературномъ явленіи, «Отечественныя Записки» не вполне исполнили бы свое ваззачевіе—быть полвою и подробною лѣтописью движенія русскаго слова, еслибы не вѣдали себѣ въ обязанность этихъ годовыхъ обозрѣній, въ которыхъ обо всемъ, о чемъ въ продолженіе цѣлаго года говорилось, какъ о настоящемъ, говорится какъ о прошедшемъ, и въ которыхъ всѣ отдѣльныя и разнообразныя явленія цѣлаго года подводятся подъ одну точку зрѣнія. Не ставимъ себѣ этого въ особенную заслугу, потому что видимъ въ этомъ только должное выполненіе добровольно принятой на себя обязанности; но не можемъ не замѣтить, что подобная обязанность довольно тяжела. Читатели наши знаютъ, что большая часть этихъ годовыхъ обозрѣній постоянно наполнялась разсужденіями вообще о русской литературѣ и, слѣдовательно, о всѣхъ русскіхъ писателяхъ, отъ Кантемира и Ломоносова до настоящей минуты; а взглядъ на приспособленіе литературы—главный предметъ статьи, всегда занималъ ея меньшую часть. Подобныя отступленія отъ главнаго предмета необходимы по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что настоящее объясняется только прошедшемъ, и потому, что

по поводу цѣлой русской литературы еще можно написать не одну, а даже и нѣсколько статей, болѣе или менѣе интересныхъ; но о русской литературѣ за тотъ или другой годъ, право, не о ченъ слишкомъ много или слишкомъ интересно разговаривать. И это-то составляетъ особенную трудность подобныхъ статей. Легко пересчитывать богатства истинныя или нинныя, много можно говорить о нихъ; но что сказать о бѣдности, близкой къ нищетѣ? Да, о совершенной нищетѣ, потому что теперь нѣтъ уже и нинныхъ, воображаемыхъ богатствъ. А, между тѣмъ, о ченъ же говорить журналу, если ему уже нечего говорить о литературѣ? Вѣдь у насъ литература составляетъ единственный интересъ, доступный публикѣ, если не упоминать о профорансѣ, говоря о нинногихъ, неключительныхъ и какъ бы случайныхъ ея интересахъ. Итакъ, будемъ же говорить о литературѣ,—и если, читатели, этотъ предметъ уже кажется вамъ нѣсколько истощеннымъ и слишкомъ часто истощаемымъ, если толки о немъ уже доставляютъ вамъ только то магнитическое удовольствіе, которое такъ близко къ усыпленію, — поздравляемъ васъ съ прогрессомъ и пользуемся случаемъ увѣрить васъ, что мы, въ свою очередь, совѣмъ не чужды этого прогресса, и что, въ этомъ отношеніи, вы не правы, если вздумаете упрекнуть насъ въ отсталости отъ духа-времени и въ наивной запоздалости касательно его интересовъ... Еще разъ: будемъ разсуждать о русской литературѣ—предметъ я новый и любопытный»... («Отечественныя Записки» 1845 г., № 1, стр. 1—2).

Эта иронія, съ которою говоритъ Бѣлинскій о своихъ обзорѣніяхъ, о своей обязанности критика,—чувство, совершенно различное отъ сарказма, съ которымъ онъ говорилъ въ 1841 году о русской литературѣ, самъ будучи совершенно доволенъ тѣмъ, что изболѣваетъ эту бѣдность. Теперь онъ груститъ уже не о бѣдности русской литературы: ему грустно, что надобно разсуждать объ этой литературѣ; онъ чувствуетъ, что границы литературныхъ вопросовъ тѣсны, онъ тоскуетъ въ своемъ кабинетѣ, подобно Фаусту: ему тѣсно въ этихъ стѣнахъ, уставленныхъ книгами,—все равно, хорошими или дурными; ему нужна жизнь, а не толки о достоинствахъ поэмъ Пушкина или недостаткахъ повѣстей Марлинскаго и Полеваго.

И дѣйствительно: главный предметъ его статьи—стихотворенія Языкова и г. Хомякова, которыя привлекли его вниманіе вовсе не по эстетическимъ соображеніямъ: нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, опасаться, что наши поэты станутъ образцы художественности видѣть не въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова, а въ стихотвореніяхъ Языкова и г. Хомякова, и начать подражать ихъ манерѣ; этой опасности вовсе не предвидѣлось, но важно было отношеніе стихотвореній Языкова и г. Хомякова къ нашей жизни.

Неудовлетворительность литературныхъ вопросовъ для Бѣлинскаго отразилась въ слѣдующемъ году и на самомъ объемѣ его обзора: шестой отчетъ его («Отечественныя Записки» 1846 г., № 1) очень коротокъ въ сравненіи съ предыдущими. Въ главныхъ частяхъ своихъ, онъ представляетъ развитіе нѣкоторыхъ страницъ предыдущаго обзорѣнія, говорившихъ, что только та мысль можетъ назваться мыслью, которая имѣетъ тѣсное родство съ жизнью. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ, тѣсную связь котораго съ предыдущимъ обзорѣніемъ легко замѣтитъ каждый читатель.

«Въ наше время,—говоритъ Бѣлинскій,—особенно много людей, мечтающихъ и разсуждающихъ, о которыхъ, впрочемъ, не всегда можно сказать, чтобы они были въ то же время и мыслящими людьми. Не жить, но мечтать и разсуждать о жизни—вотъ въ чемъ заключается ихъ жизнь.—

«Между этими «романтиками» бывают люди умные, даже очень, хотя и безплюдно умные. Они толкуют не о чувствах и не о себѣ только: они разсуждаютъ вообще о жизни. Стремленіе весьма похвальное, когда оно имѣетъ прочную основу, практическій характеръ! Но романтики вообще враги всего пракческаго, которое они, съ презрѣніемъ отдали на долю «толпы», не понимая въ своемъ ослѣплѣніи, что всякій гений, всякій великій дѣятель есть человѣкъ практическій, хотя бы онъ дѣйствовалъ даже въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Разладъ съ дѣйствительностію—болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, по поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее, какъ только на то, чтобъ разеуждать о жизни, которой онъ никогда не зналъ, никогда не извѣдалъ. Толпа живетъ, не мысля, и оттого живетъ пошло; но мыслить, не живя—развѣ это лучше? развѣ это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

«Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза: «надо дѣлать»! И, между тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во что бы вы нарядились романтикъ, онъ все останется романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими руками начали хвататься за маски и костюмы,—и вышелъ пестрый маскарадъ, гдѣ на одинъ вечеръ такъ легко быть чѣмъ угодно—и туркомъ, и жидомъ, и рыцаремъ. Нѣкоторые, говорить, не шутя надѣли на себя терликъ, охабень и шапку мурмолку; болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходить дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ—все же историческій костюмъ! Назвались они «партіями» и думаютъ, что дѣлать значить—разеуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они—удивительные люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродитъ во тѣмѣ.

«Во всемъ этомъ видно одно: стремленіе жить мимо жизни, глубокій внутренній разладъ съ дѣйствительностію». («Отечественныя Записки» 1846 г., № 1. Критика, стр. 3—4).

«Взглядъ на русскую литературу 1846 года» былъ помѣщенъ уже не въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ первые шесть годичныхъ обзоровъ, а въ «Современникѣ». На этомъ внѣшнемъ раздѣлѣ дѣятельности Бѣлинскаго мы и остановимся теперь, потому что въ развитіи его съ 1841 года нельзя найти внутреннихъ крутыхъ поворотовъ, по которымъ можно было бы точно опредѣлить границы между двумя періодами его самостоятельной дѣятельности, указанными въ началѣ нашей статьи.

П р и л о ж е н и е.

Отрывки изъ послѣдней статьи Бѣлинскаго: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года». («Современникъ» 1848 г., №№ 1 и 3).

«Остается упомянуть еще о нападкахъ на современную литературу и на натурализмъ вообще съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себя цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей. Въ этой мысли есть основаніе; но ея преувеличенность замѣтна съ перваго взгляда. Мысль эта чисто нѣмецкаго происхожденія; она могла родиться только у народа созерцательнаго, мыслящаго и мечтающаго, и никакъ не могла бы явиться у народа практическаго, общественнаго котораго для всѣхъ и cadaго представляетъ широкое поле для живой дѣятельности. Что такое чистое искусство, этого хорошо не знаютъ сами поборники его, и оттого оно является у нѣтъ какимъ-то идеаломъ, а не существуетъ фактически. Оно въ сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, т. е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, сухаго, мертваго, котораго произведенія не иное что, какъ реторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи, въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что можно замѣтить въ немъ, это развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное. Когда въ романѣ или повѣсти вѣтъ образовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего *типическаго*,—какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго. Лица будутъ перемѣшиваться между собою въ его глазахъ; въ разсказѣ онъ увидитъ путаницу непонятныхъ происшествій. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать вѣрно съ натуры, мало умѣть писать, т. е. владѣть искусствомъ писца или писаря; вадобно умѣть явленія дѣйствительности провести черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь. Хорошо и вѣрно изложенное слѣдственное дѣло, имѣющее романичѣеіи интересъ, не есть романъ, и можетъ служить развѣ только матеріаломъ для романа, т. е. подать поэту поводъ написать романъ. Но для этого онъ долженъ проникнуть мыслию во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевыя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ цѣвтръ этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то сдѣлаваго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только поэтъ. Кажется, чего бы легче было вѣрно писать портретъ человѣка? И иной цѣлый вѣкъ упражняется въ этомъ родѣ живописи, а все не можетъ списать знакомаго ему лица такъ, чтобы и другіе узнали, чей это портретъ. Умѣть списать вѣрно портретъ есть уже своего рода талантъ; во этимъ не оканчивается все. Обыкновенный живописецъ сдѣлать очень сходно портретъ вашего знакомаго; сходство не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ смыслѣ, что вы не можете не узвать сразу, чей это портретъ, а все какъ-то недовольны имъ, вамъ кажется, будто онъ и похожъ на свой оригиналъ и не похожъ на него. Но пусть съ него же сниметъ портретъ Тырановъ или Брюловъ—и вамъ покажется, что зеркало далеко не такъ вѣрно повторяетъ образъ вашего знакомаго, какъ этотъ портретъ, потому что это будетъ уже не только портретъ, во и художественное произведеніе, въ которомъ схвачено не одно внѣшнее сходство, но вѣ душа оригинала. Итакъ, вѣрно списывать съ дѣйствительности мо-

жесть только талант, и какъ бы ни ничтожно было произведеніе въ другихъ отношеніяхъ, но тѣмъ болѣе оно поражаетъ вѣрностію натурѣ, тѣмъ несомнѣннѣе талантъ его автора. Что не все должно оканчиваться вѣрностію натурѣ, особенно въ поэзіи, — это другой вопросъ. Въ живописи, по свойству и сущности этого искусства, одво умѣнье вѣрно писать съ натуры можетъ служить часто признакомъ необыкновеннаго таланта. Въ поэзіи это не совсѣмъ такъ: не умѣя вѣрно писать съ натуры, нельзя быть поэтомъ, но и одного этого умѣнья тоже мало, чтобъ быть поэтомъ, по крайней мѣрѣ, замѣчательнымъ.

«Но, воплиъ признавая, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о законѣ-то чистомъ, отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющей ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь раздѣляется и подраздѣляется на множество сторонъ, имѣющихъ свою самостоятельность; но эти стороны сливаются одна съ другою живымъ образомъ, и нѣтъ между ними рѣзвой раздѣляющей ихъ черты. Какъ ни дробите жизнь, она всегда едина и цѣльна. Говорятъ: для науки нуженъ умъ и разеудокъ, для творчества—фантазія, и думаютъ, что этимъ порѣнили дѣло начисто, такъ что хоть сдавай его въ архивъ. А для искусства ненужно ума и разсудка? А ученый можетъ обойтись безъ фантазіи? Неправда! Истина въ томъ, что въ искусствѣ фантазіи играетъ самую дѣятельную и первенствующую роль; а въ наукѣ—умъ и разеудокъ. Бываютъ, конечно, произведенія поэзіи, въ которыхъ ничего не видно, кромѣ сильной блестящей фантазіи; но это вовсе не общее правило для художественныхъ произведеній. Въ твореніяхъ Шекспира не знаемъ, чему болыне дивиться—богатству ли творческой фантазіи, или богатству всеобъемляющаго ума. Есть роды учености, которые не только не трсбуютъ фантазіи, въ которыхъ эта способность могла бы только вредить; но нивакъ этого нельзя сказать объ учености вообще. Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ бы вновь созданный міръ; можетъ ли же оно быть какою-то одинокою, изолированою отъ всѣхъ чуждыхъ ему явленій дѣятельностію? Можетъ ли поэтъ не отразиться въ своемъ произведеніи, какъ человѣкъ, какъ характеръ, какъ натура. — словомъ, какъ личность? Разумѣется, нѣтъ, потому что и самая способность изображать явленія дѣйствительности безъ всякаго отношенія къ самому себѣ—есть опять-таки выраженіе натуры поэта. Но и эта способность имѣетъ свои границы. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ также равнодушенъ къ изображенному имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ. Въ романахъ Вальтера Скотта невозможно не увидѣть яъ авторѣ человѣка болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели созвательно-нирокимъ попвманіемъ жвзви, тори, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что нибудь безусловное, особостоящее, нѣтъ всякихъ явленій извнѣ. Поэтъ прежде всего—человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ. Шекспиръ былъ поэтомъ *старой и веселой* Англіи, которая, впродолженіе вемногихъ лѣтъ, вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движеніе имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти. Изъ этого видно, что родился онъ десятилѣтіями двумя позже, гений его остался бы тотъ же, во характеръ его произведеній былъ бы другой. Поэзія Мильтона явно произведеніе его эпохи: самъ того не подозрѣвая, онъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апоееозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совершенно другое. Такъ сильно дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ.

«Въ наше время, искусство и литература больше, тѣмъ когда либо прежде сдѣлались вырженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общіе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе. сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему. Такъ самые гениальныы поэты, увлекааясь ршеніемъ общественныхъ вопросовъ, удерживаютъ иногда теперь публику со-

чиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или, по крайней мѣрѣ, обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянuto, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда: *Le Meunier d'Angibault*, *Le Pêché de Monsieur Antoine*, *Isidore*. Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а оттого, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утоніею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ характерами возможными, съ лицами, всѣмъ знакомыми онъ являлъ характеры фантастическіе, лица вебывалыя, и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное заслонилось неестественнымъ, поэзія смѣшалась съ реторикою. Но изъ этого еще нѣтъ причины вопить о паденіи искусства: тотъ же Жоржъ Сандъ послѣ *Le Meunier d'Angibault* написалъ *Теверино*, а послѣ *Изидоры* и *Le Pêché de Monsieur Antoine* — *Лукрецію Флоріанни*. Порча искусства вслѣдствіе вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ могла бы скорѣе обнаружиться на талантахъ низшей степени; но и тутъ она обнаруживается только въ неумѣнніи отличать существующее отъ небывалаго, возможное отъ невозможнаго, и еще болѣе—въ страсти къ мелодрамѣ, къ натянутымъ эффектамъ. Что особенно хорошо въ романахъ Евгѣніа Сю? — вѣрныя картины современнаго общества, въ которыхъ больше всего видно вліяніе современныхъ вопросовъ. А что составляетъ ихъ слабую сторону, портитъ ихъ до того, что отбиваетъ всякую охоту читать ихъ? — Преувеличенія, мелодрама, эффекты, небывалые характеры въ родѣ принца Родольфа,—словомъ, все ложное, неестественное, ненатуральное,—а все это выходитъ отнюдь не изъ вліянія современныхъ вопросовъ, а изъ недостатка таланта, котораго хватаетъ только на частности, и никогда на цѣлое произведеніе. Съ другой стороны, мы можемъ указать на романы Диккенса, которые такъ глубоко проникнуты задушевными симпатіями нашего времени, и которымъ это нисколько не мѣшаетъ быть превосходными художественными произведеніями.

«Мы сказали, что чистаго, отрѣшеннаго, безусловно, или, какъ говорить философы, *абсолютнаго* искусства никогда и нигдѣ не бывало. Если нѣчто подобное можно допустить, такъ это развѣ художественныя произведенія тѣхъ эпохъ, въ которыя искусство было главнымъ интересомъ, исключительно занимавшимъ образованнѣйшую часть общества. Таковы, напримѣръ, произведенія живописи итальянскихъ нѣколѣ въ XVI столѣтіи. Ихъ содержаніе, повидимому, преимущественно релігіозное; но это болѣею частію миражъ, и на самомъ дѣлѣ предметъ этой живописи—красота какъ красота, болѣе въ пластическомъ или класическомъ, нежели въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, мадонну Рафаэля, этотъ *chef d'oeuvre* итальянской жизни XVI вѣка. Кто не помнитъ статьи Жуковскаго объ этомъ дивномъ произведеніи, кто съ молодыхъ лѣтъ не составилъ себѣ о немъ понятія по этой статьѣ? Кто, стало быть, не былъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ, что это произведеніе по превосходству романтическое, что лицо мадонны — высочайшій идеалъ той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцанію, и то въ рѣдніи мгновенія чистаго восторженнаго вдохновенія?... Авторъ предлагаемой статьи недавно видѣлъ эту картину. Не будучи знатокомъ живописи, онъ не позволялъ бы себѣ говорить объ этой удивительной картинѣ съ цѣлю опредѣлить ея значеніе и степенъ ея достоинства; но какъ дѣло идетъ только о его личномъ впечатлѣніи и о романтическомъ или не о романтическомъ характерѣ картины, то онъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ на этотъ счетъ нѣсколько словъ. Статьи Жуковскаго онъ не читалъ уже давно, можетъ быть болѣе десяти лѣтъ, но какъ до того времени онъ читалъ и перечитывалъ ее со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, со всею вѣрою молодости, и зналъ ее почти наизусть, то и подошелъ въ знаменитой картинѣ съ оживленіемъ уже извѣстнаго впечатлѣнія. Долго смотрѣлъ онъ на нее, оставлялъ, обращался къ другимъ картинамъ и снова подходилъ въ ней. Какъ ни мало знаетъ онъ толку въ живописи, но первое впечатлѣніе его было рѣшительно и опредѣленно въ одномъ отношеніи: онъ тотчасъ же почувствовалъ, что послѣ этой картины трудно понять достоинства другихъ и заинтересоваться ими. Два раза былъ онъ въ Дрезденской галлерей и въ

оба видѣлъ только эту картину, даже когда съотрѣлъ на другія и когда ви на что не смотрѣлъ. И теперь, когда нв вспомнить овъ о ней, она словно стоитъ передъ его глазами, и память почти замѣняетъ дѣйствительность. Но тѣмъ долѣе а пристальнѣе всматривался онъ въ эту картину, тѣмъ больше думалъ тогда и послѣ, тѣмъ больше убѣждался, что мадонна Рафаэля и мадонна, описанная Жуковскимъ подъ именемъ рафаэлевой,—дѣтъ совершенно различныя картины, ве имѣющія между собою ничего общаго, ничего сходяго. Мадонна Рафаэля — фигура строго классическая в нисколько не романтическая. Лицо ея выражаетъ ту красоту, которая существуетъ самостоительно, не заимствуя своего очарованія отъ какого нибудь нравственнаго выраженія въ лицѣ. На этомъ лицѣ; напротивъ, ничего нельзя прочесть. Лицо мадонны, равно и вся ея фигура, исполнены невыразимаго благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознаниемъ и своего высокаго сана я своего личнаго достоинства. Въ ея взорѣ есть что-то строгое, сдержанное, нѣтъ благодати и милости, во нѣтъ гордости, презрѣнія, а вмѣсто всего этого какое-то незабывающее своего величія нисхождение. Это какъ бы сказать—*idéal sublime du comme il faut*. Но ни тѣни неуловимаго, таинственнаго, туманнаго, мерцающаго,—словомъ, романтическаго; напротивъ, во всемъ такая отчетливая, ясная опредѣленность, оконченность, такая строгая правильность и вѣрность очертаній и вмѣстѣ съ этимъ такое благородство, изящество кисти! Религиозное созерцаніе выразилось въ этой картинѣ только въ лицѣ божественнаго младенца, но созерцаніе, исключительно свойственное только католицизму того времени. Въ положеніи младенца, въ протянутыхъ къ предстоящимъ (разумѣю зрителей картины) рукахъ, въ расширенныхъ зрачкахъ глазъ его видны гнѣвъ и угроза, а въ приподнятой нижней губѣ горделивое презрѣніе. Это не Богъ прощенія и милости, не искупительный агнецъ за грѣхи міра,—это Богъ судящій и карающій... Изъ этого видно, что и въ фигурѣ младенца нѣтъ ничего романтическаго; напротивъ, его выраженіе такъ просто и опредѣленно, такъ уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что видишь. Развѣ только въ лицахъ ангеловъ, отличающихся необыкновеннымъ выраженіемъ разумности и задумчиво созерцающихъ явленіе Божества, можно найти что нибудь романтическое.

«Всего естественнѣе искать такъ называемаго чистаго искусства у грековъ. Дѣйствительно, красота, составляющая существенный элементъ искусства, была едва-ли не преобладающимъ элементомъ жизни этого народа. Оттого искусство его ближе всякаго другаго къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства. Но, тѣмъ не менѣе, красота въ немъ была больше существенною формою всякаго содержанія, нежели самимъ содержаніемъ. Содержаніе же ему давали и религія и гражданская жизнь, но только всегда подъ очевиднымъ преобладаніемъ красоты. Стало быть, и самое греческое искусство только ближе другихъ къ идеалу абсолютнаго искусства, но нельзя назвать его абсолютнымъ, т. е. независящимъ отъ другихъ сторонъ національной жизни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободного, чистаго искусства; но это одво изъ самыхъ неудачныхъ указаній. Что Шекспиръ величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, нисстоимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое далеко оттого, чтобы принадлежать одной поэзіи. Вообще характеръ новаго искусства—перевѣсъ важности содержанія надъ важностью формы, тогда какъ характеръ древняго искусства—равновѣсіе содержанія и формы. Ссылка на Гёте еще неудачнѣе, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажемъ это двумя примѣрами. Въ «Современникѣ» прошлаго года напечатанъ былъ переводъ гетеваго романа «Wahlverwandtschaften», о которомъ и на Руси было иногда толковано нечотно; въ Германіи же онъ пользуется страшнымъ почетомъ, о немъ написаны тамъ горы статей и цѣлыя книги. Не знаемъ, до какой степени понравился онъ русской публикѣ, и даже поправился-ли онъ ей: наше дѣло было познакомить ее съ замѣчательнымъ произведешемъ великаго поэта. Мы даже думаемъ, что романъ этотъ больше удивилъ нашу публику, нежели понравился ей. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ многому можно удивиться! Дѣвушка переписываетъ

отчеты по управленію виѣшенъ; герой романа замѣчаетъ, что въ ея копіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше почеркъ ея становится похожъ на его почеркъ. «Ты любишь меня!» восклицаетъ онъ, бросаясь ей въ шею. Повторяемъ: такая черта не одной нашей, но и всякой другой публикѣ не можетъ не показаться странною. По для нѣмцевъ она нисколько не странна, потому что это черта нѣмецкой жизни, вѣрно схваченная. Такихъ чертъ въ этомъ романѣ найдется довольно; многіе сочтутъ, пожалуй, в весь романъ не за что иное, какъ за такую черту... Не значить ли это, что романъ Гёте написанъ до того подъ вліяніемъ нѣмецкой общественности, что виѣ Германіи онъ кажется чѣмъ-то странно-необыкновеннымъ? Но *Фаустъ* Гёте, конечно, вездѣ—великое созданіе. На него въ особенности любятъ указывать какъ на образецъ чистаго искусства, не подчиняющагося ничему, кромѣ общественныхъ, одному ему свойственныхъ законовъ. И, однакожъ—не въ осудъ будь сказано почтеннымъ рыцарямъ чистаго искусства—*Фаустъ* есть полное отраженіе всей жизни современнаго ему нѣмецкаго общества. Въ немъ выразилось все философское движеніе Германіи въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Не даромъ послѣдователи шволы Гегеля цитовали безпрестанно, въ своихъ лекціяхъ и философскихъ трактатахъ, стихи изъ *Фауста*. Не даромъ также, во второй части *Фауста*, Гете безпрестанно впадалъ въ аллегорію, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Гдѣ жъ тутъ чистое искусство?

«Мы видѣли, что я греческое искусство только ближе всякаго другого къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства, но не осуществляеть его вполне, что же касается до новѣйшаго искусства, оно всегда было далеко отъ этого идеала, а въ настоящее время еще больше отдалѣлось отъ него; но это-то и составляетъ его силу. Собственно художественный интересъ не могъ не уступить мѣста другимъ важнѣйшимъ для чело-вѣчества интересамъ, и искусство благородно взялось служить имъ, въ качествѣ ить органа. Но отъ этого оно нисколько не перестало быть искусствомъ, а только получило новый характеръ. Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ, значить не возвышать, а унижать его, потому что это значить лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какаго-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ дѣтвицевъ. Это значить даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ ожившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно уже охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живаго сочувствія.

«Платонъ считалъ униженіемъ, профанаціею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна: но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой неѣпости. Говорить, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безпощадномъ драньи розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтми. Что жъ тутъ дурнаго, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видать, что искусство и наука ве одно и то же, а не видать, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—образами и картинками, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружись статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружась живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ*, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ, дѣйствительно, много улучшилось или ухудшилось, отъ такихъ-то и ташихъ-то причинъ. Одинъ *доказываетъ*, другой *показываетъ*, оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой—картинками. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другаго—

всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на вѣждаго изъ его членовъ. Путь въ этому благосостоянію—сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство науки.

«Дурное, ошибочное пониманіе истины не уничтожаетъ сапой истины. Если мы видимъ иногда людей, даже умныхъ и благонамѣренныхъ, которые берутся за изложене общественныхъ вопросовъ въ поэтической формѣ, не имѣя отъ природы ни искры поэтическаго дарованія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такіе вопросы чужды искусству и губятъ его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, ихъ паденіе было бы еще разительнѣе. Плотъ, напримѣръ, былъ забытъ теперь романъ *Панъ Подстоличъ*, вышедшій назадъ тому больше десяти лѣтъ и написанный съ похвальною цѣлю—представить картину состоянія бѣлорусскихъ крестьянъ; но все же онъ былъ не совсѣмъ безполезенъ, и хотъ съ страшною скукою, но прочли же иные. Конечно, авторъ лучше достигъ бы своей благородной цѣли, если бы содержаніе своего романа изложилъ въ формѣ записокъ или замѣтокъ наблюдателя, не спускаясь въ поэзію; но если бы онъ взялся написать романъ чисто-поэтическій, онъ еще меньше достигъ бы своей цѣли».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Бываютъ писатели, пользующіеся незавиднымъ счастіемъ ни въ концѣ не возбуждать неудовольствія своими сочиненіями, не вызывать никого на противорѣчіе себѣ, не имѣть противниковъ. Незавидно это счастіе, потому что оно достается только людямъ пустымъ, занимающимся единственно риторическими распространеніями банальныхъ фразъ. Истина только потому и называется истинною, что противоположна заблужденію, лжи; а если существуетъ заблужденіе, то люди, его 'раздѣляющіе, стануть, конечно, возражать противъ истины; если есть ложь, то люди, ее поддерживающіе, стануть вооружаться противъ человѣка, ее разрушающаго. Не только въ искусствѣ, не только въ нравственныхъ, философскихъ, общественныхъ вопросахъ ни одна дѣльная мысль не можетъ быть высказана, не подавая повода къ возраженіямъ, даже въ математическихъ наукахъ, столь точныхъ и доказательныхъ, истина никогда не принималась безъ противорѣчій со стороны многихъ. Ньютоновъ законъ тяготѣнія долго казался нелѣпостью большинству астрономовъ. «Небесная Механика» Лапласа до сихъ поръ возбуждаетъ споры. Только учебники ариметики не находятъ противорѣчій, потому что все ихъ содержаніе ограничивается осязательными истинами. Только писатели безъ убѣжденій, безъ образа мыслей, безъ содержанія и смысла умѣютъ говорить такъ, что ни въ комъ не пробуждаютъ желанія спорить противъ ихъ пустословія.

Бѣлинскій, человѣкъ съ твердыми убѣжденіями,—человѣкъ, высказавшій много важныхъ и новыхъ въ нашей литературѣ истинъ, не могъ не имѣть многихъ противниковъ. Онъ касался живыхъ вопросовъ; потому во многихъ людяхъ, интересы которыхъ основывались на господствующихъ заблужденіяхъ, вражда противъ него доходила до непримиримаго ожесточенія. Не широки размѣры русской литературы, но горы бумаги были исписаны возраженіями и обвиненіями противъ Бѣлинскаго.

Каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки, каждый можетъ ошибаться; у всякаго писателя есть свои слабыя стороны. Надобно было бы предполагать, что въ сотняхъ обвиненій, въ тысячахъ возраженій противъ Бѣлинскаго найдутся нѣкоторые справедливыя указанія на его недостатки и ошибки; вѣдь,

натурально, не былъ же онъ изъятъ отъ общей человѣческой участи не быть непогрѣшительнымъ. Между противниками Бѣлинскаго были люди очень умные, напр., Н. А. Полевой, были люди, считавшіеся учеными (которыхъ не исчисляемъ, потому что людямъ, считающимся учеными, нѣтъ числа: ихъ у насъ едва ли не больше, нежели людей грамотныхъ). Много лѣтъ, со всевозможною старательностію, они искали у Бѣлинскаго ошибокъ, чтобъ имѣть случай поборанить его. Какъ бы, казалось, не найти? И находили. Но удивительны были эти находки. О нѣкоторыхъ обвиненіяхъ мы уже говорили: это чистыя выдумки,—напримѣръ, фраза, будто бы онъ возстаетъ противъ славныхъ нашихъ писателей, когда, напротивъ, онъ упрочилъ за ними въ исторіи литературы почетное, быть можетъ, даже слишкомъ почетное мѣсто; другая фраза, будто бы его требованія были слишкомъ велики, когда, напротивъ, они были чрезвычайно умѣренны¹⁾—странно и вспомнить о такихъ несообразныхъ съ фактами обвиненіяхъ. А это были едва ли еще не самыя лучшія; другія еще гораздо болѣе странны. Неудачность всѣхъ нападеній на Бѣлинскаго объясняется, впрочемъ, очень просто: во первыхъ, во всемъ существенномъ правда была на его сторонѣ, какъ то всегда бываетъ въ дѣятельности, служащей дѣйствительному прогрессу; а мелочныхъ недостатковъ не могли его противники открыть у него, потому что были люди отсталые или непроницательные и вообще не понимали дѣйствительнаго положенія ученыхъ вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь, а жизненные вопросы понимали превратнымъ или пристрастнымъ образомъ. Оттого-то обвиненія, которыя высказывались ими, были направлены совершенно неудачно. Два-три примѣра мы уже видѣли. Не менѣе забавно то обвиненіе, которое относилось къ предмету, изложенному нами во второй половинѣ предыдущей статьи.

Каждый, кто перечитываетъ статьи Бѣлинскаго въ хронологическомъ порядкѣ, видитъ, что онѣ тѣсно связаны между собою, что въ развитіи его мнѣній нѣтъ ни перерыва, ни внезапныхъ поворотовъ, что это развитіе совершалось правильно и совершенно постепенно, почти неувидимымъ образомъ; а, между тѣмъ, находились люди, съ удивительною мѣткостью обвинявшіе Бѣлинскаго въ томъ, что «нынѣ онъ самъ противорѣчитъ тому, что говорилъ за мѣсяцъ». Какъ могло возникнуть мнѣніе, столь очевидно противорѣчившее вѣкъ извѣстной твердости и послѣдовательности убѣжденій Бѣлинскаго? Дѣло въ томъ, что люди, не одаренные излишнею проницательностію, вѣчно останавливаются на отдѣльныхъ фразахъ, не вникая въ связь и смыслъ рѣчи, и потому имъ постоянно грезятся противорѣчія. Въ одной статьѣ Бѣлинскаго говорилось, напримѣръ, что, по сравненію съ англійскою, французскою, нѣмецкою литературами, русская все еще *очень бѣдна*; въ другой статьѣ говорилось, что нынѣ стала она *богаче* содержаніемъ, нежели была прежде. Вотъ и найдено противорѣчіе: Бѣлинскій иногда говорить, что наша литература

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что если теперь желанія образованнѣйшей части публики таковы, что могутъ быть удовлетворены очень легко (доказательства тому были даны публикою въ послѣднее время очень осязательнымъ образомъ), за это надо много благодарить Бѣлинскаго, всѣми силами старавшагося приучить васъ предпочитать дѣйствительное, хотя бъ и скромное удовлетвореніе фантазерскимъ желаніямъ, и положительно указавшаго намъ мѣру разумныхъ требованій.

бѣдна, иногда, что она богата. Таковы-то всегда были противорѣчія, въ которыхъ упрекали Бѣлинскаго. Иногда онъ и самъ наводилъ своихъ обвинителей на подобныя открытія: замѣтивъ какую нибудь ошибку въ той или другой изъ прежнихъ своихъ статей, онъ безъ всякой ложной робости самъ указывалъ эту ошибку. Особенную радость доставилъ его противникамъ слѣдующій случай. Когда вышелъ «Тарантасъ» гр. Соллогуба, Бѣлинскому сначала показалось, что авторъ вѣритъ въ разумность тѣхъ преобразованій въ правахъ, предположенія о которыхъ излагаются въ его книгѣ, и въ краткомъ извѣщеніи о выходѣ «Тарантаса» мнѣше о книгѣ произносится съ этой точки зрѣнія. Когда Бѣлинскій внимательнѣе вдумался въ идею «Тарантаса», ему показалось, что во многихъ странныхъ мнѣніяхъ можно оправдать автора, предположивъ, что онъ высказываетъ ихъ иронически; потому въ большой критической статьѣ о «Тарантасѣ» (которая помѣщена въ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ») было сказано: «беремъ назадъ свои слова» — какой превосходный случай кричать о шаткости убѣжденій Бѣлинскаго! А, между тѣмъ, стоитъ только сличить рецензію, которая отвергалась критическою статьею, съ соотвѣствующими мѣстами этой послѣдней, и мы увидимъ, что различіе между ними ничтожно: если бы самъ Бѣлинскій не высказалъ, что взглядъ его измѣнился, никто бы того и не могъ замѣтить ¹⁾.

¹⁾ Въ краткой рцензіи («Отечественныя Записки» 1845 г., № 4) говорилось:

«Тарантасъ» графа Соллогуба—сочиненіе оригинальное и интересное. Это пестрый kaleйдоскопъ парадоксовъ, иногда оригинальныхъ, иногда странныхъ, заглѣтокъ омыкъ, вѣрныхъ, наблюденій самыхъ тонкихъ, съ выводами, иногда поражающими своею истинностью, мыслей необыкновенно умныхъ, картинъ яркихъ, художественно набросанныхъ, расужденій дѣльныхъ, чувствъ горячихъ и благородныхъ, иногда доводящихъ автора до крайности и односторонности въ убѣжденіяхъ. Это книга живая, пестрая, одушевленная, разнообразная, — книга, которая возбуждаетъ въ душѣ читателя вопросы, тревожитъ его убѣжденія, вызываетъ его на споры и заставляетъ его съ уваженіемъ смотрѣть даже и на тѣ мысли автора, съ которыми онъ не соглашается. Это не романъ, не новѣль, не путешествіе, не философскій трактатъ, не журнальная статья, но я то, и другое, и третье вмѣстѣ. Авторъ является въ своей книгѣ и литераторомъ, и художникомъ, и публицистомъ, и мыслителемъ».

А въ критической статьѣ, появившейся черезъ мѣсяцъ («Отечественныя Записки» 1845 г., № 5), было сказано:

«Многіе видятъ въ «Тарантасѣ» какое-то двойственное произведеніе, въ которомъ сторона непосредственнаго, художественнаго представленія дѣйствительности превосходна, а сторона воззрѣній автора на эту дѣйствительность, его мыслей о ней, будто бы исполнена парадоксовъ, оскорбляющихъ въ читателѣ чувство истины. Подобное мнѣніе несправедливо. Тѣ, кому оно принадлежитъ, не довольно глубоко вникли въ идею автора, и объективную пѣриодъ, съ какою изобразилъ онъ характеръ одного изъ героевъ «Тарантаса» — *Ивана Васильевича* — припили за выраженіе его личныхъ убѣжденій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ «Тарантаса» столько можетъ отвѣчать за мнѣнія героя своего юмористическаго разсказа, сколько, напримеръ, Гоголь можетъ отвѣчать за чувства, понятія и поступки дѣйствующихъ лицъ въ его *Ревизорѣ* или *Мертвыхъ Душахъ*. Между тѣмъ, ошибочный взглядъ лучшей части читателей на «Тарантасъ» очень понятенъ: при первомъ чтеніи, можетъ показаться, будто бы авторъ не чуждъ желанія, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, черезъ *Ивана Васильевича*, нѣкоторые изъ своихъ воззрѣній на русское общество, — и тѣмъ легче увлечись подобнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что необыкновенный талантъ автора и его мастерство живописать дѣйствительность лишаютъ читателя способности спокойно омотрѣть на картины, которыя такъ быстро и живо проходятъ передъ его глазами. Мы сами на первый разъ увлеклись рѣзкихъ противорѣчіемъ, которое находится между этими безпрестанно смѣняющимися и безпрестанно поражающими новымъ удивленіемъ картинами и между странными — чтобы не сказать: пелѣйными — мнѣніями *Ивана Васильевича*. Это заставило насъ забыть, что мы читаемъ не легкіе очерки, не силуэты, а произведеніе, въ которомъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны художественно, и въ которомъ нѣтъ ничего произвольнаго, но все необходимо происходитъ изъ глубокой идеи, лежащей въ основаніи произведенія. Такимъ образомъ, беремъ назадъ свое выраженіе въ рецензіи о «Тарантасѣ» (въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»), что въ немъ

Обстоятельство это само во себѣ вовсе не важно, и только такой строгій къ себѣ человекъ, какъ Бѣлинскій, могъ почестъ нужнымъ указывать ошибку, и незначительную и незамѣтную. А если-бъ вздумалось ему совершенно при-крыть ее, это было бы очень легко: стоило только употребить въ критиче-ской статьѣ оборотъ такого рода: «въ предыдущей книжкѣ мы сказали, что «Тарантасъ» наполненъ парадоксами», и, перефразировавъ прежнее сужденіе, продолжать: «да, авторъ часто вдается въ крайности, въ односторонность,— это тѣмъ страннѣе, что самъ онъ очень часто и удачно подсмѣивается надъ

высѣтъ съ дѣльными мыслями, много и парадоксовъ. Только въ XV и XVI главахъ авторъ «Тарантаса» говорить съ читателемъ отъ своего лица; и вотъ—кстати замѣтить—эти-то главы больше всего сбываютъ читателя съ толку, раздвояя въ его утѣ произведеіе графа Солмогуба и ужасая его множествомъ страшныхъ парадоксовъ. Но мы не скажемъ, чтобы это были пара-доксы: это скорѣе китнія, съ которыми нельзя согласиться безусловно и которыя вызываютъ на споръ. Последнее обстоятельство даетъ имъ полное право на книжное существованіе: съ чѣмъ можно спорить и что стоитъ спора, то имѣетъ право быть написаннымъ и напечатан-нымъ. Есть книги, нѣбюдя удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, съ которою читатель вполнѣ соглашается; и, наоборотъ, есть книги, которыя нѣбюдя еще болѣе удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностью ихъ направленія съ его убѣжденіями; онѣ служатъ для читателя повѣркою его собственныхъ вѣрованій, потому что, прочитавъ такую книгу, онъ или вовсе отказывается отъ своего убѣжденія, или умѣраетъ его, или, наконецъ, еще болѣе въ немъ утверждается. Такой книгѣ охотно можно простить даже и парадоксы, тѣмъ болѣе, если они искренны и авторъ ихъ далека отъ того, чтобы подозрѣвать въ нихъ парадоксы. Вотъ другое дѣло—парадоксы умыш-ленные, порожденные агонистическимъ желаніемъ поддержать вопиющую ложь въ пользу касты или лица: такіе парадоксы не стоятъ опроверженія и спора; презрительная насмѣшка—един-ственное достойное ихъ наказаніе...»

Разница, какъ видимъ, состоитъ единственно въ томъ, что прежде Бѣлинскому многія изъ мыслей, излагаемыхъ Иваномъ Васильевымъ, казались итѣнными самого автора; потомъ ему вздумалось, что можно предполагать въ наложенія этихъ итѣнній тонкую иронию со стороны графа Солмогуба, и что только въ двухъ главахъ (разсказывающихъ воспитаніе Василя Ива-новича и Ивана Васильевича) графъ Солмогубъ прямо налагаетъ свои собственные понятія,— только изъ этихъ главъ можно заключать объ итѣнностяхъ итѣннѣхъ автора: въ другихъ случаяхъ кажущіеся парадоксы, быть можетъ, скрываютъ подъ собою иронию. Но отъ этого новаго пред-положенія итѣняется только сужденіе о соображеніяхъ, руководившихъ авторомъ «Тарантаса», и только. Взглядъ самого Бѣлинскаго на вещи нисколько не итѣняется отъ того, будетъ ли онъ спорить противъ одного Ивана Васильевича, или будетъ думать, что мысли, высказываемыя Иваномъ Васильевичемъ, отчасти раздѣляютъ и авторъ «Тарантаса». И, дѣйствительно, крити-ческая статья о «Тарантасѣ» безпощадно опровергаетъ парадоксы, все равно, отъ лица ли Ивана Васильевича, или отъ лица автора они высказываются. Вотъ, напримѣръ, начало раз-бора XV главы, рассказывающей біографію Василя Ивановича: иронія критика нисколько не смягчается тѣмъ, что итѣнія, имъ опровергаемыя, излагаются прямо отъ лица автора:

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностію «воспитаніе» Василя Ивановича и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй природы, авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и праѣды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, а между тѣмъ, и въ примѣръ намъ, были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, что особенно доказы-вается тѣмъ, что они «крѣпко хранили, что по логическому убѣжденію, а по *какому-то странному* (?) внушенію (?)», любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ» (стр. 179). Здѣсь авторъ что-то темновато рассуждаетъ; но сколько можемъ мы понять, подъ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и пра-ѣды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая вообу-ждаетъ такой энтузіазмъ въ авторѣ «Тарантаса», и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и праѣды, какъ говоритъ графъ Солмогубъ, были точно «люди не грамотные» (стр. 179). Мы не можемъ прийти къ себѣ отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень не сильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше китайцевъ отли-чаются этою добродѣтью безчисленныя породы бесловесныхъ, которыя совсѣтъ не способны знать грамоты, и которыя до сихъ поръ живутъ точъ-въ-точъ, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія... Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ-нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполнѣ раздѣлили бы его...

этою односторонностью, выставяя съ тонкою ироніею нелѣпость понятій своего героя, Ивана Васильевича». Читатель согласится, что посредствомъ этого оборота легко было бы выразить все, что выражено въ выписанномъ нами отрывкѣ критической статьи, и съ тѣмъ сохранить совершенное внѣшнее согласіе этой статьи съ прежнимъ отзывомъ. Такъ постоянно и дѣлаютъ почти всѣ писатели. Только немногіе, слишкомъ твердые въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ, слишкомъ ясно понимающіе, что они идутъ во всемъ существennomъ по прямой дорогѣ, не боятся сани выставять на видъ всѣ свои ошибки ¹⁾).

Исторія съ «Тарантасомъ», нами рассказанная, была самымъ важнымъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые ссылались противники Бѣлинскаго въ доказательство шаткости его мнѣній; другіе доводы ихъ были еще забавнѣе; но было бы слишкомъ долго припоминать эти другіе случаи. Наша литература вообще имѣетъ еще слишкомъ мало опытности, и только этимъ объясняется возможность до чрезвычайности странныхъ недоразумѣній и невѣроятныхъ промаховъ, примѣры которыхъ такъ часты въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, правдопо-

Мы не будемъ говорить, какъ *Василій Ивановичъ* служилъ въ Казани, писалъ на одномъ белу *казака* и влюбился въ свою даму; но мы не можемъ пропустить *фраземъ* его «дражайшего родителя», въ отвѣтъ на «покорѣйшую» просьбу «послушнѣйшаго» сына о благоволеніи на бракъ: «Вишь, щенокъ, что затѣялъ; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ бабѣ думаетъ». Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. «Даромъ, что пьяница», думала она, «а все-таки мужъ». При этомъ, авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «такъ думали въ старину!» Хорошо думали въ старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый «тятенька» *Василій Ивановичъ* умеръ отъ сивухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали; картина была умилительная... Авторъ очень остроумно замѣчаетъ, что «любовь мужика къ баринѣ есть любовь врожденная и почти неизлѣчимая»: мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ... Наконецъ, *Василій Ивановичъ* женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья, всѣ мужики, *стоя на коленяхъ*, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. «Русскіе крестьяне—говоритъ авторъ—не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но *тихо и трогательно* выражаютъ свою преданность, и *жалокъ тотъ, кто видитъ въ нихъ только нукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ* и не вѣруетъ въ ихъ искренность» (*стр.* 187). Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Еслибъ *Василій Ивановичъ* спросилъ у своего старосты, отчего крестьяне такъ радуются староста, навѣрное, отвѣтилъ бы:

они

На радости, тебя увидя, пляшутъ.

¹⁾ Говоря строго, надобно признаться, что ошибки въ настоящемъ случаѣ не было вовсе и что Бѣлинскій не имѣлъ основательной причины брать назадъ прежнія слова. Авторъ «Тарантаса» очевидно подсмѣивается во многихъ случаяхъ надъ Ивановъ Васильичемъ; но столь же очевидно, что во многихъ случаяхъ онъ выставяетъ его сужденія, какъ основательныя и справедливыя. Потому объ фразы: «въ парадоксахъ «Тарантаса» скрывается иронія» и «парадоксы эти высказываются какъ положительная истина»,—обѣ эти фразы равно могутъ быть употреблены, равно близки къ правдѣ: на однихъ страницахъ «Тарантаса» выставяется нелѣпымъ то самое, что на другихъ представляется глубокою мудростью. Противорѣчіе въ книгѣ, а не въ критикѣ.

Мы изложили дѣло въ томъ видѣ, какъ оно было понято большинствомъ тогдашней публики и литераторовъ, принявшихъ оговорку Бѣлинскаго въ серьезномъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ ближе къ правдѣ было бы другое понятіе о ея смыслѣ. Критическая статья о «Тарантасѣ» написана очень ѣдко; нелѣпость ироніи Ивана Васильича обнаруживается въ н-и самымъ кожимъ образомъ. Потому слова: «эти мнѣнія не должны быть приписываемы автору онъ самъ вмѣстѣ съ нами смѣется надъ ними и напечалъ книгу свою именно съ тою цѣлю», чтобы обнаружить ихъ нелѣпости»,—слова эти, по всей вѣроятности, внушены только желаніемъ оказать возможную пощадѣ писателю, эти слова внушены деликатностію,—другого смысла и слѣдовало бы и искать въ нихъ. Такимъ образомъ, всѣ громкія выходы противъ Бѣлинскаго, будто бы въ самомъ дѣлѣ отказывавшагося отъ мнѣнія, выказаннаго за мѣсяцъ,—всѣ эти выходы были, по настоящему, основаны на недогадливости о смыслѣ его оговорки. Примѣрами такой недогадливости богата бѣдная исторія нашей литературы.

добно ли дѣло, чтобы писателя, подобнаго Бѣлинскому, могли обвинять въ шаткости мнѣній, когда скорѣе можно было говорить о чрезвычайномъ упорствѣ его? Ни въ одной изъ западно-европейскихъ литературъ, болѣе опытныхъ, такое странное недоразумѣніе невозможно.

Мы не безъ намѣренія останавливаемся на обвиненіяхъ противъ Бѣлинскаго, хотя они по своей совершенной пустотѣ не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія: для характеристики положенія нашей литературы они имѣютъ свою цѣну. Важность историческаго явленія опредѣляется не только его безотносительнымъ содержаніемъ, но и сравненіемъ его съ другими окружающими явленіями. Отсталость, мелочность или пустота направленій, которыя существовали въ русской литературѣ внѣ критики Бѣлинскаго, заставляютъ насъ вдвойнѣ дорожить этою критикою ¹⁾.

Чѣмъ внимательнѣе будемъ мы сравнивать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи, написанныя Бѣлинскимъ, тѣмъ очевиднѣе будетъ обнаруживаться, что развитіе его понятій совершалось совершенно логически, постепеннымъ, почти неувидимымъ образомъ. Но и представленное въ предыдущей статьѣ сравненіе шести годовыхъ отчетовъ его о русской литературѣ, въ «Отеч. Запискахъ», служить уже достаточнымъ доказательствомъ тому. Продолжать это сравненіе и на два послѣдніе отчета, помѣщенные въ «Современникѣ», было бы излишне, потому что никто не утверждалъ, чтобы въ послѣднее время мнѣнія Бѣлинскаго измѣнялись; напротивъ того, подъ конецъ его жизни многіе стали говорить, что Бѣлинскій началъ повторяться, что его новыя статьи не болѣе, какъ перифразы прежнихъ—мнѣше, столь же основательное, какъ и всѣ упрёки, рассмотрѣнные нами прежде. Повторимъ: наша литература такъ молода и неопытна, что безпрестанно встрѣчаются въ ней самыя наивныя недоразумѣнія, для разъясненія которыхъ надобно бываетъ серьезно и подробно разеуждать о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ.

Бѣлинскій писалъ критическія статьи о русской литературѣ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ. Онѣ разсѣяны по нѣсколькимъ журналамъ. Читатели журналовъ постоянно смѣняются одни другими. Изъ пятидесяти человѣкъ, читавшихъ «Отечественныя Записки» 1845 года, едва ли одинъ былъ знакомъ съ «Телескопомъ» 1835 года и едва ли пять человѣкъ слѣдили за «Отеч. Записками» съ 1840 года; изъ десяти человѣкъ, читавшихъ «Современникъ» 1847 года, едва ли одинъ читалъ «Отеч. Записки» за всѣ предыдущіе годы. Возможно ли было бы въ статьѣ «Отеч. Зап.» 1845 г. уклониться отъ необходимаго объясненія того или другаго понятія на томъ основаніи, что оно ужъ объяснено въ «Телескопѣ» 1835 г., когда изъ людей, для которыхъ писана статья 1845 г., только очень немногіе были знакомы съ этимъ преж-

¹⁾ Нѣтъ надобности повторять, что Бѣлинскаго должно считать только дальнѣйшимъ представителемъ направленія, считавшаго между своими послѣдователями почти всѣхъ даровитыхъ и образованныхъ русскихъ писателей, и что, говоря: «внѣ критики Бѣлинскаго были только пустота и отсталость», мы говоримъ только: «внѣ направленія, представителемъ котораго въ критикѣ былъ Бѣлинскій, нѣтъ ничего замѣчательнаго или плодотворнаго», а вовсе не имѣемъ желанія уменьшать заслуги другихъ полезныхъ дѣателей того времени, раздѣлявшихъ съ Бѣлинскимъ честь быть выразителями живыхъ мыслей. Бѣлинскій былъ, какъ мы уже говорили, только одинъ, первый или дѣятельнѣйшій изъ многихъ.

нимъ объясненіемъ? Критическая статья пишется для публики, она должна имѣть въ виду, что различные годы даже одного и того же журнала имѣютъ постоянно измѣняющійся кругъ читателей. Оттого повторенія въ критическихъ статьяхъ неизбѣжны. Такъ всегда и бываетъ у всѣхъ писателей, занимающихся критикою. Конечно, если соединить въ одинъ переплеть всѣ статьи Бѣлинскаго, многія страницы этого сборника будутъ заключать повторенія, — но должно помнить, что эти статьи были разсѣяны по сотнямъ книгъ. Избѣгать повтореній было бы въ критическомъ писателѣ страннымъ педанствомъ—безъ повтореній ни одна изъ его статей не была бы понятна и для десятой доли своихъ читателей. Возьмите любой сборникъ критическихъ статей автора, писавшаго впродолженіе многихъ лѣтъ, и вы увидите, что половина его страницъ заключаетъ повтореніе сказаннаго въ другой половинѣ. У насъ теперь въ модѣ критическія статьи Маколеевъ—укажемъ хотя на нихъ: просматривая этотъ сборникъ, вы въ двадцати мѣстахъ найдете одни и тѣ же разсужденія о временахъ Елисаветы, о реформаціи въ Англіи, о вліяніи на ходъ англійской исторіи островитянскаго положенія Англіи, о вліяніи того обстоятельства, что въ Англіи долго не было постоянной арміи, и т. д., и т. д. Но въ Англіи никому не можетъ придти въ голову упрекать за то Маколеевъ, говорить, что онъ повторяется, что онъ исписался; а у насъ говорилось это о Бѣлинскомъ. Я говорившіе не подозрѣвали, что говорить несообразно съ здравымъ смысломъ.

Впрочемъ, мало сказать, что повторенія для Бѣлинскаго были столь же необходимы, какъ, напримѣръ, для Маколеева: они были для русскаго критика гораздо необходимѣе, нежели для англійскаго. Это зависитъ отъ различнаго положенія и литературы нашей и публики.

Мысли, которыя излагаетъ Маколеевъ, излагаются сотнями другихъ англійскихъ писателей; они занесены въ книги, которыя находятся въ библіотекѣ каждаго имѣющаго библіотеку хотя изъ сотни книгъ (а число такихъ людей въ Англіи въ тысячу разъ больше, нежели у насъ),—и однако же, Маколеевъ было необходимо двадцать разъ повторять одну и ту же мысль. У насъ не то. Мысли, которыя излагались Бѣлинскимъ, вы не могли найти ни въ одной русскои книгѣ, ни въ одномъ журналѣ, кромѣ того, въ которомъ писалъ онъ.

Европейская публика привыкла къ дѣятельной умственной жизни. Она приготовлена ко всякой новой мысли, готова съ перваго раза замѣтить и оцѣнить ее. У насъ—мы хотѣли бы сказать: у насъ то же самое, но факты говорятъ совершенно не то. У насъ даже старыя мысли, если только въ нихъ есть что нибудь живое, возбуждаютъ недоумѣніе, будто неслыханная новость—вотъ и свидѣтельство о томъ, съ какимъ успѣхомъ бывали замѣчены и оцѣнены эти старыя мысли, когда являлись въ нашей литературѣ новыми. Намъ нужно твердить, твердить и твердить, чтобы въ нашемъ вниманіи, въ нашей памяти утвердилось наконецъ то, о чемъ мы читаемъ.

Не споримъ, есть у насъ люди, составляющіе исключеніе изъ этого правила—слишкомъ грустно было бы, если бы и того не было—но журнальныя статьи пишутся не для людей, составляющихъ исключеніе. А если кто вздумалъ бы сомнѣваться въ справедливости сказаннаго нами, то очень легко привести доказательства, не покидая рѣчи о Бѣлинскомъ: сколько въ послѣдніе годы было случаевъ, что однихъ писателей хвалили, другихъ осуждали за но-

выя, будто бы, мысли, а, между тѣмъ, эти мысли были заимствованы изъ статей Бѣлинскаго, да, въ довершеніе эффектносѣ доказательства въ нашу пользу, обыкновенно принадлежали къ числу мыслей, которыя чаще всего повторялъ онъ. Примѣровъ легко набрать десятки. Укажемъ только одинъ, истинно восхитительный: когда была мода на библиографію, прославившіеся въ то время библиографы были превозносились особенно за то, что чрезъ нихъ критическая исторія нашей литературы воздвигается на основаніи совершенно новомъ—на основаніи разработки фактовъ, о необходимости которой (будто бы) прежде у насъ и не думали, считая (будто бы) подробное изслѣдованіе фактовъ бесполезнымъ. Къ этимъ похваламъ присоединялись упреки Бѣлинскому за то, что онъ, самъ (будто бы) пренебрегая разработкою фактовъ, доказывалъ (будто бы) безполезность ея. Говорить это можно было только, забывъ или вовсе никогда не имѣвъ понятія, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, Бѣлинскій твердилъ о необходимости разработки фактовъ, возбуждалъ къ ней неутомимо, ободрялъ каждый сколько нибудь сносный опытъ въ этомъ родѣ. Надобно прибавить, что онъ самъ неутомимо занимался этою разработкою и собралъ для исторіи нашей литературы во сто разъ больше фактовъ, нежели кто нибудь изъ современныхъ ему или позднѣйшихъ писателей по части исторіи литературы. Такихъ восхитительныхъ примѣровъ можно было бы найти очень много въ журналахъ нашихъ за пятидесятые годы. Эти ошибки, кажется, слишкомъ ясно доказываютъ, что память у насъ довольно коротка, и что слишкомъ упорно нужно твердить намъ одну и ту же мысль, чтобы она сколько нибудь вошла въ наше сознаніе.

По необходимому условію критической дѣятельности, у Бѣлинскаго часто встрѣчаются повторенія основныхъ мыслей, и тѣ, которые видѣли въ этомъ неизбѣжномъ качествѣ всякой критики особенный недостатокъ Бѣлинскаго, обнаруживали только свое незнакомство съ понятіями объ условіяхъ, сообразно съ которыми долженъ дѣйствовать критикъ. Но тѣ, которые выводили изъ этихъ повтореній заключеніе, что въ послѣдніе годы Бѣлинскій только повторялъ сказанное имъ прежде, не прибавляя ничего новаго, что онъ исписался,—эти строгіе судьи обнаруживали, что они не въ состояніи даже понимать смысла читаемыхъ статей и въ своихъ сужденіяхъ руководятся только отыскиваніемъ сходныхъ словъ. Въ 1842 году Бѣлинскій говорилъ о значеніи Ломоносова, и въ 1847 также—этого было для нихъ довольно: они рѣшали, что въ 1847 году онъ не сказалъ о Ломоносовѣ ничего больше, какъ то, что говорилъ за пять лѣтъ. А, между тѣмъ, стоило бы только сравнить соответствующія страницы въ двухъ обзорахъ, и они увидѣли бы, что въ 1847 году Бѣлинскій, кратко упоминая о тѣхъ вопросахъ по поводу Ломоносова, которые объяснилъ прежде, главное вниманіе обращаетъ на вопросы, которыхъ прежде не касался. Общаго между двумя этими эпизодами только то, что они говорятъ объ одномъ писателѣ и написаны по одному и тому же общему понятію о характерѣ его сочиненій,—они согласны между собою въ общемъ взглядѣ на Ломоносова; но ихъ содержаніе, частныя мысли, въ нихъ развиваемыя, совершенно различны. Въ 1842 году Бѣлинскій доказывалъ, что оды Ломоносова внушены не жизнью, а подражаніемъ иноземной риторической поэзіи. Почему такъ было и могло ли быть иначе, при тогдаш-

немъ положеніи русской умственной жизни, объ этомъ онъ не говорилъ въ 1842 году. Въ 1847 году, кратко упомянувъ, что поэзія Ломоносова есть поэзія подражательная, Бѣлинскій не останавливается на этомъ фактѣ, а объясняетъ его необходимость, доказываетъ, что именно по своей подражательности оды Ломоносова удовлетворяли потребностямъ того времени, что подражаніе явленіямъ цивилизованной жизни было тогда для насъ необходимѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ дѣломъ—спрашивается: неужели содержаніе этого эпизода не совершенно ново въ сравненіи съ содержаніемъ прежняго эпизода? Чудно устроенъ свѣтъ, и хорошо, что не нашимъ противникамъ Бѣлинскаго пришлось рѣшать вопросъ объ отношеніи, напримѣръ, Нибура къ Титу Ливію или Адама Смита къ Ксенофону: они тотчасъ бы открыли, что англійскій экономистъ не болѣе, какъ повторилъ греческаго, а нѣмецкій историкъ—латинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, предметы одни и тѣ же у нихъ: Нибуръ и Титъ Ливій, оба говорятъ о Ромулѣ и Нумѣ, о Цивциннатѣ и Камиллѣ; Адамъ Смитъ и Ксенофонтъ, оба говорятъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, о земледѣліи и ремеслахъ. Какое намъ дѣло до того, что въ сочиненіи одного разсматриваются одни вопросы, въ сочиненіи другаго—совершенно другіе? Обѣ книги имѣютъ одинъ общій предметъ, одинаковое заглавіе—чего же больше? Не ясно ли, что позднѣйшая изъ двухъ книгъ должна быть повтореніемъ болѣе старой? зачѣмъ вникать въ смыслъ?—это дѣло не безопасное, да и не всякому оно по силамъ.

Кто вникаетъ въ смыслъ, не ограничивая своего разумѣнія исключительно именами и словами, тому, конечно, всегда казался чистою нелѣпостію упрекъ Бѣлинскому за повтореніе стараго или даже и за неподвижность. Трудно даже повѣрить, чтобы кому нибудь могло придти на мысль выбрать такую тему для своихъ филиппикъ; а, между тѣмъ, Бѣлинскаго, дѣйствительно, постоянно упрекали въ томъ, что онъ вѣчно повторяетъ одно и то же, хотя для всякаго читавшаго его статьи поразительнѣйшею чертою въ дѣятельности этого писателя должно было бы представляться постоянное стремленіе его впередъ. Вообще, говоря объ упрекахъ, каніе дѣлались Бѣлинскому, чувствуешь себя совершенно неловко, какъ бы разеуждалъ о томъ, справедливо ли упрекать Волгу за то, что вода стоитъ въ ней неподвижно. Что дѣлать съ такимъ мнѣніемъ о неподвижности воды Волги? Объяснять его неумѣстность кажется оскорбительнымъ для глазъ и здраваго смысла; а, между тѣмъ, попробуйте не отвѣчать, если кто нибудь выскажетъ его,—и человекъ, высказавшій этотъ остроумный упрекъ, будетъ воображать, что онъ остается правъ. А если такихъ остроумныхъ людей много, то на совѣсти вашей будетъ лежать тяжелый грѣхъ, когда вы оставите ихъ въ заблужденіи.

Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ въ опроверженіе страннаго заблужденія, о которомъ упомянули сейчасъ.

Рядъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ одно стройное цѣлое; всѣ эти статьи написаны подъ вліяніемъ одной мысли, по одному общему плану, и, кажется, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову утверждать, чтобы статьи эти въ чемъ нибудь противорѣчили одна другой или чтобы общій планъ не былъ въ нихъ строго соблюденъ. Однако же, перечитывая статьи о Пушкинѣ, изъ которыхъ первая по-

мѣщена въ шестой книгѣ «Отеч. Зап.» 1843 года, а послѣдняя въ одиннадцатой книгѣ 1846 года, невозможно не замѣтить, что взглядъ Бѣлинскаго постепенно становится все шире и глубже, а содержаніе статей все рѣшительнѣе проникается интересами національной жизни. Такъ, напримѣръ, въ началѣ первой статьи значеше Пушкина объясняется преимущественно съ художественной точки зрѣнія, а въ заключеніи послѣдней статьи сильнѣе, нежели чисто художественное достоинство произведеній Пушкина, выставляется на видъ значеніе его дѣятельности для нашего общества, въ которомъ его поэзію пробуждалась гуманность ¹⁾. Четвертая статья, рассматривающая лицейскія стихотворенія Пушкина, занимается преимущественно формальнымъ объясненіемъ той связи, въ какой манера Пушкина находится съ манерами предшествовавшихъ ему поэтовъ. Шестая, говорящая о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Пльнникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Братьяхъ Разбойникахъ», ограничивается чисто литературными сужденіями объ этихъ произведеніяхъ; но въ седьмой статьѣ («Цыганы», «Полтава») понятія Алеко о любви уже служить поводомъ къ эпизоду о нравственныхъ понятіяхъ, а въ восьмой и девятой статьяхъ, заключающихъ разборъ «Онѣгина», эпизоды подобнаго рода занимаютъ уже наибольшее число страницъ. Такъ, перечитывая статьи, составляющія, повидимому, совершенно однородное цѣлое, строго выполненныя по-заранѣе обдуманному плану, мы можемъ видѣть, какъ расширяется кругъ предметовъ, говорить о которыхъ Бѣлинскій считаетъ своею главною обязанностью, и какъ чисто литературный взглядъ его все болѣе и болѣе оживляется, соединяясь съ заботою о другихъ потребностяхъ общества, какъ самая литература все яснѣе и яснѣе является Бѣлинскому служительницею интересовъ не столько искусства, сколько общества.

Заговоривъ о гѣхъ упрекахъ, какіе дѣлались Бѣлинскому, мы хотимъ покончить съ этимъ предметомъ, и для того должны сказать нѣсколько словъ относительно обвиненія, столь же неосновательнаго въ сущности, какъ и всѣ предъидущія, но итѣвшаго, по крайней мѣрѣ, тѣнь вѣшняго правдоподобія для людей, которые судятъ объ умѣ и другихъ дарованіяхъ писателя не по его сочиненіямъ, а по формальнымъ обстоятельствамъ его жизни.

Лавуазье былъ генеральный откупщикъ, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и дѣятельныхъ по финансовой части директоровъ огромнаго коммерческаго предприятия; но онъ создалъ новѣйшую химію, и никто въ Европѣ не вздумалъ отвергать его заслуги наукъ на томъ основаніи, что-де онъ былъ промышленникъ: некогда ему было основательно заниматься химіею. Вильгельмъ Гум-

1) Вотъ окончаніе послѣдней изъ статей о Пушкинѣ:

«Заключаемъ. Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ, художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. Потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предраасудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, сиппатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протинуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски кроткаго, мягкаго и нѣжнаго, и все это отразилось въ его паящныхъ созданіяхъ».

больдтъ былъ дипломатъ, былъ министръ; но онъ написалъ гениальныя сочиненія по филологіи,—и никто въ Европѣ не думалъ отвергать достоинство этихъ сочиненій на томъ основаніи, что-де некогда было Гумбольдту основательно заниматься филологіею: онъ писалъ депеши, велъ переговоры и писалъ резолюціи на дѣловыхъ бумагахъ. Анкетиль Дюперронъ былъ матросомъ, потомъ слугою въ Остъ-Индіи,—но онъ первый изучилъ бендскій языкъ и познакомилъ Европу съ огнепоклонническою цивилизаціею,—и опять никто не вздумалъ спорить противъ него на томъ основаніи, что-де некогда матросу о лакею заниматься науками. Яковъ Бемъ, получивъ такое воспитаніе, которое едва научило его читать и писать, занялся для своего пропитанія сапожнымъ мастерствомъ и до конца жизни шилъ очень хорошіе сапоги, но, кромѣ того, написалъ гениальныя философскія творенія,—и опять-таки никто въ Европѣ не думаетъ говорить, что должны быть они плохи, потому-де, что куда же сапожнику быть хорошимъ философомъ: его дѣло точать сапоги и сучить дратву.

Это происходитъ отъ недогадливости умныхъ и образованныхъ людей въ Европѣ. Они, бѣдняжки, не подумали о самомъ легкомъ и вѣрномъ средствѣ судить, хороши ли ученныя сочиненія такого-то автора. А вѣрнѣйшее средство это состоитъ въ томъ, чтобы спросить у автора: «покажи-ка намъ свои дипломы, скажи-ка, гдѣ ты кончилъ курсъ, какія ученныя общества приняли тебя въ число своихъ членовъ, какую должность ты занимаешь»? Есть дипломы у автора, занимаетъ онъ ученую должность,—значитъ и ученныя его сочиненія прекрасны.

Это правдою съ успѣхомъ было у насъ примѣняемо къ Н. А. Полевому, но еще съ болѣшимъ успѣхомъ къ Вѣлинскому. «Человѣкъ-де былъ не получившій никакихъ дипломовъ,—ну, и значить, не могъ основательно писать объ ученыхъ предметахъ».

Вѣлинскій не былъ ни сапожникомъ или матросомъ, ни дипломатомъ или банкиромъ, никакое житейское ремесло не отвлекало его отъ книгъ, но у него не было дипломовъ; какая же тутъ можетъ быть ученость, посудите сами.

Да посмотрите, догадливые судьи, на самыя сочиненія и рѣшайте вопросъ объ учености писателя по его твореніямъ.

Этого способа повѣрки своихъ знаній Вѣлинскій не можетъ бояться. Будущіе біографы Вѣлинскаго расскажутъ намъ, когда и чѣмъ именно онъ занимался и какъ пользовался доступными ему средствами для приобрѣтенія знаній,—мы пишемъ не біографію, насъ занимаютъ здѣсь не люди, а только ихъ сочиненія,—и потому для насъ довольно знать, что изученіе сочиненій Вѣлинскаго самымъ неоспоримымъ образомъ опровергаетъ всякія сомнѣнія въ основательности его знаній. У насъ мало было писателей, которыхъ можно было бы сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Кажется, нельзя сказать, чтобы кругъ вопросовъ, обнимаемыхъ его сочиненіями, былъ тѣсенъ, а, между тѣмъ, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всѣхъ вопросахъ, какихъ ни касался онъ, онъ имѣлъ понятія очень основательныя, которыми могли бы позавидовать многіе ученые писатели.

Что же касается его спеціальной науки—исторіи русской литературы, онъ былъ и до сихъ поръ остается первымъ знатокомъ ея. Въ этомъ отно-

шеніи никто изъ нашихъ ученыхъ не могъ до сихъ поръ сравняться съ нимъ. Вообще, надобно признаться, Бѣлинскій, будучи значительнѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ критиковъ, былъ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Это фактъ, неоспоримо доказываемый его сочиненіями. Сомнѣваться въ томъ значить обнаруживать или недостатокъ научнаго образованія въ себѣ, или свое незнакомство съ сочиненіями Бѣлинскаго.

Для иныхъ (впрочемъ, можно быть увѣренныхъ, очень немногихъ) можетъ показаться излишнею суровостью съ нашей стороны то, что мы не дѣлали ни малѣйшихъ уступокъ въ пользу людей, осыпавшихъ Бѣлинскаго упреками и обвиненіями,—неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти люди были совершенно неправы?—Совершенно неправы,—и тутъ нѣтъ ничего особеннаго или страннаго для людей, имѣющихъ понятіе объ исторіи, которая очень часто говорить о случаяхъ совершенно подобныхъ, часто показываетъ намъ, что одна изъ борющихся партій была совершенно права, и всѣ обвиненія, возводившія на нее противниками, были совершенно ложны, происходя единственно отъ недальновидности, невѣжества, неблагонамѣренности и тому подобныхъ отрицательныхъ качествъ. «Но неужели, могутъ спросить насъ далѣе, вы хотите доказать, что критическая дѣятельность Бѣлинскаго—полное осуществленіе абсолютнаго идеала критики?»—Дѣло вовсе не въ томъ. Каждый писатель сынъ своего вѣка, и когда развитіе мысли съ теченіемъ времени становится выше той степени, которая была свойственна его эпохѣ, когда являются воззрѣнія болѣе полныя и глубокія, нежели каковы были его воззрѣнія, тогда, конечно, его произведенія перестаютъ быть совершенно удовлетворительными. Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что будущее развитіе человѣческой мысли далеко превзойдетъ свою полнотою и глубиною все, что произвела мысль нашего вѣка; мы увѣрены и въ томъ, что русской литературѣ предстоятъ великое развитіе, и что для того времени, когда настанетъ эта эпоха высшаго развитія, будетъ казаться неудовлетворительнымъ все существовавшее или существующее нынѣ въ русской литературѣ, въ томъ числѣ и критика Бѣлинскаго. Соображая аналогическій ходъ развитія другихъ литературъ, мы можемъ даже предусматривать, какія именно стороны нашей нынѣшней литературы будутъ казаться слабыми для того времени, можемъ предвидѣть и то, чѣмъ критика, соотвѣтствующая духу того времени, будетъ отличаться отъ критики Бѣлинскаго: она будетъ гораздо требовательнѣе, и, сравнительно съ нею, критика Бѣлинскаго будетъ казаться слишкомъ умѣренной въ своихъ требованіяхъ, слишкомъ уклончивою или даже слишкомъ слабою по выраженію этихъ требованій; предметы, о которыхъ тогда будетъ вести рѣчь русская литература, будутъ важнѣе, нежели были до сихъ поръ,—потому и критика будетъ находить недостойнымъ своего вниманія многое, что кажется въ нынѣшней литературѣ дѣломъ великой важности. Но эта эпоха еще впереди, и скоро ли настанетъ она, трудно рѣшить: что будетъ, можно предвидѣть; скоро ли и какимъ образомъ будетъ, вельзя сказать.

Предварительныя объясненія наши кончены, и мы теперь можем приступить къ подробному изложешю литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго. Въ этомъ дѣлѣ мы постоянно будемъ приводить его собственныя слова, и трудъ нашъ ограничивается только выборомъ важнѣйшихъ мѣстъ изъ его послѣднихъ статей. Для большей точности, мы не будемъ даже отступать ни отъ того порядка, въ которомъ писаны были онѣ, ни отъ того порядка, въ которомъ излагаются эти мысли въ каждой статьѣ: мы просто представимъ извлеченію изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, зная, что это будетъ пріятнѣе всего для читателей, полезнѣе всего для литературы.

Начинаемъ наши извлеченія анализомъ статьи Бѣлинскаго, помѣщенной въ «Петербургскомъ Сборникѣ» — «Мысли и замѣтки о русской литературѣ».

Безотносительное достоинство нашей литературы, по мнѣнію Бѣлинскаго, еще не очень велико. Это понятіе важно, потому что мы, радуясь своимъ успѣхамъ, слишкомъ склонны воображать, что уже недалеко осталось намъ до того, чтобы стоять на ряду съ образованнѣйшими народами и отдыхать на воображаемыхъ лаврахъ. Необходимо напоминать намъ, что эта высокая мечта не болѣе, какъ мечта. Если мы чѣмъ можемъ по справедливости гордиться, то, безъ сомнѣнія, литературою: она составляетъ лучшую сторону нашей жизни; а между тѣмъ, и литература наша до сихъ поръ находится въ состояніи, близкомъ къ младенчеству. Но, несмотря на свою слабость, для насъ она имѣетъ чрезвычайную важность:

«Какова бы ни была наша литература, во всякомъ случаѣ, ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ей, вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми.

«Въ нашемъ обществѣ преобладаетъ духъ разъединенія: у всякаго нашего сословія все свое, особенное — въ платьѣ, въ манеры, въ образъ жизни, въ обычаи, въ даже языкъ. Духъ разъединенія враждебенъ обществу: общество соединяетъ людей, каста разъединяетъ ихъ. Этотъ духъ личности такъ силенъ у насъ, что даже и новыя сословія, возникшія изъ новаго порядка дѣлъ, основаннаго Петромъ Великимъ, не замедлили принять на себя особенныя оттѣнки. Чему удивляться, что дворянъ на купца, а купецъ на дворянина вовсе не походятъ, если иногда почти то же различіе существуетъ и между ученымъ и художникомъ?.. У насъ еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются вѣрными благородной рѣшимости не понимать, что такое искусство и зачѣмъ оно; у насъ еще много художниковъ, которые и не подозреваютъ живой связи ихъ искусства съ наукою, съ литературою, съ жизнію. И потому сведите такого ученаго съ такимъ художникомъ, и вы увидите, что они будутъ или молчать, или перекидываться общими фразами... Несомнѣнно то, что у насъ есть сильная потребность общества и стремленіе въ обществу; а это уже важно. Реформа Петра Великаго не уничтожила, не разрушила стѣнъ, отдѣлявшихъ въ старомъ обществѣ одинъ классъ отъ другаго; но она подкопалась подъ основаніе этихъ стѣнъ и вели не повалила, то наклонила ихъ на бокъ, — и теперь со дня на день онѣ все болѣе и болѣе клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственнымъ своимъ щебнемъ и мусоромъ, такъ что починять ихъ значило бы придавать имъ тяжесть, которая, по причинѣ подрытаго ихъ основанія, только ускорила бы ихъ, и безъ того неизбежное, паденіе. И если теперь разбѣланные этими стѣнами сословія не могутъ переходить черезъ нихъ, какъ черезъ ровную мостовую, зато легко могутъ перескакивать черезъ нихъ тамъ, гдѣ онѣ особенно пообвалились или пострадали отъ проломовъ. Все это прежде дѣлалось медленно и незамѣтно, теперь дѣлается и быстрѣе»

и замѣтнѣе,—и бляко время, когда все это очень скоро и вачисто сдѣлается. Желѣзныя дороги пройдутъ и подѣ стѣнами и черезъ стѣвы, туннелями и мостами; увеленіемъ промышленности и торговли онѣ переплетутъ интересы людей всѣхъ сословій и классовъ и заставятъ ихъ вступать между собою въ тѣ живыя и гвѣныя отношенія, которыя невольно сглаживаютъ всѣ рѣзкія и ненужныя различія.

«Но начало этого сближенія сословій между собою, которое есть начало образующагося общества, отнюдь не принадлежать исключительно нашему времени: оно сливается съ началомъ нашей литературы. Общественное просвѣщеніе потекло у насъ въ началѣ ручейкомъ мелкимъ и едва замѣтнымъ, но зато изъ высшаго и благороднѣйшаго источника—изъ самой науки и литературы. Наука у насъ и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда какъ образоваше только еще не разрослось, но уже укоренилось. Листъ его мелокъ и рѣдокъ, стволъ не высокъ и не толстъ, но корень уже такъ глубокъ, что его не вырвать никакой бурѣ, никакому потоку, никакой силѣ: вырубите этотъ лѣсокъ въ одномъ мѣстѣ, но корень дастъ отпрыски въ другомъ, и вы скорѣе устанете вырубать, нежели устаетъ онъ давать новые отпрыски и разрастаться...

«Говоря объ успѣхахъ образованія вашего общества, мы говоримъ объ успѣхахъ нашей литературы, потому что наше образованіе есть непосредственное дѣйствіе нашей литературы на понятія и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже нѣсколько поколѣній, рѣзко отличающихся одно отъ другаго, положила начало внутреннему сближенію сословій, обрвовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго *средняго* сослоєя отличается тѣмъ, что состоятъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ.

«Различіе литературнаго образованія общества перешло въ жизнь и раздѣлило людей на различно дѣйствующія, мыслящія и убѣжденные поколѣнія, которыхъ живые споры и полемическія отношенія, выходя изъ принциповъ, а не изъ матеріальныхъ интересовъ, являютъ собою признаки возникающей и развивающейся въ обществѣ духовной жизни. И это великое дѣло есть дѣло вашей литературы..

«Литература была для нашего общества живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей. Она началась сатирою и въ лицѣ Кантемира объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правила жизни, какъ моральныя убѣжденія. Какое бы ни былъ талантъ Сумарокова, но его сатирическія нападки на «крапивное сѣмя» всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы. Комедій фонъ-Визина были еще болѣе заслугою передъ обществомъ, нежели передъ литературою. Отчасти тоже можно сказать и объ «Ябедѣ» Капниста. Басня потому такъ хорошо и принялась у насъ, что она принадлежить къ сатирическому роду поэзіи. Самъ Державинъ, по преимуществу лирическій, былъ въ то же время и сатирическимъ поэтомъ, какъ, напримѣръ, въ «Фельцѣ», «Вельможѣ» и другихъ пьесахъ. Наконецъ пришло время, когда въ вашей литературѣ сатира перешла въ юморъ, который высказывается въ художественномъ воспроизведѣніи житейской дѣйствительности. Конечно, смѣшно было бы предполагать, чтобы сатира, комедія, повѣсть или романъ могли исправить порочнаго человѣка; но нѣтъ сомнѣнія, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробужденію его самосознанія, покрываютъ порочнаго презрѣніемъ и изоромъ. Не даромъ же многіе у насъ не могутъ безъ несправедливости именъ Гоголя и его «Ревизора» называть «безнравственными» сочиненіемъ, которое слѣдовало бы запретить. Равнымъ образомъ, теперь уже никто не будетъ такъ вродостуденъ, чтобы думать, что комедія или повѣсть можетъ взяточника сдѣлать честнымъ человѣкомъ: нѣтъ! кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстѣло, не сдѣлаешь прямымъ; но вѣдь у взяточниковъ такъ же бывають дѣти, какъ и у невзяточниковъ: тѣ и другія, еще не имѣя причинъ считать безнравственными яркія изображенія взяточничества, восхищаются ими и незамѣтно для самихъ себя обогащаются

такими впечатлѣніями, которыя не всегда оказываются безплодными въ ихъ послѣдую-щей жизни, когда они дѣлаются дѣйствительными членами общества. Впечатлѣнія юности сильны, и юность то и принимаетъ за несомнѣнную истину, что прежде всего поразило ея чувство, воображеніе и умъ. И вотъ кавымъ образомъ дѣйствуютъ литература уже не ва одно образованію, но и ва нравственное улучшеніе общества. Какъ бы то ни было, но это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что только въ послѣднее время у насъ начало дѣлаться замѣтнымъ число людей, которые нравственные убѣжденія стараются осуществлять на дѣлѣ, въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ и но вродъ своему общественному положенію...

«Но менѣе этого неоспоримъ и тотъ фактъ, что литература служить у насъ точкою соединенія людей, во всѣхъ другія отношенія *внутренно* разладившихся. Мѣщанинъ Ломоносовъ, за свой талантъ и свою ученость, достигаетъ важныхъ чиновъ. и вельможи допускають его въ свой кругъ. Бѣдный дворянинъ Державинъ, за свой талантъ, самъ дѣлается вельможею,—и между людьми, съ которыми сблизилъ его литература, онъ нашолъ по однихъ меценатовъ, яо и друзей. Казанскій купецъ Кляmentsъ, написавшій балладу «Громвалъ», пріѣхавъ въ Москву по дѣламъ, пошелъ познакомиться съ Карамзиннымъ, а черезъ него перезнакомился со всѣмъ московскимъ литературнымъ кругомъ. Это было назадъ тону сорокъ *лѣтъ*, когда купцы ѣздивали только въ переднія дворянскія домовъ, и то по дѣламъ, съ товарами или за должкомъ, обѣ уплатѣ котораго смиренно докучали. Первые журналы русскіе, которыхъ и самыя нына теперь забыты, издавались кружками молодыхъ людей, сблизившихся между собою чрезъ общую имъ всѣмъ страсть къ литературѣ. Образованность равняетъ людей. И въ наше время уже нисколько не рѣдкость встрѣтить дружескій кружокъ, въ которомъ найдется и знатный баринъ, и разночвнецъ, и купецъ, и мѣщанинъ,—кружокъ, члены котораго совершенно забыли раздѣляющія ихъ вѣншія разлчія и взаимно уважають другъ въ другъ просто людей. Вотъ истинное начало образованной общественности, созданное у насъ литературою. Кто изъ мыслящихъ право на имя чловѣка не аожелаетъ отъ всей души, чтобъ эта общественность росла в увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, какъ росли наши сказочные богатыри! Какъ все живое, общество должно быть органическимъ, то есть множествомъ людей, евлзанныхъ между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акція, балы, собранія, танцы—тоже связь, но только вѣншняя, слѣдовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая в полезная. Внутренне связываютъ людей общіе нравственные интересы, сходство въ понятіяхъ, равенство въ образованіи и, при этомъ, взаимное уваженіе къ своему чловѣческому достоинству. Но всѣ наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивалась до сихъ поръ и еще долго будетъ сосредоточиваться исключительно въ литературѣ: она живой источникъ, изъ котораго просачиваются въ общество всѣ чловѣческія чувства и понятія...

«Любовь къ крайностямъ въ сужденіяхъ—одно изъ свойствъ еще не установившейся натуры русской: русскій чловѣкъ любить или не въ иѣру хвастаться, или не въ мѣру скромничать.

«Приставьте къ одной изъ этихъ партій, она сейчасъ же произведетъ васъ въ великіе люди, въ гевія, тогда какъ другая возвеивидитъ и объявитъ бездарнымъ чловѣкомъ. Но, во всякомъ случаѣ, имѣя враговъ, вы будете имѣть и друзей. Держась же безпристрастнаго, *трезваго* вѣншія объ этомъ предметѣ, вы возстановите противъ себя обѣ стороны. Одна изъ нихъ обременитъ васъ своимъ моднымъ, попугайнымъ презрѣніемъ; другая, пожалуй, объявитъ насъ чловѣкомъ безпокойнымъ, опаснымъ, подозрительнымъ, репегатомъ и будетъ писать на васъ литературныя донесенія—разумѣется, публикѣ... Самое неприятное тутъ то, что вы не будете поняты, и въ вашихъ словахъ будутъ находить то вsumѣренныя похвалы, то неумѣренную брань, но не будутъ ввдѣть въ нихъ вѣрной характеристики факта дѣйствительности, какъ онъ есть, со всѣмъ его добромъ и зломъ, достоинствами и недостатками, со всѣми противорѣчіями, которыя онъ несетъ въ самомъ себѣ. Это особенно прилагается къ нашей литературѣ, которая представляетъ собою столько крайностей и противорѣчій, что, свазавъ о ней что нибудь утвердительное, тотчасъ же должно сдѣлать оговорку, которая

большинству публики, больше любящему читать, нежели разсуждать, легко может показаться отрицаніемъ или противорѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, свазавъ о сильномъ и благотворномъ вліяніи нашей литературы на общество и, слѣдовательно, о ея великой для насъ важности, мы должны оговориться, чтобы этому вліянію и этой важности не приписали болыпихъ размѣровъ, нежели какіе мы разумѣли, и, такимъ образомъ, не вывели бы изъ нашихъ словъ такого заключенія, что мы ве только имѣемъ литературу, но еще и богатую литературу, которая смѣло можетъ стать наравнѣ съ любой европейскою литературою. Подобное заключеніе было бы всячески ложно. У насъ есть литература, и литература, богатая талантами и произведеніями, если брать въ соображеніе ея средства и молодость,—но наша литература существуетъ только для насъ: для иностранцевъ же она еще вовсе ве литература, и они имѣютъ полное право не признавать ея существованія, потому что они не могутъ черезъ нее изучать и узнавать насъ, векъ народъ, какъ общество. Литература ваша слишкомъ молода, неопредѣленна и безцвѣтна для того, чтобы иностранцы могли видѣть въ ней фактъ нашей умственной жизни...

«Для иностранцевъ интереснѣе другихъ были бы въ хорошихъ переводахъ тѣ созданія Пушкина и Лермонтова, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни. Такимъ образомъ, *Евгеній Онѣгинъ* былъ бы для иностранцевъ интереснѣе *Моцарта и Сальери, Скупого Рыцаря и Каменного Гостя*. И вотъ почему самый интересный для иностранцевъ русскій поэтъ есть Гоголь. Этотъ успѣхъ понятенъ: кромѣ огромности своего художническаго таланта, Гоголь строго держится въ своихъ сочиненіяхъ сферы русской *житейской* дѣйствительности. А это-то всего и интереснѣе для иностранцевъ: они хотятъ черезъ поэта знакомиться съ странкою, которая произвела его. Въ этомъ отношеніи Гоголь—самый національный изъ русскихъ поэтовъ, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причинѣ самой національности его сочиненій, и въ лучшемъ переводѣ не можетъ не ослабиться ихъ колоритъ.

«Но и этимъ успѣхомъ не должно слишкомъ заноситься. Для поэта, который хочетъ, чтобы гений его былъ признанъ вездѣ и всѣми, а не одними только его соотечественниками, національность сеть первое, но не единственное условіе: необходимо еще, чтобы, будучи *національнымъ*, онъ въ то же время былъ и *всемірнымъ*, то есть, чтобы національность его твореній была формою, тѣломъ, плотью, фізіономіею, личностію духовнаго и безплотнаго міра общечовѣческихъ идей. Другими словами: необходимо, чтобы національный поэтъ имѣлъ великое *историческое* значеніе не для одного только своего отечества, но чтобы его явленіе имѣло *всемірно-историческое* значеніе. Такіе поэты могутъ являться только у народовъ, призванныхъ играть въ судьбахъ човѣчества *всемірно-историческую* роль, то есть свою національною жизнью имѣть аліаніе на ходъ и развитіе всего човѣчества. И потому, если, съ одной стороны, безъ великаго гевія отъ природы, нельзя быть *всемірно-историческимъ* поэтомъ, то, съ другой стороны, и съ великимъ гевіонъ иногда можно быть не *всемірно-историческимъ* поэтомъ, то есть имѣть важность только для одного своего народа. Здѣсь значеніе поэта зависитъ уже не отъ него самого, не отъ его дѣятельности, направленія, гевія, но отъ значенія страны, которая произвела его. Съ этой точки зрѣнія, у насъ нѣтъ ни одного поэта, котораго мы имѣли бы право поставить наравнѣ съ первыми поэтами Европы».

Таланты есть повсюду и всегда; но не одни только таланты нужны для того, чтобы литература имѣла положительное достоинство, только содержаніе придаетъ истинную цѣну ея произведеніямъ.

«Почти каждый образованный французъ считаетъ необходимымъ имѣть въ своей бібліотекѣ всѣхъ своихъ писателей, которыхъ общественное мнѣніе признало классическими. И онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ всю жизнь свою. У насъ—что грѣхъ тавтъ?—не всякій записной литераторъ считаетъ за нужное имѣть старыхъ писателей. И вообще у насъ всѣ охотнѣе покупають новую книгу, нежели старую; старыхъ писателей у насъ почти никто не читаетъ, особенно тѣ, которые всѣхъ громче кричать о

ихъ геніи и славѣ. Это отчасти происходитъ оттого, что наше образованіе еще не установилось и образованные потребности еще не обратились у насъ въ привычку. Но тутъ есть и другая, можетъ быть, еще болѣе существенная причина, которая не только объясняетъ, но частію и оправдываетъ это нравственное явленіе. Французы до сихъ поръ читаютъ, напримѣръ, Рабле, или Паскаля, писателей XVI и XVII вѣка; тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что этихъ писателей и теперь читаютъ и изучаютъ не одни французы, но и нѣмцы, и англичане.— словомъ, люди всѣхъ образованныхъ націй. Языкъ этихъ писателей, и особенно Рабле, устарѣлъ: но *содержаніе* ихъ сочиненій всегда будетъ имѣть свой живой интересъ, потому что оно тѣсно связано со смысломъ и значеніемъ цѣлой исторической эпохи. Это доказываетъ ту истину, что только *содержаніе* можетъ спасти отъ забвенія писателя».

Источникъ, изъ котораго возникаетъ богатая литература,—богатство и сила умственной жизни въ обществѣ. У насъ этого еще нѣтъ:

«Вообще, вмѣстѣ съ удивительными и быстрыми успѣхами въ умственномъ и литературномъ образованіи, проглядываютъ у насъ какая-то незрѣлость, какая-то шаткость и неопредѣленность. Истинны, въ другихъ литературахъ давно сдѣлавшіяся аксіомами, давно уже не возбуждающія споровъ и не требующія доказательствъ, у насъ все еще не подвергались сужденію, еще не всѣмъ извѣстны.

«Вспомните только, что произведеніе, вѣрно схватывающее какія нибудь черты общества, считается у насъ часто пасквилемъ, то на общество, то на сословіе, то на лица. Отъ нашей литературы требуютъ, чтобы ова видѣла въ дѣйствительности только героевъ добродѣтели да мелодраматическихъ злодѣевъ, и чтобы она и не подозрѣвала, что въ обществѣ можетъ быть много смѣшныхъ, странныхъ и уродливыхъ явленій. Каждый, чтобы ему было широко и просторно жить, готовъ, еслибъ могъ, запретить другимъ жить. Явился у насъ писатель, юмористическій талантъ котораго имѣлъ до того сильное вліяніе на всю литературу, что далъ ей совершенно новое направленіе. Его стали порочить. Хотѣли увѣрить публику, что онъ—Поль-де-Кокъ, живописецъ грязной, неумытой и непричесанной природы. Онъ не отвѣчалъ никому и шагъ себѣ впередъ. Публика, въ отношеніи къ нему, раздѣлилась на двѣ стороны, изъ которыхъ самая многочисленная была рѣшительно противъ него, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей раскупить, читать и перечитывать его сочиненія. Наконецъ и большинство публики стало за него: что дѣлать порицателямъ? они начали признавать въ немъ талантъ, даже большой, хотя, по ихъ словамъ, идущій и не по настоящему пути, но, вмѣстѣ съ этимъ, стали давать звать и намекали прямо, что онъ, будто бы, унижаетъ все русское, оскорбляетъ почтенное сословіе чиновниковъ, и т. п. Всѣ мнѣнія находятъ у насъ мѣсто, просторъ, вниманіе и даже послѣдователей. Что же это, если не незрѣлость и не шаткость общественнаго мнѣнія? Но, со всѣмъ этимъ, истина и здравый вкусъ все-таки идугъ твердыми шагами и овладѣваютъ полемъ этой безпорядочной битвы мнѣній. Все это доказываетъ, что и литература и общество наше еще слишкомъ молоды и незрѣлы, но что въ нихъ кроется много здоровой жизненной силы. Общающей богатое развитіе въ будущемъ».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Продолжаемъ наши извлеченія изъ статей Бѣлинскаго. Намъ остается анализировать два послѣднія его годовыхъ обзорѣнія русской литературы—за 1846 и 1847 годы («Совр.» 1847 года, № 1, и 1848 года, №№ 1 и 3). Эти два обзорѣнія, вмѣстѣ съ статьей «Петербургскаго Сборника», отрывки изъ которой привели мы въ предъидущей главѣ, представляютъ довольно полное выраженіе общихъ литературныхъ воззрѣній Бѣлинскаго. Для перваго раза, эти извлеченія съ достаточною ясностью возобновляютъ въ памяти читателей личность гениальнаго нашего критика. Прійдетъ время, кто нибудь скажетъ намъ что нибудь новое, что нибудь лучшее. Въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ есть свѣжія силы, есть стремленіе впередъ, есть залогомъ для развитія болѣе живаго и широкаго, нежели все предъидущее. Пусть воспоминанія о Бѣлинскомъ утратятъ большую часть нынѣшняго живаго своего интереса для современности. Чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше. А пока,—пока онъ все еще остается незамѣнимъ для нашей литературы.

«Взглядъ на русскую литературу 1846 года» начинается замѣчаніями о томъ, что характеръ современной русской литературы состоитъ въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью и дѣйствительностью, и что подобная характеристика можетъ быть умѣстна только относительно литературы очень молодой, мало еще развившейся, и начавшейся въ подражаніе иностраннымъ литературамъ, а не изъ самостоятельной національной жизни, что отрѣшеніе отъ подражательности, постепенное достиженіе самобытности есть главная черта въ исторіи нашей литературы, что и доказывается фактами. Выписки изъ этой части обзора были нами приводимы въ предъидущихъ главахъ. Наконецъ, говоритъ Бѣлинскій, въ произведеніяхъ Гоголя и писателей, имъ воспитанныхъ, наша литература явилась самобытною, стала вѣрнымъ изображеніемъ русской дѣйствительности и оттого получила въ глазахъ общества важное значеніе, какого прежде, по отсутствію живаго содержанія, она не имѣла. Въ беллетристикѣ старое риторическое направленіе совершенно безсильно; но въ беллетристики оно проявляется такъ называемымъ славянофильствомъ.

«Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III было выше Петра Великаго. а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы. сели даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство, безъ всякаго сонія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно въ нихъ относится — это другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полного уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе несогласны. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе: во разсмотрѣвъ его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. Поэтому нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что они говорятъ противъ гнѣющаго будто бы Запада, но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственного единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумианъ, которые хорошо умѣютъ мыслить по французски, по нѣмецки и по англійски, но никакъ не чѣютъ мыслить по-русски, и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно наслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ згѣ вайти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофиловъ не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили, если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чѣмъ бы онѣ ни были — о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ, равно бесплодно и вредно, потому что сонъ есть не жизнь, а только грезы о жизни: и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьезнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и наметнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: *Быть или не быть?* Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли варяги, съ запада или съ юга, изъ-за Балтійскаго, или изъ-за Чернаго моря, а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая нибудь живая органическая мысль, и если проходитъ, какая именно; какія наши отношенія къ нашему прошлому, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдовацій начинаетъ оказываться, что, во первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть, какъ, во многихъ отношеніяхъ, смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ насчетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, заблѣвивъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи побѣдки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная къмъ, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться русскими. Что же

вес это означает?—Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великого только лишила насъ народности и сдѣлала междоумкамъ? И неужели они правы, говоря, что вамъ надо воротиться къ общественному устройству и правамъ врененъ не то баснословнаго Гостомысла, ве то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?..

«Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполне исчерпала, нажила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, нвѣ самоі себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей врененамъ—неужели это значить развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и переимѣнить порядокъ годовыхъ врененъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью—лѣто. Это значило бы еше признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть, до самаго 1812 года—эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, вакимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ везчаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человекъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ живнаго народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшать всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавъ неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а ве маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи, санихъ себя на основаніи уже узанааннаго вамъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора вамъ перестать *жазаться*, а начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и еяропейскія формы и вѣшность принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потономъ только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно человѣческое, и, на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ я все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго.

«Повторяемъ: славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но гѣмъ не менѣе ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта и, находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другаго рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это яе легко, но возможно! Они забыли, что новая петровская Россія такъ же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впоследствии должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи, Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвѣтъ и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскому легче усвоить себѣ взглядъ француза, англичанина или нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, по русски, потому что то готовый взглядъ, съ котораго равно легко знакомить его и наука и современная дѣятельность, тогда какъ онъ, въ отношеніи къ самому себѣ, еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки в ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть вѣчто грустное, но зато какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скор аго свершенія своихъ желаній; но скороспѣлость ненадежна:

вамъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что французы, англичане, нѣмцы такъ національны каждый по своему, что не въ состояніи понимать другъ друга,—тогда какъ русскому равно доступны и социальность француза, и практическая дѣятельность англичанина, и туманная философія нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами, другіе выводятъ изъ этого, весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: потому что, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддаваться подлѣ подлѣ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко принимать чужіе; но поддаваться подлѣ чужую жизнь не значить жить, понять чужіе интересы не значить усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но все совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни завистливо оно. Прежде всего мы сважемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкого политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто-внѣшней жизнью. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; во кону же не извѣстно, что его крѣпость и сила—до поры до времени?.. Намъ, русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честью одно суровое испытаніе судьбы, не разъ были на краю гибели и всегда успѣвали спастись отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь; мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но каково это слово, какова мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана явя...

«Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности,—въ этомъ заключаются равно и его слабая и его сильныя стороны. Слабая потому, что этой многосторонности, дѣйствительно, много помогать его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностью, что эта независимость только *показывается* этой многосторонности; а едва ли можно сказать съ какою нибудь достовѣрностью, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что было бы слишкомъ снѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ, личныхъ выводовъ, мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее еодержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но емѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія»...

«...На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятъ въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложений общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными за счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Какъ—скажутъ намъ—я истина, и добродѣтель—понятія относительныя»? Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны. Идея истины и добра признавались всѣми народами, во всѣ вѣка; но тѣ непреложная истина, что добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другаго народа, въ другой вѣкъ. Поэтому безусловный или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но на-

чего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался гѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался гѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

«Вотъ точна зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы? — о народности, о дѣйствительности. На что больше всего нападаютъ они?—на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе о дѣйствительности совершенно новое; на романтизмъ прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одному искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о народности имѣло прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы, по разниці въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судить теперь объ этихъ предметахъ — вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности, вопросъ о народности сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародіи, и не любить, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдкѣхъ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопотуть выдумать свое, и неявно, намеками уважываютъ намъ на *емиреніе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ известныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны; для француза какъ и для русскаго, для англичанина какъ и для турка; но что она едва-ли можетъ одна составить то, что называется «народностью». Притомъ же этотъ взглядъ, можетъ быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ вашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостью, нежели *емиреніемъ*; татарамъ поддалась мы совсѣмъ не отъ смиренія (что было бы для насъ не честию, а безчестіемъ, какъ и для всякаго другаго народа), а по безевлію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ даже прозванъ былъ «гордымъ»; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Дмитрій Донской мечемъ, а не смиреніемъ предсказалъ татарамъ вонецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоаннъ III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смиреніемъ. Только слабый Феодоръ составляеть исключеніе изъ правила. И вообще, какъ то странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ничтожное Московское княжество сдѣлалось сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійскою имперіею, приоемнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлороссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Фвляндію, Кавказъ. Конечно, въ русской исторіи можно найти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найти ихъ, и чѣмъ какойнибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Феодору Іоанновичу?.. Толкуютъ еще о любви, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ галльскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ что кто-то изъ этихъ «нѣкоторыхъ» рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлились мы не только отъ татаръ, но и отъ нашествія Наполеона. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и такъ же не можетъ быть исключительно принадлежностью одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово. Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ

чисто юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнетеніе приняло видъ не произвола, а закона. У славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ «кроткихъ и любовныхъ» патріархальныхъ отношеній. Но долго-ли продолжался этотъ патріархальный бытъ, и что мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе не любовныя—хитраго вонтеля Олега, суроваго вонтеля Святослава, потомъ Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владимира, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, окажутъ, занесли къ намъ варяги и—прибавимъ мы отъ себя—положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ хлопотать. Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви и настоящаго сивренія. Пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ времёнъ, до половины XVIII столѣтія, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена славянъ. Гдѣ жъ тутъ любовь, какъ національное начало? Національнѣе началонъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началонъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его неисторическимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальныя права, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужъ не возвратятся-ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жъ бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ—младенцемъ?...

«Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность?—Конечно, то, что мы называемъ его духовностью, то есть чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ? — Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съиздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто нравственныхъ они лечатъ иногда средствами чисто матеріальными, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произростала, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усиливаетъ плодотворность этой земли. — Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство? — Прекрасно! такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное бѣненіе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?— Прекрасно! — такъ останавливайтесь же въ благоговѣнномъ изумленіи и передъ этою массою мозга, гдѣ происходитъ всѣ умственные отправленія, откуда по всему организму распространяются, чрезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которые суть органы ощущенія и чувствъ. Иначе, вы будете въ человѣкѣ удивляться слѣдствію мимо причины, или, что еще хуже — сочините свои, небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физиологію, также несостоятельна, какъ и физиологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовлетворялась и этимъ химическимъ анализонъ; хочеть она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбрионъ (зародышемъ) прослѣдить таинственный процессъ развитія организма. Но это внутренній міръ физиологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результаты, выказываются наружѣ въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это — не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы видимъ и слышимъ и чувство, и умъ, и волю. Умъ безъ плоти, безъ физіоніи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ — это человѣкъ въ тѣлѣ, или лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, личность. Посмотрите: сколько нравственныхъ отгѣнковъ въ человѣческой

натурѣ: у одного умъ едва занятенъ изъ-за сердца, у другаго сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ въ дѣло, да ничего сдѣлать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля, да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходить или вздоръ, или зло. Перечестъ этихъ оттѣнковъ такъ же невозможно, какъ перечестъ различій фizioномій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ людей найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листа, совершенно схожіе между собою. Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы оболочены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой нравственные качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любить человѣка, любить его всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любить въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать. Нѣ саномъ дѣлѣ, какъ бы опредѣляли и называли вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его фizioноміи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его не похожимъ на другихъ, и за что именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа?—Вѣдь съ нимъ не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ, — а умерло только грубо матеріальное, случайное? Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминанія о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣняютъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминаніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но зато оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть моя большая,
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

«Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей, близкихъ повту; но что передаетъ поэтъ потомству въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ что нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собой совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гете и Жоржъ-Сандомъ общаго только то, что всѣ они — великіе поэты...

«Но что же это за личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и гению и безъ которой все или фантастическая мечта или логическая отвлеченность? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно, ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнитизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, все-таки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе всего, что все, что мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни норова, ни безобразія...

«Что личность въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* *человѣчества*. Другими словами: народности суть личности *человѣчества*. Безъ національностей *человѣчество* было бы мертвымъ логическимъ абстрактномъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я

скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди. какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорить, какъ такое-то нападѣе такой-то логики... Но въ частію, я надѣюсь остаться на сношѣхъ нѣтъ, не переходя ни къ кону.

«Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ — человѣкъ; но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во-первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она его можетъ вмѣстить въ себя, а, во-вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и, потому самому, есть ограниченіе человѣческой сущности: ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его гениальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т. е. сдѣлать ихъ существованіе ненужнымъ), но даже и одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи; но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ; но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *національность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу изъ низа, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

«Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ, есть не болѣе, какъ риторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается чрезъ заимствованіе у другаго, онъ тѣмъ менѣе совершается національно. Иначе, нѣтъ прогресса. Въ наше время народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть, по преимуществу, время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ, и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцемъ, а только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А, между тѣмъ, они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-бессильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основнаго пеласгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, а все-таки остались римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а отъ того, что были послѣдними представителями исчерпавшаго всю жизнь своего древняго міра, долженствовавшаго обновиться чрезъ христіанство и тевтонскіхъ варваровъ. Французская литература рабски подражала греческой и латинской, наввно грабила ихъ заимствованіями, — и все-таки осталась національно-французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII вѣка вышло изъ Англіи, но французы дотого умѣли его усвоить себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у нихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.»

Таково отношеніе Бѣлинскаго къ вопросу о народности. Онъ думаетъ, что въ сущности о ней нечего и заботиться народу, имѣющему нравственный силы. Она такъ же неотъемлема и несокрушима, какъ физиологическія особенности народа, потому что и сама, подобно имъ, врождена отъ природы. Мнимая борьба человѣческаго съ національнымъ—продолжаетъ онъ—въ сущности есть только борьба новаго съ старымъ, современнаго съ отжившимъ.

Итакъ, толковать о народности едва-ли не значить попусту терять слова; но въ стремленія, изъ котораго возникли эти толки, есть смыслъ: онъ заключается въ тонъ, что каждый народъ долженъ заниматься изученіемъ и улучшеніемъ своей дѣйствительной жизни. Начатки этого направленія видитъ Бѣлинскій теперь въ нашей литературѣ, а въ этихъ начаткахъ — близость ея къ зрѣлости и возмужалости. Наша литература, съ появленіемъ Гоголя, занялась дѣломъ. «Въ этомъ отношеніи дошла она до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрее и плодovitѣе будетъ ея развитіе».

Этимъ оканчивается общая часть предпоследняго годичнаго обзора русской литературы. Слѣдующій, послѣдній обзоръ («Совр.» 1848, №№ 1 и 3) является въ своей общей части, какъ бы продолженіемъ предъидущаго. Читатели помнятъ, что направленіе, которое теперь владычествуетъ въ нашей литературѣ, получило, при своемъ появленіи, названіе натуральной школы, и что десять лѣтъ тому назадъ натуральная школа была предметомъ ожесточенныхъ нападеній со стороны всѣхъ отсталыхъ писателей. Теперь мы видимъ, что поднялись противъ такъ называемаго отрицательнаго направленія толки, совершенно подобныя тѣмъ, какіе прежде поднимались противъ натуральной школы. Вся разница только въ замѣненіи термина «натуральная школа» другимъ, а предметъ неудовольствія отсталыхъ критиковъ остается одинъ и тотъ же. Бѣлинскій отвѣчаетъ на всѣ упреки противъ натуральной школы съ полнотою, которая не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ; онъ исторіею доказываетъ неизбѣжность нынѣшняго направленія литературы, эстетику совершенную законность его, нравственными потребностями нашего общества необходимость его:

«Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы; насколько не преувеличивая дѣла по какимъ нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ: а какіе журналы пользуются большею извѣстностью, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и большее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которыя принадлежатъ натуральной школѣ или, лучше сказать, читаются для публикою романы и повѣсти, не принадлежащія къ натуральной школѣ? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ; на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу?»

«Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было не разъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбіи Сумарокова и Тредьяковскаго. Но это согласіе доказывало

только безжизненность тогдашней так называемой литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздалась воля, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ нравамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, ввось возсталъ русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ, и тѣмъ болѣе бесплоднымъ напряженіемъ, отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т. е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей, воли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получало свое значеніе, свою значительность, все — даже противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ того времени. Но что вся эта тревога въ сравненіи съ бурей, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды и распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русской поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и — повѣрить ли теперь этому? — для общественной нравственности. Что же за причина, что противники всякаго движенія вперед во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и тоже и почти одними и тѣми же словами?

«Причина этого скрывается тамъ же, гдѣ надобно искать и происхожденія натуральной школы — въ исторіи нашей литературы. Въ лицѣ Кантемира, русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ Державинѣ (его оды «Къ Фелицѣ», «Вельможѣ», «На счастье» едва ли не лучшія его произведенія, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія, въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ его торжественныхъ одахъ), въ басняхъ Хенницера и въ комедіяхъ фовъ-Визина, отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ уже рѣже переходитъ въ преувеличеніе и карикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтической. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается воплоти художественною; натурализмъ становится отличительною характеристическою чертою его поэзіи. Зато овъ первый и подвергся упрекамъ за изображенія «низкой природы». Наконецъ явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной. Цыганскій таборъ съ оборванными шатрами между колесами телегъ, съ пляшущимъ медвѣдсѣй и нагими дѣтьми въ перевидныхъ корзинкахъ на ослагахъ, былъ тоже неслышанною дотогѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности, тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дразнами: около двухъ-трехъ лицъ, опознанныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣище, какъ уроды, какъ исключеніе изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами! Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

«Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью, къ натуральности. Между этими попытками были очень замѣчательныя; но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колен. Вѣсь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на воли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословій, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ каждаго. Это называлось тогда *народностью*. Но эта народность слишкомъ отзывалась тогда маскарадностью: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженныхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ гениальный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ей вышій. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но докончить, довершить дѣло предоставлено было другому таланту. Съ появленіемъ «Миргорода» и «Арабесокъ» (въ 1835 году) и «Ревизора» (въ 1836) начинается полная

озвѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Вѣдше теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно в добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важнаго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественнонъ нѣннн. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было въ свое время направленіе Карамзина, оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковского, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, но за нихъ были имена корнфсева нѣмецкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легіе слѣды ихъ вліянія; а съ другой стороны, его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы и аліяніемъ Байрона—авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи, всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе ихъ выкинуть изъ головы, забыть о ихъ существованіи; а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе едѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Гоголь находится къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе; но кто укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Скупой Рыцарь», «Галубъ», могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» идеализировалъ помѣщичій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій—отрицаніе; всякое отрицаніе, чтобы быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имѣ идеала, и этотъ идеалъ у Гоголя такъ же не свой, т. е. не туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что по поводу сочиненій Гоголя уже никакъ не возможно предположить вопроса: какъ доказать, что они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою поразительною вѣрностію и истинною, разумеется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

«Литература ваша началась подрижательностію. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ риторической стремилась сдѣлаться естественною, *натуральною*. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ емсль и душу исторіи нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ руссконъ пиватѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только чрезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратитъ все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныхъ только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя; но это-то люди стараго образованія и выѣннютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этими онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйстви-

тельности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ *типахъ*, а *идеалъ* тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя стяновигъ другъ къ другу авторъ созданный имъ типы, сообразно съ мыслию, которую онъ хотѣть развить своимъ произведешемъ.

«Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросались на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже приобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивъ свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники ея думали унижить названіемъ натуральной. Послѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которыя прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходы противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее? Обвиненій немного, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея будто бы постоянныя нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія, одни искренно, другіе умышленно, видѣли зловмѣренныя каррикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго знанія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, извозчиковъ, дворниковъ, описываютъ *углы*, убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные. Мы же напомнимъ имъ, что первая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинимъ, и ея героиня была оболоченная петиметромъ крестьянка—*бѣдная Лиза*... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной *барышнѣ*. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая пшеница. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне. Старая пшеница позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ при этомъ изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ пойти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, который Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку Кузьмою: онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противоположному правилу: возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же, послѣ этого, не любить и не чтить старой пшеницы тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, конечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой пшеницы. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще за то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. «Бывало—говорятъ они—поэзія поучала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же, къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человѣкъ, и во имя милаго или милой сердца водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ были бѣдность и нужда, и благородныя слезы орошали благодѣтельную руку—и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что

онъ становится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивуюю, баба—родъ centaвра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого вто пола существо; *углы* — убѣжище нищеты, отчаяннѣе и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какойнибудь пьянюшка подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы,— все это списывается съ ватуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь— жди ночью тяжелыхъ сновъ... Такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой шитки. Въ сущности ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, затѣмъ отказалась она быть тремучкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать... Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями,—и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ ходили на нихъ. Да читайте свои старыя сказки—никто вамъ не нѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственные совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего... Но этому полюбовному раздѣлу нѣшаетъ другая причина—згоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ челоѣка обезпеченнаго, можетъ быть, богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся спокойно въ вольтеровскія кресла съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминномъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ,—и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы,—и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволновалъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ такъ хорошо живутъ, какъ онъ, что есть *углы*, гдѣ подъ лохмотьями отъ холоду дрожитъ цѣлое семейство, можетъ быть, недавно еще знавшее довольство,—что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копѣйка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія... И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта... А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку... Прочь ее! «Книга должна пріятно развлекать; я а безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ.—Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забываетъ свое горе, голодный свой голодь, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другаго любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а деверъ не было; управляющій его, Никита Федорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать: съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга рассказываетъ ему подвиги его Никиты Федорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привышнаго подобострастно служить чужинъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то поручено править нѣмѣемъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!.. Представьте теперь себѣ еще въ такомъ комфортномъ состояніи челоѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посыкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинагѣ, нѣтъ «малую толику». Всѣ читаютъ—надо и ему читать; но что находить онъ въ книгѣ?—свою біографію, да еще какъ вѣрно рассказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похождения его жизни—тайна для всѣхъ, и ни одному сочинителю неоткуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшонъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: «Вотъ какъ пишутъ нѣмѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! такъ-ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ вѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!»

Есть особый родъ читателей, который не любитъ встрѣчаться даже въ кнѣгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно незнающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищенствъ, по ихъ противоположности съ роскошными будуарами

и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокоумнымъ презрѣніемъ, ироническою улыбкою... Кто они такіе, эти феодальныя бароны, гнушающіеся «подлою чернью»? Не спѣшите спрашивать о нихъ въ герольдическія книжки или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ, они если выдали большой свѣтъ, то не иначе, какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенные окна, на сколько позволяли сторы и занавѣски...

«Что за охота наводнять литературу мужиками?» воевлѣчаютъ они. Въ ихъ глазахъ писатель—ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что, въ отношеніи выбора предметовъ сочиненія, писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ, ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой—мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что любитъ, чѣмъ интересуется, то и знаетъ лучше, а что лучше знаетъ, то лучше и изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ; оно неудовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа—вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ—человѣкъ... Божественное слово любви и братства не втѣмъ огласило міръ. То, что прежде было обязанностію только призванныхъ лицъ или добродѣтельно немногихъ избранныхъ натуръ,—это самое дѣлается теперь обязанностію обществу, служить признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ, въ нашъ вѣкъ, вездѣ заняты всѣ участію низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатые вѣчными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбежнаго слѣдствія—безразличности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной, патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуютъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не человѣколюбіе. Пусть такъ, да когда же и гдѣ же изъ лучшихъ человѣческихъ дѣяній не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ же сказать, что только такіе побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники такихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ толпу, не одушевлены болѣе высокими и благородными побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви въ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! Это-ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

«Могло-ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества? Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва-ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе учредила его, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна-ли и благородна-ли такая роль; но за все-то и нападаютъ на литературу иные. Мы думаемъ, что довольно показали, изъ какихъ источниковъ выходить эти нападки и чего они стоятъ... («Совр.» 1848 года, т. VII «Русская Литер.», стр. 10—26).

Послѣ того, Бѣлинскій оправдываетъ натуральную школу съ эстетической точки зрѣнія, развивая истинныя понятія о сущности и значенія искусства. Этотъ эпизодъ былъ уже представленъ нами въ приложеніи къ седьмой главѣ «Очерковъ».

Мы привели въ извлеченіи всѣ важнѣйшія страницы общей части обоихъ послѣднихъ годовыхъ обзорѣній Бѣлинскаго. Во второй половинѣ того и другаго обзорѣнія, гдѣ дается оцѣнка замѣчательнѣйшихъ литературныхъ явленій предшествовавшаго года, особеннаго вниманія заслуживаетъ одна общая черта: ученые труды, преимущественно по русской исторіи, разсматриваются съ такою же подробностью, какъ и беллетристическія произведенія. Этого прежде не было: объ ученыхъ книгахъ представлялись только краткія сужденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время дѣятельности Бѣлинскаго одна отрасль нашей ученой литературы, именно разработка русской исторіи, благодаря трудамъ новой исторической школы (гг. Соловьевъ, Кавелинъ и другіе), получила для общества важность, какой не имѣла прежде. Съ того времени это общее сочувствіе къ ученымъ вопросамъ постепенно возрастаетъ, и мало по малу наше общество начинаетъ расширять кругъ своихъ умственныхъ интересовъ. Въ послѣднее время, мы даже видѣли, что журналъ, вызывающій къ себѣ вниманіе публики преимущественно статьями ученаго содержанія, пользуется въ публикѣ вниманіемъ не меньшимъ того, какое обращено на журналы, услугъ которыхъ основанъ преимущественно на беллетристикѣ и беллетристической критикѣ. Пятнадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ едва ли было бы возможно такое явленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ новый прогрессъ въ умственной жизни нашей публики благотворнымъ образомъ отразится и на развитіи всей нашей литературы. Бѣлинскій предугадывалъ это, и вотъ причина того, что въ послѣднее время онъ почелъ необходимымъ расширить горизонтъ своихъ годовыхъ обзорѣній, обративъ на труды по русской исторіи столько же вниманія, какъ и на произведенія изящной словесности. Если бы въ настоящее время мы имѣли критиковъ, подобныхъ ему, конечно, они увидѣли бы возможность и необходимость еще болѣе расширить кругъ нашей критики.

Выписки наши изъ статей Бѣлинскаго были многочисленны и обширны. Легко было бы замѣнить ихъ изложешемъ ихъ содержанія; но читатель, вѣроятно, одобряетъ тотъ методъ, которому мы слѣдовали. Наши статьи имѣли цѣлью не только историческое изложеніе различныхъ направленій русской критики: мы хотѣли также указать на основанія, отъ которыхъ не должна уклоняться современная критика, если не хочетъ впадать въ безсиліе, мелочность, пустоту. Справедливыя понятія объ этомъ были высказываемы у насъ Бѣлинскимъ, и на его критику до сихъ поръ надобно смотрѣть не только какъ на замѣчательное историческое явленіе, но также и какъ на руководительный примѣръ. Наши собственныя слова не имѣли бы того авторитета, какой имѣютъ его слова. Кромѣ того, если бы мы не приводили его мнѣній его собственными словами, инымъ, быть можетъ, вздумалось бы говорить, что мы приписываемъ Бѣлинскому мнѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ: мы уже говорили, что память у многихъ изъ насъ очень коротка. Выписки изъ Бѣлинскаго предупреждаютъ возможность такого сомнѣнія, и придаютъ мыслямъ, которыя должны быть считаемы справедливыми, авторитетъ, который немногіе рѣшатся отвергать.

Два важные принципа особенно должны быть хранимы въ нашей памяти, когда дѣло идетъ о литературныхъ сужденіяхъ: понятіе объ отношеніяхъ литературы къ обществу и занимающимъ его вопросамъ; понятіе о современномъ

положенія нашей литературы и условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ ея развитіе. Оба эти принципа были выставлены Бѣлинскимъ, какъ вѣдѣющія основанія нашей критики, разъясняемы со всею силою его діалектики и постоянно примѣняемы имъ къ дѣлу, успѣхъ котораго и зависѣлъ въ значительной степени отъ ихъ соблюденія. Съ того времени, какъ писалъ Бѣлинскій, развитіе наше не сдѣлало столь значительныхъ успѣховъ, чтобы его мысли потеряли прямое отношеніе къ нашему настоящему, и кто заботится объ истинѣ, по необходимости до сихъ поръ держится литературныхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ былъ онъ въ нашей критикѣ.

Во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности только тѣ направленія достигаютъ блестящаго развитія, которыя находятся въ живой связи съ потребностями общества. То, что не имѣетъ корней въ почвѣ жизни, остается вяло и блѣдно, не только не приобретаетъ историческаго значенія, но и само по себѣ, безъ отношенія къ дѣйствию на общество, бываетъ ничтожно. Когда дѣло идетъ о стремленіяхъ и фактахъ, принадлежащихъ къ сферамъ матеріальной, научной и общественной жизни, эта истина признается безспорно всѣми. Когда дѣло идетъ о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, также ни одинъ сколько нибудь свѣдущій человѣкъ не будетъ спорить противъ мысли, что каждое изъ этихъ искусствъ достигало блестящаго развитія только тогда, когда это развитіе условливалось общими требованіями эпохи. Скульптура процвѣтала у грековъ только потому, что была выраженіемъ господствующей черты въ ихъ жизни,—выраженіемъ страстнаго поклоненія красотѣ формъ человѣческаго тѣла. Готическая архитектура создала дивныя памятники только потому, что была служительницею и выразительницею средневѣковыхъ стремленій. Итальянская школа живописи произвела дивныя картины только потому, что была выразительницею стремленій общества въ томъ вѣкѣ и въ той странѣ, служила духу вѣка, состоявшему въ сліяніи классическаго поклоненія красотѣ человѣческаго тѣла съ заоблачными стремленіями среднихъ вѣковъ.

Страннымъ исключеніемъ изъ общаго закона была бы литература, если бы могла производить что нибудь замѣчательное, отрѣшаясь отъ жизни. Но мы уже говорили въ одной изъ прежнихъ статей, что такихъ случаевъ никогда и не бывало. Какимъ же образомъ можетъ находить себѣ защитниковъ такъ называемая теорія «чистаго искусства» (искусства небывалаго и невозможнаго), требующая отъ литературы, чтобы она исключительно заботилась только о формѣ? Тутъ все основано на томъ, что приверженцы такъ называемаго чистаго искусства сами не замѣчаютъ истиннаго смысла своихъ желаній или хотятъ вводить другихъ въ заблужденіе, говоря о чистомъ искусствѣ, котораго никто не знаетъ и никто, ни сами они, не желаетъ. Не останавливаясь на общей фразѣ, которою завѣдомо или безъ вѣдома для самихъ себя прикрываютъ они свои истинныя желанія, надобно ближе всмотрѣться въ факты, свидѣтельствующіе о ихъ стремленіяхъ, надобно посмотрѣть, въ какомъ духѣ сами они пишутъ и въ какомъ духѣ написаны произведенія, одобряемы ими, и мы увидимъ, что они заботятся вовсе не о чистомъ искусствѣ, независимо отъ жизни, а, напротивъ, хотятъ подчинить литературу исключительно служенію одной тенденціи, имѣющей чисто житейское значеніе. Дѣло въ томъ, что есть люди, для которыхъ общественные интересы не существуютъ, кото-

рымъ извѣстны только личныя наслажденія и огорченія, независимыя отъ историческихъ вопросовъ, движущихъ обществомъ. Для этихъ изящныхъ эпикурейцевъ жизнь ограничивается тѣмъ горизонтомъ, который обнимается поэзіе Анакреона и Горація: веселая бесѣда за умѣреннымъ, но изысканнымъ столомъ, комфортъ и женщины,—больше не нужно для нихъ ничего. Само собою разумѣется, что для такихъ темпераментовъ равно скучны всѣ предметы, входящіе изъ круга эпикурейскихъ идей; они хотѣли бы, чтобъ и литература ограничивалась содержащемъ, которымъ ограничивается ихъ собственная жизнь. Но прямо выразить такое желаніе значило бы обнаружить крайнюю нетерпимость и односторонность, и для прикрытія служатъ имъ фразы о чистомъ искусствѣ, независимомъ, будто бы, отъ интересовъ жизни. Но скажите, развѣ хорошій столъ, женщины и пріятная бесѣда о женщинахъ не принадлежать къ житейскимъ фактамъ, наравнѣ съ нищетою и порокомъ, злоупотребленіями и благородными стремленіями? развѣ поэзія, если бы рѣшилась ограничиться застольными пѣснями и эротическими бесѣдами, не была бы все-таки выразительницею извѣстнаго направленія въ жизни, служительницею извѣстныхъ идей? Она говорила бы намъ: «пойте и любите, наслаждайтесь и забавляйтесь, не думая ни о чемъ больше»; она была бы проповѣдницею эпикуреизма, а эпикуреизмъ точно такъ же философская система, какъ стоицизмъ и платонизмъ, какъ идеализмъ и матеріализмъ, и проповѣдывать эпикуреизмъ значитъ просто на просто быть проповѣдникомъ эпикуреизма, а не служителемъ чистаго искусства.

Итакъ, вотъ къ чему сводится вопросъ о такъ называемомъ чистомъ искусствѣ: не къ тому, должна или не должна литература быть служительницею жизни, распространительницею идей,—она не можетъ ни въ какомъ случаѣ отказаться отъ этой роли, лежащей въ самомъ существѣ ея,—яѣтъ, вопросъ сводится просто къ тому: должна ли литература ограничиваться эпикурейскою тенденціею, забывая обо всемъ, кромѣ хорошаго стола, женщинъ и бесѣды на аттической манерѣ съ миртовыми вѣнками на головахъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ? ¹⁾ Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть затруднителенъ. Ограничивать литературу изящнымъ эпикуреизмомъ значитъ до негѣпости стѣснять ея границы, впадать въ самую узкую односторонность и нетерпимость. Нѣтъ нужды на односторонность отвѣчать другою односторонностью; за остракизмъ, которому защитники такъ называемаго чистаго искусства хотѣли бы подвергнуть всѣ другія идеи и направленія литературы, кромѣ эпикурейскаго, нѣтъ нужды платить остракизмомъ, обращеннымъ противъ эпикурейской тенденціи, хотя она скорѣе всякой другой тенденціи заслуживала бы осужденія, какъ нѣчто праздное и пошловатое. Нѣтъ, избѣгая всякихъ односторонностей, скажемъ, что эпикурейское настроеніе духа, существуя въ жизни, имѣетъ право выражаться и въ литературѣ, которая должна обнимать собою всю жизнь. Но справедливость требуетъ сказать, что вообще эпикуреизмъ можетъ играть важную роль въ жизни только немногихъ людей, расположенныхъ къ нему по

¹⁾ Само собою разумѣется, мы здѣсь говоримъ только о томъ, какой смыслъ имѣть теорія чистаго искусства въ наше время. Здѣсь насъ занимаетъ настоящее, а не давно минувшее.

натурѣ и обстановленныхъ въ жизни исключительно благопріятными обстоятельствами; потому и въ литературѣ эпикурейское направленіе можетъ приходить по вкусу только немногимъ счастливымъ празднолюбцамъ, а для огромнаго большинства людей такая тенденція всегда казалась и будетъ казаться безвкусна или даже рѣшительно противна. Если же рѣчь переходить къ настоящему времени, то надобно замѣтить, что оно рѣшительно неблагоприятно для эпикуреизма, какъ время разумнаго движенія, а не празднаго застоя, и такъ какъ эпикуреизмъ въ жизни для нашего времени есть занятіе холодно-эгоистическое, слѣдовательно, вовсе не поэтическое, то и въ литературѣ эпикурейское направленіе нашего времени, по необходимости, запечатлѣвается холодною мертвенностью. Поэзія есть жизнь, дѣйствіе, страсть; эпикуреизмъ въ наше время возможенъ только для людей бездѣйственныхъ, чуждыхъ исторической жизни, потому въ эпикуреизмѣ нашего времени очень мало поэзіи. И если справедливо, что живая связь съ разумными требованіями эпохи даетъ энергію и успѣхъ всякой дѣятельности человѣка, то эпикуреизмъ нашего времени не можетъ создать въ поэзіи ровно ничего сколько нибудь замѣчательнаго. Дѣйствительно, всѣ произведенія, напечатанныя нашими современниками въ этой тенденціи, совершенно ничтожны въ художественномъ отношеніи: они холодны, натянуты, безцвѣтны и реторичны.

Литература не можетъ не быть служительницей того или другаго направленія идей: это назначеніе, лежащее въ ея натурѣ,—назначеніе, отъ котораго она не въ силахъ отказаться, если бы и хотѣла отказаться. Послѣдователи теоріи чистаго искусства, выдаваемого намъ за нѣчто долженствующее быть чуждымъ житейскихъ дѣлъ, обманываются или притворяются: слова «искусство должно быть независимо отъ жизни» всегда служили только прикрытіемъ для борьбы противъ не нравившихся этимъ людямъ направленій литературы, съ цѣлью сдѣлать ее служительницею другаго направленія, которое болѣе приходилось этимъ людямъ по вкусу. Мы видѣли, чего хотятъ защитники теоріи чистаго искусства въ наше время, и едва ли можно думать, чтобы ихъ слова могли имѣть какое нибудь вліяніе на литературу, какъ скоро смыслъ этихъ словъ открытъ. Нашему времени нѣтъ никакой охоты для эпикуреизма забыть обо всемъ остальномъ, и литература никакъ не можетъ подчиниться этому узкому и мелкому направленію, чуждому здоровымъ стремленіямъ вѣка.

Нельзя насильно дать себѣ одушевленія тѣмъ, что не возбуждаетъ одушевленія въ нашей натурѣ. Или врожденные качества темперамента, или опытъ жизни, размышленіе и наука, а не произвольное напряженіе фантазіи приводятъ человѣка къ живому сочувствію всякой доброй, здоровой и благородной идеѣ. Есть люди, неспособные искренно одушевиться участіемъ къ тому, что совершается силою историческаго движенія вокругъ нихъ: для такихъ писателей бесполезно было бы накладывать на себя маску патетическаго одушевленія современными вопросами,—пусть они продолжаютъ быть, чѣмъ хотятъ: великаго ничего не произведутъ они ни въ какомъ случаѣ. Но тѣ писатели, въ которыхъ природа или жизнь соединила съ талантомъ живое сердце,—тѣ писатели должны дорожить въ себѣ этимъ прекраснымъ сочетаніемъ таланта съ мыслью, дающею силу и смыслъ таланту, дающею жизнь и красоту ея произведеніямъ. Они должны сознавать, что ихъ благородное сердце, ихъ про-

свѣщенный умъ ведутъ ихъ по прямой, по единственной дорогѣ къ славѣ, внушая имъ потребность дѣйствовать на пользу историческаго развитія, быть служителями идей гуманности и улучшенія человѣческой жизни.

Это равно относится къ литературѣ каждой страны, отъ Испаніи до Россіи, Швеціи и Италіи. Но кромѣ общихъ условій, зависящихъ отъ самой натуры предмета, для литературной дѣятельности каждаго народа есть свои частныя условія, зависящія отъ особенныхъ обстоятельствъ народной жизни.

Въ Германіи, Англіи, Франціи, гдѣ умственная жизнь развилась уже на множество отдѣльных самостоятельныхъ отраслей, дальнѣйшіе успѣхи каждой умственной дѣятельности занисать преимущественно отъ появленія гениальныхъ людей. Въ Германіи, напримѣръ, нынѣ нѣтъ беллетристовъ, подобныхъ Диккенсу и Теккерю, и въ этомъ состоитъ единственная причина жалкаго состоянія нѣмецкой беллетристики, которое и продлится до той поры, пока явятся гениальные писатели. Условія, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее развитіе русской литературы, совершенно не таковы. Они лежатъ въ публикѣ. Литература можетъ вызывать публику къ умственной дѣятельности, но не можетъ ни замѣнить собою публику, ни существовать безъ поддержки со стороны публики. Мы говоримъ не о матеріальной поддержкѣ (хотя и въ этомъ отношеніи русская литература находится въ положеніи вовсе неудовлетворительномъ: въ пятнадцать лѣтъ вышли только два изданія Пушкина, и оба изданія вмѣстѣ не составляютъ и 10,000 экземпляровъ), но о нравственной поддержкѣ, которая гораздо важнѣе и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще очень слаба, чтобы не сказать: совершенно ничтожна. Помѣщались стихи въ журналахъ—публика читала стихи, находила, что книжка журнала безъ стиховъ какъ-то не полна; вдругъ журналы стали являться безъ стиховъ—публика ничего не сказала противъ этого; потомъ опять появились въ журналахъ стихи—публика нашла, что, дѣйствительно, журналъ выигрываетъ, помѣщая стихотворенія.—Теперь пишутся романы изъ простонароднаго быта—публика находитъ это направленіе полезнымъ. Прекрасно. Но пусть перестанутъ писаться романы изъ простонароднаго быта, что скажетъ публика?—Теперь публика болѣе всего интересуется русскими повѣстями. Превосходный романъ Теккеря не читается съ такою жадностью, какъ посредственная русская повѣсть; а когда является повѣсть дѣйствительно хорошая, восторгъ публики безпредѣленъ. Но если бы вдругъ перестали писаться русскія повѣсти, какъ вы думаете, что сказала бы русская публика?

Нельзя упрекать нашу публику въ отсутствіи сочувствія къ литературѣ; нельзя упрекать ее и въ неразвитости вкуса. Напротивъ, отъ особеннаго положенія нашей литературы, составляющей самую живую сторону нашей духовной дѣятельности, и отъ состава нашей публики, къ которой принадлежатъ всѣ наиболѣе развитые люди, въ другихъ странахъ мало интересующіеся беллетристикою и поэзіею,—отъ этихъ особенностей происходитъ то, что ни одна въ мірѣ литература не возбуждаетъ въ образованной части своего народа такой горячей симпатіи къ себѣ, какъ русская литература въ русской публикѣ, и едва ли какаго нибудь публики такъ здраво и вѣрно судить о достоинствѣ литературныхъ произведеній, какъ русская. Самъ Байронъ не былъ для англичанина предметомъ такой гордости, такой любви, какъ для насъ Пушкинъ.

Издание сочинений Байрона не было для англичанина национальное дело, какимъ недавно были для насъ изданія Пушкина и Гоголя. Вотъ вамъ факты относительно сочувствія публики; а за развитость ея вкуса ручаются тысячи случаевъ. Не говоримъ объ оцѣнкѣ публикою нашихъ собственныхъ писателей, которая вообще очень справедлива. Но какую замѣчательную здравость вкуса обнаруживаетъ постоянно наша публика и въ оцѣнкѣ иностранныхъ писателей! Французы восхищаются до сихъ поръ Викторомъ Гюго и Ламартиномъ—кто у насъ раздѣляетъ эту ошибку? Англичане до сихъ поръ ставятъ Бульвера наравнѣ съ Диккенсомъ и Теккереемъ—у насъ кто не видитъ разницы между этими писателями? Нечего намъ гордиться такимъ превосходствомъ: оно происходитъ единственно оттого, что у насъ занимается чисто литературными вопросами та часть общества, которая въ Англии и Франціи уже не хочетъ удостоивать своимъ вниманіемъ этихъ, какъ тамъ кажется, мелочей. Но какъ бы то ни было, отчего бы то ни происходило, не подлежитъ сомнѣнію, что наша публика обладаетъ, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, двумя драгоцѣннѣйшими для развитія литературы качествами: горячимъ сочувствіемъ къ литературѣ и замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ на нее. Недостаетъ нашей публикѣ только одного: сознанія своего вліянія на литературу. Потому литература зависитъ отъ каприза случайностей.

Девять лѣтъ, прошедшія послѣ смерти Бѣлинскаго, были безплодны для исторіи критики, и мы останавливаемся на обзорѣ дѣятельности Бѣлинскаго, потому что нечего больше сказать о русской критикѣ, лучшимъ и современнымъ выраженіемъ которой остаются до сихъ поръ его статьи. Но словесность наша не совершенно бездѣйствовала въ это время. Напротивъ, поэты и беллетристы, образовавшіеся въ школѣ Бѣлинскаго или дѣйствующіе въ духѣ, представительницею котораго была его критика, достигли первенства въ нашей литературѣ только уже въ послѣдніе годы его жизни или послѣ его смерти. Въ критикѣ не нашлось людей, способныхъ продолжать начатое имъ; но словесность, какъ могла, продолжала развиваться въ направленія, на которое указывалъ онъ. Въ тѣ годы, писатели новаго направленія еще только завоевывали себѣ прочное положеніе въ литературѣ; теперь они рѣшительно господствуютъ въ ней. Если обстоятельства позволяютъ намъ исполнить во всемъ размѣръ планъ, по которому начаты наши «Очерки», и первая часть котораго—обзорѣіе критики—нами кончена, то мы должны будемъ обзорѣвать во второй части нашего труда дѣятельность русскихъ поэтовъ и беллетристовъ, начиная съ Гоголя до настоящаго времени. Отдѣльными изданіями произведеній нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей доставляютъ намъ случай опредѣлить ихъ значеніе для литературы въ отдѣльныхъ статьяхъ, которыя, однакожъ, будутъ имѣти непосредственное отношеніе къ общей системѣ нашихъ «Очерковъ».